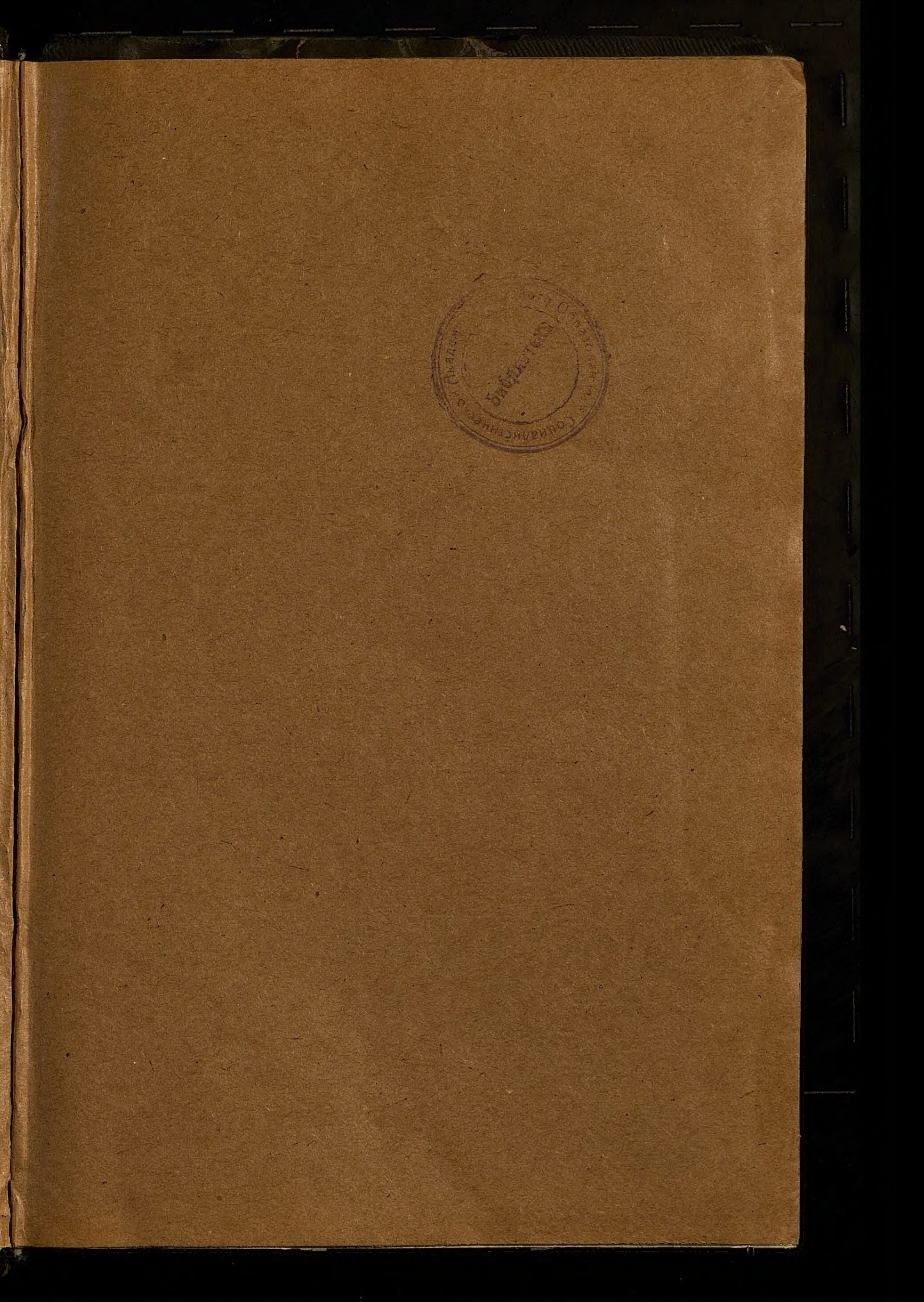
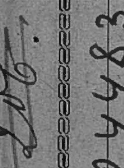
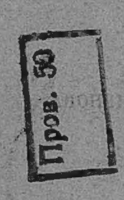

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ІЮЛЬ.
1882.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1882.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCXXII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1882.

Средняя Подьяческая, № 1.
2371.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (15-го марта 1882 г.) О наименованіи Киржачскаго женскаго училища Александровскимъ и о предоставленіи учредителю училища личнаго права пожизненнаго предсѣдательствованія въ педагогическомъ совѣтѣ сего училища.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія, высочайше соизволилъ.

1. Предоставить Киржачскому женскому училищу наименованіе Александровскаго, по имени въ Бозѣ почившаго Императора Александра II;

и 2. Предоставить учредителю училища, потомственному почетному гражданину Соловьеву личное право пожизненнаго предсѣдательствованія въ педагогическомъ совѣтѣ училища, когда онъ присутствуетъ въ семъ училищѣ.

2. (22-го апрѣля 1882 г.). О наименованіи начальнаго народнаго училища въ с. Воржи, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Маріинскимъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволилъ на присвоеніе начальному народному училищу въ с. Воржи, Ростовскаго уѣзда, Ярослав-

ской губерніи, наименованія „Маріинскаго", по августѣйшему имени Государыни Императрицы, согласно ходатайству о томъ мѣстныхъ крестьянъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

(№ 7). Производится за отличіе: почетный членъ археологическаго института, чиновникъ особыхъ порученій V класса при министерствѣ финансовъ, статскій совѣтникъ Эдуардъ Розенбаумъ—въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Назначаются: помощникъ директора императорской публичной библіотеки, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, членъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Бычковъ—директоромъ Императорской публичной библіотеки, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ.

Чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шелашниковъ—чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія.

Чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ почтоваго управленія, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія и собственной Его Императорскаго величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, въ званіи камеръ-юнкера, статскій совѣтникъ Хрущовъ — чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ службы по другимъ вѣдомствамъ и съ оставленіемъ членомъ особаго отдѣла ученаго комитета.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ особаго отдѣла ученаго комитета сего министерства по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, коллежскій совѣтникъ Авсѣенко—чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ членомъ особаго отдѣла ученаго комитета.

Утверждаются: въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ Геращеневскій — почетнымъ попечителемъ Каменецъ-Подольской гимназіи, на три года, съ 1-го апрѣля 1882 года.

Потомственный почетный гражданинъ Стахѣевъ — почетнымъ попечителемъ Елабужскаго реальнаго училища, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: кандидату Императорскаго Варшавскаго университета Афанасьеву—по 1 мая 1882 года.

Командируются съ ученою цѣлію: а, въ Россіи и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ Минхъ — на лѣтнее вакаціонное время 1882 года.

Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ Видеманъ—на щесть недѣль и лѣтнее вакаціонное время 1882 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Дитятинъ—на одинъ годъ, съ 15 августа 1882 г.

и б, за границу: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣевъ, на одинъ мѣсяцъ въ вакаціонное время 1882 г.

Доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ Кеслеръ—на два мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяцъ съ 28 марта 1882 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Андреевъ—на два мѣсяца, съ 1-го августа 1882 года.

Заслуженные ординарные профессоры Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительные статскіе совѣтники Эргардтъ и Ѳеофилактовъ; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Св. Владиміра — дѣйствительный статскій совѣтникъ, Томса, статскіе совѣтники Баранецкій, Бецъ и Субботинъ Московскаго—коллежскій совѣтникъ графъ Комаровскій и Варшавскаго—статскій совѣтникъ Будиловичъ и Мѣржинскій, и экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Карѣевъ—на лѣтнее вакаціонное время 1882 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Люгебиль и ученый кузнецъ Казанскаго ветеринарнаго института, надворный совѣтникъ Кальнингъ—съ 20 мая по 15 августа 1882 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Кочубинскій — на лѣтнее вакаціонное время 1882 года и двадцать дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бабухинъ на лѣтнее вакаціонное время 1882 года и 28 дней.

Прозекторъ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій ассесоръ Браунъ—на четыре мѣсяца и тринадцать дней.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ Сабанѣевъ—на четыре съ половиною мѣсяца.

Ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—коллежскій совѣтникъ Первольфъ и Новороссійскаго—статскій совѣтникъ Кондаковъ—на пять мѣсяцевъ; изъ нихъ Первольфъ съ 1-го мая 1882 г., а Кондаковъ съ 15-августа 1882 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета Герье—на одинъ годъ, съ 1-го августа 1882 г.

Продолжается срокъ отпуска за границу: учителю Московской третьей гимназіи, статскому совѣтнику Марцъ-де-Лонжевилю—на четыре мѣсяца.

Увольняются въ отпускъ: попечитель Одесскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Лавровскій — въ разныя губерніи Россіи, на два мѣсяца, съ 15-го іюня 1882 г., по болѣзни.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета Эрисманъ—за границу, съ 1-го мая по 15-е сентября 1882 года.

(№ 8). Назначается: членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой—президентомъ Императорской академіи наукъ, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 16-й день апрѣля 1882 года., пожаловать нижепоименованныхъ лицъ, оказавшихъ своею дѣятельностію и пожертвованіями пользу учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, орденами: Св. Анны 2 ст.: члена Верхнеднѣпровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, коллежскаго ассессора Александра Чуйкевича и почетнаго попечителя Нарвской гимназіи, коммерціи совѣтника, инженеръ-технолога Адольфа Гана; Св. Станислава 2 степ.: почетнаго блюстителя Наумовскаго одноклассная начальнаго училища

министерства народнаго просвѣщенія, Бѣлгородскаго уѣзда, отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра Николая Мандрыку и почетнаго блюстителя Бирюльскаго приходскаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Карпа Сапожникова, послѣдняго съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зн. отл. т. I. Св. зак. изд. 1876 г.; Св. Анны 3 степени: члена Екатеринославскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, коллежскаго совѣтника Петра Бѣльченко и попечителя и содержателя частнаго въ гор. Козловѣ начальнаго мужскаго училища, 1-й гильдіи купеческаго сына Митрофана Дмитріева, послѣдняго съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. ор. и др. зн. отл. т. I Св. зак. изд. 1876 г., и Св. Станислава 3 степени: почетнаго блюстителя Бековскаго (Сердобскаго уѣзда) 2-хъ класснаго народнаго училища, титулярнаго совѣтника Михаила Устинова, члена Верхнеднѣпровскаго училищнаго совѣта, отставнаго штабсъ-ротмистра Василія Абазу и почетнаго блюстителя Корнештскаго однокласснаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, отставнаго подпоручика Михаила Михайлова, и медалями съ надписью „за усердіе": для ношенія на шеѣ: золотыми: на Андреевской лентѣ: редактора русскаго энтомологическаго общества, 2 гильдіи купца Николая Ершова; на Александровской лентѣ: почетнаго смотрителя Ревельскаго 3-хъ класснаго городскаго училища, Ревельскаго 2 гильдіи купца Александра Братынкина и попечителя Георгіевскаго города Тулы училища, Тульскаго 2 гильдіи купца Николая Лялина; на Владимірской лѣнтѣ; Колыванскаго 1 гильдіи купца Гавріила Пастухова и Московскаго 2 гильдіи купца Ефима Соколова; на Аннинской лентѣ: почетнаго блюстителя Пудожскаго приходскаго училища, Олонецкой губерніи, потомственнаго почетнаго гражданина, Пудожскаго 2 гильдіи купца Александра Базегскаго, члена Мининскаго братства въ Нижнемъ Новгородѣ, попечителя Нижегородскаго Рождественскаго начальнаго народнаго училища, Нижегородскаго 1 гильдіи купца Алексанра Вяхирева, бывшаго почетнаго смотрителя Нахичеванскаго уѣзднаго училища, 1 гильдіи купца Ивана Попова, почетнаго блюстителя Тюменскаго Знаменскаго приходскаго училища, Тюменскаго 1 гильдіи купца Аверьяна Матонина, почетнаго блюстителя 2-хъ класснаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Ракахъ, Пронскаго уѣзда, Пронскаго 2 гильдіи купца Якова Өеоктистова, почетнаго смотрителя Новомосковскаго уѣзднаго училища, 2 гильдіи купца Ивана Петренко, попечителя Кишиневскаго 5-го приходскаго училища,

купца Леопольда Качулкова и почетнаго блюстителя Флоровскаго 2-хъ класснаго училища, члена пріюта для крещеныхъ въ православную вѣру еврейскихъ дѣтей, слесарно-газовыхъ и водопроводныхъ дѣлъ мастера Ивана Никитина; на Станиславской лентѣ: попечителя Богословскаго начальнаго, народнаго училища, Дмитровскаго уѣзда, потомственнаго почетнаго гражданина Василія Аигина, почетнаго смотрителя Самарскаго городскаго 4-хъ класснаго училища, 1 гильдіи купца Петра Субботина, почетнаго попечителя Бѣльской мужской прогимназіи, Бѣльскаго 2 гильдіи купца Ѳеодора Рѣзникова, члена попечительнаго совѣта Дорогобужской женской прогимназіи Дорогобужскаго 2 гильдіи купца Петра Гальцова, почетнаго блюстителя, Дмитріево-Погостинскаго одноекласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Егорьевскаго уѣзда, Егорьевскаго 2 гильдіи купца Ѳеодора Суетина, почетнаго блюстителя Пурехскаго начальнаго училища, Балахнинскаго уѣзда, 2 гильдіи купца Алексѣя Зубкова, попечителя 3-го Харьковскаго приходскаго училища и начальнаго народнаго училища въ селеніи Песочинѣ, Харьковской губерніи и уѣзда, Харьковскаго 2 гильдіи купца Ивана Шаховскаго, почетнаго смотрителя Ростовскаго 3-хъ класснаго городскаго училища, 2 гильдіи купца Михаила Шахова, Бѣлгородскаго 2 гильдіи купца Ѳеодора Морозова, гласнаго Омской городской думы, Омскаго купеческаго сына 2 гильдіи Семена Козьмина и почетнаго блюстителя Лысковскаго 2-хъ класснаго начальнаго народнаго училища Министерства народнаго просвѣщенія, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, Царскосельскаго купца Евграфа Стогова; серебряными: на Аннинской лентѣ: почетнаго блюстителя, Ганчештскаго 2-хъ класснаго народнаго училища, гражданина Мартына Назарова, Духовщинскаго городскаго голову, 1 гильдіи купца Ермолая Горбатова, почетнаго смотрителя Мамадышскаго городскаго 3-хъ класснаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина, 1 гильдіи купца Ивана Щербакова, почетнаго смотрителя Суздальскаго городскаго 3-хъ класснаго училища, члена Суздальскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и попечителя Суздальскихъ приходскихъ училищъ, Суздальскаго 2 гильдіи купца Павла Бѣлова, почетнаго блюстителя Знаменскаго приходскаго училища, Верхоленскаго 2 гильдіи купца Михаила Серебренникова и члена попечительнаго совѣта Вязниковской женской прогимназіи, товарища директора общественнаго банка и почетнаго члена совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, Вязниковскаго

временнаго купца Юлія Винкельмана; на Станиславской лентѣ: курьера департамента народнаго просвѣщенія, личнаго почетнаго гражданина Сергѣя Дѣева, почетнаго смотрителя Верхнеднѣпровскаго 2-хъ класснаго городскаго училища, 1 гильдіи купца Григорія Коренева, попечителя русско-караимскаго общественнаго училища въ г. Екатеринославѣ, 2 гильдіи купца Давида Джигита, почетнаго блюстителя Кондушскаго уѣзда, Вытегорскаго уѣзда, Вытегорской 2 гильдіи купца Андрея Игнатьева, почетнаго блюстителя Васильевскаго 2-хъ класкаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Шуйскаго уѣзда, Шуйскаго 2 гильдіи купца Павра Севрюгова, почетнаго смотрителя Романо-Борисоглѣбскаго 3-хъ класснаго городскаго училища, 2 гильдіи купца Ивана Лыкова, церковнаго старосту при Смоленской гимназической Александро-Невской церкви, Смоленскаго 2 гильдіи купца Павла Мачульскаго, попечителя Дорогобужскаго городскаго приходскаго училища, Дорогобужскаго 2 гильдіи купца Василія Смирнова, почетнаго блюстителя 2-хъ класснаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Аграфениной Пустыни, Рязанскаго уѣзда, Рязанскаго 2 гильдіи купца Ѳедора Печатина, попечителя Ефремовскаго городскаго приходскаго училища, Ефремовскаго 2 гильдіи купца Василія Вавилова, Царскосельскаго 2 гильдіи купца Ѳедота Медкова, почетнаго блюстителя Ново-Водолажскаго двухкласснаго начальнаго училища, Валковскаго уѣзда, Валковскаго 2 гильдіи купца Александра Чернышева, попечителя Соминскаго начальнаго народнаго училища, Устюженскаго уѣзда, 2 гильдіи купца Павла Муравьева, бывшаго попечителя Азовскаго городскаго приходскаго мужскаго 2-хъ класснаго училища, 2 гильдіи купца Михаила Мачалина, члена попечительнаго совѣта Сарапульскаго реальнаго училища, Сарапульскаго 2 гильдіи купца Петра Зылева, почетнаго блюстителя Свято-Николае-Иннокентіевскаго приходскаго училища, Иркутскаго 2 гильдіи купца Филиппа Перевалова, почетнаго блюстителя Олонскаго приходскаго училища, крестьянина Идинской волости, временнаго Балаганскаго 2 гильдіи купца Егора Кудрявцева, ктитора Новгородской гимназической церкви, купца Дмитрія Воронова, члена попечительнаго совѣта Кишиневской талмудъ-торы, купца Самуила Ливищца, завѣдывающаго Оршанскимъ 2-хъ класснымъ начальнымъ еврейскимъ училищемъ Эздру Абольника, учителя Виленской казенной еврейской школы русской грамотности № 1 Исаака Каценеленбогена, бывшаго учителя Кишиневскаго казеннаго еврейскаго училища 1-го разряда Абрама Ліо-

на, завѣдывающаго Кишиневскою талмудъ-торою, губернскаго раввина Льва Харика, предсѣдателя Тульской мѣщанской управы и попечителя мѣщанскаго въ городѣ Тулѣ начальнаго училища съ пріютомъ при немъ, называемымъ „Михайловскимъ", Тульскаго мѣщанина Михаила Морозова, секретаря Зарайской городской управы и мѣщанскаго старосту, мѣщанина Михаила Сафонова и волостнаго старшину Новоселицкой волости, Хотинскаго уѣзда, крестьянина Афанасія Чекана; золотыми: для ношенія на груди: на Аннинской лентѣ: почетнаго блюстителя Гдовскаго приходскаго училища, Гдовскаго мѣщанина Антона Штенгеля и почетнаго блюстителя Петергофскаго женскаго приходскаго училища, Гдовскаго мѣщанина Карла Штенгеля; на Станиславской лентѣ: попечителя Голицынскаго народнаго училища, Мышкинскаго уѣзда, волостнаго старшину Голицынской волости Григорія Савинова и попечителя Рябовскаго начальнаго народнаго училища, волостнаго старшину Любанской волости, Новгородскаго уѣзда, крестьянина Михаила Липатова; серебряными: на Аннинской лентѣ: старшину Васильевской волости Мышкинскаго уѣзда Ивана Сѣдова, старшину Плосковской волости Мышкинскаго уѣзда Прокопія Бардышева, старшину Кубейской волости, поселянина-собственника села Кальчевой, Аккерманскаго уѣзда, Павла Малину, почетнаго блюстителя Камратскаго 2-хъ класснаго мужскаго народнаго училища, поселянина Георгія Каранфила, попечителя Барвенковскаго мужскаго и женскаго начальныхъ училищъ и почетнаго блюстителя Барвенковскаго 2-хъ класснаго сельскаго училища, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, государственнаго крестьянина Ѳедора Ищенко, попечителя Лысковскаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Макарьевскаго уѣзда, крестьянина Михаила Крупнова, попечителя и содержателя начальнаго народнаго училища въ деревнѣ Суковкѣ, Рылянской волости, Юхновскаго уѣзда, крестьянина Михаила Кутасова, попечителя Подберезскаго начальнаго народнаго училища Новгородскаго уѣзда, Подберезскаго волостнаго старшину, крестьянина Гавріила Баланина и почетнаго блюстителя Тутурскаго приходскаго училища, крестьянина Верхоленской волости Александра Тарасова; и на Станиславской лентѣ: почетнаго блюстителя 2-хъ класснаго мужскаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Дѣдиновѣ, Зарайскаго уѣзда, крестьянина села Дѣдинова, временно-Зарайскаго 2-й гильдіи купца Андрея Пономарева, почетнаго блюстителя 2-хъ класснаго училища министерства народнаго

просвѣщенія въ селѣ Ижевскомъ, Спасскаго уѣзда, крестьянина села Ижевскаго, временнаго Спасскаго 2-й гильдіи купца Василія Алфутова, попечителя сельскаго Маркоуцкаго народнаго училища, Хотинскаго уѣзда, Пантелея Рынжу, попечителя Солонянской сельской школы, Екатеринославскаго уѣзда, Петра Морозова, попечителя Прилукскаго начальнаго училища, Мышкинскаго уѣзда, церковнаго старосту села Прилукъ Емеліана Качалова, попечителя Архангельскаго народнаго училища Мышкинскаго уѣзда, волостнаго старшину Архангельской волости, Трифона Смирнова, попечителя народной земской школы въ селеніи Граденицы, Одесскаго уѣзда, крестьянина-собственника Граденицкой волости Савелія Николаева, почетнаго блюстителя Темрюкскаго 2-хъ класснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Маріупольскаго уѣзда, крестьянина-собственника Корнелія Петренко, старосту селенія Тажбунаръ, Измаильскаго уѣзда, поселянина Константина Ромалійскаго, крестьянина села Кріушъ, Тушникской волости, Симбирскаго уѣзда, Ивана Капралова, почетнаго блюстителя Крючковскаго 2-хъ класснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Тихвинскаго уѣзда, крестьянина Ефима Смѣлкова, попечителя Николаевскаго сельскаго училища, Павлогородскаго уѣзда, крестьянина Петра Ляльку, почетнаго блюстителя Русановскаго, Борисоглѣбскаго уѣзда, 2-хъ класснаго сельскаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, крестьянина Ивана Опритова, почетнаго блюстителя Каменскаго приходскаго училища, казака торговаго общества Петра Сущенкова, почетнаго блюстителя Николаевскаго приходскаго училища, казака Василія Лишина и учителя столярнаго и токарнаго мастерствъ при ремесленномъ классѣ Новгородскаго городскаго училища, Новгородскаго мѣщанина Алексѣя Смирнова.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (12-го мая 1882 г.). Уставъ ссудо-сберегательной кассы служащихъ при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

А. Цѣль и составъ кассы.

§ 1. Ссудо-сберегательная касса устроивается съ цѣлью доставить членамъ ея возможность получать ссуды и помѣщать свои сбереженія.

§ 2. Членами кассы могутъ быть всѣ лица, состоящія на государственной службѣ при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ и получающія штатное жалованье.

Б. Управленіе кассы.

3. Дѣлами кассы завѣдываютъ: а) Правленіе и б) Общее собраніе дольщиковъ.

Правленіе.

§ 4. Правленіе состоитъ изъ 3-хъ членовъ и 3-хъ къ нимъ кандидатовъ, избираемыхъ ежегодно большинствомъ голосовъ всѣхъ участвующихъ въ общемъ собраніи дольщиковъ.

Въ случаѣ болѣзни или отсутствія члена правленія, мѣсто его занимаетъ кандидатъ.

Члены правленія выбираютъ изъ своей среды распорядителя кассы.

Членъ правленія за неправильныя дѣйствія, причинившія убытки кассѣ, можетъ быть привлеченъ, по постановленію общаго собранія, къ имущественной отвѣтственности.

§ 5. Правленіе представляетъ кассу во всѣхъ сношеніяхъ съ посторонними мѣстами, лицами и судебными учрежденіями, въ качествѣ истца и отвѣтчика, и дѣйствуетъ въ силу и на основаніи сего устава, безъ особой на то довѣренности. Вслѣдствіе сего правленіе пользуется правомъ избирать отъ себя повѣренныхъ, снабжая ихъ законною довѣренностью, на общемъ основаніи.

Мѣстопребываніе правленія назначается въ Варшавѣ.

Правленіе имѣетъ печать съ надписью: „Правленіе ссудо-сберегательной кассы при И. В. У.

§ 6. Предметы вѣдомства правленія суть слѣдующіе: а) пріемъ новыхъ дольщиковъ кассы; б) полученіе и возвратъ взносовъ и выдача ссудъ; в) помѣщеніе капиталовъ, согласно опредѣленію общаго собранія; г) утвержденіе расчетовъ кассы съ дольщиками; д) составленіе ежемѣсячныхъ балансовъ; е) составленіе годовыхъ докладовъ и отчетовъ по веденію дѣлъ кассы и по приходу и расходу суммъ, равно какъ и составленіе приходо-расходной смѣты на слѣдующій годъ; ж) составленіе баланса кассы и распредѣленіе чистой прибыли, согласно § 30 сего устава; з) предварительное обсужденіе всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію общаго собранія; и) составленіе программы занятій каждаго общаго собранія, а также созваніе общихъ

собраній дольщиковъ; к) веденіе книгъ и переписки по дѣламъ кассы.

§ 7. Правленіе ведетъ слѣдующія прошнурованныя и скрѣпленныя членами ревизіонной коммиссіи книги: а) книгу прихода и расхода суммъ кассы; б) книгу личныхъ счетовъ дольщиковъ; в) книгу для записыванія требованій дольщиковъ. Правленію предоставляется завести и болѣе книгъ, если оно признаетъ это необходимымъ.

§ 8. Книги кассы и ежемѣсячные ея балансы должны быть открыты для обозрѣнія всѣмъ дольщикамъ кассы по первому ихъ востребованію.

Общее собраніе.

§ 9. Общее собраніе состоитъ изъ всѣхъ дольщиковъ кассы, одинъ изъ которыхъ, по выбору для каждаго засѣданія, исполняетъ должность предсѣдателя, а другой—секретаря.

§ 10. Общія собранія бываютъ: а) очередныя, собираемыя правленіемъ не позже 10 дней по окончаніи кассоваго года, и б) чрезвычайныя, собираемыя въ экстренныхъ случаяхъ правленіемъ же или по требованію ревизоровъ, а также по требованію ¼ всѣхъ дольщиковъ.

§ 11. О днѣ очереднаго общаго собранія дольщики извѣщаются не позже какъ за 5 дней, о днѣ же чрезвычайнаго собранія извѣщеніе должно быть сдѣлано по крайней мѣрѣ за 3 дня. Всѣмъ предметамъ, вносимымъ на разсмотрѣніе общаго собранія, составляется программа, сообщаемая дольщикамъ одновременно съ приглашеніемъ въ общее собраніе.

§ 12. Общее собраніе считается состоявшимся, если въ немъ присутствуетъ лично или по довѣренности болѣе половины дольщиковъ. Если же созванное общее собраніе не состоялось за неявкою законнаго числа дольщиковъ, то назначается новое собраніе, которое считается состоявшимся при какомъ бы то ни было числѣ дольщиковъ. По довѣренности дольщикъ можетъ располагать не болѣе какъ однимъ голосомъ.

§ 13. Предметы занятій общихъ собраній состоятъ: а) въ разсмотрѣніи отчета правленія, замѣчаній ревизіонной коммиссіи, заявленій дольщиковъ по дѣламъ кассы; б) въ выборѣ членовъ правленія, кандидатовъ къ нимъ и ревизоровъ; в) въ назначеніи кредитныхъ учрежденій и цѣнныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщаются свободные фонды; г) въ опредѣленіи размѣра наличной суммы, находящейся въ

рукахъ правленія; д) въ утвержденіи смѣты на слѣдующій кассовый годъ; е) въ утвержденія отчисленія суммъ въ запасный капиталъ; ж) въ обсужденіи и разрѣшеніи предположеній о распредѣленіи прибылей и пополненіи недочетовъ и убытковъ; и) въ назначеніи вознагражденія занимающимся дѣлами кассы по найму; к) въ опредѣленіи объ исключеніи неисправнаго въ расчетахъ съ кассою дольщика изъ кассы; л) наконецъ, въ разсмотрѣніи всѣхъ вообще дѣлъ, превышающихъ власть правленія, равно какъ всѣхъ дѣлъ, предложенныхъ правленіемъ на разсмотрѣніе общаго собранія. Заявленія дольщиковъ въ общихъ собраніяхъ допускаются лишь въ томъ случаѣ, если содержаніе этихъ заявленій доведено было до свѣдѣнія правленія не позже какъ за 3 дня до общаго собранія.

§ 14. Въ общемъ собраніи дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ; при равенствѣ ихъ, перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя. Выборъ должностныхъ лицъ кассы производится закрытой подачей голосовъ.

§ 15. Для измѣненій въ семъ уставѣ необходимо присутствіе $^2/_3$ дольщиковъ и большинство $^3/_4$ голосовъ присутствующихъ лично и по довѣренности лицъ. Такое же присутствіе и большинство требуется для опредѣленія объ исключеніи неисправнаго въ расчетахъ съ кассою дольщика. Для рѣшенія о закрытіи кассы необходимо присутствіе $^3/_4$ дольщиковъ и большинство $^4/_5$ голосовъ.

§ 16. Опредѣленія общаго собранія заносятся въ протоколъ, составляемый секретаремъ во время самаго засѣданія и подписываемый всѣми присутствующими дольщиками, послѣ чего опредѣленія эти становятся обязательными для всѣхъ дольщиковъ.

Ревизіонная коммиссія.

§ 17. Ревизіонная коммиссія составляется изъ трехъ членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на одинъ годъ, но дѣйствія ея въ составѣ двухъ членовъ считаются вполнѣ законными. На обязанности ревизіонной коммиссіи лежитъ: ежемѣсячная и внезапная ревизія кассы, книгъ и вообще всего счетоводства, о чемъ составляются особые протоколы; разсмотрѣніе годоваго отчета, доклада баланса, книгъ и документовъ правленія, со всѣми къ нимъ приложеніями; а равно вообще состоянія всѣхъ дѣлъ кассы. Ревизіонная коммиссія передаетъ свое заключеніе по ревизіи правленію съ такимъ расчетомъ времени, что бы правленіе могло обсудить и разъяснивъ замѣчанія коммиссіи, представить ихъ со своими объясненіями общему собранію.

По разсмотрѣніи въ общемъ собраніи заключеній ревизіонной коммиссіи и по постановленіи собраніемъ по нимъ рѣшенія, ревизіонная коммиссія дѣлаетъ на обревизованномъ отчетѣ и книгахъ правленія надпись соотвѣтствующую постановленію общаго собранія.

В. Права и обязанности членовъ.

§ 18. Вступленіе въ члены кассы, а равно и оставленіе ея свободны и совершаются по письменному о томъ заявленію правленію кассы.

§ 19. Каждый изъ дольщиковъ кассы пользуется правомъ на полученіе ссуды, участвуетъ въ прибыляхъ и убыткахъ кассы въ границахъ, опредѣленныхъ 32-мъ § устава, и имѣетъ голосъ на общихъ собраніяхъ.

§ 20. Для вступленія въ члены кассы необходимо сдѣлать единовременный взносъ въ количествѣ 3-хъ рублей и затѣмъ производить ежемѣсячные взносы въ кассу въ размѣрѣ не менѣе 2% съ дѣйствительно получаемаго на руки содержанія, согласно письменному о томъ заявленію кандидата.

Вмѣсто производства ежемѣсячныхъ процентныхъ вычетовъ разрѣшается и одновременный, разъ на всегда взносъ въ размѣрѣ не менѣе ежемѣсячнаго полностью по штату жалованья, независимо отъ единовременнаго 3-хъ рублеваго взноса. Размѣръ ежемѣсячнаго вычета можетъ быть впослѣдствіи измѣняемъ по письменному заявленію. Вычеты производятся по возможности въ цѣлыхъ рубляхъ. Ежемѣсячные вычеты могутъ быть по желанію дольщика прекращены если размѣръ его доли достигъ суммы мѣсячнаго его жалованья.

§ 21. Дольщикъ, желающій получить ссуду, обращаетя съ заявленіемъ къ правленію кассы, которое, за вычетомъ процентовъ и другихъ слѣдуемыхъ къ удержанію денегъ, выдаетъ ему чистый чекъ или ордеръ въ то кредитное учрежденіе, въ которомъ положены капиталы кассы, для полученія полностью показанной чекомъ суммы.

§ 22. Выдача ссудъ производится безусловно по очереди требовательныхъ письменныхъ заявленій, заносимыхъ соискателями въ ведущейся для этой цѣли правленіемъ спеціальной книгѣ (§ 7 в).

§ 23. Ссуды могутъ быть выдаваемы въ такомъ размѣрѣ, чтобы общая сумма выданнаго одному дольщику не превышала его мѣсячнаго — дѣйствительно получаемаго на руки штатнаго жалованья за послѣдній мѣсяцъ, предшествовавшій выдачѣ ссуды (при чемъ ника-

кія прибавки въ расчетъ не принимаются), совокупно съ принадлежащею ему долей въ кассѣ.

§ 24. Каждая ссуда выдается на срокъ, не прывышающій 9-ти мѣсяцевъ, и погашается ежемѣсячными вычетами изъ жалованья по равнымъ частямъ.

§ 25. Проценты въ количествѣ $^2/_3$ $^0/_0$ въ мѣсяцъ удерживаются впередъ вычетомъ изъ выдаваемой ссуды и не подлежатъ возврату даже въ томъ случаѣ, если ссуда погашена до истеченія условленнаго срока.

§ 26. Если мѣсячный взносъ по ссудѣ не будетъ уплаченъ, то онъ зачисляется недоимкою съ прибавленіемъ $1^0/_0$ въ мѣсяцъ пени, при чемъ время менѣе 30 дней считается за полный мѣсяцъ.

§ 27. Если по истеченіи 9-го мѣсяца ссуда не погашена, то вся непогашенная часть съ причитающимися процентами и пенею удерживается изъ жалованья за 10-й мѣсяцъ, съ прибавкою, кромѣ, процентовъ, пени въ $1^0/_0$ въ мѣсяцъ съ оставшейся въ недоимкѣ суммы. Въ случаѣ невозможности покрыть недоимку изъ жалованья, она погашается изъ имѣющейся въ кассѣ доли должника, затѣмъ съ его имущества, а въ крайнемъ случаѣ изъ запаснаго капитала.

Должникъ, вызвавшій своею неисправностью примѣненіе сей послѣдней мѣры, лишается права на полученіе ссуды и можетъ быть исключенъ по опредѣленію общаго собранія изъ кассы.

§ 28. Ежемѣсячные вычеты изъ жалованья должниковъ производятся согласно вѣдомости. доставляемой казначею университета правленіемъ кассы. Въ этой вѣдомости должно быть обозначено, на какой предметъ и въ какомъ количествѣ производится вычетъ съ каждаго дольщика кассы. Удержанныя согласно вѣдомости суммы казначей передаетъ правленію кассы, которымъ онѣ и записываются въ книгу личныхъ счетовъ каждаго дольщика.

§ 29. Единовременные взносы при поступленіи въ дольщики и пени, поступающія съ неисправныхъ заемщиковъ, зачисляются въ запасный капиталъ кассы, предназначенный исключительно на покрытіе убытковъ, согласно § 27 устава. Всѣ остальныя поступленія зачисляются въ оборотный капиталъ дольщиковъ.

§ 30. Поступившіе въ кассу проценты по ссудамъ, равно какъ и проценты на капиталы, хранящіеся въ кредитныхъ учрежденіяхъ, за покрытіемъ расходовъ кассы, составляютъ чистую прибыль дольщиковъ и дѣлятся между ними пропорціонально долямъ каждаго и времени ихъ обращенія.

§ 31. Причисляющаяся дольщику по расчету въ концѣ кассоваго года прибыль причисляется къ его капиталу, пока онъ не достигъ размѣра получаемаго дольщикомъ мѣсячнаго жалованья. Прибыль дольщиковъ, за которыми числятся недоимки, обращается на покрытіе послѣднихъ.

§ 32. Убытки кассы покрываются изъ запаснаго капитала; при недостаточности же послѣдняго возмѣщаются изъ оборотнаго капитала пропорціально долямъ каждаго члена.

Г. Условія выхода изъ кассы.

§ 33. Выходъ дольщика изъ кассы можетъ послѣдовать: а) за смертью, б) оставленіемъ службы при университетѣ, в) по добровольному рѣшенію дольщика, заявленному письменно правленію кассы, и г) по опредѣленію общаго собранія (§§ 14, 16 и 27).

§ 34. Выбывшій изъ кассы дольщикъ немедленно получаетъ принадлежащую ему долю въ кассѣ, если оборотный капиталъ кассы это дозволяетъ; въ противномъ же случаѣ онъ удовлетворяется по мѣрѣ поступленія денегъ преимущественно передъ всѣми остальными выдачами.

§ 35. Если за выходящимъ изъ кассы дольщикомъ числится долгъ кассѣ, то принадлежащая ему доля обращается на покрытіе послѣдняго и выдачѣ подлежитъ лишь свободный остатокъ.

§ 36. Если долгъ выбывающаго дольщика не можетъ быть погашенъ сполна изъ принадлежащей ему въ кассѣ доли, то непокрытая ею часть покрывается изъ его имущества; если-же дольщикъ остается на государственной службѣ—изъ его жалованья.

§ 37. Проценты на капиталъ выходящаго дольщика разчитываются по 1-е число того же мѣсяца, въ который послѣдовалъ возвратъ капитала, но выплачиваются лишь въ концѣ кассоваго года, и въ такомъ только случаѣ, если капиталъ оставался въ кассѣ не менѣе 6-ти мѣсяцевъ.

§ 38. Въ случаѣ смерти дольщика принадлежащій ему капиталъ выдается его наслѣдникамъ по закону или по завѣщанію.

§ 39. Незатребованная выбывшимъ дольщикомъ часть капитала считается безпроцентнымъ вкладомъ, и по истеченіи срока гражданской давности обращается въ запасный капиталъ кассы.

§ 40. Въ случаѣ закрытія кассы по какимъ бы то ни было законнымъ причинамъ, доли возвращаются членамъ по принадлежности, а

запасный капиталъ присоединяется къ стипендіальнымъ фондамъ Императорскаго Варшавскаго университета.

2. (13-го мая 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Ивановича Садокова при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) Въ ознаменованіе долговременной и полезной дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ и по городскому общественному управленію, какъ гласнаго думы,—бывшаго директора Нижегородской гимназіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Ивановича Садокова, учреждается при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія его имени, на счетъ процентовъ съ собраннаго для сей цѣли мѣстною городскою думою по подпискѣ капитала въ восемьсотъ рублей.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% государственныхъ бумагахъ, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Нижегородскаго реальнаго училища.

3) Стипендія преимущественно назначается для взноса платы за право ученія стипендіата въ продолженіи всего курса, а могущій оказаться остатокъ употребляется на снабженіе его книгами и учебными пособіями.

4) Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища безъ различія сословія, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

5) Право избранія стипендіата принадлежитъ Константину Ивановичу Садокову, а послѣ его смерти Нижегородской городской думѣ.

6) Объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата начальствомъ училища сообщается для свѣдѣнія К. И. Садокову и Нижегородской городской думѣ.

3. (13-го мая 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Ивановича Садокова при Нижегородской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Въ ознаменованіе долговременной и полезной дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ и по городскому общественному управленію,

какъ гласнаго думы, бывшаго директора Нижегородской гимназіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника К. И. Садокова учреждается при Нижегородской мужской гимназіи одна стипендія его имени, на счетъ процентовъ съ собраннаго для сей цѣли мѣстною городскою думою по подпискѣ капитала въ восемьсотъ рублей.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% государственныхъ бумагахъ, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, въ отдѣлѣ пожертвованій.

3) Стипендія преимущественно назначается для взноса платы за ученіе стипендіата въ продолженіи всего гимназическаго курса, а могущій оказаться остатокъ употребляется на снабженіе его книгами и учебными пособіями.

4) Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи безъ различія сословія, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

5) Право избранія стипендіата принадлежитъ К. И. Садокову, а послѣ его смерти Нижегородской городской думѣ.

6) Объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата начальствомъ гимназіи сообщается для свѣдѣнія К. И. Садокову и Нижегородской городской думѣ.

4. (13-го мая 1882 г.). **Положеніе о стипендіи имени графа Юрія Николаевича Подгоричани-Петровича при Житомирской мужской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ шестьсотъ руб., собраннаго по добровольной подпискѣ обществомъ города Житомира, въ знакъ признательности ихъ бывшему Волынскому губернатору графу Подгоричани-Петровичу, учреждается при Житомирской мужской гимназіи одна стипендія имени графа Юрія Николаевича Подгоричани-Петровича.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ Волынскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

3) Проценты съ этого капитала въ количествѣ 30 р. назначаются ежегодно для уплаты за право ученія одного изъ бѣдныхъ учениковъ

Житомирской гимназіи, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, по выбору педагогическаго совѣта гимназіи и по утвержденіи избраннаго кандидата Житомирскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ.

4) Если-бы кто-либо изъ получавшихъ стипендію пожелалъ впослѣдствіи, достигнувъ обезпеченнаго положенія, возвратить ее гимназіи, то сумма, полученная въ возвратъ, причисляется къ основному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращается въ государственныя бумаги для увеличенія размѣра стипендіи на случай возвышенія существующей платы за ученіе.

5. (13-го мая 1882 года). **Положеніе о стипендіи генералъ-маіора Евгенія Васильевича Богдановича при Тюменскомъ реальномъ училищѣ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ собраннаго на Ирбитской ярмаркѣ сибирскими купцами капитала въ 938 руб. 51 коп., заключающагося въ государственныхъ $5^1/_2$% банковыхъ свидѣтельствахъ, облигаціи восточнаго 5% займа и наличныхъ деньгахъ (38 руб. 51 коп.), учреждается при Тюменскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени генералъ-маіора Евгенія Васильевича Богдановича.

2) Право пользованія этою стипендіею предоставляется одному изъ бѣдныхъ учениковъ названнаго училища, уроженцу западной Сибири, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

3) Право избранія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища.

Примѣчаніе. Изъ стипендіи прежде всего уплачивается взносъ за право ученія, а остатокъ выдается родителямъ стипендіата или заступающимъ ихъ мѣсто, на учебныя пособія и другія нужды.

4) Обезпечивающій стипендію капиталъ, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища.

5) Въ случаѣ выхода въ тиражъ погашенія билетовъ, обезпечивающихъ стипендію, начальствомъ училища на вырученныя отъ сего деньги пріобрѣтаются такія же или соотвѣтственныя государственныя процентныя бумаги.

6. (19 го мая 1882 года). Правила для стипендіи коллежскаго совѣтника Владиміра Михайловича Скубы.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Коллежскій совѣтникъ Владиміръ Михайловичъ Скуба пожертвовалъ капиталъ въ 2,000 руб., заключающійся въ пятипроцентныхъ двухъ билетахъ государственнаго банка, на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ изъ процентовъ одной стипендіи его имени.

§ 2. Означенная стипендія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го сентября 1881 года, именуется стипендіей коллежскаго совѣтника Владиміра Михайловича Скубы.

§ 3. Стипендія эта предоставляется, при хорошемъ поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ, одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ безъ различія факультетовъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается совѣтомъ университета. При наличности нѣсколькихъ конкурентовъ избраніе происходитъ по старшинству балловъ на послѣднемъ испытаніи, а при равенствѣ балловъ по жребію.

§ 5. Могущіе образоваться по какой-либо причинѣ остатки отъ суммы, опредѣленной на годовое содержаніе стипендіата, причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

7. (20-го мая 1882 г.). Правила о преміяхъ имени графа Дмитрія Андреевича Толстаго.

(Утверждены министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Преміи имени графа Д. А. Толстаго образуются изъ процентовъ съ основнаго капитала, составившагося по подпискѣ и поступившаго въ 1882 году въ вѣдѣніе Императорской академіи наукъ.

§ 2. Основный капиталъ остается неприкосновеннымъ на вѣчныя времена и возрастаетъ причисленіемъ къ нему какъ нѣкоторой части процентовъ, такъ и суммами не розданныхъ премій. Проценты съ капитала употребляются исключительно на преміи, или же на увеличеніе капитала.

§ 3. Капиталъ премій графа Д. А. Толстаго обращается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, или же въ бумагахъ, гарантированныхъ правительствомъ.

§ 4. Преміи графа Д. А. Толстаго, раздаваемыя чрезъ каждые

три года, состоятъ: 1) изъ почетныхъ медалей, золотыхъ, цѣнностью: первая въ 300 руб., вторая въ 250 р. и третья въ 150 р.; и 2) изъ денежной награды въ размѣрѣ 800 руб.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если бы денежною наградою въ означенномъ размѣрѣ не было увѣнчано ни одно изъ конкурсныхъ сочиненій, то вмѣсто нея могутъ быть присуждаемы одна или двѣ меньшія награды, въ 400 руб. каждая.

§ 5. На соисканіе премій принимаются сочиненія, относящіяся къ тѣмъ отраслямъ наукъ, которыя, на основаніи устава академіи, входятъ въ кругъ ея занятій, а именно:

1) По физико-математическому отдѣленію: чистая и прикладная математика, астрономія, физика, химія, технологія, геологія, минералогія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія и физіологія.

2) По отдѣленію русскаго языка и словесности: русская и славянская филологія и исторія языка и словесности русскаго и другихъ славянскихъ народовъ (не исключая ученымъ образомъ обработанныхъ словарей и грамматикъ) и

3) По историко-филологическому отдѣленію: русская исторія, греческая и римская словесность и древности, восточная словесность и древности, статистика и политическая экономія.

§ 6. Премій удостоиваются: 1) преимущественно такія сочиненія, которыя, по важности изложенныхъ въ нихъ самостоятельныхъ изслѣдованій автора, служатъ существеннымъ обогащеніемъ той или другой изъ вышеисчисленныхъ наукъ, и затѣмъ 2) такія, особенно важныя сочиненія, которыя хотя и не содержатъ въ себѣ новыхъ изслѣдованій и открытій, тѣмъ не менѣе обогащаютъ ученую литературу полнымъ и основательнымъ изложеніемъ той или другой отрасли наукъ.

§ 7. Денежная премія можетъ быть назначаема только за такое сочиненіе, которое издано не на счетъ правительства, или не на средства академій, университетовъ, и ученыхъ обществъ въ Россіи; при чемъ она можетъ быть присуждаема или какъ самостоятельная премія, или же за сочиненіе, удостоиваемое вмѣстѣ съ тѣмъ и почетною медалью.

§ 8. Сочиненія, уже увѣнчанныя академіею одною изъ находящихся въ ея распоряженіи премій (каковы: Ломоносовская, Уваровская, Буняковскаго, Бэра, Пушкинская и другія), не принимаются къ соисканію премій графа Д. А. Толстаго.

§ 9. Къ соисканію премій допускаются только представленныя въ академію самими авторами, русскими подданными, оригинальныя, напечатанныя въ Россіи, сочиненія, на русскомъ, латинскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, вышедшія въ свѣтъ въ теченіи девяти лѣтъ, непосредственно предшествовавшихъ конкурсу.

§ 10. Въ случаѣ, если премія на какомъ либо конкурсѣ останется никому не присужденною, то стоимость оной причисляется къ основному капиталу премій и обращается на увеличеніе онаго.

§ 11. Дѣйствительные члены Императорской академіи наукъ не имѣютъ права на полученіе сихъ премій.

§ 12. Преміи выдаются только самимъ авторамъ или ихъ законнымъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ.

§ 13. Присужденіе премій производится поочередно каждымъ изъ трехъ отдѣленій академіи, въ слѣдующемъ порядкѣ: физико-математическимъ отдѣленіемъ въ 1885, 1894, 1903 гг. и т. д., отдѣленіемъ русскаго языка и словесности 1888, 1897, 1906 гг. и т. д., историко-филологическимъ отдѣленіемъ въ 1891, 1900, 1909 гг. и т. д.

§ 14. Сочиненія, назначенныя для конкурса, должны быть доставляемы въ академію не позже 1-го мая конкурснаго года.

§ 15. По истеченіи срока, означеннаго въ предыдущемъ параграфѣ, то отдѣленіе, которому принадлежитъ въ томъ году очередь присужденія премій, назначаетъ изъ среды своей, для разсмотрѣнія представленныхъ сочиненій, столько коммиссій, сколько окажется нужнымъ, смотря по тому, къ какимъ разрядамъ наукъ будутъ относиться принятыя на соисканіе сочиненія. Коммиссіи, если признаютъ это полезнымъ, могутъ поручать разсмотрѣніе того или другаго изъ сочиненій ученому, не принадлежащему къ составу отдѣленія.

§ 16. Донесенія коммиссій и ихъ заключенія читаются въ засѣданіи отдѣленія, которое въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи своемъ постановляетъ окончательный приговоръ о присужденіи премій, причемъ требуется не менѣе $^{2}/_{3}$ голосовъ всего числа членовъ, присутствующихъ въ засѣданіи.

§ 17. Отчетъ о присужденіи премій доводится до всеобщаго свѣдѣнія въ публичномъ собраніи Академіи 29-го декабря и затѣмъ печатается въ ея изданіяхъ.

§ 18. Въ случаѣ, если бы впослѣдствіи, съ увеличеніемъ основнаго капитала причисленіемъ къ нему процентовъ и неприсужденныхъ премій, оказалось бы возможнымъ увеличить число, или размѣры премій, то академіи предоставляется испросить на то согласіе

министерства народнаго просвѣщенія, къ которому она входитъ съ представленіями и вообще о тѣхъ измѣненіяхъ, какія съ теченіемъ времени могли бы оказаться нужными въ настоящихъ правилахъ. Наименованіе же премій и назначеніе ихъ для сочиненій по наукамъ, входящимъ въ кругъ занятій академіи, остаются навсегда неизмѣнными.

8. (29-го мая 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Бордюгова при Иваново-Вознесенской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Иваново-Вознесенской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Бордюгова, на проценты съ капитала въ 1,200 руб., собраннаго членами попечительнаго совѣта означенной гимназіи.

2) Стипендіатка избирается изъ бѣдныхъ учениць города Иваново-Вознесенска.

3) Право назначенія стипендіатки пожизненно принадлежитъ Ивану Ивановичу Бордюгову.

4) Послѣ смерти его, право назначенія переходитъ къ попечительному совѣту Иваново-Вознесенской женской гимназіи.

5) Проценты съ капитальной суммы предназначаются для взноса платы за ученіе и выдаются не иначе, какъ по требованію попечительнаго совѣта гимназіи.

6) Ежегодный остатокъ отъ процентной суммы сберегается до окончанія курса ученія стипендіатки и за тѣмъ выдается ей единовременно.

7) Капитальная сумма, заключающаяся въ 5% государственныхъ бумагъ, хранится въ Шуйскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ суммахъ Иваново-Вознесенской гимназіи.

9. (29-го мая 1882 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) По случаю приближенія срока 25-ти лѣтней служебной дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ г. попечителя Казанскаго

учебнаго округа, тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова окружные инспекторы, чиновники и преподаватели гимназій и Нижегородскаго Александровскаго института и инспекторы народныхъ училищъ Казанскаго учебнаго округа, желая выразить предъ нимъ глубокое уваженіе и искреннюю признательность за его неутомимыя заботы объ учебныхъ заведеніяхъ, ввѣренныхъ ему, и за его постоянное руководство въ дѣлѣ образованія и воспитанія юношества, составили чрезъ добровольное пожертвованіе, капиталъ въ пять тысячъ пятьсотъ рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты на оный были употреблены на учрежденіе на вѣчныя времена стипендіи тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

2) Жертвуемый капиталъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ и заключаться въ 5% банковыхъ билетахъ. Процентныя бумаги на означенный капиталъ, по истеченіи срока онымъ или по выходѣ ихъ въ тиражъ, замѣняются новыми процентными бумагами, какія будутъ признаны наиболѣе выгодными со стороны Казанскаго университета. Если въ числѣ процентныхъ бумагъ будутъ 5% билеты внутренняго займа съ выигрышами, то могущее быть приращеніе присоединяется къ неприкосновенному капиталу, а проценты на оное употребляются на открытіе въ Казанскомъ университетѣ новыхъ стипендій имени тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова, если полученный выигрышъ даетъ къ тому возможность; въ противномъ случаѣ, на полученный выигрышъ покупаются процентныя бумаги, которыя и остаются неприкосновенными до тѣхъ поръ, пока чрезъ присоединеніе къ нимъ процентовъ составится достаточная сумма для открытія новой стипендіи.

3) Стипендіей пользуются недостаточные студенты изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ Казанскаго учебнаго округа и Нижегородскомъ институтѣ. Дѣти учителей и служащихъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ должны имѣть преимущество предъ другими.

4) Въ полученіи стипендіи гимназіи соблюдаютъ очередь и выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту той гимназіи, за которою будетъ очередь. Очередь соблюдается въ слѣдующемъ порядкѣ: Пермская, Астраханская, Вятская, Екатеринбургская, Императорская 1-я Казанская, 2-я Казанская, Нижегородская, Нижегородскій Александровскій институтъ, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Уральская войсковая и Уфимская.

5) Студенты, пользующіеся этой стипендіей, именуются „стипен-

діатами тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова", которому принадлежитъ право утвержденія стипендіи, а по смерти его совѣту Императорскаго Казанскаго университета.

6) Право пользованія стипендіей предоставляется студентамъ всѣхъ факультетовъ. Избранные студенты пользуются стипендіей въ продолженіи всего университетскаго курса, если будутъ достойны этого по успѣхамъ и поведенію.

7) Стипендіаты, по окончаніи курса, не стѣсняются никакими обязательствами.

Примѣчаніе къ § 1. Основный капиталъ можетъ быть увеличиваемъ чрезъ присоединеніе къ нему могущихъ образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатковъ съ сотвѣтственнымъ увеличеніемъ размѣра стипендіи.

10. (4-го іюня 1882 г.). Положеніе о двухъ стипендіяхъ Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го, въ память исполнившагося, 19-го февраля 1880 года, 25-ти лѣтія царствованія Его Императорскаго Величества.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ 4000 руб., пожертвованнаго крестьянами-собственниками 1-го мироваго участка Липовецкаго уѣзда, Кіевской губ., и состоящаго въ облигаціяхъ втораго восточнаго займа, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 15-й день декабря 1880 г., учреждаются двѣ стипендіи имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го, въ память исполнившагося, 19-го февраля 1880 г., 25-лѣтія царствованія Его Императорскаго Величества, для воспитанія двухъ бѣднѣйшихъ крестьянскихъ мальчиковъ, сперва въ народныхъ училищахъ Липовецкаго уѣзда, а затѣмъ одного въ учительской семинаріи а другаго въ ремесленномъ училищѣ.

2) На содержаніе стипендіатовъ, со времени поступленія и до окончанія курса въ народныхъ училищахъ, а потомъ въ учительской семинаріи и въ ремесленномъ училищѣ, выдается каждому по сто руб. въ годъ изъ процентовъ съ означеннаго капитала, который остается неприкосновеннымъ и хранится въ подлежащемъ казначействѣ, въ вѣдѣніи попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

3) Стипендіи выдаются по полугодіямъ на руки родителямъ или

опекунамъ стипендіатовъ, или же самимъ стипендіатамъ, по достиженіи ими 17-ти лѣтняго возраста.

4) Выборъ стипендіатовъ изъ крестьянскихъ дѣтей тѣхъ волостей и обществъ, которыя приняли участіе въ пожертвованіи капитала, предоставляется волостнымъ правленіямъ по очереди.

5) Могущіе образоваться по какому либо случаю остатки отъ процентовъ обращаются въ запасный фондъ, для выдачи пособій стипендіатамъ по окончаніи курса въ учительской семинаріи и въ ремесленномъ училищѣ, по опредѣленіямъ педагогическихъ совѣтовъ названныхъ учебныхъ заведеній.

6) Своевременная замѣна облигацій, по выходѣ ихъ въ тиражъ и за прекращеніемъ срока дѣйствія ихъ, новыми % государственными бумагами остается на попеченіи управленія Кіевскаго учебнаго округа, и

7) По окончаніи курса въ училищахъ и по выбытіи изъ нихъ, стипендіаты не подлежатъ никакимъ обязательствамъ.

11. (9-го іюня 1882 года). Правила для стипендій имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Васильевича Александрова, учрежденныхъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ учреждаются изъ процентовъ съ пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Иваномъ Васильевичемъ Александровымъ капитала въ 8,000 рублей, заключающагося въ восьми облигаціяхъ третьяго восточнаго займа, двѣ равныя стипендіи, съ присвоеніемъ онымъ имени жертвователя.

§ 2. Одна изъ сихъ стипендій назначается, согласно волѣ жертвователя, для недостаточныхъ студентовъ православнаго вѣроисповѣданія медицинскаго факультета, а другая для недостаточныхъ студентовъ этого же вѣроисповѣданія физико-математическаго факультета разряда естественныхъ наукъ.

§ 3. Назначаютъ на эти стипендіи и смѣщаютъ съ оныхъ, съ утвержденія совѣта Казанскаго университета, названные факультеты сего униворстета, руководствуясь правилами, постановленными относительно стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія.

§ 4. Пользованіе стипендіею потомственнаго почетнаго гражда-

нина И. В. Александрова не влечетъ за собою какой либо обязательной службы для получающихъ оныя студентовъ, по выходѣ ихъ изъ университета, или по смѣщеніи ихъ съ стипендій.

§ 5. Выдача стипендій удостоеннымъ ихъ студентамъ производится со дня факультетскаго опредѣленія объ удостоеніи, и прекращается со дня опредѣленія совѣта объ окончаніи курса стипендіатами, или о смѣщеніи ихъ съ стипендій.

§ 6. Если въ теченіи какого либо времени какая либо изъ вышеназванныхъ стипендій ни кѣмъ не будетъ занята, то имѣющія, вслѣдствіе того, остаться свободными деньги должны присоединяться къ основному стипендіальному капиталу, въ равныхъ частяхъ на каждую изъ двухъ стипендій для увеличенія ихъ.

12. (8-го іюня 1882 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ поступленія на высшіе женскіе курсы воспитанницъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Циркуляромъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, отъ 10 ноября минувшаго года за № 13,113, было подтверждено, чтобы на высшіе женскіе курсы, согласно установленнымъ министерствомъ правиламъ, были принимаемы только окончившія полный восьмиклассный курсъ женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, и чтобы къ выдержанію экзамена по курсу VIII класса въ постороннихъ гимназіяхъ допускались воспитанницы лишь такихъ женскихъ гимназій, въ которыхъ восьмые классы не открыты.

Нынѣ, усматривая изъ поступившихъ въ министерство по сему предмету представленій нѣкоторыхъ изъ окружныхъ начальствъ, что ученицы VIII класса, имѣющаго исключительно педагогическій характеръ, въ продолженіи цѣлаго года преимущественно посвящаютъ себя изученію практическихъ способовъ преподаванія и въ этихъ видахъ даютъ въ присутствіи прочихъ ученицъ этого класса пробные уроки, которые затѣмъ подвергаются подробному обсужденію со стороны ученицъ, преподавателей и начальствующихъ лицъ, а также занимаются разборомъ наиболѣе употребительныхъ учебниковъ,—я нахожу, что не проходя, въ теченіи установленнаго для сего времени, курса VIII класса подъ руководствомъ наставниковъ, едва-ли возможно внѣ гимназіи пріобрѣсти соотвѣтственныя познанія; равнымъ образомъ крайне затруднительно посредствомъ испытанія удостовѣриться,

въ какой мѣрѣ испытывающаяся пріобрѣла необходимыя практическія свѣдѣнія. Такимъ образомъ испытаніе по курсу VIII класса женскихъ гимназій въ постороннихъ гимназіяхъ является совершенно нецѣлесообразнымъ.

Въ виду сего и принимая во вниманіе, что число женскихъ гимназій, не имѣющихъ восьмаго класса, весьма незначительно, я признаю необходимымъ, чтобы на будущее время правомъ поступленія на высшіе женскіе курсы пользовались лишь воспитанницы, въ дѣйствительности прошедшія съ успѣхомъ всѣ восемь классовъ женскихъ гимназій министерства.

О вышеизложенномъ имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство заблаговременно поставить въ извѣстность подлежащія женскія заведенія ввѣреннаго вамъ учебнаго округа.

V. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8-го мая 1882 года (№ 5). Утверждаются: доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ греческой словесности Воеводскій—ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ греческой словесности, съ 4-го февраля 1882 года.

Коллежскій секретарь Ралли—почетнымъ попечителемъ Байрамчской учительской семинаріи, на три года, съ 7-го апрѣля 1882 года.

Оставляются на службѣ на три года: Директоръ Рижской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гамбурцовъ, съ 19-го февраля 1882 года.

На пять лѣтъ: директоръ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи Малевинскій, съ 15-го октября 1881 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леваковскій, съ 24-го января 1882 года.

Командируются съ ученою цѣлію: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Шмальгаузенъ—въ С.-Петербургъ, на одинъ мѣсяцъ, и экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, коллежскій совѣтникъ Блюмбергъ—въ сѣверныя губерніи Россіи, на три мѣсяца и двѣнадцать дней.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи, на двадцать дней:

причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Толмачевъ, въ Нижегородскую и Ярославскую губерніи.

На два мѣсяца: исправляющій должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія Таскинъ, въ разныя губерніи, и помощникъ журналиста того же департамента, коллежскій регистраторъ Дьяковъ, съ 15-го мая 1882 года, въ г. Старую-Русу; оба по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, тайный совѣтникъ Лавровскій, директоры гимназій: Каменецъ-Подольской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Должиковъ, Московской четвертой—статскій совѣтникъ Новоселовъ, Черниговской—статскій совѣтникъ Порскаловъ, Елатомской — Яблонскій и Ломжинской мужской—статскій совѣтникъ Клостерманъ, всѣ шестеро въ разныя губерніи, директоры прогимназій: Глуховской — статскій совѣтникъ Лазаренко, въ Крымъ и на Кавказъ, и Царицынской Александровской—Третьяковъ, въ разныя губерніи, директоры реальныхъ училищъ: Воронежскаго—статскій совѣтникъ Вяхиревъ, въ разныя губерніи, Динабургскаго—статскій совѣтникъ Князевъ, въ Витебскую, Курляндскую и Лифляндскую губерніи, Урюпинскаго—Ренчицкій, въ Москву, С.-Петербургъ и въ Крымъ, и при Реформатской церкви въ Москвѣ—Алякритскій—на Кавказъ. Изъ нихъ по болѣзни: Лавровскій, Порскаловъ, Лазаренко, Третьяковъ, Князевъ и Алякритскій.

б) За границу, на полтора мѣсяца: преподаватели: Оренбургской гимназіи Орловъ и Динабургскаго реальнаго училища Пежо и Булле; первый по болѣзни.

На одинъ мѣсяцъ и восемьнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Паульсонъ.

На одинъ мѣсяцъ и девятьнадцать дней: учитель Большефонтанскаго училища Гламбоцкій, по болѣзни.

На два мѣсяца: ректоръ императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Ярошенко, съ 15-го іюня 1882 г., по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г.: ординарные профессоры императорскихъ университетовъ: Св. Владиміра—Кистяковскій, Харьковскаго—Гаттенбергеръ и Оболенскій, Дерптскаго—статскій совѣтникъ Стида, ординарный профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Миллеръ, доцентъ университета Св. Владиміра—Рустицкій, прозек-

торъ анатомическаго института Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ Викчемскій, лекторъ Харьковскаго университета фонъ-Труартъ, учитель Нижегородскаго Александровскаго института Поповъ, завѣдывающій гимназіею императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нейлисовъ, директоръ нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра въ С.-Петербургѣ Фризендорфъ, инспекторъ Митавской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Данненбергъ, преподаватели: гимназій С.-Петербургскихъ: первой—статскій совѣтникъ Кальe, второй — статскій совѣтникъ Де-ля-Дроатьеръ, третьей—коллежскій совѣтникъ Вильдъ, пятой—статскій совѣтникъ Гашеронъ-де-ля-Фоссъ и Нигеръ, шестой—дѣйствительный статскій совѣтникъ Бастенъ и надворный совѣтникъ Кабеле, С.-Петербургскаго Аннинскаго училища: надворные совѣтники Кёнигъ и Гикишъ, коллежскій ассесоръ Фаберъ и Фридерици, гимназій: Дерптской—коллежскій совѣтникъ Вейнеръ и Голанъ, Рижской городской—коллежскій ассесоръ Барцъ, Витебской—надворный совѣтникъ Антоненко, курской—Ницкій, Радомской мужской—Брузендорфъ и Свидвинскій, Кѣлецкой мужской — Вабнеръ, Матулевичъ, Кремеръ, Рыбарскій, Шперль, Потраковскій, Ломжинской мужской—Давидъ, Холмской — Кубіевичъ, Новочеркасской — Пинкава и Каменецъ-Подольской Давишекъ, врачь Холмской мужской гимназіи — Висьневскій и исправляющій должность сверхштатнаго старшаго учителя Митавской гимназіи Рассфельдъ; преподаватели прогимназій: Александровской Борисоглѣбской—Хостникъ и Сандомірской мужской—Каунъ и Целиховскій; преподаватели реальныхъ училищъ: Варшавскаго—статскій совѣтникъ Налепинскій, коллежскій секретарь Сулимерскій, Бялекъ, Жолтовскій и сверхштатный Вроблевскій, Влоцлавскаго—Коссовскій, Матушевскій, Лишка, Каль, Хрупчаловскій, Кіевскаго—Андерсонъ, преподаватели Варшавской III женской гимназіи: Гляссъ, Кольбергъ и законоучитель лютеранскаго вѣроисповѣданія Фровейнъ, надзирательница Варшавской IV гимназіи Филипеусъ и классная дама сей гимназіи Плесцова, классныя дамы женскихъ гимназій: Калишской—Опицъ и Плоцкой—Рау, старшій учитель Рижскаго городскаго дѣвичьяго шестиклассн аго училища, надворный совѣтникъ Глазенаппъ, штатный смотритель Заславскаго городскаго училища Жадановскій и надзирательница женскаго отдѣленія сего училища Жадановская, учитель Острожскаго городскаго приходскаго училища Акин-

фіевъ, учители: Ярославскаго городскаго трехкласснаго училища Долговъ, Неславскаго общаго городскаго Берентъ, Калишскаго двухкласснаго городскаго еврейскаго мужскаго Пазіо, Московскаго городскаго мужскаго Галинскій, Обритскаго гминнаго, Пултускаго уѣзда, Шарадовскій, учительница Кѣлецкаго двухкласснаго женскаго Саранча и учитель верховой ѣзды Дерптскаго университета фонъ-Блокъ. Иза нихъ по болѣзни: Данненбергъ, Вейнеръ, Бардъ, Брузендорфъ, Свидвинскій, Вабнеръ, Матулевичъ, Кремеръ, Рыбарскій, Шперль, Потриковскій, Давидъ, Кубіевичъ, Висьневскій, Хостникъ, Налепинскій, Сулимерскій, Бялекъ, Жолтовскій, Вроблевскій, Коссовскій, Матушевскій, Лишка, Каль, Хрупчаловскій, Гляссъ, Кольбергъ, Фровейнъ, Филипеусъ, Плесцова, Опицъ, Рау, Пазіо, Галинскій, Шарадовскій и Саранча.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и четырнадцать дней: Преподаватель С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Кизерицкій.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и двадцать одинъ день: директоръ Рижскаго городскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ Бергъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и двадцать восемь дней: ординарный профессоръ императорскаго Харьковскаго университета Потебня, директоръ Новочеркасской гимназіи, статскій совѣтникъ Хорошевскій, преподаватель С.-Петербургской шестой гимназіи, статскій совѣтникъ Клеманъ, штатный смотритель Рижскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ Кребсъ и управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера Ляхницкій Изъ нихъ по болѣзни: Потебня, Хорошевскій, Кребсъ и Ляхницкій.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: Попечителю втораго Шестаковскаго начальнаго народнаго училища, Павловскаго уѣзда, Воронежской губерніи, Рису—за полезную для училища его дѣятельность.

Исключается изъ списковъ умершій: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Станкевичъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу „Русскій языкъ“. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. „Этимологія въ образцахъ“. Составилъ Конст. Ѳедор. Петровъ. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 50 коп., допустить въ среднія и низшія учебныя заведенія въ видѣ пособія.

— Книгу „Греческая грамматика гимназическаго курса“. Э Черн аго. Часть II. „Греческій синтаксисъ гимназическаго курса“, изложенный сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. Изданіе 2-е, вновь переработанное и значительно дополненное. Москва 1882 г. Цѣна 1 р. 25 к.— рекомендовать какъ руководство по греческому языку въ старшихъ классахъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Греческо-русскій словарь по Бензелеру“. Изданіе Кіевскаго Отдѣленія общества классической филологіи и педагогики. Кіевъ. 1881 г. Цѣна 2 руб. 60 коп. — допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „О музыкальномъ образованіи народа въ Россіи и въ западной Европѣ, съ приложеніемъ статьи объ эстетическомъ образованіи нашего народа и біографическаго „Обзора русской музыкально-педагогической литературы и заграничной“. С. Миропольскаго. Изданіе 2-е, вновь переработанное. С.-Петербургъ. 1882. Цѣна 1 р. 50 к., — одобрить какъ пособіе при занятіяхъ пѣніемъ для учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно для учительскихъ библіотекъ городскихъ и народныхъ училищъ и рекомендовать въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, какъ необходимое пособіе при занятіяхъ пѣніемъ.

— Изданіе „Русскіе писатели въ классѣ“. Редакція Петра Вейнберга. Шесть выпусковъ: I. Кантемиръ „Сатиры“. С.-Петербургъ. 1881. Цѣна 20 к. II. Фонъ-Визинъ „Письма и чистосердечное признаніе“. С.-Петербургъ, 1881. Цѣна 20 к. III. Императрица Екатерина II „О время!“ и „Были и небылицы“. С.-Петербургъ, 1881. Цѣна 25 коп. IV. Карамзинъ „Письма русскаго путешественника“.

С.-Петербургъ, 1881. Цѣна 30 коп. V. Фонъ-Визинъ, „Недоросль". С.-Петербургъ, 1881. Цѣна 20 к. VI. Державинъ, „Стихотворенія". С.-Петербургъ, 1882. Цѣна 30 к., — одобрить какъ пособіе при обученіи русской словесности.

— „Стѣнныя карты, изданныя картографическимъ заведеніемъ А. Ильина. 1) Физическая карта западной Европы; 2) Германія, Данія, Голландія и Бельгія; 3) Франція; 4) Италія и Швейцарія; 5) Австро-Венгрія; 6) Европейская Турція, Греція, Румынія, Сербія, Черногорія, Болгарія; 7) Европейская Россія (оро-гидрографическая) безъ надписей и съ надписями; 8) Европейская Россія, съ обозначеніемъ границъ, также въ двойномъ видѣ; 9) Карта азіятской Россіи, съ раздѣленіемъ на губерніи, — одобрить для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу „Исторія Еврейскаго народа отъ переселенія Евреевъ въ Вавилонъ до разрушенія втораго храма". М. Немзера. Вильна, 1880, — допустить для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, въ еврейскія училища и среднія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу „Первоначальныя упражненія въ ариѳметикѣ". Сочиненіе А. Лёве въ двухъ книгахъ: а) Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и б) Руководство для учащихъ. С.-Петербургъ, 1882. Цѣна Сборника 25 к. и Руководства—50 к.,—включить въ каталогъ книгъ, одобренныхъ для городскихъ и сельскихъ училищъ: Руководство для учащихъ—въ учительскія библіотеки, а Сборникъ ариѳметическихъ задачъ—какъ учебное пособіе для учащихся.

— Составленную Е. К. книгу: „Грамматика для сельскихъ училищъ". Москва, 1882 г. Ц. 12 к.,—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданную комитетомъ грамотности, состоящимъ при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ, книгу: „Сорочинская ярмарка". Н. В. Гоголя. С.-Петербургъ, 1882 г. Ц. 10 к.,—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Составленную А. Погоскимъ книгу: „Божеское правосудіе", три разсказа. Изданіе 2-е. С.-Петербургъ, 1880 г. Ц. 20 к.,—одобрить для библіотекъ народныхъ училищъ.

— Издаваемый г-жею С. Кашпиревой журналъ: „Семейные Вечера",—включить въ число изданій, допускаемыхъ въ библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу: „Робинзонъ Крузе". А. Анненской. Новая переработка тэмы Дефоэ. Второе изданіе. С.-Петербургъ, 1882 г., — допустить въ библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Стѣнную карту Европейской Россіи, изданную картографическимъ заведеніемъ Ильина, на 2-хъ листахъ, — допустить для употребленія въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Материнская любовь". Разсказъ для дѣтей, съ картиною. Сочиненіе В. Коровина. Москва, 1882 г., Ц. 10 к., — допустить для библіотекъ городскихъ училищъ и народныхъ школъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ признать возможнымъ книгу: „Великіе греческіе писатели". Очеркъ классической литературы Грековъ въ біографіяхъ. Г. В. Штолле. Переводъ съ нѣмецкаго П. О. Морозова. Изданіе О. И. Бакста. С.-Петербургъ, 1880 г. Ц. 2 р.—рекомендовать для библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ,

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: увеличить плату за ученіе въ С.-Петербургской пятой гимназіи, съ начала 1882—1883 учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ до сорока руб. и въ нормальныхъ классахъ до шестидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика, и открыть, съ начала будущаго 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при IV классѣ Николаевской Александровской гимназіи, взамѣнъ 2-го параллельнаго отдѣленія при I-мъ классѣ названной гимназіи.

ВЛІЯНІЕ КЕЛЬТИЧЕСКАГО И ГЕРМАНСКАГО ПРАВА НА СИСТЕМУ КАРЪ И ПОКАЯНІЙ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ.

Въ послѣднее время возникла на западѣ богатая литература, посвященная изслѣдованію тѣхъ явленій въ исторіи права, которыя носятъ названіе рецепцій права. Такъ, напримѣръ, въ цѣломъ рядѣ ученыхъ трудовъ изслѣдователи старались установить причины и опредѣлить характеръ и объемъ рецепціи римскаго права въ Германіи. Несомнѣнно, что, благодаря этимъ трудамъ, выяснено многое въ исторіи правообразованія на западѣ Европы, и устранено много невѣрныхъ и чисто формальныхъ воззрѣній на исторію рецепцій, но тѣмъ не менѣе полнаго пониманія существа рецепцій и законовъ, по которымъ онѣ совершаются, далеко еще не установилось въ наукѣ. Зависитъ это, по нашему мнѣнію, не отъ того, чтобы въ распоряженіи ученыхъ было недостаточно матеріала для выясненія вопроса— матеріалъ этотъ съ избыткомъ находится во всѣхъ лучшихъ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи рецепцій, — а потому что при изученіи рецепцій главное вниманіе изслѣдователей обращалось на то, какъ, какимъ путемъ совершалась рецепція, а не на то, въ чемъ она состояла. Другими словами, изслѣдователи старались выяснить себѣ главнымъ образомъ, при содѣйствіи какихъ соціальныхъ силъ и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ и условій времени и мѣста произошла рецепція, а не въ какомъ видѣ реципцированы были институты чужаго права. А между тѣмъ, при обратномъ отношеніи къ дѣлу, существо рецепцій выяснилось бы, если можно такъ выразиться, почти само собою. Если при изученіи рецепцій обратить глав-

нымъ образомъ вниманіе на то, какую форму приняло реципированное право у усвоившаго его народа, то первое, что поражаетъ изслѣдователя—это то, что не только отдѣльные правовые институты подверглись значительнымъ видоизмѣненіямъ при рецепціи, но что весь характеръ реципированнаго права иногда рѣзко отличается отъ того, который оно имѣло первоначально. Подобное явленіе невольно наводитъ на мысль, что мы имѣемъ здѣсь дѣло, собственно говоря, не съ заимствованіемъ чужаго права, а съ образованіемъ новаго права при посредствѣ чужаго права. Это чужое право есть только одинъ изъ элементовъ сложенія новой формаціи права, другимъ элементомъ которой будутъ національныя юридическія воззрѣнія реципирующаго народа. Между этими двумя элементами при сложеніи новаго права всегда происходитъ борьба, которая бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче основный принципъ реципируемаго права отличается отъ основнаго принципа національнаго права заимствующаго народа [1]). Который изъ двухъ элементовъ, находящихся другъ съ другомъ въ борьбѣ, сдѣлается преобладающимъ въ новой формаціи права—это зависитъ уже отъ обстоятельствъ и условій времени. Если національное право реципирующаго народа остановилось, такъ сказать, въ своемъ развитіи, а потому перестало удовлетворять новымъ потребностямъ общества, то перевѣсъ окажется несомнѣнно на сторонѣ чужаго права [2]). Если же національное право, напротивъ того, содержитъ въ себѣ бо̀льшую жизненную силу, чѣмъ реципируемое чужое, то въ большинствѣ случаевъ отъ реципируемыхъ институтовъ останется только форма, внутреннее же содержаніе опредѣлится національными правовыми воззрѣніями. Наконецъ, если тотъ и другой элементъ проявятъ одинаковую почти устойчивость, то новая правовая формація получитъ вполнѣ своеобразный характеръ, отличающійся, какъ отъ характера чужаго, такъ и отъ характера національнаго права.

Итакъ, то обстоятельство, что изслѣдователи обращали главнымъ образомъ вниманіе на ходъ рецепціи и внѣшнюю ея обстановку, а не на то, въ чемъ состояла рецепція, было препятствіемъ къ уста-

[1]) Воззрѣніе на рецепцію какъ на образованіе новаго права высказано, на сколько намъ извѣстно, только *Лоренцомъ Штейномъ* въ статьѣ «Zur europaeischen Rechtsgeschichte» въ *Zeitschrift für d. privat- und oeffentliche Recht der Gegenwart.* Band I, pag. 722 — 737. Впрочемъ, Штейнъ не развиваетъ своего воззрѣнія.

[2]) Такъ было при рецепціи римскаго права въ Германіи.

новленію въ наукѣ правильнаго воззрѣнія на рецепцію, какъ на процессъ образованія новаго права. Впрочемъ, только что сказанное относится главнымъ образомъ къ трудамъ, въ которыхъ излагается исторія рецепціи римскаго права. Ученые, занимавшіеся исторіей рецепціи церковнаго права, хотя и не выяснили окончательно значенія рецепціи въ указанномъ выше смыслѣ, тѣмъ не менѣе постоянно обращали вниманіе на то, какимъ видоизмѣненіямъ подлежало выработавшееся въ первые вѣка христіанства церковное право у новообращенныхъ германскихъ и кельтическихъ народовъ подъ вліяніемъ національныхъ юридическихъ воззрѣній этихъ племенъ. Это правильное отношеніе къ дѣлу объясняется отчасти и самимъ характеромъ источниковъ исторіи каноническаго права, непосредственно свидѣтельствующихъ о томъ, какъ церковь на западѣ принимала во вниманіе правовыя воззрѣнія племенъ, обращаемыхъ ею въ христіанство, и старалась приспособить къ этимъ воззрѣніямъ свое право [1]). Иногда уступки, дѣлавшіяся церковью національнымъ юридическимъ воззрѣніямъ, имѣли только временной преходящій характеръ, и церковь, прочно утвердившись у новообращеннаго племени, спѣшила ихъ от-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи замѣчательна переписка папы Григорія Великаго съ Сицилійскимъ епископомъ Феликсомъ, изъ которой явствуетъ, что у новообращенныхъ народовъ допускались браки въ такихъ степеняхъ родства, въ которыхъ они положительно воспрещались общимъ каноническимъ правомъ церкви. Дѣлалось это съ тою цѣлію, чтобы строгимъ примѣненіемъ каноническихъ правоположеній не устрашить язычниковъ и не замедлить такимъ образомъ обращенія ихъ въ христіанство. Въ своемъ посланіи къ папѣ Григорію епископъ Феликсъ обращается къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: Haec quidem meditantes perlatum est sicut a quibusdam Roma venientibus vos Augustino consodali nostro, per venerabilem sanctitatem vestram postmodum episcopo Anglorum genti ordinato, et illuc directo atque Anglis scripsisse, quos olim ad fidem conversos per vos cognovimus, ut quarta progenie conjuncti non separentur. Quae consuetudo dudum in illis, aut in istis partibus, quando una vobiscum ab infantia nutritus atque edoctus fui, non erat, nec in ullis praedecessorum vestrorum decretis, aut reliquorum generaliter vel specialiter patrum institutis legi, aut hactenus ab ullis sapientibus esse concessum didici, sed semper usque septimum originis suae gradum hoc a sanctis antecessoribus vestris et ceteris sanctis patribus, tam in Nicaena Synodo, quam et in aliis sanctis consiliis congregatis, servari debere reperi... Et quoniam non modicum murmur super hac re nobiscum versatur, quid respondere fratribus et coepiscopis nostris debeamus a vobis quasi a capite responsum quaerimus. Григорій отвѣчаетъ, что это дозволено имъ новообращенному Англійскому племени «ne a bono quod coeperat metuendo austeriore recederet (Сравн. *Mansi* Conciliorum nova et amplissima collectio. Tomus X. Florentiae. 1764, pag. 424—426).

мѣнить; иногда же, напротивъ того, разъ сдѣлавъ извѣстную уступку, церковь принуждена была дѣлать все новыя и новыя уступки, такъ что институты церковнаго права принимали у новообращеннаго племени совершенно своеобразный характеръ, рѣзко отличающійся отъ того, который они имѣли въ первоначальной церкви. Другими словами, при подобныхъ обстоятельствахъ возникало новое церковное право, сильно проникнутое національнымъ элементомъ.

Для желающихъ выяснить себѣ существо рецепцій и законы, по которымъ онѣ совершаются, въ высшей степени интересно прослѣдить въ исторіи отдѣльныхъ церковныхъ институтовъ это постепенное проникновеніе національныхъ кельтическихъ и германскихъ началъ въ право католической церкви, вслѣдствіе котораго не только внѣшній обликъ, но и внутреннее содержаніе церковныхъ институтовъ измѣнилось кореннымъ образомъ, то-есть, возникла новая формація права.

Подобное изслѣдованіе мы намѣрены предпринять въ настоящемъ очеркѣ по отношенію къ исторіи системы каръ и покаяній западной церкви. Съ этою цѣлію необходимо выяснить сперва основы системы каръ и покаяній церкви въ первые пять вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія, а затѣмъ опредѣлить, какимъ видоизмѣненіямъ подверглись эти основы у различныхъ кельтическихъ и германскихъ племенъ, принявшихъ христіанство.

II.

Если мы сравнимъ систему каръ и покаяній первоначальной христіанской церкви съ системою каръ и покаяній западной церкви въ первыя времена послѣ принятія германскими и кельтическими народами христіанской религіи, то на первыхъ порахъ мы будемъ поражены невольно бросающимся въ глаза различіемъ въ основахъ этихъ двухъ системъ. Между тѣмъ какъ въ первоначальной христіанской церкви главною реакціей противъ грѣха и церковныхъ преступленій[1]) является покаяніе, долженствующее побудить согрѣшающаго

[1]) Хотя, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ *Н. С. Суворовъ* («О церковныхъ наказаніяхъ». С.-Петербургъ, 1876, стр. 4), и въ области церковнаго правовѣдѣнія необходимо отличать право отъ морали, а слѣдовательно, грѣхъ отъ церковнаго преступленія, но подобное различіе не проводится строго въ источникахъ церковнаго права первыхъ временъ христіанства, то-есть, его мы не находили ни въ Евангеліи, ни въ Посланіяхъ апостольскихъ. Вотъ почему мы не выдѣляемъ, что касается перваго вѣка, понятія преступленія изъ понятія грѣха и понятія кары изъ понятія покаянія.

человѣка, къ сознанію грѣховности своего дѣянія и къ обращенію съ вѣрою къ Божественной благодати, чтобъ ея дѣйствіемъ укрѣпить волю для дальнѣйшей борьбы съ грѣховнымъ началомъ,—въ церкви западной реакція противъ грѣха принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ наказанія, такъ какъ грѣхъ погашается не внутреннимъ перерожденіемъ согрѣшившаго, а подчиненіемъ его тѣмъ лишеніямъ и взысканіямъ, которыя налагаются на него церковною властью. Изъ только что сказаннаго, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобы въ исторіи первоначальной церкви не встрѣчалось примѣровъ носящей на себѣ несомнѣнный характеръ наказанія реакціи противъ грѣха, и чтобы въ первыя времена христіанства не проявлялись тенденціи придать покаянію болѣе внѣшнее значеніе. Напротивъ того, несомнѣнно, что были случаи, въ которыхъ реакція противъ грѣха проявлялась въ формѣ наказанія, и что при покаяніи обращалось вниманіе не только на внутреннюю, но и на внѣшнюю сторону. Равнымъ образомъ невѣрно было бы предположить, что въ церковномъ правѣ германскихъ и кельтическихъ народовъ утерялось совершенно первоначальное значеніе покаянія. Такихъ выводовъ и предположеній мы и не дѣлаемъ. Мы указываемъ только на преобладающій тонъ въ той и другой системѣ каръ и покаяній и на то, что тѣ элементы, которые имѣли въ покаянной системѣ первоначальной церкви второстепенное значеніе, сдѣлались впослѣдствіи на западѣ преобладающими. Объясняется же это, какъ увидимъ ниже, тѣмъ, что при созданіи новой формаціи церковнаго права изъ заимствованныхъ изъ старой формаціи элементовъ получили дальнѣйшее развитіе главнымъ образомъ тѣ, которые наиболѣе соотвѣтствовали началамъ, легшимъ въ основу карательной системы свѣтскаго права Кельтовъ и Германцевъ. Въ виду этого мы постараемся въ предлагаемомъ очеркѣ системы каръ и покаяній первоначальной церкви выяснить значеніе не только преобладающихъ, но и второстепенныхъ элементовъ этой системы.

По ученію Господа нашего Іисуса Христа и его апостоловъ, покаяніе есть путь къ спасенію, непремѣнное условіе участія въ царствіи Божіемъ, каковымъ является церковь. „Оттолѣ“, говоритъ евангелистъ,—начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: Покайтеся, приближеся бо царствіе небесное“ [1]). Такимъ образомъ проповѣдь Христа открывается воззваніемъ къ покаянію. Покаяніе же состоитъ въ полномъ скорби по Богѣ сознаніи своей грѣховности, въ твердомъ намѣреніи

---

[1]) Матѳ. 4, 17; Марка 1, 14, 15.

исправиться, въ обращеніи съ вѣрою ко Іисусу Христу о поддержаніи этого намѣренія дѣйствіемъ божественной благодати и въ стараніи укрѣпить это намѣреніе въ самомъ себѣ [1]). Мытарь пошелъ оправданъ въ домъ свой, потому что онъ созналъ всю великость своихъ прегрѣшеній и со скорбію и смиреніемъ обратился къ Господу. Покаяніе необходимо, какъ для лицъ, желающихъ вступить въ церковь, такъ и для прегрѣшающихъ членовъ церкви, подпавшихъ посредствомъ совершеннаго ими грѣховнаго дѣянія власти діавола и содѣлавшихся такимъ образомъ недостойными принадлежать къ церкви. Первые, то-есть, желающіе вступить въ церковь, нуждаются въ покаяніи, чтобы посредствомъ оного приготовиться къ крещенію, этому освобожденію отъ грѣха первороднаго, подъ господствомъ котораго стоятъ всѣ люди, не принадлежащіе къ союзу церкви. Вторые, то-есть, согрѣшающіе члены церкви, приносятъ покаяніе, чтобы посредствомъ оного восторжествовать надъ грѣхомъ и снова сдѣлаться достойными общенія съ церковью. Такимъ образомъ покаяніе есть средство борьбы съ грѣховнымъ началомъ, общее какъ лицамъ, желающимъ вступить въ церковь и освободиться отъ первороднаго грѣха, такъ и прегрѣшающимъ членамъ церкви. Вотъ почему, какъ увидимъ ниже, церковь впослѣдствіи стала примѣнять правила, установленныя первоначально относительно покаянія приготовляющагося вступить въ церковь, къ покаянію прегрѣшающихъ членовъ церкви.

Сужденіе о томъ, на сколько покаяніе укрѣпило волю и принесло желаемые плоды, Господь предоставилъ церкви, которой онъ далъ власть вязать и разрѣшать [2]). Церковь рѣшаетъ вопросъ: можетъ ли оглашенный вступить въ церковь, а равнымъ образомъ, можетъ ли прегрѣшившій членъ церкви быть снова принятъ въ церковное общеніе на основаніи принесеннаго имъ въ своихъ согрѣшеніяхъ покаянія. Прегрѣшившій принимается въ церковное общеніе самою же церковью, отлучившею его отъ этого общенія. Отлученіе же, въ свою очередь, состояло въ торжественномъ заявленіи, что въ согрѣшившемъ грѣховное начало на столько усилилось, что онъ не можетъ быть въ общеніи съ Богомъ и церковью, доколѣ покаяніемъ не докажетъ того, что возвратился на путь истины и поборолъ силу грѣха. Такимъ образомъ, отлученіе находится въ самой близкой связи съ покаяніемъ и является преимущественно способомъ побудить согрѣ-

---

[1]) Лук. 7, 37—50; 15, 11—24; 18, 13, 14.

[2]) Матѳ. 18, 18; Іоанна 20, 23.

шившаго къ покаянію, а не наказаніемъ въ смыслѣ возмездія за содѣянное. Согрѣшившій отлучается отъ церкви не для того, чтобы посредствомъ подобнаго отлученія лишить его общенія съ церковью, а слѣдовательно, и съ Богомъ, въ возмездіе за содѣянный грѣхъ, а потому что онъ, подпавъ подъ господство грѣха, сдѣлался неспособнымъ къ подобному общенію [2]). Правда, грѣшникъ предается, по выраженію апостола, сатанѣ, но онъ предается ему потому, что вслѣдствіе своихъ согрѣшеній не можетъ находиться въ общеніи съ Богомъ, доколѣ не побѣдитъ того, что̀ апостолъ въ посланіи къ Римлянамъ (VII, 23) называетъ „грѣховнымъ закономъ, сущимъ въ удѣхъ" человѣка. При принесеніи дѣйствительнаго покаянія, двери церкви разверзаются для грѣшника. Онъ опять становится участникомъ благодатнаго царствія Божія, членомъ тѣла Христова, то-есть, церкви. О такомъ примиреніи грѣшника съ Богомъ и церковью постоянно заботится церковь. Это явствуетъ, какъ изъ притчей евангельскихъ о заблудшей овцѣ, потерянной драхмѣ и блудномъ сынѣ, такъ и изъ принятія въ общеніе съ церковью покаявшагося блудника, о которомъ упоминаетъ св. апостолъ Павелъ въ своемъ второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (II, 7, 8). Равнымъ образомъ, и св. апостолъ Іоаннъ въ первомъ своемъ соборномъ посланіи повелѣваетъ молиться о согрѣшающемъ братѣ (1-е соборне посланіе св. апостола Іоанна, V, 16). Правда, въ Писаніи упоминается также о грѣхѣ къ смерти, который не простится человѣкамъ (Матѳ. XII, 31), и относительно котораго апостолъ Павелъ говоритъ въ посланіи къ Евреямъ (VI, 4—6): „Невозможно бо просвѣщенныхъ единою и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ, паки обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ, и обличающихъ". Но этотъ грѣхъ къ смерти, состоящій въ хулѣ на Духа Святаго, въ отрицаніи Христа бывшими членами церкви, бывшими участниками дарованной ей благодати, потому велъ въ первоначальной церкви къ отлученію навсегда, что въ содѣявшихъ оный не предполагалось возможности дѣйствительнаго покаянія и обращенія на путь истины. Грѣшившій къ смерти, отри-

---

[2]) Что таково главное значеніе отлученія, явствуетъ изъ того мѣста Евангелія отъ Матѳея (18, 15—17), въ которомъ устанавливается отлученіе. Сравн. также 2-е посланіе къ Ѳессалоникійцамъ 3, 6, 14; 2-е къ Тимоѳею 3, 5; 2-е соборное Іоанна 9, 10, 11.

цавшійся отъ Христа, отрицался отъ самаго источника благодати, прерывалъ связь съ Сыномъ Божіимъ, даровавшимъ своею крестною смертію возможность грѣховному человѣчеству освободиться изъ-подъ власти грѣха. Церковь отрицалась отъ него, потому что онъ самъ отрицался отъ Сына Божія, то-есть, другими словами; отъ самой церкви. Здѣсь опять мы имѣемъ дѣло не съ наказаніемъ въ смыслѣ свѣтскаго права, а съ торжественнымъ отрицаніемъ со стороны церкви такого отношенія, которое было нарушено самимъ прегрѣшившимъ. Это ясно выражено въ самихъ словахъ Господнихъ, переданныхъ намъ въ Евангеліи: „А иже отвержется мене предъ человѣки, отвергуся его и азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ".

Слѣдовательно, ни покаяніе, ни отлученіе не могутъ быть названы наказаніями въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы обыкновенно употребляемъ этотъ терминъ, ибо покаяніе было только мѣрой исправленія, которой добровольно подчинялся, а не противъ воли подлежалъ прегрѣшившій, а отлученіе было только торжественнымъ отрицаніемъ со стороны церкви такой связи, которая была порвана самимъ прегрѣшившимъ, и объявленіемъ, что въ прегрѣшившемъ нѣтъ уже болѣе тѣхъ внутреннихъ условій, наличность которыхъ необходима для принадлежности къ церкви. Коль скоро эти условія снова съ достовѣрностью могли быть констатированы въ отлученномъ,— онъ возсоединялся съ церковью. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, по ученію церкви, дѣйствительный судъ и дѣйствительное наказаніе грѣшниковъ произойдутъ отъ грядущаго въ послѣдній день міра Сына Божія „судити живымъ и мертвымъ" [1]).

Относительно покаянія большинство изслѣдователей согласны, что оно не можетъ быть названо наказаніемъ въ точномъ смыслѣ этого слова [2]); относительно же отлученія нѣкоторые изслѣдователи высказываютъ мнѣніе, что его слѣдуетъ признать наказаніемъ потому, что оно заключаетъ въ себѣ одинъ изъ характеристическихъ признаковъ наказанія, а именно лишеніе правъ. Здѣсь подразумѣваются тѣ права, которыми пользовался согрѣшившій какъ членъ церкви [3]). Но различие

---

[1]) Церковь исключала только прегрѣшившаго, судъ надъ нимъ предоставлялся Богу (1-е Коринѳ. XVI, 22).

[2]) Ср. *Суворовъ*. О церковныхъ наказаніяхъ, 7; *Loening*, Geschichte des deutschen Kirchenrechts, I, 268.

[3]) *Н. Суворовъ*, 22; *Loening*, I, 268. Впрочемъ, признаніе отлученія наказаніемъ относится у Ленинга главнымъ образомъ къ позднѣйшему послѣ константиновскому времени.

между отлученіемъ временъ апостольскихъ и наказаніемъ свѣтскаго права заключается въ томъ, что лишеніе правъ церковныхъ является только слѣдствіемъ того обстоятельства, что отлученный пересталъ быть членамъ церкви [1]), между тѣмъ какъ при наказаніи свѣтскаго права лишеніе правъ разсматривается именно какъ эквивалентъ преступленія, назначаемый въ воздаяніе за преступленіе и для погашенія оного. Наказаніе является соразмѣреннымъ съ преступленіемъ воздаяніемъ за сіе послѣднее и удовлетвореніемъ чувства общественной правды; отлученіе же во времена апостоловъ не представляетъ такой соразмѣрности съ содѣяннымъ грѣхомъ [2]), а равнымъ образомъ не разсматривается какъ удовлетвореніе чувства правды церковнаго общества, ибо сіе послѣднее примирялось съ согрѣшившимъ не потому, что онъ претерпѣлъ извѣстныя лишенія и страданія и этимъ искупилъ, такъ-сказать, свое грѣховное дѣяніе, а потому, что онъ внутренне переродился и сталъ способнымъ въ дѣйствительности снова вступить въ общеніе съ церковью. Другими словами, въ отлученіи временъ апостольскихъ мы не встрѣчаемся съ тѣмъ формальнымъ характеромъ, который преобладаетъ въ наказаніи свѣтскаго права. Это явствуетъ также и изъ того обстоятельства, что при наказаніи общество заботиться о томъ, чтобы преступникъ отбылъ опредѣленное ему наказаніе, видя въ этимъ торжество правды и отрицаніе неправды, между тѣмъ какъ церковь временъ апостольскихъ съ самого момента отлученія заботится о томъ, чтобы грѣшникъ какъ можно скорѣе принесъ покаяніе и сдѣлался способнымъ къ возсоединенію съ церковью, памятуя, что Богъ не желаетъ смерти грѣшника, но по изрѣченію апостола Павла (1-е посланіе къ Тимоѳею, II, 4), „всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися, и въ разумъ истины пріити“.

Не можетъ служить также доказательствомъ характера отлученія, какъ наказанія, и то обстоятельство, что при извѣстныхъ условіяхъ отлученіе влекло за собою нравственныя страданія для отлучен-

---

[1]) Можно признать общимъ правиломъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ членъ какого-нибудь общества подлежитъ исключенію изъ этого общества вслѣдствіе того, что онъ не соединяетъ уже болѣе въ себѣ всѣ условія, наличность которыхъ необходима для принадлежности къ данному обществу, сопряженное съ исключеніемъ лишеніе членскихъ правъ не можетъ быть названо наказаніемъ.

[2]) Это явствуетъ уже изъ того, что во времена апостоловъ отлученіе опредѣлялось не на извѣстный срокъ, а неопредѣленно — до исправленія (сравн. 1-е посланіе къ Коринѳ., гл. V).

наго и сознавалось имъ, какъ страданіе. А именно, тотъ взглядъ, по которому причиненіе страданія считается главнымъ содержаніемъ наказанія, признается въ современной наукѣ уголовнаго права не выдерживающимъ критики [1].

Наконецъ, отлученіе временъ апостольскихъ и потому трудно признать наказаніемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется свѣтскимъ правомъ, что посредствомъ его грѣхъ отнюдь не погашается. Прощается и погашается грѣхъ дѣйствіемъ Божественной благодати при дѣйствительномъ обращеніи къ самому источнику искупленія грѣховъ, то-есть, ко Христу, понесшему грѣхи міра.

Все, что только можно допустить на основаніи вышеизложеннаго, это то, что отлученіе можетъ быть названо мѣрой исправленія [2]), и то не прямою, а только косвенною, такъ какъ оно не непосредственно исправляло, а побуждало только къ покаянію и исправленію. Но хотя при наказаніи очень часто преслѣдуются исправительныя цѣли, тѣмъ не менѣе исправленіемъ преступника не исчерпывается ни значеніе, ни цѣль наказанія, а потому признаніе за отлученіемъ характера исправительной мѣры не влечетъ еще за собою признанія за нимъ и характера наказанія.

Итакъ, ни покаяніе, ни отлученіе апостольскихъ временъ не могутъ быть признаны наказаніями въ точномъ смыслѣ этого слова Назывались же они таковыми вслѣдствіе недоразумѣній и невыясненія основнаго значенія наказанія, какъ состоящаго въ лишеніи правъ эквивалента преступленія, налагаемаго на преступника обществомъ въ воздаяніе за преступленіе и погашающаго преступленіе. Изслѣдователи, замѣчая въ отлученіи тотъ или иной признакъ наказанія, признавали отлученіе наказаніемъ, при чемъ ими упускалось изъ виду, что всякое понятіе, а слѣдовательно, и понятіе наказанія, опредѣляется не однимъ какимъ-нибудь признакомъ, а совокупностью всѣхъ признаковъ.

Подобное же воззрѣніе на значеніе покаянія и отлученія встрѣчаемъ у непосредственныхъ преемниковъ апостоловъ. Такъ, въ посланіи Климента Римскаго къ Коринѳянамъ читаемъ слѣдующее: „Обратимъ вниманіе на кровь Христа и познаемъ, сколь драгоцѣнна для Бога эта кровь, которая, будучи пролита нашего ради спасенія, да-

---

[1]) Сравн., напримѣръ, *Heinze.* Strafrechtstheorien und Strafrechtsprincip въ *Holtzendorff's* Handbuch des deutscher Strafrechts. Band I, 321.

[2]) Какъ то, напримѣръ, дѣлаетъ *Doellinger*, Christenthum und Kirche, 349.

ровала благодать покаянія всему міру. Со тщаніемъ разсмотримъ всѣ поколѣнія и убѣдимся, что отъ поколѣнія къ поколѣнію Господь давалъ возможность покаянія всѣмъ желающимъ къ нему обратиться... Желая, чтобы всѣ избранные его сдѣлались участниками покаянія, онъ укрѣпилъ ихъ своею всемогущею волею". Далѣе, въ томъ же посланіи говорится: „И мы также помолимся за тѣхъ, которые впали въ какой нибудь грѣхъ, да дастся имъ воздержаніе и смиреніе, такъ чтобъ они покорились не намъ, но волѣ Божіей" [1]).

Въ предыдущемъ изложеніи указанъ былъ преобладающій характеръ покаянія и отлученія во времена апостольскія. Но этимъ мы вовсе не имѣли намѣренія утверждать, чтобы въ отлученіи и покаяніи не было элементовъ, способныхъ при дальнѣйшемъ развитіи сообщить этимъ институтамъ карательный характеръ, который и развился съ теченіемъ времени, хотя и не пріобрѣлъ того преобладающаго значенія, съ которымъ мы встрѣчаемся впослѣдствіи въ средніе вѣка.

Что касается отлученія, то вопросъ о томъ, когда отлученный грѣшникъ можетъ быть возсоединенъ съ церковью, разрѣшался первоначально не на основаніи какого-нибудь общаго правила о срокахъ отлученія, а самостоятельно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по тщательномъ соображеніи всѣхъ данныхъ, которыя могли быть представлены въ доказательство обращенія прегрѣшившаго на путь истины. Но, малу по малу для отдѣльныхъ грѣховъ начинаютъ устанавливаться извѣстные опредѣленные сроки отлученія. Правда, при установленіи этихъ сроковъ церковь руководствовалась преимущественно соображеніемъ, что степень торжества грѣховнаго начала надъ началомъ нравственнымъ не одинакова при различныхъ преступленіяхъ, такъ что и для исправленія прегрѣшившаго не всегда требуется одинаковый періодъ времени, — тѣмъ не менѣе самый фактъ опредѣленія сроковъ отлученія, соразмѣряемыхъ съ совершеннымъ прегрѣшеніемъ, облегчалъ переходъ отъ прежняго воззрѣнія на отлученія, какъ на дисциплинарно-исправительную мѣру, къ новому воззрѣнію на оное какъ на наказаніе [2]).

---

[1]) *Mansi*, I, 177, 211.

[2]) Впрочемъ, вполнѣ какъ наказаніе, отлученіе не разсматривалось никогда церковью. Даже впослѣдствіи на западѣ церковь относитъ отлученіе не къ такъназываемому poenae vindicativae, а къ такъ-называемому poenae medicinales или censurae.

Точно также и въ институтѣ покаянія мы встрѣчаемся съ элементами, которые при дальнѣйшемъ развитіи могли сообщить и въ дѣйствительности сообщили покаянію въ извѣстной степени характеръ наказанія. Мы подразумѣваемъ здѣсь дѣла покаянія, на разсмотрѣніи которыхъ и позволимъ себѣ остановиться нѣсколько долѣе.

Хотя при покаяніи обращалось главное вниманіе на внутреннее нравственное перерожденіе грѣшника, на его раскаяніе и обращеніе ко Христу, но въ то же время предполагалось, что происшедшая внутри человѣка перемѣна выразится и въ его внѣшней дѣятельности. Вотъ почему не упускались изъ виду тѣ благочестивыя упражненія, которыя обыкновенно называются дѣлами покаянія. Сюда относятся молитва, постъ и милостыня. Сами по себѣ, они не имѣютъ значенія и пріобрѣтаютъ оное только въ связи съ внутреннимъ нравственнымъ настроеніемъ [1]). Изъ показаній Евсевія и Климента Александрійскаго узнаемъ, что съ покаяніемъ еще во времени апостольскія соединялись молитва и постъ. А именно, совратившагося съ пути истины и сдѣлавшагося атаманомъ разбойниковъ юношу апостолъ Іоаннъ располагаетъ къ покаянію и примиренію съ церковью посредствомъ того, что молится и постится вмѣстѣ съ нимъ [2]). Равнымъ образомъ, въ апологіи христіанскаго ученія св. Юстинъ говоритъ, что въ его время покаяніе, предшествовавшее крещенію новообращенныхъ, соединялось съ постомъ и молитвою [3]).

Эти благочестивыя упражненія, которыя ожидались отъ лицъ, приносящихъ покаяніе, рекомендовались, кромѣ того, какъ извѣстно, и всѣмъ остальнымъ христіанамъ и въ дѣйствительности практиковались ими. Что молитва, это общеніе съ Богомъ, считалась необходимою съ самаго основанія христіанской церкви, излишне, кажется, доказывать. Равнымъ образомъ несомнѣнно, что, слѣдуя примѣру

---

[1]) Что тотъ формализмъ, который преобладалъ въ ветхозавѣтномъ ученіи о добрыхъ дѣлахъ, и по которому человѣкъ оправдывался дѣлами закона, то-есть, добрыми дѣлами, даже безъ связи съ соотвѣтствующимъ внутреннимъ нравственнымъ настроеніемъ, былъ чуждъ ученію церкви временъ апостольскихъ, видно изъ посланія къ Римлянамъ апостола Павла (III, 28), гдѣ говорится: «Мыслимъ убо вѣрою оправдатися человѣку, безъ дѣлъ закона». Значитъ, только въ связи съ вѣрою добрыя дѣла пріобрѣтали значеніе.

[2]) Eusebii Ecclesiasticae Historiae lib. III cap. XXIV; Clem. Alex. Tractatus «Quis dives salvabitur?», cap. XLII (на Климента Александрійскаго ссылка дѣлается по *Darras*. Histoire générale de l'Eglise, VI, 509. прим. 2).

[3]) *Darras*. Histoire générale de l'Eglise, VII, 167.

Божественнаго основателя христіанской религіи, апостолы и ихъ непосредственные преемники считали постъ необходимымъ для всѣхъ христіанъ во укрощеніе плоти, повинующейся грѣховному закону, сущему во удѣхъ человѣка, и противящейся духу [1]). Весьма вѣроятно, что очень рано, кромѣ добровольно предпринимаемыхъ, установлены были общеобязательные посты [2]). Наконецъ, значеніе милостыни также несомнѣнно въ первоначальной церкви. Господь заповѣдалъ вѣрующимъ вообще любить другъ друга; въ особенности же эта заповѣдь любви относится къ бѣднымъ, помогать которымъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность христіанину [3]). Сознаніе этой первоклассной—если можно такъ выразиться—обязанности ясно высказалось въ памятникахъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Подаяніе разсматривается здѣсь не только какъ актъ любви къ ближнему, но и какъ жертва Богу. Жертва эта чужда того формализма, который приданъ ей былъ впослѣдствіи, въ средніе вѣка. Она должно быть добровольною и свидѣтельствовать въ дѣйствительности о чистосердечной любви къ Богу и къ ближнимъ [4]). Милостыня, наконецъ, приводится въ близкую, непосредственную связь съ постомъ. Время поста, по справедливому замѣчанію Бинтерима [5]), должно было быть золотымъ временемъ для бѣдныхъ. То, чего лишалъ себя богачъ, отдавалось бѣднымъ въ даръ, такъ какъ церковь объявляла постъ безъ милостыни безполезнымъ. Даже простой милостыни было недостаточно, а необходимо было, по воззрѣнію церкви, чтобы богатый въ точности опредѣлилъ, сколько сохранялось вслѣдствіе поста изъ предположеннаго имъ къ ежедневному употребленію количества пищи, и полученную имъ такимъ образомъ экономію отдавалъ бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ [6]).

---

[1]) Ср. Посланіе къ Римлянамъ, XIII, 14, къ Галатамъ V, 17, 24.

[2]) У *Бинтерима* въ его Denkwürdigkeiten der Christkatholischen Kirche. Mainz. 1829. Band V, Theil II, p. 5—6, сведены всѣ мѣста, указывающія на раннее существованіе общеобязательныхъ постовъ.

[3]) Ср. Матѳ., XXV, 34 и слѣд., гдѣ, по справедливому замѣчанію *Деллингера* (Christenthum und Kirche, 404), основаніемъ для оправданія или осужденія въ послѣдній день суда признается оказаніе или не оказаніе милостыни нуждающимся въ настоящей жизни.

[4]) См. статью *Баумгартена* «Armenpflege» въ *Herzog's* Realencyclopaedie für protestantische Theologie und Kirche, I, 512—513.

[5]) *Binterim*, 90.

[6]) Въ такъ-называемомъ Pastor Ермы (Lib. III, similit. V, 1—3) читаемъ Computata quantitate cibi, quem caeteris diebus comesturus es, sumptum diei illius

Итакъ, молитва, постъ и милостыня считались необходимыми для всѣхъ вѣрующихъ вообще, но въ особенности молиться, поститься и подавать милостыню должны были лица, совершившія какой-нибудь грѣхъ и приносящія покаяніе. Этими благочестивыми упражненіями они должны были приготовить себя къ дальнѣйшей борьбѣ съ грѣховнымъ началомъ, противъ силы котораго такъ недавно еще оказалась вполнѣ немощною ихъ воля.

Какія благочестивыя упражненія слѣдовало предпринимать грѣшникамъ, въ первыя времена христіанства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляла церковь посредствомъ своихъ представителей— епископовъ. Общихъ правилъ первоначально не существовало. Но мало по малу, силой обычая и въ область покаянія вносится извѣстная опредѣленность. Благочестивыя упражненія начинаютъ, если можно такъ выразиться, соразмѣряться съ тѣми грѣхами, въ которыхъ приносится покаяніе. Отсюда до взгляда на благочестивыя покаянныя упражненія, какъ на взысканія, налагаемыя за грѣхъ и въ извѣстной степени служащія къ погашенію грѣха, всего одинъ шагъ. И въ дѣйствительности подобное воззрѣніе уже въ извѣстной степени замѣчается въ упомянутой нами выше апологіи христіанства, составленной св. Юстиномъ. Вотъ относящееся сюда мѣсто о новообращенныхъ: precari et jejunantes priorum peccatorum veniam a Deo petere docentur, nobis una precantibus et jejunantibus [1].

Только что сказаннымъ мы не намѣрены утверждать, что въ первоначальной церкви отлученіе и покаяніе мало по малу усвоили вполнѣ характеръ наказаній. Мы указываемъ только на то, что уже въ разсматриваемое нами теперь время получили въ извѣстной степени развитіе тѣ элементы упомянутыхъ институтовъ, которые впослѣдствіи въ западной церкви стали преобладающими, что̀ въ свою очередь придало отлученію и покаянію кельтическаго и германскаго церковнаго права характеръ главнымъ образомъ наказанія.

Усиленію карательнаго начала въ институтахъ покаянія и отлученія способствовало также и то обстоятельство, что церковное право христіанской церкви находилось въ близкой связи съ ветхозавѣтнымъ правомъ, а въ отлученіи и покаяніи сего послѣдняго встрѣ-

---

quem facturus eras, repones et dabis viduae, pupillo aut inopi. Si igitur sic consummaveris jejunium tuum... erit hostia accepta Domino et scribetur hoc jejunium tuum. Ср. также *Binterim*, 91.

[1]) Apologia, I, cap. 61.

чается много такихъ чертъ, которыя приближаютъ эти институты къ типу скорѣе наказаній, чѣмъ исправительныхъ мѣръ. Въ особенности ветхозавѣтное отлученіе являетъ всѣ признаки наказанія. Оно можетъ быть сравнено съ sacratio capitis древне-римскаго права, такъ какъ отлученный объявлялся внѣ закона и подлежалъ смерти [1]), а имущество его конфисковалось. Равнымъ образомъ и ветхозавѣтное покаяніе облечено, хотя и въ меньшей степени чѣмъ отлученіе, характеромъ наказанія. А именно, хотя въ Св. Писаніи ветхаго завѣта и не упускается никогда изъ виду внутренній моментъ покаянія [2]), тѣмъ не менѣе весьма важное значеніе придается и внѣшнему моменту, что въ дѣйствительномъ примѣненіи неоспоримо должно было сообщать покаянію характеръ кары, налагаемой въ воздаяніе за грѣхъ и погашающей въ извѣстной степени сей послѣдній.

Указавъ, такимъ образомъ, исходныя точки развитія системы каръ и покаяній церковнаго права, мы переходимъ къ болѣе подробному изслѣдованію самаго процесса этого развитія по памятникамъ первыхъ пяти вѣковъ христіанства.

Первый изъ древнихъ памятниковъ церковнаго права, въ которомъ подробно излагается первоначальная церковная дисциплина, это такъ-называемыя Апостольскія постановленія или заповѣди, окончательная редакція которыхъ, какъ опредѣлено новѣйшими изслѣдованіями, относится къ срединѣ III вѣка [3]), но отдѣльныя положенія которыхъ несомнѣнно возникли гораздо ранѣе [4]). Въ этихъ Апостольскихъ по-

---

[1]) Левит. 27, 29. Сравн. *Rütschi*. Bann bei den Hebraeern въ *Herzog's* Encyclopaedie, I, 677, а въ русской литературѣ—*Н. Суворовъ*. О церковныхъ наказаніяхъ, 48.

[2]) Ср. мѣста Св. Писанія ветхаго завѣта, которыя приводитъ *Ланге* въ статьѣ «Busse» въ *Herzog's* Encyclopaedie, II, 469.

[3]) То-есть, окончательная редакція первыхъ шести книгъ. Книги седьмая и восьмая составляютъ, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, самостоятельные сборники и возникли въ началѣ IV вѣка. Относительно постановленій апостольскихъ сравн. *Richter*, Lehrbuch des Kircherechts. Achte Auflage bearbeitet von *Dove*, 43 и сл. и приведенныя тамъ сочиненія. Основы этихъ постановленій *Pressensé* (La vie des Chrétiens au 2-me et 3-me siècles, 2, note 1) относитъ къ первому вѣку.

[4]) Несомнѣнно, что основа апостольскихъ правилъ искажена была еретиками, почему собраніе этихъ правилъ и отвергнуто церковью на Трулльскомъ соборѣ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы не могли пользоваться этимъ памятникомъ для изученія церковной дисциплины во второмъ и третьемъ вѣкахъ, ибо, вопервыхъ, искаженія сдѣланы такъ, что они легко могутъ быть замѣчены и отличены отъ первоначальнаго текста, какъ это, напримѣръ, сдѣлано

становленіяхъ преобладающій характеръ, какъ отлученія, такъ и покаянія, все тотъ же, съ которымъ мы познакомились выше, но въ то же самое время и тѣ второстепенные элементы, дальнѣйшее развитіе которыхъ сообщило впослѣдствіи отлученію и покаянію характеръ наказаній, пріобрѣтаютъ большее значеніе, чѣмъ въ первый вѣкъ христіанства.

Положеніе отлученныхъ, не принесшихъ покаянія, прямо сравнивается съ положеніемъ язычниковъ, а положеніе отлученныхъ, желающихъ покаяться,—съ положеніемъ такъ-называемыхъ оглашенныхъ. Согласно этому, и отношеніе вѣрующихъ къ отлученнымъ опредѣляется такъ, какъ опредѣляется ихъ отношеніе къ язычникамъ. Подобно тому, какъ язычники, желающіе войдти въ церковь, входятъ въ нее при посредствѣ покаянія и крещенія, отлученные грѣшники, желающіе возсоединиться съ церковью, возсоединяются съ нею путемъ покаянія и разрѣшенія, даваемаго самою церковью посредствомъ представителей ея, то-есть, епископовъ [1]). Въ силу этихъ соображеній самый актъ разрѣшенія посредствомъ наложенія рукъ сравнивается съ крещеніемъ [2]). Значитъ, и въ постановленіяхъ апостольскихъ отлученіе имѣетъ главнымъ образомъ значеніе только торжественнаго заявленія, что содѣлавшій грѣхъ поставилъ, такъ-сказать, самъ себя внѣ общенія съ церковью, и что принятіе его въ лоно церкви возможно только тогда, когда онъ покаяніемъ докажетъ, что снова дѣйствительно обратился на путь истины. Карательный элементъ здѣсь очень слабо развитъ. Это видно и изъ того, что принесшій покаяніе грѣшникъ не принимается тотчасъ въ полное общеніе съ церковью только потому, что церковь считаетъ необходимымъ истеченіе извѣстнаго срока, чтобъ убѣдиться, что онъ дѣйствительно созналъ грѣховность своихъ дѣяній и дѣйствительно возъимѣлъ твердое намѣреніе не грѣшить болѣе, а не потому, что онъ не отбылъ еще присужденнаго ему наказанія. Повсюду вмѣняется епископу въ обязанность, какъ только онъ имѣлъ случай убѣдиться въ дѣйствительности покаянія, возсоединять кающихся [3]); повсюду за отказъ

Бунзеномъ во второмъ томѣ его «Analecta antenicaenna», а вовторыхъ, эти искаженія относятся главнымъ образомъ къ догматической и обрядовой частямъ постановленій, а не къ тѣмъ отдѣламъ, которые трактуютъ о дисциплинѣ.

[1]) Въ подтвержденіе высказаннаго въ текстѣ мнѣнія могутъ быть указаны нѣкоторыя мѣста постановленій, а именно: Const. lib. II, cc. 38, 39, 41.

[2]) Const. Liber II, cap. 41.

[2]) Τοὺς μετανοοῦντας προσδέχου· ὅτι Κύριος ὁ Θεὸς μετα ὅρχου ἐπηγγείλατο

принять кающихся въ общеніе съ церковью, ему угрожается судомъ Божіимъ [1]), такъ какъ не пріемлющіе кающихся гнѣвятъ Бога [2]). Наконецъ, отлученіе не влекло за собою прекращенія всякаго общенія между отлученнымъ съ одной стороны и вѣрующими съ другой: прекращалось только общеніе церковное. Что общеніе въ прочихъ отношеніяхъ не только не воспрещалось, но даже одобрялось въ видахъ исправленія грѣшника, видно изъ слѣдующаго мѣста постановленій апостольскихъ (Lib. II, cap. 14): „Итакъ, принимай безъ сомнѣнія кающихся, и да не будутъ тебѣ въ этомъ помѣхой тѣ, которые безъ милости утверждаютъ, что не слѣдуетъ осквернять себя общеніемъ съ грѣшниками и бесѣдою съ ними. Таково мнѣніе не вѣдающихъ Бога и Божественнаго Промысла, судей, лишенныхъ разума, лютыхъ звѣрей: не понимаютъ убо, что слѣдуетъ избѣгать общенія съ грѣшниками въ ихъ злыхъ дѣлахъ, а не въ бесѣдахъ съ ними". Да и въ дѣйствительности, какимъ образомъ стала бы церковь воспрещать вѣрующимъ общеніе съ грѣшниками во всѣхъ отношеніяхъ, когда она всѣмъ и каждому совѣтовала вразумлять и обращать прегрѣшающихъ, а епископомъ вмѣняла даже это въ особую обязанность [3]).

Но хотя такимъ образомъ карательный элементъ весьма слабо развитъ въ Апостольскихъ постановленіяхъ, онъ все таки имѣетъ здѣсь гораздо большее значеніе, чѣмъ въ первый вѣкъ христіанства. А именно, хотя церковь и признаетъ, что ни одна изъ дисциплинарно-исправительныхъ мѣръ, примѣняемыхъ при покаяніи, не можетъ въ сущности быть признана даже относительно эквивалентомъ грѣховнаго дѣянія, и будучи примѣнена, погашать сіе послѣднее, хотя она, далѣе, прямо высказываетъ то мнѣніе, что, собственно говоря, грѣхи человѣческіе столь велики, что соразмѣрнаго наказанія, кромѣ вѣчнаго осужденія, нельзя въ сущности для нихъ найдти [4]),—тѣмъ не менѣе она все-таки

ἄφεσιν παρασχεῖν τοῖς μετανοοῦσιν ἐφ 'οἷς ἥμαρτον. Const. liber II, cap. 12. Сравн. также Lib. II, cap. 14 и 15. Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ указывается на то, что самъ Господь черезъ пророка (Исаія XI, 1) взываетъ ко епископамъ «Παρακαλεῖτε, παρακαλεῖτε τὸν λαόν μου, ἱερεῖς», а поэтому они должны охотно возсоединять кающихся.

[1]) Const. lib. II, cap. 21. Ὡσαύτως καὶ ὁ μὴ προσδεχόμενος τοὺς μετανοοῦντας σκορπίζει τὰ τοῦ χριστοῦ, κατ 'αὐτοῦ γινόμενος.

[2]) Lib. II, cap. 24.

[3]) Lib. II, cap. 40.

[4]) Сравн. молитву въ главѣ 22 книги II Апост. постановленій. По смыслу

стремится внести извѣстную соразмѣрность въ свою систему покаяній. „Также и мы должны“ — читается въ главѣ 16-й книги II-й Апостольскихъ постановленій — кающихся въ грѣхахъ отлучать на извѣстное, опредѣленное соразмѣрно съ содѣянными грѣхами время, а затѣмъ въ дѣйствительности раскаявшихся принимать въ общеніе, подобно тому, какъ дѣлаютъ это отцы съ сыновьями“. Это стремленіе соразмѣрить покаяніе съ степенью грѣховности того или другого провинившагося члена церкви еще опредѣленнѣе высказалось въ главѣ 4-й книги второй Апостольскихъ постановленій. „И ты“ — читаемъ здѣсь — „подобно соболѣзнующему медику, врачуй всѣхъ грѣшниковъ, прибѣгая для этого къ цѣлебнымъ и пригоднымъ для помощи средствамъ, и не только вырѣзывая и выжигая или примѣняя сухія и ѣдкія средства, но и перевязывая раны, покрывая ихъ мазью, налагая на нихъ мягчительныя лѣкарства, отъ которыхъ закрываются язвы, и все орошая словами утѣшенія. Далѣе, если рана зіяющая, то наполни ее благоуханнымъ пластыремъ, да сравняется она, исполнившись мяса, съ остальными неповрежденными частями. Если же въ ней накопились нечистоты, то очисти ее ѣдкимъ порошкомъ, то-есть, укоризненными словами, а если она вспухнетъ, то разотри ее разбивающею мазью, угрозой суда. Будетъ ли распространяться язва, прижги ее и вырѣжь гнилое, смиряя постомъ“. Здѣсь, противъ различныхъ прегрѣшеній рекомендуются исправительныя мѣры, отличныя одна отъ другой не только количественно, то-есть, относительно срока но и качественно. Наконецъ, въ случаѣ неудачи всѣхъ этихъ мѣръ, примѣняется высшая дисциплинарно-исправительная мѣра, отлученіе. „Если ты все это сдѣлаешь“—читаемъ далѣе—„и убѣдишься, что ничего не поможетъ—ни наложеніе припарокъ и перевязокъ, ни смазываніе елеемъ съ головы до ногъ, но что язва расширяется и предупреждаетъ дѣйствіе врачебныхъ средствъ, подобно гангренѣ, въ тлѣніе обращающей всѣ члены тѣла, тогда, по зрѣломъ разсужденіи и послѣ совѣщанія съ приглашенными тобою другими добросовѣстными медиками, отрѣжь согнившій членъ, да не испортится все тѣло церкви“. Въ самомъ отлученіи апостольскія постановленія различаютъ нѣсколько степеней, при назначеніи которыхъ принималась во вниманіе важность содѣяннаго прегрѣшенія. А именно, отлученному, желавшему покаяться, назначался, соразмѣрно съ учиненнымъ имъ

этой молитвы, грѣхи погашаются не наказаніемъ, а дѣйствіемъ Божественной благодати.

грѣховнымъ дѣяніемъ (κατὰ τὸ ἁμάρτημα), извѣстный срокъ, въ теченіе котораго онъ смирялся постомъ и пребывалъ внѣ общенія съ церковью [1].

Установленіе подобной соразмѣрности, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи между грѣховнымъ дѣяніемъ и реакціей противъ онаго несомнѣнно должно было сообщить самимъ мѣрамъ реакціи извѣстный карательный оттѣнокъ, приблизить ихъ къ типу наказаній. Вотъ почему, какъ отлученіе, такъ и покаяніе, представляютъ во второмъ и третьемъ вѣкѣ, то-есть, во времена составленія такъ-называемыхъ Апостольскихъ правилъ, гораздо болѣе признаковъ наказанія, нежели во времена апостольскія, чѣмъ, въ свою очередь, и объясняется то обстоятельство, что для обозначенія ихъ начинаютъ иногда употребляться термины, указывающіе на извѣстный карательный характеръ [2].

Усиленіе карательнаго элемента въ мѣрахъ реакціи противъ грѣховныхъ дѣлъ объясняется также совершившимся въ разсматриваемое время приведеніемъ въ непосредственную связь покаянной системы церкви съ ветхозавѣтною карательною и покаянною системою. Что подобная связь въ дѣйствительности была установлена между обѣими только что указанными системами явствуетъ изъ главы 48-й книги II Апостольскихъ постановленій, гдѣ, между прочимъ, предписывается епископамъ слѣдующее: „Однакожь, не произносите относительно различныхъ грѣховъ одинаковаго приговора, но относительно каждаго приличествующій оному, съ великою осторожностью разсуждая объ отдѣльныхъ грѣхахъ, малы ли они или велики. Итакъ, иначе судите о грѣхѣ дѣломъ, чѣмъ о грѣхѣ словомъ, еще иначе о грѣховномъ намѣреніи, о ругательствѣ или о подозрѣніи въ грѣхѣ. А именно, однихъ смиряйте простою угрозою, другихъ—милостынью бѣднымъ, третьихъ—постомъ, и наконецъ, четвертыхъ, въ виду важности преступленія, отлучайте отъ общенія съ вѣрными. Также и законъ [3]) не всѣ грѣхи обложилъ одинаковымъ наказаніемъ, но назначилъ иныя наказанія за преступленія противъ Бога, противъ жреца, противъ храма и противъ святилища, иныя—за преступленія противъ царя, противъ князя, противъ воина и противъ поддан-

---

[1]) Ср. главу 16-ю книги II-й Апостольскихъ постановленій. Срокъ отлученія разнился, смотря по прегрѣшенію, отъ двухъ до семи недѣль.

[2]) Такъ напримѣръ, въ главѣ 46-й книги второй читаемъ.... ὁ οὖν καταγινωσκόμενος ἐπιτιμάσθω, ἀφοριζέσθω, δίκην τῆς μισαδελφίας τιννυτω.

[3]) Подъ словомъ «законъ» здѣсь подразумѣвается ветхозавѣтный законъ.

наго, противъ равнаго и противъ слуги, противъ имущества и противъ скота, еще иныя — за преступленія противъ родителей и родичей, за преступленія вольныя и невольныя, а именно—иныхъ законъ наказывалъ смертью, распятіемъ или побіеніемъ камнями, иныхъ денежными наказаніями, побоями или причиненіемъ виновному того же, что̀ онъ учинилъ потерпѣвшему". Наконецъ, есть мѣста въ Апостольскихъ постановленіяхъ, гдѣ объ отдѣльныхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ говорится прямо словами Св. Писанія ветхаго завѣта. Такъ, въ главѣ 35-й книги II-й встрѣчаемъ ссылку на изрѣченіе притчей Соломона (XV, 27): „Милостынями и вѣрою очищаются грѣхи". Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ самому покаянному дѣйствію приписывался ветхозавѣтный характеръ искупительнаго дѣйствія, погашающаго грѣхъ, то-есть, въ извѣстной степени характеръ покаянія.

Впрочемъ,—и на это мы позволимъ себѣ еще разъ обратить вниманіе читателя — все указанное выше придало только отлученію и покаянію нѣкоторыя черты, приближающія ихъ къ типу наказаній, но не видоизмѣнило кореннымъ образомъ ихъ характера, то-есть, не превратило ихъ въ дѣйствительныя наказанія, во всемъ подобныя наказаніямъ свѣтскаго права. По прежнему грѣхъ погашался не отбытіемъ срока отлученія или совершеніемъ извѣстныхъ покаянныхъ дѣйствій, а дѣйствіемъ божественной благодати, участникомъ которой кающійся становился только посредствомъ дѣйствительнаго раскаянія [1]). Сіе послѣднее давало возможность прощенія самыхъ тяжкихъ грѣховъ. Это не разъ высказывается въ Апостольскихъ постановленіяхъ [2]), при чемъ въ доказательство правильности подобнаго воззрѣнія приводится примѣръ прощенія св. апостолу Петру его трое-

[1]) Епископъ долженъ былъ, въ случаѣ желанія отлученнаго быть принятымъ снова въ лоно церкви, прежде всего удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ раскаялся, и можетъ ли онъ вообще быть принятъ въ общеніе съ вѣрующими. Только убѣдившись въ дѣйствительности раскаянія, епископъ приступаетъ къ назначенію срока, по истеченіи котораго отлученный можетъ быть возсоединенъ съ церковью. Сравн. Const. Lib. II, cap. 16. Τότε σο κελεύσεις εἰσελθεῖν αὐτόν· καὶ ἀνακρίνας εἰ μετανοεῖ καὶ ἄξιος ἐστιν εἰς ἐκκλησίαν ὅλως παραδεχθῆναι....

[2]) Ср. Const. Lib. II. Cap, 22. Ἠκούσατε, τέκνα ποθητὰ ἡμῶν, ὅπως Κύριος ὁ Θεὸς τοῖς εἰδώλοις προσα νασχόντα καὶπολλοὺς ἀθώους φονεύσαντα, βραχέως τιμωρησάμενος μέταγνόντα προσελάβετο, καὶ ἀφεὶς αὐτῷ τὰ πγημμελήματα ἐπεστρεψεν ἀυτὸν ἐπὶ τὴν βσιλέιαν· οὐ μόνον γὰρ ἀφίησι μετανοοῦσιν, ἀλλὰ καὶ εἰς τὴν προτέραν ἀξίαν αὐτοὺς επαναγει.

кратнаго отрѣченія отъ Іисуса Христа. „И Петра"—читаемъ въ главѣ 24-й книги II-й,—„троекратно изъ страха отрекшагося отъ Него, но потомъ умилостивившаго его покаяніемъ и горькими слезами, принялъ Онъ снова въ свои объятія и учинилъ пастыремъ своихъ овецъ".

Только что высказанному мнѣнію какъ бы противорѣчитъ глава 43-я книги II-й Апостольскихъ постановленій, согласно которой лицо, виновное во второй разъ въ ложномъ доносѣ на брата, окончательно, то-есть, навсегда, отлучается отъ церкви. Но противорѣчіе это только кажущееся: при болѣе близкомъ знакомствѣ съ указаннымъ мѣстомъ оно устраняется само собою. Дѣло въ томъ, что учинившій ложный доносъ во второй разъ отлучается отъ церкви навсегда только потому, что онъ не можетъ представить церкви достаточныхъ гарантій дѣйствительности своего раскаянія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могла церковь довѣрять учинившему ложный доносъ во второй разъ, когда онъ цѣлымъ рядомъ лживыхъ поступковъ вполнѣ доказалъ, что истины въ немъ нѣтъ. Давъ впервые ложное показаніе, онъ былъ уже разъ по этому случаю отлученъ, затѣмъ ложно заявилъ, что кается въ своемъ прегрѣшеніи, и наконецъ, вновь ложно свидѣтельствовалъ на брата своего. Церковь, не будучи въ состояніи провѣрить искренность приносимаго имъ раскаянія, признавала невозможнымъ возобновить общеніе съ нимъ, тѣмъ болѣе, что отъ такихъ доносчиковъ въ церкви чинилась смута великая [1]).

Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и то обстоятельство, что только что приведенное положеніе Апостольскихъ постановленій объ отлученіи навсегда совершившаго ложный донесъ во второй разъ, по всей вѣроятности, не входило въ составъ первоначальнаго сборника и возникло во времена составленія послѣдней редакціи Апостольскихъ постановленій подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ на отлученіе и покаяніе, проявившихся въ церкви въ концѣ II и началѣ III столѣтія.

Таково ученіе объ отлученіи и покаяніи въ такъ-называемыхъ Апостольскихъ постановленіяхъ, сборникѣ церковнаго права, главныя положенія котораго возникли въ концѣ I и въ теченіе II столѣтія.

Въ концѣ II вѣка и въ III вѣкѣ мы встрѣчаемся съ болѣе строгимъ

---

[1]) Про ложнаго доносчика апостольскія постановленія въ указанномъ въ текстѣ мѣстѣ выражаются слѣдующимъ образомъ: ὡς ἂν κεχειροτονημένος ὑπο τοῦ διαβόλου σκυβαλίζειν τὴν ἐκκλησίαν διὰ βλασφημιῶν καὶ πολλῆς ἀκαταστασίας καὶ ἔριδος καὶ διχοστασίας.

отношеніемъ церкви къ прегрѣшеніямъ ея членовъ, что естественно должно было, еще болѣе усилить карательный элементъ въ мѣрахъ реакціи противъ грѣха.

Это болѣе строгое отношеніе выразилось прежде всего въ томъ, что церковъ стала смотрѣть иначе на прегрѣшенія, совершенныя ея членами, чѣмъ на таковыя же, въ которыхъ провинились такъ-называемые оглашенные до принятія ими св. крещенія. Прегрѣшенія оглашенныхъ не могли быть вмѣнены имъ въ такой же степени въ вину, въ какой вмѣнялись вѣрнымъ совершенныя ими грѣховныя дѣла. Оглашенные не возродились еще духомъ, пребывали еще внѣ божественной благодати, а потому и не могли, даже при полномъ желаніи, вести вполнѣ успѣшную борьбу съ грѣхомъ. Далѣе, не будучи членами церкви, они и не могли ни въ какомъ случаѣ подлежать ея дисциплинарной власти за нарушеніе ея правилъ и постановленій. Слѣдовательно, покаянію оглашенныхъ ни какимъ образомъ не могъ быть приданъ карательный характеръ. И дѣйствительно, покаяніе оглашенныхъ продолжало разсматриваться и въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, точно также, какъ оно разсматривалось во времена апостольскія, то-есть, исключительно только какъ способъ укрѣпить въ кающемся намѣреніе отречься отъ царства діавола и обратиться къ Богу. Оглашеннымъ покаяніе не опредѣлялось церковью за отдѣльные грѣхи, а рекомендовалось только вообще въ виду ихъ прежней грѣховной жизни [1]). Совсѣмъ иное—вѣрующіе. Они не могли оправдываться невѣдѣніемъ и безпомощностью, такъ какъ были просвѣщены свѣтомъ ученія Христа, и сдѣлавшись членами его церкви, стали участниками божественной благодати, съ помощью которой они, при желаніи съ ихъ стороны, могли бы воздержаться отъ грѣха [2]). Вотъ почему церковь признаетъ возможнымъ полное вмѣненіе имъ въ вину содѣянныхъ ими тяжкихъ прегрѣшеній. Она считаетъ ихъ духовно умершими и снова принимаетъ въ общеніе съ собою только въ томъ случаѣ, когда они, по выраженію Оригена, какъ бы воскреснувъ изъ мертвыхъ, достаточно докажутъ происшедшее въ нихъ нравственное перерожденіе [3]). При этомъ отпавшимъ и

---

[1]) Ср. *Justi Henningi Boehmeri* Dissertationes juris ecclesiastici. Lipsiae, 1711, p. 129 seqq.

[2]) Tertullianus. De poenitentia, c. 5. Iam quidem nullum ignorantiae praetextum tibi patrocinatur, quod domino agnito, praeceptisque ejus admissis . . . rursus te in delicta restituis.

[3]) Origines l. III adv. Cels., c. 51. . . ac rursum resipiscentes haud secus

отлученнымъ церковь назначаетъ гораздо болѣе продолжительный періодъ испытанія, чѣмъ оглашеннымъ. Впрочемъ, и послѣ подобнаго болѣе строгаго и болѣе продолжительнаго испытанія, отпавшіе и отлученные не возстановлялись въ полнотѣ церковныхъ правъ. Церковь лишала ихъ навсегда права занимать церковныя должности [1]).

Подобное различеніе прегрѣшеній оглашенныхъ отъ прегрѣшеній членовъ церкви, а слѣдовательно, и покаянія оглашенныхъ отъ покаянія содѣявшихъ грѣховныя дѣянія членовъ церкви [2]), возможно было только въ такое время, когда совершилась уже окончательная организація, какъ отдѣльныхъ церковныхъ обществъ, такъ и всей церкви въ ея совокупности. И дѣйствительно, разсматриваемое время было такимъ временемъ, когда отдѣльныя христіанскія общины окончательно организовались, а между ними установилась прочная связь [3]). Въ виду этого извѣстныя грѣховныя дѣянія, совершаемыя членами церкви, стали разсматриваться не только какъ нарушенія нравственнаго порядка, установленнаго Богомъ, но и какъ нарушенія внѣшняго правоваго, если можно такъ выразиться, порядка церкви. Поэтому и въ реакціи противъ этихъ нарушеній правоваго порядка церкви, или церковныхъ преступленій, получаетъ большее, сравнительно съ прежнимъ, значеніе внѣшній, формальный, карательный элементъ. Совершившій тяжкое грѣховное дѣяніе членъ церкви подвергается дисциплинарно-исправительнымъ мѣрамъ не только съ цѣлію побудить его къ раскаянію и примиренію съ Богомъ, но и съ цѣлію дать удовлетвореніе возмущенному чувству справедливости церковнаго общества, требующему извѣстнаго, соразмѣреннаго съ преступнымъ дѣяніемъ, воздаянія за оное [4]). Мало по малу и относительно Бога покаяніе стало разсматриваться, какъ удовлетвореніе, приносимое Богу за совершенный грѣхъ [5]).

---

quam redivivos recipiunt tandem, post largiorem melioris mentis approbationem, quam quum primum ad religionem discendam admitterentur. Ср. *Neander*. Geschichte der christl. Religion, 299; *Boehmeri* Dissertationes 111.

[1]) Origines l. c. Отпавшіе и отлученные возсоединяются только «ea conditione, ut quoniam lapsi sunt; excludantur in posterum ab omnibus dignitatibus et magistratibus ecclesiasticis.

[2]) Мы говоримъ о различіи *по существу* двухъ указанныхъ въ текстѣ видовъ покаянія, такъ какъ по формѣ они мало чѣмъ различались другъ отъ друга.

[3]) Ср. *Herzog*. Abriss der gesammten Kirchengeschichte, I, 152—162.

[4]) Ср. *Binterim*. Denkwürdigkeiten, Band V, Theil II, 243.

[5]) Тертулліанъ называетъ исповѣдь «satisfactionis consilium» и признаетъ,

Что при сужденіи о степени важности грѣховнаго дѣянія играло немаловажную роль соображеніе о томъ, на сколько этимъ дѣяніемъ нарушался внѣшній правовой порядокъ церкви, видно также и изъ дѣленія всѣхъ грѣховныхъ дѣяній на явныя и не явныя. Явныя производили смуту въ церкви и служили соблазномъ для остальныхъ членовъ церковнаго общества, представляя собою примѣръ открытаго неповиновенія правиламъ и постановленіямъ, на которыхъ покоилась вся организація церковнаго общества. Вотъ почему къ нимъ преимущественно стало примѣняться торжественное отлученіе и публичное покаяніе [1]). Напротивъ того, грѣхи, тайно совершаемые, не нарушали внѣшняго церковнаго порядка и не имѣли своимъ послѣдствіемъ смуту въ церкви и соблазнъ для остальныхъ вѣрующихъ. Ими нарушалось преимущественно только нравственное единеніе прегрѣшающаго съ Богомъ, а потому отъ провинившихся тайно и не требовалось публичной исповѣди и публичнаго покаянія, а требовались только тайная исповѣдь и частное покаяніе [2]). Правда, тайно прегрѣшившій могъ самъ заявить о своемъ проступкѣ и такимъ образомъ придать своему тайному прегрѣшенію публичный характеръ[3]), но этого отъ него не требовалось, и церковь не производила ex officio слѣдствія о тайныхъ прегрѣшеніяхъ [4]).

Установленіе дѣленія грѣховныхъ дѣяній на явныя и не явныя видоизмѣнило, такимъ образомъ, и покаянную систему первоначальной церкви. Отлученіе и публичное покаяніе, примѣняясь церковно ex officio только къ явнымъ грѣхамъ, стали разсматриваться не только какъ способы побудить прегрѣшающаго къ исправленію, рас-

---

что «satifactio confessione disponitur, confessione, poenitentia deus mitigatur» (*Binterim*. Denkwürdigkeiten, 244). Не безъ основанія думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, что у Тертулліана взглядъ на покаяніе какъ на «satisfactio», выработался вслѣдствіе его прежнихъ занятій юриспруденціей. Сравн. въ этомъ отношеніи *Neander*. Allg. Geschichte der christl. Religion, I, 280, прим. 4.

[1]) Origines. Comment. in Matth., c. 89: Propter hoc enim et in ecclesiis consuetudo tenuit talis, ut qui manifesti sunt in magnis delictis, ejiciantur ab orationi communi . . .

[2]) Origines. Hom. II in Levit., c. 4 Ср. также *Binterim*. Denkwürdigkeiten, 218.

[3]) Origines. Hom. II c. 6 in Psalm. 37. Ср. *Loening*. Geschichte des deutschen Kirchenrechts, I, 258.

[4]) Origines. Hom. 21 in Libr. Jesu nave, c 1. Ubi enim peccatum non est evidens, ejicere de ecclesia neminem possumus, ne forte eradicantes zizania eradicemus simul cum ipsis etiam triticum.

каянію и примиренію съ Богомъ, но и какъ церковныя взысканія или наказанія. Въ отличіе же отъ отлученія и публичнаго покаянія частному покаянію присущъ былъ карательный характеръ въ весьма слабой степени: оно почти исключительно разсматривалось какъ средство, помогающее прегрѣшившему исправиться и примириться съ Богомъ [1].

Видоизмѣненію основъ покаянной системы первоначальной церкви способствовало равнымъ образомъ и дѣленіе грѣховныхъ дѣяній на болѣе и менѣе тяжкія, пріобрѣтающее въ разсматриваемое время все большее и большее значеніе.

Основанія подобнаго дѣленія находимъ уже у Ермы (Pastor, libr. III Simil. 8. 9). Онъ раздѣляетъ всѣ грѣхи на такіе, которые могутъ быть прощены, и на такіе, которые не допускаютъ прощенія. Къ послѣдней категоріи онъ относитъ хулу на Бога и отпаденіе отъ христіанства, въ томъ случаѣ, если эти грѣховныя дѣянія совершены добровольно, а не въ силу внѣшняго принужденія. Въ свою очередь грѣхи, допускающіе прощеніе, распадаются на тяжкіе и не тяжкіе (non gravia, levia, exiguitates). Различіе между ними опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что тяжкіе грѣхи имѣютъ своимъ послѣдствіемъ нарушеніе непосредственной связи между Богомъ и человѣкомъ, а не тяжкіе грѣхи не влекутъ за собою такого послѣдствія [2]. Оригенъ также различаетъ тяжкія и не тяжкія грѣховныя дѣянія, при чемъ замѣчаетъ, что церковь не одинаково относится къ этимъ двумъ различнымъ по существу видамъ грѣховъ [3]. Но подробное ученіе о различіи между тяжкими и не тяжкими прегрѣшеніями мы находимъ впервые въ сочиненіи Тертулліана „de pudicitia", написанномъ имъ тогда, когда онъ присоединился къ монтанизму [4]. Къ

---

[1]) Origines. Hom. II, cap. 6. in Psalm. 37. Hi qui peccaverunt, si quidem occultant et retinent intra se peccatum, intrinsecus urgentur... Tantummodo circumspice diligentius, cui debeas confiteri peccatum tuum, proba prius medicum, cui debeas causam languoris exponere, qui sciat infirmari cum infirmante, flere cum flente, qui condolendi et compatiendi noverit disciplinam, ut ita demum, si quid ille dixerit, qui se prius eruditum medicum ostenderit et misericordem, si quid consilii dederit, facias et sequaris. Принимающій исповѣдь и предлагающій видъ покаянія сравнивается здѣсь съ врачемъ, а не съ судьей.

[2]) *Franck.* Bussdisciplin, 420.

[3]) Origines Hom. 15 in Levit, c. 2. In gravioribus criminibus semel tantum vel raro poenitentiae. Conceditur locus: ista vera communia, quae frequenter incurrimus, semper poenitentiam recipiunt et sine intermissione redimuntur.

[4]) Отклоненіе отъ обще-церковнаго воззрѣнія въ сочиненіи «de pudicitia»

тяжкимъ прегрѣшеніямъ, которыя, по мнѣнію Тертулліана, не могутъ быть прощены, относятся такія, которыя обличаютъ особую грѣховность воли въ совершившихъ оныя. Сюда относятся убійство, идолослуженіе, обманъ, отрицаніе истины вѣры, богохульство, прелюбодѣяніе, блудъ и остальные плотскіе грѣхи (et si qua alia violatio templi Dei). Имъ противополагаются такъ-наз. delicta quotidianae incursionis, которымъ по слабости своей подтвержены всѣ люди. Если бы за сіи послѣдніе грѣхи не допускалось прощеніе, то никто не могъ бы спастись (De pudicitia. Cap. 2). Это дѣленіе на тяжкіе и не тяжкіе грѣхи имѣло значеніе для дальнѣйшаго развитія покаянной системы первоначальной церкви въ томъ отношеніи, что тяжкіе грѣхи были признаны подлежащими церковной карѣ, а не тяжкіе—мѣрамъ исправленія [1]). Въ силу этого нѣкоторые виды церковной реакціи противъ грѣховныхъ дѣлъ начинаютъ разсматриваться преимущественно какъ наказанія, между тѣмъ какъ въ другихъ по прежнему остается преобладающимъ характеръ мѣръ исправительныхъ.

Карательный элементъ въ нѣкоторыхъ мѣрахъ церковной реакціи, назначаемыхъ за такъ-называемые тяжкіе или смертные грѣхи, доведенъ былъ въ нѣкоторыхъ христіанскихъ сектахъ и въ нѣкоторыхъ церковныхъ обществахъ, не отпавшихъ отъ единенія со вселенскою церковью [2]), до крайнихъ предѣловъ [3]). Совершившій тяжкій или смертный грѣхъ послѣ крещенія отлучался навсегда отъ церкви и даже на смертномъ одрѣ не могъ быть принятъ въ церковное общеніе.

заключается не въ признаніи однихъ грѣховъ тяжкими, а других не тяжкими, и въ требованіи для первыхъ кары, а для послѣднихъ только исправительныхъ мѣръ, но въ установленіи такой суровой кары, которая считалась церковью несовмѣстною съ безконечнымъ милосердіемъ Божіимъ.

[1]) Сравн. указанное въ текстѣ мѣсто изъ сочиненія Тертулліана: Alia erunt remissibilia, alia irremissibilia, secundum quod nemini dubium est, alia castigationem mereri, alia damnationem. Omne delictum aut venia dispungit aut poena: venia ex castigatione, poena ex damnatione.

[2]) Признаніе необходимости отлученія навсегда за совершеніе тяжкаго или смертнаго грѣха не считалось такимъ уклоненіемъ отъ вселенскаго ученія, которое влекло бы за собою обвиненіе въ ереси и имѣло бы своимъ послѣдствіемъ схизму. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ Кипріанъ. Epistol. 52, 21: Et quidem apud antecessores nostros quidam de episcopis... in totum poenitentiae locum contra adulteria clauserunt. Non tamen a coepiscoporum suorum collegio recesserunt... ut quia apud alteros adulteris pax dabatur, qui non dabat de ecclesia separaretur.

[3]) Отлученіе навсегда теряетъ характеръ исправительной мѣры и сохраняетъ только характеръ кары.

Подобное усиленіе карательнаго элемента грозило полнымъ уничтоженіемъ первоначальнаго значенія отлученія и покаянія, какъ мѣръ, споспѣшествующихъ грѣшнику исправиться и прійти въ разумъ истины. Вотъ почему отлученіе навсегда за первый тяжкій грѣхъ, совершенный послѣ крещенія, никогда не получило общаго признанія въ церкви. Оно признавалось необходимымъ нѣкоторыми христіанскими сектами [1]) и существовало въ нѣкоторыхъ помѣстныхъ церквахъ, но не было принято общецерковною дисциплиною. Большинство восточныхъ помѣстныхъ церквей и первенствующая на западѣ Римская помѣстная церковь придерживались болѣе снисходительнаго воззрѣнія. Лицъ, совершившихъ впервые послѣ крещенія тяжкій или смертный грѣхъ, отлученныхъ за это отъ церкви и принесшихъ дѣйствительное покаяніе, упомянутыя церкви не сомнѣвались принимать снова въ общеніе съ вѣрующими. Таковъ былъ господствовавшій въ большинствѣ церквей взглядъ. Самъ Тертулліанъ, прежде чѣмъ сдѣлаться монтанистомъ, придерживался подобнаго воззрѣнія. „Omnibus delictis—читаемъ въ его сочиненіи De poenitentia (cap. 4)—seu carne, seu spiritu, seu facto seu voluntate commissis, Deus, qui poenam per judicium destinavit, idem etiam et veniam per poenitentiam". Только совершившимъ смертный грѣхъ во второй разъ послѣ крещенія и подвергавшимся уже разъ за совершеніе смертнаго грѣха публичному покаянію церковь отказывала въ допущеніи снова къ публичному покаянію и въ примиреніи съ Богомъ и обществомъ вѣрующихъ [2]).

Всѣ только что указанныя классификаціи грѣховныхъ дѣяній должны были вызвать и соотвѣтствующую классификацію церковныхъ дисциплинарно-исправительныхъ мѣръ. Долгое время опредѣленіе той или другой дисциплинарной мѣры, того или другаго церковнаго наказанія за тотъ или другой грѣхъ предоставлено было усмотрѣнію епископовъ [3]). Но уже въ половинѣ III столѣтія мы встрѣчаемся съ попыткой установить общія правила для опредѣленія цер-

---

[1]) Главнымъ образомъ монтанистами и впослѣдствіи новатіанцами.

[2]) Tertull. De poenitentia. Collocavit in vestibulo poenitentiam secundam, quae pulsantibus patefaciat: sed jam semel quia jam secundo: sed jam amplius nunquam, quia proxime frustra. Тертулліанъ говоритъ о второмъ покаяніи, потому что подъ первымъ онъ подразумѣваетъ покаяніе оглашенныхъ и очищеніе отъ грѣховъ посредствомъ крещенія.

[3]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ Кипріанъ въ epistola ad Antonianum (*Mansi*, I, 860. A).—actum suum disponit et dirigit unusquisque episcopus, rationem propositi sui domino redditurus.

ковныхъ взысканій за различные виды отпаденія отъ вѣры. Я подразумѣваю здѣсь постановленія помѣстнаго Карѳагенскаго собора 251 года, относящіяся къ опредѣленію размѣра покаянія различнымъ категоріямъ такъ-называемыхъ lapsi, то-есть, отпавшихъ отъ вѣры. Правда, постановленія эти имѣли значеніе преимущественно для Африканской церкви и относились только къ одному разряду прегрѣшеній, но такъ какъ они, будучи сообщены Римскому папѣ Корнелію, были утверждены симъ послѣднимъ на помѣстномъ Римскомъ соборѣ, созванномъ имъ въ концѣ 251 года [1]), и такъ какъ при ихъ составленіи впервые сознана была необходимость точнаго опредѣленія основъ церковной дисциплины, то мы можемъ, не впадая въ ошибку, утверждать, что эти постановленія играютъ важную роль не только въ исторіи дисциплины Африканской церкви, но и въ исторіи церковной дисциплины на западѣ вообще. Соборъ не только издалъ постановленія о покаянной дисциплинѣ, но и составилъ изъ нихъ сборникъ, который и отправилъ къ папѣ Корнелію [2]). Этотъ сборникъ, согласно вѣрному замѣчанію Гефеле, необходимо признать первымъ по времени пенитенціаломъ. Хотя онъ до насъ и не дошелъ, но главнѣйшія его основанія изложены въ посланіи Кипріана къ Антоніану (Epist. 52). Прежде всего устанавливается общее правило, по которому отпавшіе не должны быть лишены всякой надежды, ибо иначе ими можетъ овладѣть отчаяніе и побудить ихъ къ полному отпаденію отъ вѣры и къ возвращенію къ мірскимъ прелестямъ языческой жизни. Тѣмъ не менѣе они подлежатъ весьма продолжительному церковному покаянію и должны быть наказаны, соразмѣрно съ ихъ виною [3]). Такъ, иначе слѣдуетъ относиться къ тѣмъ, которые добровольно поспѣшили принять участіе въ богопротивныхъ жертвоприношеніяхъ, чѣмъ къ тѣмъ, которые, послѣ упорной борьбы, страшными мученіями были принуждены къ этому, иначе—къ тѣмъ, которые сами побуждали своихъ домашнихъ къ отпаденію, чѣмъ къ тѣмъ, которые

---

[1]) *Hefele.* Conciliengeschichte, I, 114.

[2]) Посланіе къ Антоніану въ собраніи *Mansi* (I, 855). Здѣсь указывается на то, что на основаніи соборныхъ совѣщаній составленъ былъ сборникъ «ubi singula placitorum capita conscripta sunt», и что соборныя дѣянія препровождены были къ папѣ Корнелію и римскому клиру.

[3]) Посланіе къ Антоніану (*Mansi*, l. c.)... nec tamen rursus censura evagelica solveretur, ut ad communionem temere prosilient, sed traheretur diu poenitentia, et rogaretur dolenter paterna clementia et examinarentur causae et voluntates et necessitates singulorum.

рѣшились совершить грѣхъ отрѣченія отъ вѣры, чтобы спасти и покрыть своихъ домашнихъ и быть въ состояніи дать убѣжище братьямъ-христіанамъ [1]). Строго слѣдуетъ, равнымъ образомъ, различать такъ-называемыхъ sacrificati отъ такъ-называемыхъ libellatici, то-есть, такихъ, которые дѣйствительно принесли богопротивныя жертвоприношенія, и такихъ, которые, не отпавъ въ дѣйствительности, воспользовались подкупностью римскихъ магистратовъ и за деньги получили отъ нихъ подложныя свидѣтельства объ участіи въ жертвоприношеніяхъ языческимъ богамъ [2]). Libellatici принимаются тотчасъ въ общеніе съ церковью, sacrificati же—только послѣ продолжительнаго покаянія и только на смертномъ одрѣ [2]). Наконецъ, епископы и пресвитеры, впавшіе въ только что указанные грѣхи, допускаются къ покаянію и примиренію съ церковью, но не допускаются къ дальнѣйшему отправленію епископскихъ и пресвитерскихъ функцій [3]).

Карѳагенскій соборъ 251 года играетъ такимъ образомъ видную роль въ исторіи церковной дисциплины. А именно, если уже преподанный епископамъ въ Апостольскихъ постановленіяхъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ совѣтъ, стараться въ каждомъ данномъ случаѣ о томъ, чтобы дисциплинарно-исправительная мѣра была соразмѣрена

---

[1]) Epistola ad Antonianum (*Mansi*, I, 857 C). Прегрѣшеніе отпавшихъ и принесшихъ жертвы съ цѣлію покрыть своихъ домашнихъ и дать убѣжище братьямъ-христіанамъ вмѣняется имъ въ меньшей степени въ вину, именно въ виду этой благой цѣли. О провинившемся такимъ образомъ говорится, что онъ является на судъ церкви «offerens et ostendens domino multas viventes et incolumes animas, quae pro una sancia deprecentur».

[2]) Epistola ad Antonianum (*Mansi*, I, 857—858). Продолжительное и дѣйствительное покаяніе является непремѣннымъ условіемъ принятія такъ-называемыхъ sacrificati. «Ed idcirco, читаемъ въ томъ же посланіи (*Mansi*, I, 851 A и B), poenitentiam non agentes... prohibendos omnimo censuimus a spe communicationis et pacis, si in infirmitate atque in periculo coeperint deprecari, quia rogare illos non delicti poenitentia, sed mortis urgentis admonitio compellit.

[3]) Это видно изъ посланія Кипріана клиру и народу въ Испаніи (Epistola 68) о недопущеніи епископовъ Василида и Марціала къ отправленію епископскихъ функцій, такъ какъ они оказались опороченными испрошеніемъ себѣ, во время гоненія, свидѣтельствъ объ участіи въ языческихъ жертвоприношеніяхъ (nefando idolatriae libello contaminati). Постановивъ рѣшеніе въ данномъ случаѣ, Кипріанъ и отцы созваннаго имъ собора (II-й Африканскій соборъ 258 г.) указываютъ на прежде установленное ими (несомнѣнно на соборѣ 251 года) и признанное папой Корнеліемъ правило, согласно которому «homines ad poenitentiam quidem posse admitti, ab ordinatione autem cleri atque sacerdotali honore prohiberi (*Mansi*, I, 909. B).

въ извѣстной степени, какъ качественно, такъ и количественно съ грѣховнымъ дѣяніемъ, за которое она налагается, послужилъ къ усиленію карательнаго элемента въ современной съ Апостольскими постановленіями покаянной системѣ, то несомнѣнно, что усиленію указаннаго элемента еще болѣе должно было споспѣшествовать опредѣленіе на соборѣ точныхъ основаній для оцѣнки отдѣльныхъ грѣховныхъ дѣяній и назначенія за нихъ соотвѣтствующихъ церковныхъ взысканій. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ руководствующемуся апостольскими постановленіями епископу предложено было только общее начало, котораго ему слѣдовало придерживаться при опредѣленіи церковныхъ дисциплинарно-исправительныхъ мѣръ, но не дано было никакихъ спеціальныхъ указаній для опредѣленія пенитенцій за отдѣльныя прегрѣшенія, епископъ руководствующійся дѣяніями собора 251 года находилъ въ сборникѣ покаянныхъ каноновъ этого собора точное опредѣленіе отдѣльныхъ грѣховныхъ дѣяній и точное указаніе на то, какую эпитимію слѣдуетъ считать соотвѣтствующей извѣстному грѣховному дѣянію. Однимъ словомъ, тотъ libellus, in quo singula placitorum capita conscripta sunt, и о которомъ Кипріянъ упоминаетъ въ своемъ посланіи къ Антоніану, какъ о сборникѣ соборныхъ постановленій, есть въ полномъ значеніи этого слова кодексъ, содержащій въ себѣ опредѣленныя церковныя взысканія за опредѣленныя грѣховныя дѣянія. Изъ этого, наконецъ, можно вывести заключеніе, что, такъ какъ способъ опредѣленія церковныхъ взысканій по этому кодексу, какъ видно изъ только-что сказаннаго, гораздо болѣе формальный, чѣмъ по Апостольскимъ постановленіямъ, а усиленіе значенія формальнаго элемента въ способѣ опредѣленія церковныхъ взысканій всегда ведетъ къ усиленію карательнаго элемента въ самихъ взысканіяхъ, то церковныя взысканія, содержащіяся въ разсматриваемомъ нами теперь кодексѣ, гораздо болѣе приближаются къ типу наказаній, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ Апостольскихъ постановленіяхъ.

Впрочемъ не слѣдуетъ и преувеличивать значеніе формальнаго и карательнаго элементовъ въ сборникѣ покаянныхъ каноновъ собора 251 года. Эти элементы являются здѣсь далеко не столь развитыми, какъ въ соборныхъ постановленіяхъ послѣдующаго времени и въ позднѣйшихъ сборникахъ покаянныхъ правилъ. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только сравнить содержащіяся въ посланіи Кипріана къ Антоніану покаянныя правила съ покаянными правилами, находящимися въ твореніяхъ отцевъ IV вѣка, напримѣръ, въ посланіяхъ Василія Великаго къ Амфилохію. Формальный характеръ сихъ послѣд-

нихъ правилъ, придающій въ свою очередь назначаемымъ ими взысканіямъ вполнѣ характеръ церковныхъ каръ, невольно бросается въ глаза даже при первомъ, бѣгломъ знакомствѣ съ ними.

Такимъ образомъ нами указано на причины и ходъ развитія карательнаго элемента въ церковномъ правѣ III столѣтія. Посмотримъ теперь, какъ отразилось это усиленіе карательнаго элемента на ученіи церкви объ отдѣльныхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ, то-есть, о тѣхъ благочестивыхъ упражненіяхъ, которыми сопутствовалось покаяніе.

Общаго порядка отбытія покаянія и точнаго опредѣленія отдѣльныхъ покаянныхъ дѣйствій вплоть до конца III столѣтія мы не встрѣчаемъ. Такъ, Тертулліанъ говоритъ о томъ, какъ отбывается покаяніе въ самыхъ общихъ чертахъ. Онъ требуетъ только вообще, чтобы внутренняя скорбь и внутреннія мученія выразились во внѣшнихъ благочестивыхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ [1]. Эти внѣшнія благочестивыя покаянныя дѣйствія не описываются имъ въ подробностяхъ. Вотъ все, что мы узнаемъ о нихъ изъ его сочиненія De poenitentia (cap. 10): „De ipso quoque habitu atque victu mandat sacco et cineri incubare, corpus sordibus obscurare, animum moeroribus dejicere, illa quae peccavit, tristi tractatione mutare: caeterum pastum et potum pura nosse, non ventris scilicet, sed animae causa: plerumque vero jejuniis precesalere, ingemiscere, lacrymari, mugire dies noctosque ad Dominum Deum tuum, presbyteris advolvi et aris Dei adgeniculari, omnibus fratribus legationes deprecationis suae injungere“. Слѣдовательно, порядокъ отбыванія покаянія и благочестивыя упражненія, сопровождавшія покаяніе, долгое еще время опредѣлялись епископомъ, подобно тому какъ долгое время имъ же по усмотрѣнію опредѣлялись и сроки покаянія [2]. Церковь установила только одно общее правило, что никто не можетъ быть допущенъ къ примиренію съ Богомъ, кто предварительно не отбылъ назначеннаго ему епископомъ покаянія. „Коль безумно“, говоритъ Тертулліанъ,—„не выполнить назначеннаго покаянія и требовать прощенія? Это то же самое, что не заплатить цѣны и протягивать руки къ товару. Ибо за эту цѣну Господь постановилъ давать прощеніе: Онъ предлагаетъ за подобное вознагражденіе посредствомъ покаянія по-

---

[1] De poenitentia, cap. 9. Ut non sola conscientia praeferatur, sed aliquo etiam actu administretur.

[2] Мы видѣли, что только въ началѣ второй половины III вѣка и то только относительно извѣстнаго разряда грѣховныхъ дѣяній (а именно относительно различныхъ видовъ отпаденія отъ вѣры), установлены были общіе сроки покаянія постановленіями Карѳагенскаго собора 251 года.

купать безнаказанность". Вотъ и все, что мы узнаемъ о порядкѣ отбыванія покаянія и о благочестивыхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ изъ сочиненій Тертулліана, этого главнаго писателя о покаяніи въ первой половинѣ III вѣка. Въ такихъ же общихъ выраженіяхъ говоритъ о занимающемъ насъ вопросѣ и Кипріанъ. „Молиться нужно", читаемъ въ его книгѣ de lapsis,—„усиленнѣе, прилежать добрымъ дѣламъ, коими очищаются грѣхи, чаще раздавать милостыню, да искупятся посредствомъ оной преступленіе и вина".

Но если такимъ образомъ въ церкви не установилось точныхъ правилъ о порядкѣ отбыванія покаянія и опредѣленія покаянныхъ дѣйствій, то вполнѣ установился, какъ легко можно убѣдиться изъ приведенныхъ выше выписокъ изъ сочиненій Тертулліана и Кипріана, взглядъ на покаянныя благочестивыя дѣла, какъ на такія, которыя не только служатъ внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго перерожденія, совершающагося въ совѣсти кающагося, но и самостоятельно въ извѣстной степени погашаютъ грѣхъ. Подобное признаніе самостоятельнаго значенія за благочестивыми покаянными и вообще добрыми дѣлами, внѣ связи съ внутреннимъ настроеніемъ совершающаго эти дѣла, принимало иногда крайній характеръ [1]. Оно послужило основаніемъ для злоупотребленій такъ-называемыхъ, libelli pacis со стороны мучениковъ. Исторія этихъ злоупотребленій ясно показываетъ, что упущеніе изъ виду указанной связи между добрыми дѣлами и внутреннимъ настроеніемъ совершающаго ихъ можетъ повлечь за собою полное извращеніе началъ христіанской нравственности. Съ точки зрѣнія христіанской морали всѣ дѣла человѣческія сами по себѣ безразличны: за ними признается квалификація добрыхъ или злыхъ, смотря по внутреннему, доброму или злому, настроенію лица, ихъ совершающаго. Таковъ основный взглядъ христіанскаго ученія на добрыя дѣла, выразившійся, какъ нами указано выше, и въ посланіи апостола Павла къ Римлянамъ (III, 28). Но взглядъ этотъ, какъ мы только что видѣли, видоизмѣнился отчасти въ разсматриваемое нами время. За добрыми дѣлами признано было въ извѣстной степени самостоятельное значеніе. Отсюда къ воззрѣнію на добрыя дѣла, какъ на нѣчто, имѣющее самостоятельное существованіе и вполнѣ самостоятельную нравственную цѣну, переходъ не представлялся затруднительнымъ. А подобное воззрѣніе давало возможность уступать, если

---

[1] Ср. по этому вопросу *Baur*, Geschichte der Christlicher Kirche. 3-te Ausgabe. 1863. Band I, 510 ff.

можно такъ выразиться, свои добрыя дѣла другому для того, чтобъ они, будучи ему зачтены, освободили бы его отъ отвѣтственности за совершенныя имъ грѣховныя дѣянія. Подобная уступка добрыхъ дѣлъ и заслугъ въ особенности стала считаться возможною со стороны мучениковъ, которые своими страданіями пріобрѣли такую заслугу передъ Богомъ, что она не только покрывала содѣянныя ими прегрѣшенія, но, какъ думали нѣкоторыя церковныя партіи того времени, въ значительной степени превышала эти прегрѣшенія. Вотъ этотъ-то излишекъ заслугъ мученики и могли уступать другимъ вѣрующимъ, просящимъ ихъ объ этомъ [1]). Вселенская церковь никогда не усвоила себѣ подобнаго взгляда. Она принимала, правда, въ общеніе вѣры тѣхъ изъ отпавшихъ, которыхъ допускали къ общенію съ собою мученики, но на совсѣмъ другихъ основаніяхъ. А именно, церковь уступала просьбамъ мучениковъ и возсоединяла съ собою отпавшихъ, за которыхъ они ходатайствовали, вопервыхъ, изъ уваженія къ мученикамъ, а вовторыхъ, вслѣдствіе убѣжденія, что мученики, въ силу святости своей жизни пріобрѣли бо́льшую способность, чѣмъ остальные вѣрующіе, распознавать намѣренія лицъ, къ нимъ обращающихся, и удовлетворяться въ искренности и дѣйствительности ихъ покаянія [2]). Противъ же ученія о прощеніи отпавшимъ ихъ прегрѣшенія отъ имени мучениковъ церковь постоянно возставала. Энергическій протестъ противъ неправильнаго ученія о правѣ мучениковъ своими заслугами погашать прегрѣшенія отпавшихъ и давать имъ прощеніе отъ своего имени находится въ твореніяхъ Кипріана, указывающаго на то, что

---

[1]) Въ этомъ воззрѣніи коренятся зачатки развившагося впослѣдствіи въ западной церкви ученія о такъ называемомъ thesaurus supererogationis perfectorum.

[2]) Злоупотребленія такъ называемомъ libelli pacis и неправильный взглядъ на заслуги мучениковъ развились, главнымъ образомъ, на западѣ. Въ томъ, что вопросъ о допущеніи въ церковное общеніе отпавшихъ, которыхъ допустили въ общеніе съ собою мученики, поставленъ былъ правильно въ церквахъ востока, легко убѣдиться изъ сохранившагося въ Historia ecclesiastica Евсевія (lib. VI, 42) посланія Діонисія Александрійскаго, въ которомъ читаемъ слѣдующее: Hi divini martyres... dum him apud nosessent, quosdam e fratribus lapsos... susceperunt: et *conversionem illorum ac poenitentiam cernentes...* eos in coetum suum receperunt: et in orationibus et cibis cum eis communicarunt. Quid ergo nobis, fratres, de his: suadetis? Utrum sententiae martyrum accedemus..... A contra judicium illorum irritum faciemus, nosque ipsi sententiae illorum discussores ac judices constituemus, clementiam dolore afficiemus, ordinem constitutam evertemus, Dei ipsius indignationem provocabimus? Сравн. Historia Ecclesiastica Eusebii. Editio *Valesii*, 196.

только одно имя дано людямъ во отпущеніе грѣховъ, имя Іисуса Христа Epistola 27, 3).

Но хотя такимъ образомъ только что указанный взглядъ на заслуги мучениковъ и не получилъ признанія со стороны церкви, тѣмъ не менѣе самая возможность возникновенія подобнаго взгляда свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно развилось внѣшнее формальное начало въ ученіи о добрыхъ дѣлахъ. Вотъ почему и стали разсматривать добрыя дѣла, совершаемыя кающимися, какъ погашающія грѣхъ, въ воздаяніе за который они предпринимались.

Подводя итоги тому, что сказано было нами о церковной дисциплинѣ III столѣтія, мы видимъ, что карательный элементъ на столько усилился въ системѣ церковныхъ взысканій, что сіи послѣднія могли уже разсматриваться не только какъ дисциплинарно-исправительныя мѣры, но и какъ церковныя кары. Въ то же самое время устанавливается взглядъ на отдѣльныя благочестивыя покаянныя дѣйствія, какъ на воздаяніе за грѣхъ, погашающее сей послѣдній.

Но если такимъ образомъ церковныя взысканія стали разсматриваться какъ наказанія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ они совершенно утратили свой прежній характеръ. Напротивъ того, прежнее значеніе отлученія, какъ средства побудить прегрѣшившаго къ раскаянію и покаянію, какъ способа примиренія съ Богомъ и церковью, вполнѣ сознавалось сею послѣднею. Въ этомъ мы легко можемъ убѣдиться, напримѣръ, и изъ посланія Кипріана къ Антоніану, съ которымъ мы уже имѣли случай познакомиться выше. Здѣсь Кипріанъ указываетъ на то, какимъ образомъ въ одной и той же мѣрѣ взысканія можетъ быть соединенъ и характеръ наказанія, и характеръ дарованія благодатнаго способа примириться съ Богомъ. При этомъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на Священное Писаніе ветхаго и новаго завѣта. „Равнымъ образомъ", говоритъ онъ,— „и устами пророка Іоиля взываетъ Онъ (Господь) и глаголетъ: Обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постѣ и въ плачи и въ рыданіи. И расторгните сердца ваша, а не ризы ваша, и обратитеся ко Господу Богу вашему: яко милостивъ и щедръ есть, долготерпѣливъ и многомилостливъ, и раскаявайся о злобахъ. Въ псалмахъ мы читаемъ также какъ о наказаніи, такъ и о милости Бога, въ одно и то же время угрожающаго и милующаго, карающаго во исправленіе и сохраняющаго того, кого онъ исправилъ: Посѣщу, глаголетъ, жезломъ беззаконія ихъ, и ранами неправды ихъ: милость же мою не разорю отъ

нихъ". Затѣмъ Кипріанъ приводитъ слова евангельскія: „Или кто есть отъ васъ человѣкъ, его же аще воспроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему; или аще рыбы проситъ, еда змію подастъ ему; аще убо вы лукави сущи, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него". Въ толкованіи на эти слова Кипріанъ говоритъ слѣдующее: „Сравниваетъ здѣсь Господь снисхожденіе отца по плоти съ вѣчнымъ и изобильнымъ милосердіемъ Бога отца, а именно, если оный земной отецъ, тяжко оскорбленный прегрѣшающимъ и злымъ сыномъ, все-таки радуется и ликуетъ, когда познаетъ, что сынъ его перемѣнился, что онъ отрѣшился отъ прегрѣшеній прежней жизни, и усвоивъ себѣ добрые нравы, трезвость и порядочное поведеніе, исправился, если при такихъ условіяхъ отецъ земной принимаетъ того, кого онъ прежде отвергъ, и обнимаетъ его съ пожеланіями отеческаго восторга; кольми паче оный единый и истинный отецъ, добрый, милосердый и щедрый, сама, такъ сказать, доброта, само милосердіе и сама щедрость, радуется о покаяніи сыновъ своихъ, не грозитъ имъ, плачущимъ и рыдающимъ, гнѣвомъ своимъ, но обѣщаетъ имъ, напротивъ того, прощеніе и снисхожденіе". Такимъ образомъ Кипріанъ, сообщая Антоніану постановленія Карѳагенскаго собора 251 г., установившаго, какъ мы видѣли, опредѣленныя церковныя взысканія за различные виды отпаденія отъ вѣры и усилившаго чрезъ внесеніе подобной опредѣленности въ церковную покаянную систему карательный характеръ сей послѣдней, заботится о томъ, чтобы новое воззрѣніе на церковныя взысканія, какъ на наказанія, не подорвало прежняго исконнаго значенія ихъ, какъ мѣръ, направленныхъ не къ наказанію прегрѣшившаго, а къ побужденію его къ раскаянію и примиренію съ Богомъ и церковью.

Таковъ былъ характеръ церковныхъ взысканій въ III столѣтіи христіанской эры.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію системы церковныхъ взысканій въ IV и V столѣтіяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она выразилась — въ памятникахъ того времени. Памятники эти имѣютъ для насъ особый интересъ въ виду того обстоятельства, что въ нихъ содержится тотъ матеріалъ, изъ котораго впослѣдствіи, подъ вліяніемъ кельтическихъ и германскихъ правовыхъ началъ, сложилась система каръ и покаяній различныхъ помѣстныхъ церквей запада. Ихъ

---

[1]) Ср. Epistola D. Cypriani ad Antonianum въ собраніи *Mansi*, I, 860, 61).

можно раздѣлить на слѣдующіе четыре группы: 1) дѣянія соборовъ, въ особенности бывшихъ въ Эльвирѣ (305 г.), въ Арлѣ (314 г.), въ Анкирѣ (314 г.), въ Неокесаріи (314—325 г.), въ Никеѣ (325 г.), въ Гангрѣ (325—341 г.) и въ Карѳагенѣ (419 г.); 2) творенія отцевъ восточной церкви, изъ которыхъ на западѣ особое значеніе пріобрѣли каноническія посланія Василія Великаго къ Амфилохію; 3) творенія отцевъ западной церкви, въ особенности Августина и Амвросія, и 4) каноны или правила апостольскія.

Для церкви наступили въ разсматриваемое время дни мира и торжества. Вслѣдствіе того церковное законодательство получило возможность свободнаго и безпрепятственнаго развитія. Соборы занимались не только выясненіемъ основныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія, но и упорядоченіемъ церковныхъ отношеній. Положены были прочныя основанія церковной организаціи и церковной дисциплины. Такъ, уже въ постановленіяхъ собора, собравшагося въ 306 году въ Эльвирѣ [1], мы встрѣчаемся съ настоящимъ кодексомъ церковныхъ взысканій. Между тѣмъ какъ на Карѳагенскомъ соборѣ 251 года опредѣлены были церковныя взысканія только относительно одного разряда грѣховныхъ дѣяній, а именно относительно отпаденія отъ вѣры, на Эльвирскомъ соборѣ обложены были церковными карами всевозможныя грѣховныя дѣла.

Суровость церковныхъ взысканій, находящихся въ постановленіяхъ Эльвирскаго собора, давно обратила на себя вниманіе изслѣдователей. Обыкновенно объясняютъ ее тѣмъ обстоятельствомъ, что постановленія этого собора изданы вскорѣ послѣ великаго гоненія, бывшаго при Діоклетіанѣ, во времена котораго церковь не мало пострадала вслѣдствіе отпаденія отъ нея значительнаго числа ея членовъ [2]). Но подобное объясненіе едва ли вѣрно. Отлученіемъ на всегда отцы Эльвирскаго собора грозятъ не только за отпаденіе отъ вѣры, но и за цѣлый рядъ грѣховныхъ дѣяній самаго разнообразнаго характера. Вотъ перечень этихъ дѣяній: идолослуженіе (кан. 1—3), причиненіе кому-либо смерти волхвованіемъ (кан. 6), покинутіе безъ причины женами своихъ мужей для вступленія при жизни ихъ въ новый бракъ (кан. 9), сводничество (кан. 12), блудъ, совершенный христіанскими дѣвушками, посвятившими себя Богу (кан. 13), выдача замужъ дочери

---

[1]) Различныя мнѣнія о времени Эльвирскаго собора см. у *Hefele*, Conciliengeschichte, I, 149—154.

[2]) *Hefele*, 151.

за языческаго жреца (кан. 17), блудъ, совершенный епископами, пресвитерами и діаконами (кан. 18), убіеніе женщиной, повинною въ прелюбодѣяніи, прижитаго ею во время отсутствія мужа ребенка (кан. 63), неотверженіе клирикомъ жены своей, въ совершеніи прелюбодѣянія которою онъ удостовѣрился (кан. 65), женитьба на падчерицѣ, разсматриваемая какъ кровосмѣшеніе (кан. 66), согласіе мужа на прелюбодѣяніе жены (кан. 70), мужеложство (кан. 71), прегрѣшеніе вдовы, совершившей блудъ съ однимъ мужчиной и вышедшей замужъ за другаго (кан. 72), доносъ, вслѣдствіе котораго кто-либо подвергся тяжкому наказанію, напримѣръ, смертной казни (кан. 73), и наконецъ, обвиненіе, не доказанное, епископа, пресвитера или діакона въ тяжкихъ преступленіяхъ (кан. 75). Изъ этого перечня видно, что тягчайшему церковному взысканію подвергались не только такъ-называемые lapsi, но и всѣ лица, совершившія одинъ изъ такихъ грѣховъ, которые были отнесены соборомъ къ разряду тяжкихъ или смертныхъ грѣховъ. Слѣдовательно, суровость Эльвирскихъ каноновъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что въ испанской помѣстной церкви преобладало то болѣе строгое отношеніе къ тяжкимъ или смертнымъ грѣхамъ, по которому виновные въ оныхъ, хотя бы и въ первый разъ послѣ крещенія, не принимались и на смертномъ одрѣ въ общеніе съ церковью, и которое, хотя и не получило общецерковнаго признанія, но тѣмъ не менѣе не ставило придерживающейся онаго церкви внѣ общенія и единенія съ другими церквами [1]).

Преобладаніе карательнаго элемента въ покаянной системѣ, установленной на Эльвирскомъ соборѣ, выразилось, равнымъ образомъ, и въ томъ обстоятельствѣ, что церковныя взысканія, назначаемыя за менѣе тяжкіе грѣхи, чѣмъ тѣ, которые отнесены были соборомъ къ разряду такъ-называемыхъ crimina capitalia или crimina mortis (кан. 1 и 7), опредѣлены были въ подробностяхъ и являли, такимъ образомъ, въ своей совокупности основанную на строго проведенномъ началѣ постепенности лѣстницу церковныхъ наказаній.

Познакомимся ближе съ этою лѣстницею церковныхъ наказаній. За

---

[1]) Это строгое отношеніе къ совершившимъ смертные грѣхи продолжалось въ Испаніи еще долгое время, въ доказательство чего можно сослаться на Паціана, епископа Барцелонскаго, жившаго во второй половинѣ IV вѣка. Въ сочиненіи Паціана «Paraeneticus ad poenitentiam» читаемъ слѣдующее: Reliqua peccata meliorum operum compensatione curantur, haec (то-есть, peccata capitalia) quicunque post fidem fecerit, Dei faciem non videbit. Сравн. также посланіе Иннокентія I, ad Exuperium, episcopum Tolosanum (*Mansi*, III, 1039).

отлученіемъ на всегда слѣдуетъ отлученіе до конца жизни, при чемъ допускается возсоединеніе съ церковью на смертномъ одрѣ (кан. 3, 10, 13, 37, 47), а затѣмъ отлученіе на опредѣленный срокъ, на 10 лѣтъ (кан. 22, 46, 59, 64, 70, 72), на 7 лѣтъ (кан. 5), на 5 лѣтъ (кан. 5, 16, 40, 61, 69, 70—74), на 3 года (кан. 54, 57), на два года (кан. 55, 74) и на одинъ годъ (14, 79). Отлученіе соединяется обыкновенно съ публичнымъ покаяніемъ, порядокъ отбыванія и характеръ котораго, какъ можно заключить по повсемѣстно встрѣчающемуся въ нашемъ памятникѣ выраженію „acta legitima poenitentia", были точно опредѣлены [1]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобнаго соединенія церковныхъ взысканій не встрѣчаемъ, а прегрѣшившій считается достаточно наказаннымъ чрезъ отлученіе и не подвергается публичному покаянію [2]). За наименѣе тяжкіе грѣхи не опредѣляется точнаго срока отлученія, а постановливается вообще „pauco tempore a communione abstineatur". Срокъ отлученія и покаянія сокращается только въ извѣстныхъ опредѣленныхъ самими канонами случаяхъ, главнымъ образомъ тогда, когда до истеченія срока кающійся грѣшникъ впадетъ въ тяжкую болѣзнь, угрожающую смертью. Наконецъ, повтореніе прегрѣшенія, то-есть, совершеніе смертнаго грѣха во второй разъ послѣ крещенія и по отбытіи покаянія за совершеніе подобнаго грѣховнаго дѣянія въ первый разъ, усиливало отвѣтственность и влекло за собою отлученіе навсегда. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи эльвирскіе каноны вполнѣ согласны съ общепризнанною въ тѣ времена дисциплиною церкви.

Въ виду всего только что сказаннаго, каноны Эльвирскаго собора являютъ собою не что иное, какъ кодексъ церковныхъ наказаній. Основная мысль, на которой построена вся покаянная система этихъ каноновъ, заключается въ томъ, что извѣстное число лѣтъ требуется для очищенія отъ такого-то грѣха, и напротивъ другое число лѣтъ нужно для очищенія отъ другаго [3]). При этомъ разрѣшаются во-

---

[1]) Мы не имѣемъ однако никакихъ точныхъ свидѣтельствъ о томъ, въ чемъ именно состояла эта legitima poenitentia.

[2]) Can. 14. De virginibus saecularibus si moechaverint. Virgines, quae virginitatem suam non custodierint, si eosdem, qui eas violaverint, duxerint et tenuerint maritos, eo quod solas nuptias violaverint, post annum sine poenitentia reconciliari debebunt.

[3]) Профессоръ *Суворовъ*, въ своемъ сочиненіи «О церковныхъ наказаніяхъ», высказываетъ мнѣніе, что съ подобнымъ кодексомъ церковныхъ наказаній мы

просы о вмѣненіи, о различныхъ степеняхъ виновности и о различныхъ срокахъ покаянія [1]).

Хотя эльвирскіе каноны изданы были первоначально только для Испанской помѣстной церкви, но они несомнѣнно сдѣлались вскорѣ извѣстными и въ другихъ церквахъ и повліяли на дисциплину сихъ послѣднихъ. Въ этомъ мы убѣждаемся, какъ изъ того, что нѣкоторые каноны бывшаго впослѣдствіи въ 314 г. въ Арлѣ собора, на который собрались епископы почти изъ всѣхъ провинцій имперіи Константина Великаго, основаны на эльвирскихъ канонахъ, такъ и изъ того, что на эльвирскіе каноны есть указаніе и въ дѣяніяхъ Сардикійскаго собора [2]). Такимъ образомъ, установленный на эльвирскомъ соборѣ кодексъ церковныхъ наказаній имѣетъ значеніе для исторіи системы каръ и покаяній западной церкви вообще.

На соборѣ, бывшемъ въ Арлѣ въ 314 году, не установлено было такихъ подробныхъ покаянныхъ правилъ, какъ на Эльвирскомъ соборѣ, ибо соборъ въ Арлѣ созванъ былъ главнымъ образомъ для разсмотрѣнія ереси донатистовъ, а церковною дисциплиной занимался только между прочимъ [3]). Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ каноновъ этого собора не могутъ быть пройдены молчаніемъ со стороны изслѣдователя исторіи покаянной системы западной церкви. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе канонъ 22-й, содержащій въ себѣ общее

впервые встрѣчаемся въ правилахъ Василія Великаго, въ которыхъ впервые за церковнымъ покаяніемъ окончательно утвердились черты наказанія. Что касается Восточной церкви и того значенія, которое имѣютъ правила Василія Великаго въ исторіи покаянной системы этой церкви, то мы будемъ имѣть случай высказать по этому поводу наше мнѣніе въ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что на западѣ подобный кодексъ существовалъ гораздо ранѣе, ибо эльвирскіе каноны могутъ быть названы таковымъ не съ меньшимъ основаніемъ, чѣмъ правила Василія Великаго.

[1]) Канонъ 5 различаетъ грѣхи вольные и невольные (совершенные voluntate или casu). Канонъ 22, говоря о возвращающихся изъ ереси католикахъ, и установляя для взрослыхъ 10-тилѣтнее покаяніе, не вмѣняетъ въ вину пребываніе въ ереси тѣмъ, которые обращены были въ ересь, будучи дѣтьми, и предписываетъ принимать ихъ немедленно.

[2]) Слѣдующіе каноны собора въ Арлѣ основаны на эльвирскихъ: канонъ IX на 25 эльвирскомъ канонѣ, кан. XI на 15 эльвирскомъ, кан. XII на 20 эльвирскомъ и кан. XVI на 53 эльвирскомъ. Что же касается указанія на эльвирскіе каноны въ дѣяніяхъ Сардикійскаго собора, то оно, какъ справедливо замѣтилъ *Hefele* (Conciliengesch., I, 152), находится въ канонѣ 11 (греческаго текста), гдѣ слова ἐν τῷ προάγοντι χρόνῳ относятся къ Эльвирскому собору.

[3]) Epistola Synodi Arelatensis (*Mansi*, II, 469—470).

постановленіе о томъ, какъ относиться къ отступникамъ, заболѣвшимъ тяжкою болѣзнью и просящимъ причащенія. Соборъ подтвердилъ въ этомъ канонѣ долго существовавшій въ западной церкви обычай, согласно которому подобнымъ отступникамъ, не принесшимъ покаянія до болѣзни, отказывалось въ причащеніи [1]). Только въ томъ случаѣ, если они, выздоровѣвъ, принесутъ достойные плоды покаянія, могутъ они быть приняты въ общеніе съ вѣрующими. Мы увидимъ, какъ это правило смягчено было впослѣдствіи на вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ 325 года. Остальныя постановленія собора о покаяніи имѣютъ въ высшей степени фрагментарный характеръ, и очевидно, установлены въ виду особыхъ условій и нуждъ времени. Сюда относятся, главнымъ образомъ тѣ постановленія (каноны 3-й и 7-й), которыми отмѣняются прежнія церковныя запрещенія вѣрующимъ вступать въ ряды войска и занимать различныя гражданскія должности. То, что̀ прежде было воспрещено, вмѣняется теперь, въ виду мира, дарованнаго Константиномъ церкви, въ обязанность и во всякомъ случаѣ не считается влекущимъ за собою необходимость прекращенія общенія съ церковью. Во времена языческихъ императоровъ христіане-воины часто дезертировали и не осуждались за то своею церковною властью. Въ разсматриваемое время, напротивъ того, христіанскіе воины, покинувшіе свои знамена, разсматривались какъ покинувшіе защиту христіанской религіи и подлежали отлученію отъ церкви [2]). Равнымъ образомъ, въ языческое время христіане, занимавшіе различныя должности, въ виду того, что эти должности находились въ извѣстной связи съ языческимъ культомъ, должны были до окончанія срока своихъ должностей,

---

[1]) Что таковъ былъ обычай, существовавшій въ церквахъ запада еще въ III столѣтіи, въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ посланія Кипріана къ Антоніану, на которое намъ не разъ приходилось уже ссылаться. Et idcirco, говоритъ въ этомъ посланіи Кипріанъ,—frater carissime, poenitentiam nec agentes, ne dolorem delictorum suorum toto corde et manifesta lamentationis suae professione testantes, prohibendos omnino censuimus a spe communicationis et pacis, si in infirmitate atque in periculo coeperint deprecari; quia rogare illos non delicti poenitentia, sed mortis urgentis admonitio compellit, nec dignus est in morte accipere solatium, qui se non cogitavit esse moriturum (*Mansi*, I, 861; A и B).

[2]) Такъ вполнѣ правильно, по нашему мнѣнію, толкуетъ *Hefele* (Conciliengesch., I, 206—207) третій канонъ собора въ Арлѣ, гласящій: De his qui arma projiciunt in pace (то-есть, по наступленіи мира, дарованнаго Константиномъ церкви), placuit abstineri eos a communione.

воздерживаться отъ церковнаго общенія [1]). Правило это отмѣнено было 7-мъ канономъ собора въ Арлѣ. Кромѣ того, наши каноны содержатъ постановленія о недопущеніи къ церковному общенію такъ-называемаго aurigae и scenici, то-есть, возницъ цирка и актеровъ театра (кан. 4-й и 5-й).

Теперь мы должны обратиться къ разсмотрѣнію покаянныхъ правилъ, установленныхъ на помѣстныхъ соборахъ Восточной церкви—Анкирскомъ, Неокесарійскомъ и Гангрскомъ, и на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ. Правила эти хотя и не введены были сразу во всемъ своемъ объемѣ, въ особенности относительно степеней покаянія, въ церквахъ запада, тѣмъ не менѣе впослѣдствіи оказали большое вліяніе на покаянную систему Западной церкви.

Начало точному опредѣленію покаянной системы и классификаціи церковныхъ взысканій положено было на востокѣ знаменитымъ ученикомъ Оригена, епископомъ Понтскимъ, св. Григоріемъ Чудотворцемъ, написавшимъ между 258 и 262 годами посланіе къ сосѣднимъ епископамъ, въ которомъ онъ, по ихъ просьбѣ, излагаетъ свое воззрѣніе на то, какъ слѣдуетъ относиться къ тѣмъ, которые во время нашествія Готѳовъ и Скиѳовъ принимали участіе въ языческихъ жертвоприношеніяхъ, ѣли мясо принесенныхъ въ жертву животныхъ и совершали другія грѣховныя дѣянія [2]). Посланіе это никоимъ образомъ не можетъ быть названо полнымъ кодексомъ церковныхъ взысканій уже потому, что оно устанавливаетъ церковныя взысканія только относительно одного разряда грѣховныхъ дѣяній. Если его сопоставить съ памятниками церковнаго права Западной церкви, то его скорѣе можно сравнить съ тѣмъ кодексомъ о такъ-называемыхъ lapsi, который изданъ былъ Карѳагенскимъ соборомъ 251 года, чѣмъ, напримѣръ, съ Эльвирскими канонами. Тѣмъ не менѣе, это посланіе играетъ важную роль въ исторіи покаянной системы церкви въ томъ отношеніи, что въ немъ полагается основаніе различенію—такъ-называемымъ степенямъ покаянія (gradus, stationes poenitentiae). Эти степени покаянія были въ сущности степенями отлученія, такъ какъ ими выражалось лишеніе бóльшаго или меньшаго количества церковныхъ правъ. Нераскаянный грѣшникъ вполнѣ отлучался отъ церкви, раскаявшійся принимался

---

[1]) Еще 56-й канонъ Эльвирскаго собора постановлялъ: Magistratus vero uno anno quo agit duumviratum placet, ut se ab ecclesia cohibeat.

[2]) Посланіе это напечатано у *Питры*: Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta, I, 562.

въ общеніе съ церковью, но не сразу въ полное, а постепенно: ему, такъ-сказать, мало по малу возвращались права члена церкви. Съ теченіемъ времени за нѣкоторыя преступленія перестали опредѣлять полное отлученіе, а только частное, состоявшее въ лишеніи бо́льшаго или меньшаго количества церковныхъ правъ. Порядокъ отбыванія покаянія по степенямъ выработался примѣнительно къ порядку, установленному для оглашенныхъ [1]). Подобно тому, какъ лица, желавшія сдѣлаться членами церкви, не сразу получали всѣ церковныя права, и кающимся, желавшимъ возсоединиться съ церковью, не сразу возвращалась вся полнота церковныхъ правъ. Равнымъ образомъ, подобно тому, какъ оглашенные по количеству полученныхъ ими церковныхъ правъ дѣлились на разряды, и относительно кающихся установлены были подобныя подраздѣленія, сообразно съ количествомъ возвращенныхъ имъ церковныхъ правъ. Подобный порядокъ покаянія былъ, по справедливому замѣчанію профессора Суворова [2]), первоначально въ сущности только періодомъ испытанія и не могъ точно также быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія наказанія, какъ и періодъ испытанія для оглашенныхъ. Но это только первоначально; впослѣдствіи же, когда степени покаянія перестали быть исключительно только степенями возсоединенія для вполнѣ отлученныхъ, а стали опредѣляться самосостоятельно и сдѣлались, такимъ образомъ, степенями не полнаго, если можно такъ выразиться, отлученія, то ихъ несомнѣнно стало возможнымъ разсматривать съ точки зрѣнія и наказанія. Въ покаянныхъ правилахъ Григорія Чудотворца степени покаянія опредѣляются самостоятельно, то-есть, какъ степени частнаго или неполнаго отлученія, служащія самостоятельнымъ наказаніемъ за извѣстныя грѣховныя дѣянія (сравн., напримѣръ, канонъ 8-й). Григоріемъ Чудотворцемъ различаются три степени покаянія, а именно: слушаніе (ἀκρoασις), припаданіе (ὑποπτωσις) и стояніе съ вѣрными (συστασις) [3]). Впрочемъ, все

---

[1]) Сравн. статью *Якобсона* въ *Herzog's* Realencyclopaedie, II, 473.

[2]) О церковныхъ наказаніяхъ, 64.

[3]) Въ одинадцат(о)мъ канонѣ Григорія Чудотворца, въ отличіе отъ остальныхъ упоминается еще одна степень покаянія, а именно προσκλαυσις, и подробно опредѣляется характеръ каждой покаянной степени. Мы не приняли въ соображеніе этого канона при изложеніи въ текстѣ содержанія правилъ Григорія Чудотворца въ виду того, что́ говоритъ по поводу этого канона Питра (l. c. p. 566): deest in vatic omnibus, in octo bodl. in valliell in petrob. in mosquensi: unde vix dubium quin scholium sit ex canone 75 Basilii illic translatum. Того же мнѣнія и большинство современныхъ ученыхъ.

ученіе о степеняхъ покаянія излагается въ самыхъ общихъ выраженіяхъ безъ точнаго опредѣленія, въ чемъ именно состояла каждая изъ указанныхъ выше степеней, и не можетъ считаться вполнѣ установившимся.

Въ концѣ III и въ началѣ IV столѣтія ученіе о степеняхъ покаянія получило дальнѣйшее развитіе на небольшихъ соборахъ помѣстныхъ восточныхъ церквей, которые, по весьма вѣроятному предположенію Франка [1]), собирались въ указанное время для болѣе точнаго опредѣленія церковной дисциплины. До насъ не дошло свѣдѣній о такихъ соборахъ, но на фактъ, что они дѣйствительно происходили, указываетъ то обстоятельство, что ученіе о трехъ степеняхъ покаянія разсматривается отцами великаго собора, бывшаго въ Анкирѣ въ 314 году, какъ вполнѣ установленное прежними каноническими правилами и общеизвѣстное.

Обращаемся теперь къ дѣяніямъ Анкирскаго собора.

Анкирскіе покаянные каноны, хотя и не представляютъ такого полнаго и подробнаго кодекса церковныхъ наказаній, какой заключается въ современныхъ имъ эльвирскихъ канонахъ, тѣмъ не менѣе все-таки могутъ быть подведены къ одному типу съ ними. Въ нихъ положено основаніе тому взгляду на церковныя взысканія, который получилъ полное господство въ правилахъ Василія Великаго, вслѣдствіе чего въ этихъ послѣднихъ за покаяніемъ окончательно упрочились черты наказанія [2]). Въ подтвержденіе нашего мнѣнія изложимъ вкратцѣ содержаніе анкирскихъ покаянныхъ каноновъ. Что касается цикла грѣховныхъ дѣяній, за которыя на Анкирскомъ соборѣ назначены были церковныя взысканія, то необходимо обратить вниманіе на то, что, не смотря на краткость покаянныхъ правилъ этого собора, циклъ этотъ обнимаетъ собою всѣ важнѣйшія прегрѣшенія. Такъ, въ разбираемыхъ нами канонахъ упоминаются слѣдующіе грѣхи: отпаденіе отъ вѣры и идолослуженіе (кан. 1—9), содомскій грѣхъ (кан. 16—17), изгнаніе плода (кан. 21), прелюбодѣяніе (кан. 20), убійство (кан. 22—23) и волхвованіе (кан. 24). За каждое изъ этихъ прегрѣшеній назначается опредѣленное церковное взыска-

---

[1]) *Franck.* Bussdisciplin, 567 и 568.

[2]) По нашему мнѣнію, правила Василія Великаго являются заключительнымъ звеномъ длинной цѣпи долгаго историческаго процесса развитія, заключавшагося въ медленномъ и постепенномъ преобразованіи воззрѣнія на существо церковныхъ взысканій.

ніе, состоящее главнымъ образомъ въ отлученіи на извѣстный срокъ и въ покаяніи. При этомъ опредѣляются не только сроки отлученія и покаянія вообще, но и указывается, какъ въ предѣлахъ этихъ сроковъ время отлученія и покаянія распредѣляется между отдѣльными покаянными степенями. Такъ, напримѣръ, 9-й канонъ постановляетъ относительно тѣхъ, которые не только отпали отъ вѣры, но и учинились врагами церкви, слѣдующее: „три года да укажется имъ мѣсто между слушающими, шесть лѣтъ между припадающими, одинъ годъ да будутъ они въ общеніи, кромѣ причащенія, однимъ словомъ такъ, чтобъ они, не прежде, какъ исполнивъ десятилѣтіе, получали совершенное общеніе". Равнымъ образомъ, ученіе о степеняхъ покаянія является вполнѣ опредѣлившимся. Наши каноны точно опредѣляютъ и обозначаютъ три степени покаянія окончательно установившіяся въ современной имъ практикѣ церкви [1]). Наконецъ, анкирскіе каноны полагаютъ основаніе и ученію о вмѣненіи и о различныхъ степеняхъ виновности, дѣлая различіе между убійствомъ вольнымъ и невольнымъ.

Въ виду всего сказаннаго анкирскіе каноны несомнѣнно должны быть признаны памятниками одного типа съ современными имъ эльвирскими канонами и съ позднѣйшими правилами Василія Великаго. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что они имѣютъ болѣе сходства съ правилами Василія Великаго, чѣмъ съ эльвирскими канонами. А именно съ эльвирскими канонами они сходны только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ съ правилами Василія Великаго они являютъ во всѣхъ отношеніяхъ одни и тѣ же начала.

Различіе между канонами анкирскими и эльвирскими заключается въ томъ, что анкирскіе каноны, хотя несомнѣнно разсматриваютъ церковныя взысканія какъ наказанія, тѣмъ не менѣе обращаютъ вниманіе и на другое, первоначальное и преимущественное, такъ сказать, значеніе церковныхъ взысканій, какъ мѣръ исправительныхъ и средствъ, врачующихъ больную нравственно душу человѣка, совершившаго грѣхъ. Подобное воззрѣніе ясно выразилось въ 5-мъ канонѣ Анкирскаго собора, въ значительной степени умѣряющемъ и приводящемъ въ должную норму общій характеръ формализма въ назначеніи церковныхъ взысканій. „Но епископы"—читаемъ въ этомъ

---

[1]) Кромѣ того, есть указаніе и на то, что въ разсматриваемое время образовалась еще одна степень покаянія, а именно степень плача. Указаніе это находится въ кан. 17 (сравн. *Hefele* Conciliengesch., I, 235—236.

канонѣ, — „да имѣютъ власть, испытавъ образъ обращенія, человѣколюбствовать или же назначить большее время покаянія. Болѣе всего да испытуется житіе, предшествовавшіе паденію и послѣдовавшее за онымъ, и такимъ образомъ, да размѣряется человѣколюбіе". Главнымъ же образомъ о томъ, что Анкирскимъ соборомъ обращено было должное вниманіе на первоначальное значеніе церковныхъ взысканій, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что этимъ соборомъ нигдѣ не устанавливается отлученія навсегда, а самое тягчайшее взысканіе, которое опредѣляется за самыя тяжкія преступленія, состоитъ въ лишеніи причащенія на всю жизнь, причемъ раскаявшійся грѣшникъ возсоединяется съ церковью на смертномъ одрѣ и удостаивается св. причащенія. Напротивъ того, какъ мы видѣли выше, въ эльвирскихъ канонахъ карательный элементъ въ церковныхъ взысканіяхъ и формализмъ въ назначеніи этихъ взысканій, приведенные Анкирскимъ соборомъ въ должную норму, доведены до крайности. Такимъ образомъ анкирскіе и эльвирскіе каноны, хотя и памятники одного типа, тѣмъ не менѣе различаются другъ отъ друга во многихъ весьма важныхъ отношеніяхъ.

Мы замѣтили выше, что анкирскіе каноны во всѣхъ отношеніяхъ являютъ одни и тѣ же начала съ позднѣйшими правилами Василія Великаго. Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что всѣ тѣ характеристическія черты, на которыя указываютъ въ правилахъ Василія Великаго, какъ на придающія покаянной системѣ этого отца церкви вполнѣ своеобразный, рѣзко отличающійся отъ первоначальнаго характера церковной дисциплины, обликъ, могутъ быть указаны и въ анкирскихъ канонахъ. Такимъ образомъ, эти каноны являются началомъ того развитія покаянной системы, послѣднее звѣно котораго представляютъ собою правила Василія Великаго.

Чтобы окончить обозрѣніе покаянныхъ правилъ, установленныхъ на соборахъ восточной церкви въ разсматриваемомъ періодѣ, намъ необходимо познакомиться еще съ дѣяніями соборовъ Неокесарійскаго, перваго вселенскаго и Гангрскаго.

Покаянныя правила Неокесарійскаго собора имѣютъ въ высшей степени фрагментарный характеръ; слѣдовательно, соборъ не имѣлъ въ виду полнаго изложенія современной ему покаянной системы. Установленіе подобнаго воззрѣнія на значеніе неокесарійскихъ каноновъ важно, по нашему мнѣнію, въ томъ отношеніи, что имъ устраняется возможность невѣрнаго заключенія о характерѣ современной Неокесарійскому собору церковной дисциплины вообще. А именно,

нѣкоторыми изслѣдователями покаянная система церкви, современная Анкирскому и Неокесарійскому соборамъ, считается чѣмъ-то въ высшей степени не установившимся и въ высшей степени разнообразнымъ въ практикѣ отдѣльныхъ восточныхъ церквей [1]). Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводится, между прочимъ, и то обстоятельство, что Неокесарійскій соборъ, собиравшійся почти одновременно съ Анкирскимъ, не оставилъ вовсе указаній на прохожденіе покаянія по степенямъ, между тѣмъ какъ постановленія о подобномъ прохожденіи находятся въ правилахъ Анкирскаго собора [2]). Но это доказательство теряетъ свою убѣдительность, если признать, что отцы Неокесарійскаго собора не имѣли намѣренія изложить въ полномъ составѣ современную имъ покаянную систему, а издали только нѣсколько покаянныхъ правилъ, установленіе которыхъ требовалось обстоятельствами времени. Мнѣніе наше потверждается и самымъ текстомъ соборныхъ дѣяній, изъ котораго явствуетъ, что соборъ призналъ необходимымъ установить только нѣсколько спеціальныхъ покаянныхъ правилъ, покаянную же систему вообще считалъ вполнѣ установившеюся и ссылался на оную, какъ на таковую. Такъ въ канонѣ III-мъ читаемъ: „Περὶ τῶν πλείστοις γάμοις περιπιπτόντων ὁ μὲν χρόνος σαφὴς ὁ ὡρισμένος...“. Вотъ почему изъ того обстоятельства, что въ правилахъ собора Анкирскаго упоминаются степени покаянія, а въ дѣяніяхъ собора Неокесарійскаго нѣтъ указанія на оныя, нельзя еще выводить заключенія о разнообразіи въ покаянной практикѣ отдѣльныхъ восточныхъ церквей въ разсматриваемое время. Наконецъ, укажемъ и на то обстоятельство, что, не смотря на краткость и неясность неокесарійскихъ каноновъ, изъ чтенія ихъ легко убѣдиться, что и воззрѣніе отцевъ Неокесарійскаго собора на самое существо церковныхъ взысканій было то же самое, что̀ воззрѣніе отцевъ Анкирскаго собора. Въ подтвержденіе этого мы можемъ сослаться на указанный выше третій канонъ Неокесарійскаго собора, гдѣ послѣ указанія на то, что за многобрачіе установленъ точный срокъ покаянія, замѣчается, что подобное точное опредѣленіе не должно быть понимаемо буквально, что обращеніе и вѣра сокращаютъ время и даютъ возможность принять прегрѣшившаго въ общеніе съ церковью ранѣе опредѣленнаго срока. Это въ свою очередъ указываетъ на то, что отцы Неокесарійскаго собора, подобно

---

[1]) *Суворовъ*, 65.

[2]) *Суворовъ*, 66.

отцамъ собора Анкирскаго, заботились о томъ, чтобы формализмъ въ опредѣленіи церковныхъ взысканій былъ приведенъ въ должную норму.

Никейскіе каноны также не содержатъ въ себѣ подробныхъ покаянныхъ правилъ; тѣмъ не менѣе они играютъ важную роль въ исторіи церковныхъ взысканій, вопервыхъ—потому, что въ нихъ впервые выразилась общецерковная законодательная дѣятельность относительно церковныхъ взысканій, а вовторыхъ — потому, что въ нихъ указывается воззрѣніе вселенской церкви на самое существо отлученія и покаянія. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ познакомиться ближе съ содержаніемъ этихъ канонов.

Важнѣйшій изъ покаянныхъ каноновъ Никейскаго собора—это канонъ тринадцатый. Канонъ этотъ изложенъ слѣдующимъ образомъ: „О находящихся при исходѣ жизни, да соблюдается и нынѣ древній законъ церкви, чтобъ отходящій не былъ лишаемъ послѣдняго и нужнѣйшаго напутствія. Если же, послѣ того, какъ отчаялись въ его жизни, и онъ былъ сподобленъ причащенія, онъ снова вернется къ жизни, да будетъ онъ между участвующими только въ молитвѣ. Вообще всякому отходящему, кто бы ни былъ, просящему причаститься евхаристіи, со испытаніемъ да преподастъ епископъ“. Въ этомъ канонѣ окончательно авторитетомъ всей церкви разрѣшено было существовавшее между различными церквами разногласіе о томъ, могутъ ли лица, совершившія смертный грѣхъ послѣ крещенія, быть возсоединяемы съ церковью и удостоиваемы св. причащенія. Церковь безусловно высказалась за допущеніе на смертномъ одрѣ къ причащенію всѣхъ грѣшниковъ, принесшихъ раскаяніе и желающихъ сподобиться причащенія святыхъ таинъ. Очевидно, что, согласно этому правилу, и совершившимъ смертный грѣхъ не могло быть отказано въ причащеніи на смертномъ одрѣ.

Нельзя не признать, что приведеннымъ правиломъ Никейскаго собора окончательно выяснено истинное значеніе церковныхъ взысканій, которыя должны разсматриваться преимущественно не какъ наказанія за грѣхъ, а какъ исправительныя мѣры, принимаемыя церковью для побужденія грѣшниковъ раскаяться и обратиться къ Богу. Вотъ почему отлученіе навсегда и устранено было изъ покаянной системы церкви тринадцатымъ правиломъ Никейскаго собора [1]).

---

[1]) Правило это можетъ быть равнымъ образомъ приведено и въ подтвержденіе высказаннаго нами выше мнѣнія, что совершившіе смертный грѣхъ послѣ

Изъ остальныхъ каноновъ Никейскаго собора необходимо обратить вниманіе на тѣ, въ которыхъ говорится о покаянныхъ степеняхъ. Это каноны 11-й и 12-й. Въ одинадцатомъ канонѣ читаемъ: „Объ отступникахъ отъ вѣры, не по принужденію, или не по причинѣ отъятія имуществъ, или опасности или чего-либо подобнаго, какъ то случилось въ Лициніево гоненіе, соборъ опредѣлилъ: являть милость имъ, хотя они и не достойны человѣколюбія. Которые изъ нихъ искренно покаются, тѣ, если они уже принадлежали къ числу вѣрныхъ (то-есть, были уже крещены), да проведутъ между слушающими три года и семь лѣтъ да припадаютъ въ церкви; два же года да участвуютъ въ молитвахъ съ народомъ, кромѣ причащенія святыхъ таинъ".

Интересенъ приведенный канонъ въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому, что въ немъ ясно различаются и окончательно узаконяются установившіяся въ Восточной церкви путемъ обычая въ концѣ III и въ началѣ IV столѣтія и признанныя уже, какъ мы видѣли выше на Анкирскомъ помѣстномъ соборѣ, три степени покаянія, такъ что съ одной стороны невозможно сомнѣваться въ томъ, что уже во времена Никейскаго собора существовалъ вполнѣ опредѣленный порядокъ отбыванія покаянія, а съ другой—ясно, что въ разсматриваемое время не было еще четырехъ степеней покаянія; вовторыхъ, потому, что онъ неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что церковныя взысканія по существу своему—преимущественно не мѣры наказанія, а мѣры исправленія, ибо даже за такое тяжкое прегрѣшеніе, какъ добровольное отпаденіе отъ вѣры, назначается не отлученіе навсегда, а только на извѣстный срокъ.

Въ 12-мъ канонѣ, въ которомъ назначается 13-лѣтнее пребываніе въ первыхъ двухъ покаянныхъ степеняхъ тѣмъ христіанамъ-воинамъ, которые, будучи на службѣ у императора Лицинія и увѣровавъ въ Бога истиннаго, покинули сперва знамена вождя-язычника, но по-

---

крещенія и въ предшествующія разсматриваемому времена, то-есть, во II и въ III вѣкахъ, въ большинствѣ христіанскихъ помѣстныхъ цевквей допускались, послѣ принесенія ими дѣйствительнаго раскаянія и покаянія, къ возсоединенію съ Богомъ, и что ученіе о недопущеніи церковно-виновныхъ въ смертномъ грѣхѣ было только особенностью нѣкоторыхъ (преимущественно западныхъ) помѣстныхъ церквей. А именно, отцы Никейскаго собора, установляя разобранное нами въ текстѣ правило, говорятъ, что дѣйствуютъ въ духѣ древняго церковнаго закона. Этимъ указывается, что соборное опредѣленіе основано на преобладавшемъ издревле въ большинствѣ помѣстныхъ церквей обычаѣ.

томъ, въ виду различныхъ земныхъ благъ, снова возвратились въ ряды языческой рати [1]), замѣчательна слѣдующая вторая половина: „Относительно всѣхъ подобныхъ надлежитъ обращать вниманіе на внутреннее душевное настроеніе и образъ раскаянія. Ибо, которые со страхомъ, и слезами, и терпѣніемъ, и благотвореніями, обращеніе являютъ дѣломъ, а не по наружности, — тѣхъ, по исполненіи опредѣленнаго времени слушанія, прилично будетъ принимать въ общеніе молитвъ. Даже да дозволено будетъ епископу отнестись къ нимъ еще человѣколюбивѣе. А тѣ, которые равнодушно понесли отлученіе и видъ вхожденія въ церковь сочли для себя довольнымъ къ обращенію, тѣ всецѣло да исполнятъ время покаянія".

Въ только что приведенномъ правилѣ дается толкованіе того, какъ слѣдуетъ относиться къ каноническимъ опредѣленіямъ сроковъ покаянія. Епископу не вмѣняется въ обязанность буквальное и чисто-формальное пониманіе этихъ сроковъ. Напротивъ того, онъ главнымъ образомъ долженъ обращать вниманіе на внутреннее настроеніе кающагося, выражающееся въ усердіи къ благочестивымъ упражненіямъ и благотвореніямъ. Такимъ образомъ дѣйствительное раскаяніе и прилежаніе къ добрымъ дѣламъ значительно могутъ сократить сроки покаянія. Слѣдовательно, главное значеніе покаянія никейскіе каноны усматриваютъ въ томъ, что оно должно служить грѣшнику къ укрѣпленію въ немъ нравственнаго начала, каковое торжество добра надъ зломъ во внутреннемъ настроеніи кающагося должно выражаться внѣшнимъ образомъ въ молитвѣ, въ благочестивыхъ упражненіяхъ и въ благотвореніяхъ. Вотъ какимъ образомъ въ правилахъ Никейскаго собора согласованъ новый характеръ церковныхъ взысканій, какъ наказаній, въ смыслѣ опредѣленныхъ каноническими правилами воздаяній за различныя грѣховныя дѣянія, съ прежнимъ значеніемъ ихъ, какъ исправительныхъ мѣръ, споспѣшествующихъ грѣшнику примириться съ Богомъ и церковью.

Мы не остановимся подробно на разборѣ постановленій Гангрскаго собора, такъ какъ эти постановленія имѣли меньшее, сравнительно съ постановленіями другихъ соборовъ разсматриваемаго времени, влі-

---

[1]) Таково толкованіе, которое даетъ началу 12-го канона извѣстный историкъ соборовъ *Гефеле*, епископъ Роттенбургскій (Conciliengeschichte, I, 415—416). Что здѣсь дѣло идетъ не о запрещеніи военной службы вообще, это доказано тѣмъ же Гефеле въ статьѣ, помѣщенной въ *Tuebinger theologischer Quartalschrift* (Jahrgang 1841, p. 386).

яніе на покаянную систему западной церкви, составляющую главный предметъ нашего изслѣдованія. Упомянемъ только, что гангрскіе каноны отличаются крайнею суровостью. А именно, соборъ соединилъ всѣ свои постановленія съ анаѳемою на противомыслящихъ, означающею здѣсь не только отлученіе отъ церкви, но и совершенное отсѣченіе отъ всего христіанскаго общества. Но было бы невѣрно предположить, на основаніи этого суроваго характера гангрскихъ канововъ, что ко времени ихъ составленія произошелъ коренной переворотъ въ воззрѣніяхъ церкви на существо церковныхъ взысканій. Причину такой строгости соборныхъ постановленій слѣдуетъ, по справедливому замѣчанію преосвященнаго Іоанна въ его Курсѣ церковнаго законовѣдѣнія (томъ I, стр. 373), искать въ обстоятельствахъ времени, въ крайнемъ злѣ ученія Евстафіанъ, противъ котораго направлены гангрскіе каноны, и которое являлось не только противохристіанскимъ, но и противообщественнымъ, такъ какъ подрывало самыя основы жизни нравственной, христіанской и общественной. Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторые западные изслѣдователи видятъ въ гангрскихъ канонахъ зачатки такъ называемыхъ excommunicationes latae sententiae [1]).

Переходимъ теперь къ покаяннымъ правиламъ отцевъ Восточной церкви. Изъ этихъ правилъ нами указано уже на правила Григорія Чудотворца въ связи съ исторіей покаянной системы въ томъ видѣ, какъ она выразилась въ покаянныхъ правилахъ соборовъ. Изъ остальныхъ покаянныхъ правилъ св. отцевъ на дисциплинарную систему Западной церкви имѣли вліяніе главнымъ образомъ правила Василія Великаго, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и обращаемся.

Мы замѣтили выше, что начала, легшія въ основу покаянныхъ правилъ Анкирскаго собора, во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ началами, проводимыми въ правилахъ Василія Великаго, такъ что, по нашему мнѣнію, нельзя признать правильнымъ воззрѣніе, по которому точка зрѣнія Василія Великаго на покаяніе существенно отличается отъ господствовавшаго въ прежнее время взгляда [2]). Для того, чтобы убѣдиться въ правильности нашего воззрѣнія, постараемся выяснить себѣ, въ чемъ, по мнѣнію противоположному нашему, заключаются характеристическія особенности покаянной системы Василія Великаго, и посмотримъ, окажутся ли эти характеристическія

---

[1]) *Richter*. Lehrbuch des Kirchenrechts. 7-te Auflage, p. 651, n. 7.

[2]) *Суворовъ*, 65—69.

черты присущими только правиламъ указаннаго отца церкви, или общими этимъ правиламъ съ покаянными канонами Анкирскаго собора.

Прежде всего указываютъ на то, что основная мысль, на которой покоятся правила Василія Великаго, заключается въ томъ, что извѣстное число лѣтъ требуется для очищенія отъ такого-то грѣха; напротивъ, другое число лѣтъ потребно для очищенія отъ другого. Слѣдовательно—выводятъ далѣе заключеніе—Василій Великій разсматриваетъ покаяніе съ точки зрѣнія наказанія. Все это несомнѣнно, и на это, между прочимъ, кромѣ общаго характера покаянныхъ опредѣленій, указываютъ и самые термины δικη, ἐπιτίμιον и δημοσιαι καταδικαι, которыми Василій Великій обозначаетъ публичное покаяніе [1]). Но въ то же самое время правила Василія Великаго не отличаются отъ соборныхъ правилъ первой половины IV вѣка, такъ какъ и въ сихъ послѣднихъ покаяніе разсматривается какъ наказаніе, назначаются различные сроки покаянія и распредѣляются въ свою очередь по отдѣльнымъ покаяннымъ степенямъ, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ грѣхамъ. Затѣмъ, утверждаютъ, что Василій Великій видитъ въ покаяніи почти исключительно наказаніе. Съ этимъ положительно нельзя согласиться. Намъ кажется, что идея исправленія и предоставленія грѣшнику способа примириться съ Богомъ и церковью находится къ идеѣ наказанія въ правилахъ Василія Великаго въ такомъ же отношеніи, въ какомъ эти двѣ идеи находились другъ къ другу въ покаянныхъ канонахъ соборовъ первой половины IV в., а именно, что новая идея покаянія не вытѣснила собою прежнюю идею исправленія, а была приведена съ нею въ органическую связь, при чемъ первенствующее значеніе осталось все-таки за прежнею, искони присущею покаянію идеей исправленія. Это видно, какъ изъ того, что Василій Великій нерѣдко говоритъ о покаяніи, какъ о средствѣ, врачующемъ нравственно больную душу грѣшника (кан. 2-й), и полагаетъ существо этого средства въ удаленіи отъ грѣха (кан. 4-й), такъ и изъ общаго опредѣленія основнаго значенія покаянія, находящагося въ канонѣ 84-мъ, гдѣ прямо говорится, что о покаяніи „мы не по одному времени судимъ, но и взираемъ на образъ покаянія", и что необходимо „да испытуются плоды покаянія". Далѣе, уже изъ того обстоятельства, что правила Василія Великаго, по свидѣтельству ихъ самихъ, непосредственно заимствованы изъ обычаевъ церкви, правилъ святыхъ отцевъ и соборныхъ каноновъ, видно, что принципіальнаго

[1]) Ср. кан. 2, 50.

различія между изложенною въ нихъ и непосредственно предшествовавшею ихъ составленію покаянною системой быть не могло. Однимъ словомъ, какъ указано нами выше, правила Василія Великаго представляютъ собою не что иное, какъ послѣднее звено развитія покаянной системы IV вѣка, первымъ звеномъ которой являются анкирскіе каноны. Въ этомъ-то и заключается главное значеніе правилъ Василія Великаго, что въ нихъ сведены были воедино всѣ источники церковнаго дисциплинарнаго права IV вѣка, а равнымъ образомъ, получили полное развитіе нѣкоторыя ученія, находящіяся только въ зачаточномъ видѣ въ предшествовавшихъ памятникахъ, какъ напримѣръ ученіе о грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ. Въ заключеніе, для правильной оцѣнки значенія покаянныхъ правилъ Василія Великаго слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что ученіе о степеняхъ покаянія, хотя и вполнѣ обоснованное въ покаянныхъ канонахъ Анкирскаго и Никейскаго соборовъ, полнаго развитія достигло только въ правилахъ Василія Великаго, гдѣ мы уже встрѣчаемся съ четырьмя покаянными степенями, а именно съ тремя древними и съ вновь образовавшеюся степенью плача.

Чтобы закончить обозрѣніе памятниковъ дисциплинарнаго права Восточной церкви, имѣвшихъ впослѣдствіи вліяніе на покаянную систему запада, необходимо обратить вниманіе на сборникъ апостольскихъ правилъ, составленный въ концѣ IV вѣка [1]). Этотъ памятникъ, заключающій въ себѣ по нѣкоторымъ спискамъ 50, а по другимъ 85 каноновъ, въ особенности важенъ для исторіи такъ-называемыхъ особенныхъ церковныхъ наказаній, то-есть, наказаній, налагаемыхъ на клириковъ и состоящихъ въ потерѣ или пораженіи спеціальныхъ правъ, вытекающихъ изъ особаго положенія клириковъ въ составѣ церковнаго общества [2]). Что же касается общихъ церковныхъ взысканій, исторіей которыхъ мы теперь занимаемся, то изъ апостольскихъ правилъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе правило 52-е, согласно которому грозится лишеніемъ священнаго сана епископу и пресвитеру, не пріемлющимъ обращающагося отъ грѣха. Здѣсь, слѣдовательно, мы встрѣчаемся съ воззрѣніемъ на покаяніе, которое,

[1]) Правила св. апостоловъ и мужей апостольскихъ сохранялись первоначально посредствомъ устнаго преданія. Затѣмъ въ III и IV вѣкахъ они были записаны и приспособлены къ современнымъ отношеніямъ, а въ концѣ IV вѣка изъ нихъ составленъ былъ сборникъ. Сравн. *Bickell*. Geschichte des Kirchenrechts, I, 83—84.

[2]) *Суворовъ*, 226.

какъ мы указали выше, господствовало въ церкви въ первыя три столѣтія христіанскаго лѣточисленія и окончательно утверждено было на Никейскомъ соборѣ, и согласно которому, предписывалось принимать всѣхъ кающихся грѣшниковъ, даже совершившихъ смертный грѣхъ. Въ правилахъ, опредѣляющихъ церковныя взысканія за отдѣльныя прегрѣшенія, ни сроки, ни способы отбытія взысканія не указываются. Въ большинствѣ случаевъ угрожается отлученіемъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія подробностей. Это указываетъ на глубокую древность правилъ не только относительно содержанія, но и относительно формы. Въ заключеніе замѣтимъ, что апостольскія правила имѣли большое вліяніе и на покаянную систему Западной церкви, не смотря то, что они на Римскомъ соборѣ, бывшемъ при папѣ Геласіи, признаны были апокрифическими и отвергнуты.

Вотъ тотъ циклъ памятниковъ дисциплинарнаго права Восточной церкви, который послужилъ впослѣдствіи источникомъ для составителей западно-европейскихъ сборниковъ покаянныхъ правилъ (libri poenitentiales).

Переходя теперь къ покаянной системѣ Западной церкви во второй половинѣ IV и въ первой V столѣтія, мы прежде всего должны отмѣтить замѣчательный фактъ, что на сколько выработавшееся въ IV вѣкѣ въ Восточной церкви покаянное право играло видную роль въ позднѣйшей исторіи покаянной системы Западной церкви, на столько же оно лишено было всякаго значенія въ современной ему западно-европейской церковной практикѣ.

Несомнѣнно, что основное воззрѣніе вселенской церкви на существо покаянія, выразившееся въ 13-мъ канонѣ Никейскаго собора, пользовалось на западѣ такимъ же признаніемъ, какъ и на востокѣ [1]; но тотъ порядокъ отбыванія церковныхъ взысканій, который, какъ мы видѣли выше, установился на востокѣ въ началѣ IV вѣка, былъ принятъ на Никейскомъ соборѣ и состоялъ въ назначеніи для отдѣльныхъ прегрѣшеній опредѣленныхъ сроковъ покаянія, распредѣлявшихся въ свою очередь по покаяннымъ степенямъ,—не получилъ въ разсматриваемое время господства въ Западной церкви. Здѣсь, за исключеніемъ Испанской церкви, имѣвшей свои эльвирскіе каноны, не опредѣлено было точныхъ сроковъ покаянія за отдѣльныя грѣ-

---

[1]) Впрочемъ, что всѣхъ кающихся грѣшниковъ, даже совершившихъ смертный грѣхъ, слѣдуетъ принимать въ общеніе съ церковью, было исконнымъ воззрѣніемъ Римской церкви.

ховныя дѣянія, не проведено было начало дѣленія кающихся по степенямъ покаянія, а назначеніе сроковъ предоставлено было, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ самого порядка отбыванія взысканій, по прежнему на усмотрѣніе епископа. Въ виду этого вся покаянная система Западной церкви въ разсматриваемый періодъ является въ высшей степени простою и несложною. Вся она вѣрно выражена и точно описана въ немногихъ словахъ папою Иннокентіемъ I въ посланіи къ Деценцію [1]). Вотъ эти слова: „De poenitentibus vero, qui sive ex gravioribus commissis, sive ex levioribus poenitentiam gerunt, si nulla interveniat aegritudo, quinta feria ante pascha eis remittendum Romanae ecclesiae consuetudo demonstrat. Ceterum de pondere aestimando delictorum, sacerdotis est judicare, ut attendat ad confessionem poenitentis, et ad fletus atquae lacrymas corrigentis, ac tunc jubere dimitti, cum viderit congruam satisfactionem. Sane si quis in aegritudinem inciderit, atque usque ad desperationem devenerit, ei est ante tempus paschae relaxandum, ne de saeculo absquae communione discedat". Равнымъ образомъ, и въ дѣяніяхъ знаменитаго Карѳагенскаго собора 419 года, такъ точно разрѣшившаго различные вопросы церковнаго управленія и составившаго настоящій сводъ постановленій предшествовавшихъ африканскихъ соборовъ, мы не встрѣчаемъ точно опредѣленнаго порядка покаянія. Назначеніе сроковъ покаянія грѣшникамъ всецѣло предоставляется епископу. „Ut poenitentibus, pro peccatorum differentia, episcoporum judicio poenitentiae tempus constiluatur [2]). Вотъ все, что говорится въ карѳагенскихъ канонахъ о томъ, какъ опредѣлять покаяніе прегрѣшающимъ.

Для полной характеристики покаянной системы разсматриваемаго періода необходимо упомянуть еще объ одномъ постановленіи папы Сириція, которымъ правило о возсоединеніи съ церковью всѣхъ кающихся на смертномъ одрѣ распространено и на совершившихъ смертный грѣхъ во второй разъ, то-есть, послѣ отбытія публичнаго покаянія за совершенный впервые послѣ крещенія смертный грѣхъ [3]), и о

---

[1]) *Mansi*, III, 1030.

[2]) Ср. cap. 46 consilii Carthagenensis въ Συνοδικον *Беверджа*, I, 568.

[3]) Совершившихъ смертный грѣхъ во второй разъ папа, какъ видимъ изъ его посланія къ Гимерію, епископу Тарраконскому (*Mansi*, III, 657), допускаетъ къ участію въ церковномъ богослуженіи и къ присутствованію при совершеніи таинства евхаристіи, но причащеніе св. таинъ разрѣшаетъ удостоивать ихъ только тогда «cum ad dominum coeperint proficisci».

двухъ канонахъ Карѳагенскаго собора (46-мъ и 133-мъ), ограничивающимъ циклъ грѣховныхъ дѣяній, за которыя полагается публичное покаяніе, въ томъ отношеніи, что для примѣненія публичнаго покаянія требуется совершеніе явнаго грѣха или добровольное публичное признаніе въ тайно совершенномъ грѣхѣ [1]).

Таковъ былъ общій характеръ покаянной системы разсматриваемаго періода. Посмотримъ теперь, каковъ былъ взглядъ Западной церкви на отдѣльныя покаянныя дѣйствія. Не смотря на то, что главное значеніе въ покаяніи приписывалось дѣйствительному раскаянію, тѣмъ не менѣе и тѣ благочестивыя упражненія, которыми сопровождалось покаяніе, и въ этотъ періодъ имѣли въ извѣстной степени самостоятельное значеніе. При покаяніи за тяжкія прегрѣшенія они споспѣшествовали покаянію, а при покаяніи за маловажные грѣхи, за такъ-называемыя delicta quotidiana, они заключали въ себѣ все покаяніе, и какъ умилостивительная жертва, погашали собою проступокъ. Блаженный Августинъ упоминаетъ о peccata quotidiana, какъ о такихъ прегрѣшеніяхъ „pro quibus etiam sacrificia eleemosynarum, jejuniorum et ipsarum orationum ac supplicationum quisque pro suis viribus offerre non cessat“ [2]). Въ особенности стали разсматриваться такъ милостыни бѣднымъ и пожертвованія церкви, устраивавшей на пожертвованныя деньги различныя благотворительныя учрежденія и покрывавшей этими деньгами расходы на богослуженіе и содержаніе клира [3]). Какъ на умилостивительную жертву, смотрятъ на милостыни и пожертвованія въ церковь два великіе іерарха разсматриваемаго времени—Амвросій Медіоланскій и папа Левъ Великій. „Pecuniam habes, говоритъ Амвросій Медіоланскій [4]),—redime peccatum tuum. Non venalis est Dominus, sed tu ipse venalis es: redime te operibus tuis, redime te pecunia tua“. Еще опредѣленнѣе выражается

---

[1]) У Блаженнаго Августина циклъ прегрѣшеній, за которыя назначается публичное покаяніе, опредѣленъ подобнымъ же образомъ. Sermo 151 de poenitentia (S. Augistini operum tomus V. Parisiis 1683, p. 1359): Nos vero a communione prohibere quemquam non possumus, nisi aut sponte confessum, aut in aliquo sive saeculari sive ecclesiastico judicio nominatum atque convictum.

[2]) S. Augistini l. c. p. 1355.

[3]) Папа Гелазій въ посланіи къ епископамъ южной Италіи и Сициліи (Bullarium Romanor. Pontif., I, 107) предписываетъ дѣлить пожертвованія вѣрущихъ на четыре части «quarum sit una pontificis, altera clericorum, pauperum tertia, quarta fabricis applicanda».

[4]) De Elia jejunio, c. 20.

Левъ Великій [1]): „Si quid culparum in hac terrena habitatione contrahitur, eleemosynis deletur".

Хотя такое воззрѣніе на благочестивыя покаянныя дѣйствія, какъ на умилостивительную жертву, установилось только въ сферѣ покаянія за маловажныя прегрѣшенія, тѣмъ не менѣе нельзя не обратить на оное вниманія, такъ какъ оно впослѣдствіи послужило исходной точкой для всего ученія о пенитенціяхъ въ церковномъ правѣ кельтическихъ и германскихъ народовъ. Эти младенствующіе народы не могли сразу усвоить себѣ истинно-христіанское высоконравственное значеніе покаянія: взглядъ на покаяніе, какъ на умилостивительную жертву, былъ гораздо болѣе доступенъ ихъ пониманію; вотъ почему они примѣнили его не только къ покаянію за маловажныя прегрѣшенія, но и къ покаянію за самые тяжкіе грѣхи [2]).

Подведемъ теперь итоги всему изложенному и посмотримъ, какіе элементы для созданія новой формаціи церковнаго дисциплинарнаго права у вновь обращенныхъ германскихъ и кельтическихъ народовъ принесла съ собою церковь.

Первымъ изъ этихъ элементовъ является пенитенціальная система Западной церкви. Въ этой системѣ ученіе о покаяніи распадается на двѣ части — ученіе о покаяніи за тяжкіе грѣхи и ученіе о покаяніи за маловажныя прегрѣшенія. Въ ученіи о покаяніи за тяжкіе грѣхи карательный элементъ, въ виду приведенныхъ выше данныхъ, необходимо признать въ значительной степени ослабленнымъ сравнительно съ концомъ III и началомъ IV столѣтія, то-есть, сравнительно съ временемъ эльвирскихъ каноновъ и постановленій собора въ Арлѣ. Вслѣдствіе ослабленія карательнаго элемента ростетъ значеніе истинно-христіанскаго, высоко-нравственнаго воззрѣнія на покаяніе, какъ на благодатное средство, даруемое грѣшнику для при-

---

[1]) Leonis Magni Sermo VI. Сравн. *Laurent*. Etudes sur l'histoire de l'humanité. V. Les Barbares et le Catholicisme, 385—386.

[2]) Что перенесеніе воззрѣнія на покаяніе, какъ на умилостивительную жертву, состоящую главнымъ образомъ въ милостыняхъ и пожертвованіяхъ церкви, при наличности извѣстныхъ условій, не представляло особыхъ затрудненій, видно изъ того, что зачатки подобнаго перенесенія встрѣчаются уже у христіанскихъ римскихъ писателей конца разсматриваемаго періода. Въ сочиненіи Сальвіана «Libri IV adversus avaritiam (edit. *Baluzii*, Parisiis. 1699, p. 234)» читаемъ даже слѣдующее мнѣніе: «offerat ergo vel moriens *ad liberandam de perennibus poenis animam suam*, quia aliud jam non potest, saltem substantiam suam».

миренія съ Богомъ и его церковью [1]). Съ совсѣмъ инымъ воззрѣніемъ, какъ мы только что видѣли, встрѣчаемся въ сферѣ покаянія за маловажныя прегрѣшенія. Здѣсь получилъ полный перевѣсъ ветхозавѣтный взглядъ на покаяніе, какъ на умилостивительную жертву, состоящую въ извѣстныхъ лишеніяхъ, налагаемыхъ на кающагося. Въ силу этого взгляда покаяніе за маловажные грѣхи несравненно болѣе приближалось къ типу наказаній, въ особенности, какъ увидимъ ниже, къ тому типу наказаній, который преобладалъ въ ту эпоху у кельтическихъ и германскихъ народовъ.

Вторымъ элементомъ является циклъ памятниковъ покаяннаго права Восточной церкви, которые разсмотрѣны нами выше, и которые, начиная съ конца V вѣка, стали распространяться, преимущественно въ латинскихъ переложеніяхъ, по западу Европы. Въ греческомъ покаянномъ правѣ, какъ мы имѣли случай убѣдиться выше, карательный и формальный элементы являются въ гораздо болѣе развитомъ видѣ, чѣмъ въ правѣ Западной церкви; тѣмъ не менѣе и въ немъ новая идея наказанія не вытѣсняла собою древней идеи исправленія, а была приведена съ нею въ органическую связь, причемъ преобладаніе осталось за идеей исправленія.

Вотъ тѣ элементы церковнаго покаяннаго права, сліяніе которыхъ съ германскими и кельтическими народными правовыми воззрѣніями предстоитъ намъ теперь прослѣдить.

Но прежде чѣмъ приступить къ выполненію этой главной части нашей задачи, мы считаемъ необходимымъ предпослать въ слѣдующемъ непосредственно за симъ отдѣлѣ краткій очеркъ системы особенныхъ церковныхъ взысканій и наказаній въ первыя пять столѣтій христіанскаго лѣтосчисленія.

---

[1]) Этотъ истинно-христіанскій, высоко-нравственный взглядъ на покаяніе, какъ на благодатное средство для примиренія съ Богомъ, высказывается съ замѣчательною послѣдовательностью Августиномъ въ его Sermones de poenitentia. (Sermo 151 и 152). И остальныя церковныя взысканія Августинъ разсматриваетъ съ той же точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, отлученіе называется имъ «prohibitio non mortalis sed medicinalis». Такой же взглядъ на отлученіе и покаяніе, какъ на средства побудить грѣшника къ раскаянію, находимъ и въ посланіи Льва Великаго ad Theodorum, Forojuliensem episcopum (*Mansi*. IV, 208).

В. Сокольскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИТАЛІЙСКІЯ НАДПИСИ [1]).

II.

Двѣ древнѣйшія латинскія надписи.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ вопросъ о древнѣйшей письменности Латинскаго племени начинаетъ мало по малу выходить изъ того тумана, который окружалъ его въ глазахъ ученыхъ до этой эпохи. Изолированное положеніе латинскаго алфавита въ ряду другихъ его италійскихъ собратій — этрусскаго, умбрскаго, осскаго и сабелльскаго, созданное ему, между прочимъ, оригинальными буквами O, Q, F и двойнымъ значеніемъ V, какъ гласнаго u и согласнаго v, направленіе письма слѣва вправо, вопреки обратному теченію буквъ надписей прочихъ италійскихъ народовъ, и чрезвычайная молодость самыхъ древнихъ эпиграфическихъ памятниковъ Латинянъ, все это крайне затемняло вопросъ объ отношеніи ихъ письменности къ другимъ алфавитамъ и о времени появленія письма въ Лаціѣ. И какъ ни представлялось страннымъ, что доселѣ извѣстные образцы латинской графики не восходятъ раньше пятаго столѣтія Рима, или что̀ то же, III столѣтія до Р. Х., но не признать этого факта было бы трудно, и потому оставалось лишь ждать откровеній въ этомъ случаѣ отъ дальнѣйшихъ успѣховъ археологическихъ изысканій на неистощимой почвѣ Италіи.

Эти ожиданія ученыхъ до нѣкоторой степени были удовлетво-

---

[1]) *Продолженіе.* См. мартовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

рены открытіемъ въ 1860 году нѣсколькихъ надписей на небольшой территоріи древнихъ Фалисковъ, на границѣ Лація, Этруріи и земли Сабинянъ. Языкъ этихъ надписей оказался въ существенныхъ чертахъ латинскимъ, все отличіе котораго заключалось въ нѣкоторыхъ провинціализмахъ лексическаго свойства; грамматическія же формы его были тѣ же, что̀ и въ латинскомъ. Но гораздо важнѣе была эта находка со стороны палеографической: надписи были писаны алфавитомъ, останавливавшимъ на себѣ невольное вниманіе какъ своеобразіемъ нѣкоторыхъ буквъ, такъ и особенно своимъ теченіемъ справа влѣво. Спеціальное разсмотрѣніе этихъ графическихъ знаковъ, впрочемъ, скоро убѣдило ученыхъ въ томъ, что и фалисское, и латинское письмо принадлежатъ къ одной группѣ, что это двѣ ступени одного и того же письма,—древняя, удержанная небольшимъ народомъ Фалисковъ, не безъ вліянія сосѣдняго народа Этрусковъ, и новая, принадлежащая Латинянамъ, пошедшимъ въ развитіи графическихъ средствъ дальше и потому замѣнившимъ менѣе удобное письмо влѣво теченіемъ буквъ въ противоположномъ направленіи [1]).

Это открытіе, занимавшее италіанскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ въ періодъ времени отъ 1860 до 1870 года, усилило надежду увидѣть когда-нибудь и чисто латинскій памятникъ того древняго способа писанія. Важные новые матеріалы, которыми обогащалась и продолжаетъ обогащаться латинская и италійская эпиграфика въ последніе годы, при болѣе правильномъ методѣ археологическихъ раскопокъ и при болѣе активномъ отношеніи къ дѣлу археологіи со стороны италіанскаго правительства, заставляли думать, что на Апеннинскомъ полуостровѣ еще хранятся гдѣ-нибудь эти, столь желанные, остатки архаической письменности Латинскаго племени.

Въ 1877 году эта надежда была обласкана случайною находкой на берегу Фуцинскаго озера одной небольшой и тонкой бронзовой пластинки, заключавшей надпись, писанную способомъ, носящимъ имя вустрофидона (βουστροφηδόν). Извѣстный на италійской почвѣ изъ надписей сабелльскаго и этрусскаго происхожденія [2]), онъ пред-

---

[1]) *Mommsen—Monatsbericht d. kgl. Preuss. Akad. d. Wiss. zu Berlin* 1860, p. 452 и слѣд.; *В. И. Модестовъ—Учен. Записки Каз. Университета* 1867, кн. 3, стр. 480 и слѣд. Касаясь здѣсь фалисскихъ надписей мимоходомъ, мы не приводимъ всей литературы вопроса, тѣмъ болѣе, что вскорѣ должны будемъ говорить объ эпиграфическихъ памятникахъ Фалерій подробно.

[2]) См. *Fabretti*, Primo Suppl. al C. I. It. II, fasc. 1 p. 206.

ставляетъ доселѣ небывалый образецъ въ латинской письменности. Прошли затѣмъ три года, и вотъ позапрошлою весною (1880 г.) уже въ стѣнахъ Рима находятъ памятникъ, писанный справа влѣво.

Какъ характеръ графики, такъ и лингвистическія особенности этихъ пріобрѣтеній филологической науки заставляютъ насъ обратить на нихъ особенное вниманіе и дать о нихъ отчетъ тѣмъ изъ читателей, которые еще не имѣли случая ознакомиться съ комментаріями, появившимися на эти новые тексты въ западно-европейскихъ литературахъ [1]).

1. Надпись на фуцинской бронзѣ.

Мѣдная пластинка имѣетъ 0,12 метра въ ширину и 0,11 вышины; по сторонамъ ея находятся отверстія, очевидно служившія для прикрѣпленія ея къ чему-то гвоздями. Надпись состоитъ изъ девяти строкъ, изъ которыхъ 1-я, 3-я, 4-я, 6-я и 8-я идутъ слѣва вправо, 2-я, 5-я, 7-я и 9-я влѣво. Въ настоящее время этотъ памятникъ находится въ Римѣ во владѣніи кн. Торлоніа (principe Torlonia).

Литература: Barnabei, Notizie degli Scavi di Antichità comunicate alla R. Accademia dei Lincei. Roma 1877, p. 328 tav. XIII, Bücheler, Rhein. Museum, 1878, p. 489 слѣд.; Gamurrini, Appendice al Corpus Inscriptionum Italicarum ed ai suoi Supplementi di Ariodante Fabretti. Firenze, 1880, p. 83; Iordan—Hermes, 1880, p. 5 слѣд.

Текстъ этой надписи слѣдующій:

caso. cantovio
s. apruf clano. cei
p. apurfine. e
salico. menur
bid. casontonio
socieque. doivo
m. atoierpattia.
pro l—bus. mar
tses.

---

[1]) Къ числу древнѣйшихъ образчиковъ латинской письменности нужно отнести и рядъ буквенныхъ знаковъ, недавно найденныхъ на стѣнахъ Рима эпохи царей и описанныхъ о. *Bruzza* въ *Annali dell' Inst.* 1876, p. 72 и слѣд., tav. d'agg. J. K. Направленіе большинства этихъ буквъ однако уже позднѣйшее. Впрочемъ, желателенъ былъ бы новый пересмотръ этой находки.

Чтеніе текста представляетъ затрудненія лишь въ строкѣ 7-й въ словѣ atoierpattia, гдѣ отъ буквы, отмѣчаемой нами p, осталась только верхняя часть, которая можетъ быть по своей формѣ отнесена и къ буквамъ r, d или даже b, да въ строкѣ 8 й отъ буквы r слова martses остатокъ очень малъ, хотя существованіе здѣсь именно этого знака не подлежитъ сомнѣнію. Незначительно испорчена буква d въ 5-й строкѣ въ словѣ menurbid.—О чтеніяхъ doivom 6-й строки и l—bus 8-й строки будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Caso—собств. имя (praenomen), не встрѣчавшееся доселѣ въ латинской письменности, можетъ быть идущее отъ основы на on, какъ Kaiso, или принадлежащее къ склоненію на o, если только была бы возможность доказать существованіе собств. имени Casos—Casus. Но ниже стоящее чтеніе casontonio = Casontoniorum вызываетъ на невольное сближеніе этихъ двухъ словъ.

Cantovios — родовое имя имен. пад. ед. ч. = Cantuvius, тоже неизвѣстное до сихъ поръ. Ср. однако такія nomina gentilia какъ Cantinius, Cantulius и др.: CIL. I n. 849 L. Cantin(ius). A. l; 850 L. Cantulius Mamerti fecit.

Aprufclano — прозваніе, заимствованное отъ мѣста, какъ Tusculanus, Aequiculanus, имен. пад. ед. ч. безъ суффикса s=Aprufiсulanus, столь же новое, какъ и два предшествующія слова (ср. однако CIL. I n. 181, C. Aprufenio. C. f.). Отсутствіе конечнаго s уравниваетъ эту форму образованіямъ надписей Fourio, Babbio, Modio и мн. др. (l. c. p. 602 col. 4); что же касается до сочетанія согласныхъ f+c+e то доселѣ таковаго въ латинскомъ язѣкѣ мы не встрѣчали.

ceip—абревіатура неизвѣстнаго значенія. Бюхелеръ склоненъ видѣть здѣсь, Марсійскій оффиціальный титулъ, написанный также сокращенно, какъ писалось cos и trib = consul, tribunus. Сопоставляя этотъ знакъ, въ виду стоящаго рядомъ finem, съ cippus, которое писалось иногда и съ однимъ p (Gram. Lat. IV, p. 574, not. K; Horat. Sat. I, 8, 12 варіантъ), и полагая, что значеніе защиты границъ или межи для этого слова было первоначальнымъ, обычное же употребленіе его въ смыслѣ пограничнаго или межеваго столба вторичнымъ, этотъ ученый выводитъ, что Cipus = защитникъ границъ и было этимъ титуломъ нашей надписи. Въ этой формѣ оно встрѣчается, какъ прозваніе Gens Genutia и собственнымъ именемъ героя римской легенды, подробно разказанной Овидіемъ (Met. XV, 505 слѣдд.), не говоря уже о формѣ Cipius, какъ родовомъ имени. Не находя другаго болѣе близкаго слова, Бюхелеръ передаетъ этотъ новый титулъ словомъ imperator.

Такъ ли все это, покажутъ только будущіе успѣхи италійской эпиграфики; доколѣ же замѣтимъ, что надписи намъ представляютъ такіе титулы какъ meddis, embratur (= imperator) и dicator—послѣднее въ архаической лат. надписи Сполето.

aporfinem необходимо раздѣлить на два слова: apor—давно извѣстная форма = apud (Fest. p. 26 apor = apud) и finem. Въ значеніи границы слово finis употребляется обыкновенно во множественномъ числѣ, хотя существуютъ примѣры и обратнаго свойства, какъ здѣсь: ср. Cat.—finem Reginum atque Taurianum; Cic. Caecin. 8 intra finem eius loci, quem oleae terminabant и др. (Forcellini—De Vit. s. v.).

Esalico согласовано, очевидно, съ finem и потому вин. пад., безъ суффикса m = Issalicum, — смыслъ слова открытъ Бюхелеромъ при помощи слѣдующаго сообщенія Діонисія Галикарнасскаго объ островѣ Issa и городѣ Marruvium при Фуцинскомъ озерѣ, въ странѣ Марсовъ (R. A. I, 14): Ἀπὸ δὲ σταδίων ὀγδοήκοντα Ῥεάτου, τοῖς εἰσιοῦσι διὰ τῆς Ἰουρίας ὁδοῦ παρὰ Κόρητον ὄρος Κορσοῦλα νεωστὶ διεφθαρμένη. Δείκνυται δέ τις καὶ νῆσος Ἴσσα αὐτῇ ὄνομα, λίμνῃ περίῤῥυτος· ἣν χωρὶς ἐρύματος ποιητοῦ κατοικῆσαι λέγονται, τοῖς τέλμασι τῆς λίμνης, ὁπόσα τείχεσι, χρώμενοι. Πλησίον δὲ ἧς Ἴσσης Μαρούϊον, ἐπὶ τῷ μυχῷ τῆς αὐῆς λίμνης κειμένη.

menurbid — слово доселѣ неизвѣстное, но напоминающее своими начальными слогами образованія Menervai, Menervae (CIL, I, p. 586, col. 2), pro-menervat (Fest. p. 205, promenervat — pro monet); по формѣ—твор. пад. ед. ч. склоненія основъ на 1 и значитъ, по видимому, sententia, consulto, что Оски обозначали словомъ tanginod, tanginud, какъ senateís tanginod=senati consulto, или kombennieís tanginud = conventus scito (наша Syll. inscr. Osc. p. 142 s. v.). Ср. съ этимъ свидѣтельство Феста (p. 356): Tongere Aelius Stilo ait noscere esse, quod Praenestini tongitionem dicant pro notionem. Именительный пад. этого слова былъ бы men-ur-bis, а въ чисто марсійской формѣ men-ur-fis (о равенствѣ лат. b итал. f была уже рѣчь выше). Основообразовательные суффиксы ur = er (ср. Men-er-va, cat-er-va nov-er-ca и пр.), а bi очевидно родственно суффиксу bo-ba: ср. acer-bu-s и т. д.

Casontonio находится въ зависимости отъ menurbid, и какъ можно судить по аналогіи senatus sententia и пр., представляетъ собою родит. пад. множ. ч. склоненія основъ на O = Casuntuniorum,— имя одной крестьянской или деревенской общины, на которыя дѣлился Марсійскій народъ, о чемъ ясно говоритъ Фестъ (p. 371): Vici apellari incipiunt ex agris, qui ibi villas non habent, ut Marsi aut Pe-

ligni, sed ex vicis partim habent rem publicam. Объ этихъ Casuntanii мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній изъ другихъ источниковъ, но имя напоминаетъ выше указанное Caso, а также названія мѣстъ Casinum, Casentium и др. (Forcellini Onom. s. v.). По отсутствію m на концѣ ср. формы род. пад. множ. ч. Romano, Caleno, Cosano или Cozano и др. (CIL. I, p. 604, col. 2).

socie-que—имен. пад. множ. ч. склоненія основъ на O = sociique; форма на е засвидѣтельствована была уже прежде: ploirume, III vire (CIL. I, p. 604, col. I.).

doivom—доселѣ небывалая форма, которую въ архаической латыни замѣняли образованія съ дифтонгомъ ei въ коренной части вмѣсто этого oi: ср. deivae, deiva, deivis республиканскихъ надписей (CIL. I, p. 578, col. 2) или въ осскомъ языкѣ deívaí, deivaid и пр. (Sylloge p. 101, s. vv.). Необычность этого oi въ данномъ случаѣ такъ велика, что первые издатели Барнабеи и Фіорелли, а отсюда и Гамуррини, вмѣсто DOIVOM читали DONOM. Ошибка рѣзчика была бы здѣсь легка и весьма возможна, потому что онъ же въ 8-й строкѣ въ словѣ L — NIBVS буквы N и I слилъ въ одинъ знакъ, не сдѣлавъ никакого промежутка между ними. Но все же прежде, чѣмъ исправлять текстъ, будетъ справедливѣе подождать новыхъ данныхъ на эпиграфическомъ полѣ. Ниже, при разборѣ надписи, найденной въ Римѣ, мы встрѣтимъ столь же необыкновенную и странную форму noisi вмѣсто neisi другихъ памятниковъ; между тѣмъ написаніе ея совершенно ясно и не подлежитъ никакому сомнѣнію.

atoierpattia — слово нигдѣ не встрѣчавшееся и въ этимологическомъ отношеніи непонятное. Бюхелеръ предполагаетъ здѣсь, въ случаѣ вѣрности чтенія doivom, значеніе consessui, такъ что doivom atoierpattia было бы = divom, divorum consessui. Но это опредѣленіе только гадательное и не имѣющее никакой лингвистической опоры. Тоже самое нужно сказать и о попыткѣ Іордана раздѣлить это написаніе собственнаго имени на два слова — atoier объясняемое имъ какъ родительный пад. ед. ч. (съ звукомъ r замѣнившимъ конечное s) зависящій отъ divom — винит. п. = sacrum, и dattia — неизвѣстный глаголъ 3 л. мн. ч., равный по окончанію формѣ deda лат. надписи изъ Пизавра (CIL. I, п. 177). При толкованіи Бюхелера, наше слово получаетъ форму дат. пад. ед. ч. безъ і суффикса, равную употребленіямъ Minerva, Feronia, Matuta и др. (CIL. I, p. 603 col. 2). Обра-

зованіе — весьма возможное, но только подъ условіемъ правильности чтенія doivom; въ противномъ случаѣ, можетъ быть, пришлось бы видѣть здѣсь вин. пад. ед. ч., безъ суффикса m, и значеніе слова необходимо нужно было бы искать въ названіи предмета, принесеннаго въ даръ (donóm). Желая проникнуть въ смыслъ этого слова, Бюхелеръ сопоставляетъ здѣсь и недостаточно доказанное чтеніе Atte pata надписи (CIL. V, n 766) и слова atta, Ateii, умбрское Atiiersiur = Attidii, Melerpanta, Φερεφάττια; но все это, повторяемъ, пока не имѣетъ никакой силы для освѣщенія темнаго слова. Яснѣе для насъ примѣръ удвоенія t, восходящій выше той эпохи, къ которой относится этотъ способъ геминаціи согласныхъ въ латинской письменности.

pro l—nibus: величина лакуны въ памятникѣ позволяетъ предположить здѣсь чтеніе l(egio)nibus. Если это возстановленіе, предложенное Бюхелеромъ, вѣрно, то Caso Cantovios Aprufclano приносилъ здѣсь даръ за свои марсійскіе легіоны, подобно тому, какъ (CIL. I, n. 188): M. [Aim]ilio. M. f. C. An[io C. f. prai]toris. pro. po[plod Di]ti. dedere.

Martses—твор. пад. множ. ч. склоненія основъ на *A*=Marsis; по окончанію этотъ примѣръ равенъ чтенію nuges надгробной надписи мима Протогена (CIL. I, n. 1297): .... plourума quae fecit populo soveis gaudia nuges. Образованіе дат. твор. множ. на es представляетъ собою видоизмѣненіе ближайшей ступени eis, (ср. l. c. p. 604 col. 3—4), совершившееся путемъ ассимиляціи и стяженія сосѣднихъ гласныхъ. Но болѣе этого склоненія останавливаетъ здѣсь вниманіе примѣръ ассибиляціи tj въ ts, доселѣ нигдѣ не встрѣчавшійся ни въ надписяхъ, ни у древнихъ грамматиковъ. До сихъ поръ обыкновенно полагали, что ti—tj переходитъ въ sj, и наконецъ, послѣ выпаденія j, остается одно s: Martius—Martjus—Marsjus—Marsus или Bantius—Bantjus—Bansjus—Bansus (ср. Bansae на осской Tabula Bantina). Теперь приходится на этотъ счетъ думать иначе [1]).

Полный переводъ нашей надписи будетъ приблизительно слѣдующій:

---

[1]) Нельзя ли однако разсматривать ts нашего примѣра за *простой графическій* знакъ, которымъ старались передать тотъ новый свистящій звукъ, явившійся изъ комбинаціи t+j, похожій, можетъ быть, на z? Исчезновеніе послѣдней буквы изъ практики, статься можетъ, и было причиной употребленія здѣсь этого сложнаго знака.

Caso Cantuvius Apruficulanus imperator
apud finem Issalicum scitu Casuntuniorum
sociique divorum consessui (?) pro legionibus Marsis.

Въ этомъ текстѣ такимъ образомъ выпущены глаголъ, обозначающій фактъ принесенія въ даръ или посвященія онаго, и названіе посвящаемаго предмета. Та и другая особенность не представляютъ, впрочемъ, ничего новаго въ латинской и италійской эпиграфикѣ. Но повторяемъ, этотъ переводъ лишь приблизительный, и пониманіе словъ марсійскаго діалекта ceip., atoierpattia, или какъ читали Барнабеи и Фіорелли, atoierbattia, только проблематическое [1]). Не будемъ забывать и чтенія doivom.

Слова Martses=Marsis, Esalico, относящееся, какъ сказано выше, къ острову Issa, входившему въ территорію Марсовъ, и мѣсто, гдѣ найдена наша надпись, ясно говорятъ за принадлежность ея къ циклу марсійскихъ надписей. Какъ и всѣ другіе, доселѣ извѣстные образцы этого рода, она представляетъ лишь лексическія, но не грамматическія отличія отъ латинскаго языка.

Какъ рано началась латинизація марсійскаго діалекта, мы въ точности не знаемъ; равно трудно сказать, шла ли эта метаморфоза марсійской идіомы въ латинскую мирнымъ или военнымъ путемъ. Могло статься, что латинскій языкъ, распространившись на западную часть Сабинской земли, уже прежде враждебныхъ столкновеній Рима съ Марсами, мало по малу проникалъ до окрестностей Фузинскаго озера и исподволь ассимилировалъ себѣ діалекты и говоры этихъ мѣстъ. Но могло быть иначе, или другими словами, это латинизированіе могло начаться наиболѣе замѣтнымъ образомъ со времени Самнитскихъ войнъ, когда подняли оружіе и Марсы. Первое столкновеніе ихъ съ Римомъ, если не ошибаемся, относится ко времени второй Самнитской войны, и именно къ 450—452 г. римскаго лѣтосчисленія, какъ объ этомъ говоритъ Ливій въ разказѣ о пораженіи Эквовъ (IX, 45): post per exploratores conpertis hostium consiliis ad singulas urbes circumferendo bello unum et triginta oppida intra dies quinquaginta omnia oppug-

---

[1]) Доказательствомъ шаткости пониманія новооткрытаго марсійско-латинскаго текста можетъ служить и разногласіе переводовъ Бюхелера и Іордана. Послѣдній ученый видитъ здѣсь слѣдующій смыслъ: Caso Cantuvius Apruficulanus cippum apud finem Essalicum (?) scitu (pagi) Casontoniorum sociique sacrum Attoies (statuerunt).

nando ceperunt, quorum pleraque diruta atque incensa, nomenque Aequorum prope ad internecionem deletum. De Aequis triumphatum; exemploque eorum clades fuit, ut Marrucini, Marsi, Paeligni, Frentani mitterent Romam oratores pacis petendae amicitiaeque; или не много ниже подъ 452 г. (X, 3): Eodem anno Romae cum Vestinis petentibus amicitiam ictum est foedus. Multiplex deinde exortus terror. Etruriam rebellare ab Arretinorum seditionibus motu orto nuntiabatur, ubi Cilnium genus praepotens divitiarum invidia pelli armis coeptum, simul Marsos agrum vi tueri, in quem colonia Carseoli deducta erat quattuor milibus hominum scriptis и т. д. Упоминаемая здѣсь латинская колонія Carseoli, вмѣстѣ съ основанными за годъ предъ тѣмъ Alba на берегу Фуцинскаго озера въ землѣ Эквовъ и Sora въ сосѣдней области Вольсковъ (Liv. X, 1 Soram atque Albam coloniae deductae. Albam in Aequos sex milia colonorum scripta. Sora agri Volsci fuerat, sed possederant Samnites; eo quattuor milia hominum missa), были хорошимъ разсадниколъ латинскаго языка.

Какъ бы то ни было, ясно только одно, что языкъ Марсовъ и Эквовъ не уклонялся отъ латинскаго въ степени, равной діалектамъ умбро-сабелльской группы. Иначе онъ не слился бы съ нимъ такъ скоро и не прошелъ бы почти безслѣдно.

Къ какому времени относится наша надпись? По формѣ вустрофидона мы, конечно, могли бы считать ее памятникомъ очень древнимъ; но другія палеографическія и лингвистическія основанія заставляютъ быть въ этомъ случаѣ очень умѣренными и осторожными. Будь эта надпись дѣйствительно таковою, мы не встрѣчали бы здѣсь C на мѣстѣ K въ Caso, Cantovios, Aprufclano, ceip. и пр., тогда не стояло бы здѣсь окончанія -bus въ l—bus, а -bos (ср. CIL. I, n. 196 navebos—можетъ быть, по возстановленію антикваріевъ и грамматиковъ времени императора Клавдія); для отдаленной древности странно также и стяженіе дифтонга ai въ e формы Martses, которая, кромѣ того, оригинальна и по ассибиляціи ts. Не имѣя возможности опредѣлить время этого памятника съ точностью, Бюхелеръ замѣчаетъ только, что надпись не можетъ быть отнесена позднѣе пятаго столѣтія Рима, и что, вѣроятно, уже во вторую Самнитскую войну языкъ Марсовъ по формамъ былъ латинскій.

2. Новооткрытая Римская надпись.

Молодой римскій археологъ Генрихъ Дрессель разъ замѣтилъ, что съ первыхъ чиселъ апрѣля 1880 года начали появляться въ антик-

варной торговлѣ вещи изъ глины, сильно отличавшіяся отъ того рода терракоттъ которые въ значительномъ количествѣ доставлялись раскопками въ разныхъ частяхъ Рима, и въ особенности новѣйшими инженерными работами на Эсквилинѣ. Заинтересованный этою находкой, онъ произвелъ розыски относительно ея происхожденія, и съ достовѣрностью убѣдился, что новые образчики гончарнаго производства древнихъ Римлянъ идутъ изъ раскопокъ небольшой лощины, лежащей между Квириналомъ и Виминаломъ (Vallata fra Quirinale e Viminale presso il versante meridionale del Quirinale e la chiesa di s. Vitale). Между этими вазочками, лампочками и другими глиняными предметами религіознаго характера обратилъ на себя особенное вниманіе Дресселя одинъ небольшой сосудецъ, состоящій изъ трехъ маленькихъ горшечковъ, соединенныхъ цилиндрическими звеньями въ равносторонній треугольникъ. По этой своеобразной вазочкѣ вилась въ одну или въ двѣ строки надпись несомнѣнно архаическаго стиля. Купивъ этотъ „товаръ", не имѣвшій никакой цѣны въ глазахъ купца-антиквара, за ничтожную плату, Дрессель сдѣлалъ пріобрѣтеніе, равнаго которому по древности доселѣ латинская эпиграфика не имѣла. Эта надпись несомнѣнно старше всѣхъ существующихъ и по формамъ языка, и по своимъ графическимъ свойствамъ. Достаточно сказать, что она писана справа влѣво,—образчикъ давно желанный [1]), но кромѣ вышеуказаннаго вустрофидона, еще не встрѣчавшійся въ памятникахъ латинской письменности.

---

[1]) Въ нашей литературѣ горячимъ защитникомъ древности письма въ Лаціѣ выступилъ *г. Модестовъ* въ вышеуказанномъ сочиненіи: «О Римской письменности въ періодъ царей», четырнадцать лѣтъ тому назадъ. Италіанскіе ученые теперь привѣтствуютъ его за эту счастливую и несомнѣнно вѣрную мысль въ своемъ основаніи: «E tra coloro ai quali questa bella pubblicazione del Dressel riuschira gradita conferma dell' opinione loro deve essere—пишетъ проф. Fr. D' Ovidio—ricordato un erudito russo, il prof. *Modestow*, autore di un libro egregio—intitolato «Der Gebrauch der Schrift unter den römischen Königen» (Berlino, Calvary, 1871). Egli si oppone con molta giustezza alla tendenza troppo scettica di alcuni eruditi tedeschi, che vollero portare l' origine dell' alfabeto romano ed i primordi del latino scritto ad epoca troppo recente; e passa in rassegna tutte le antiche testimonianze circa l' esistenza e il contenuto dei più antichi testi latini (leges regiae, foedera regum, libri pontificum ecet) e riferisce quelli chi son giunti fino a noi (carme degli Arvali, carme saliare) con le interpretazioni più plausibili. Non diciamo che nella scelta di queste sia stato sempre felicissimo, nè che manchino in tutto il libro affermazioni poco accettabili, e dati poco esatti. Con tutti però gli appunti, speciali o generici, che io, o altri di me più esperti, possa trovar da fare al libro del Mo-

Легко себѣ представить, какой интересъ возбудило это открытіе въ ученомъ мірѣ сначала Италіи, а потомъ и Германіи. Намъ пришлось быть въ Римѣ, спустя двѣ-три недѣли послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ о находкѣ Дресселя въ одномъ изъ засѣданій нѣмецкаго археологическаго института (Bul. dell' Inst. 1880 p. 137 и слѣд.), и потому мы могли воочію убѣдиться, какъ сильно занималъ вопросъ объ этой надписи археологическіе кружки Рима. Генценъ, Гельбигъ, Мау, Фіорелли, Де-Росси, Барнабеи и другіе представители римской археологіи въ одинъ голосъ говорили о важности этого новаго памятника латинской эпиграфики, хотя тогда еще никто не зналъ ни его содержанія, ни текста, представлявшаго по своей формѣ на первыхъ порахъ неопредолимыя затрудненія. Самъ владѣтель находки, Дрессель, охотно предлагавшій любопытный оригиналъ всѣмъ, кто посѣщалъ его бѣдную квартирку въ плебейскомъ кварталѣ Марсова Поля, счелъ поэтому за лучшее снять съ надписи точное fac-simile и вмѣстѣ съ изображеніемъ сосуда послать эту копію профессору Бюхелеру въ Боннъ, съ просьбой прійдти на помощь Римскому институту въ данномъ случаѣ.

Этотъ ученый разобралъ надпись и сообщилъ о ней свое мнѣніе сначала въ письмѣ къ Дресселю, который и воспользовался имъ въ своемъ обширномъ мемуарѣ, указываемомъ нами немного ниже, и потомъ на страницахъ журнала Rheinisches Museum. Остроумная интерпретація дотолѣ никому непонятнаго текста возбудила тотчасъ дальнѣйшія изысканія, поправки и замѣтки, продолжающіяся до сихъ поръ. Изъ Италіанцевъ въ этомъ вопросѣ приняли живое участіе профессоръ Неаполитанскаго университета Франческо Д' Овидіо и флорентинскій археологъ Гамуррини, изъ нѣмецкихъ—Іорданъ и Остгоффъ. Надо думать, скажутъ свое слово по этому предмету и Мишель Бреаль, въ послѣдніе годы переведшій свои студіи въ область архаической латыни и италійской діалектологіи, и столь извѣстный своимъ остроуміемъ норвежскій филологъ Соф. Бугге.

Нижеслѣдующія редакція и объясненіе текста не могутъ считаться окончательными, и если мы спѣшимъ подѣлиться здѣсь съ добытыми доселѣ результатами, то дѣлаемъ это не столько въ виду ихъ несомнѣнности для будущаго времени, сколько во вниманіи къ важ-

---

destow, esso è di certo giudizioso ed utile; e soprattutto la pag. 22 non potevo non ricordarla ora, a proposito di questa bella scoperta del Dressel che pienamente la conferma (см. D'una Iscriz. Lat. antichiss. Torino 1881, p. 6=*Rivista di Filologia ed Instruz. Class.* 1881).

ности новооткрытаго памятника латинской письменности. Находки, подобныя настоящей, случаются рѣдко, и потому трудно удержаться отъ желанія, чтобы наши филологи узнали объ этомъ открытіи возможно скорѣе.

Литература: Dressel—Annali dell' Inst. 1880 p. 158 и слѣдд. tav. d'agg. L; Fr. D' Ovidio—Rivista di Filologa ed Istruzione Classica 1881 fasc. Septembre — Octobre=D' una iscrizione Latina antichissima per Francesco D' Ovidio. Torino 1881; Bücheler — Rhein. Mus. 1881 p. 235 и слѣдд.; Osthoff, ibid. p. 482 и слѣдд.; Iordan — Bull. dell' Inst. 1881 p. 84 и слѣд.; Gamurrini, ibid. p. 85 и слѣд.

Надпись, о которой идетъ рѣчь, состоитъ изъ 128 буквъ, поставленныхъ безъ раздѣлительныхъ знаковъ между словами, и читается слѣдующимъ образомъ:

iove | satdeivosqoimedmitatneitedendocosmisvircosied
astednoisiopetoitesiaipacarivois
dvenosmedfecedenmanomeinomdzenoinemedmanostatod

Дѣленіе Бюхелера:

Iove Sat deivos qoi med mitat, nei ted endo cosmis virco sied asted, noisi Ope Toitesiai pacari vois.

Dvenos med feced en manom einom dze noine med mano statod.

Чтеніе Остгоффа:

Iove Sat deivos qoi med mitat, neited endo cosmis vir cosied asted и т. д. согласно съ Бюхелеромъ.

Разногласіе этихъ ученыхъ въ пониманіи начальныхъ словъ текста заключается прежде всего въ томъ, что, по мнѣнію перваго изъ нихъ, Iove Sat deivos qoi med mitat=Iovi Sat(urno) divis qui me mittat (или mittet), тогда какъ на взглядъ послѣдняго—эти слова значатъ въ обыкновенномъ языкѣ ad Iovem Saturnum divos qui me mittat.

Iove—для Бюхелера дат. пад. ед. ч., очевидно, какъ Diove, Hercule, plebe или отъ согласныхъ основъ patre, vetere, lictore и пр. надписей (CIL. I, p. 603 col. 2—3) и „Diiove Victore, non Diiovi" Квинтиліана, читавшаго эту древнюю форму дат. пад. вмѣстѣ съ другими латинскими архаизмами in vetustis operibus et celebribus templis (I 4, 17 Bonnell). Для Остгоффа здѣсь—винит. пад., безъ суффикса m, какъ Luciom Scipione CIL. I, n. 32. Винительный пад. здѣсь стоитъ, по его мнѣнію, на вопросъ куда также безъ предлога,

какъ въ обыкновенномъ лат. языкѣ употребляются имена городовъ, небольшихъ острововъ и нѣкоторые другіе остатки древняго, болѣе широкаго примѣненія этого правила domum, rus, foras; при этомъ опорой ему служитъ и весьма частое употребленіе въ тожественныхъ случаяхъ винительнаго собственныхъ именъ въ древнѣйшихъ памятникахъ прочихъ индо-европейскихъ языковъ. Ср. санскр. Indram gachati='er kommt zu Indra' Гомер. Πηλείωνα ἵκανε (Iλ. X, 214) и цитуемое имъ соч. C. Gaedicke, D. Accusat. im Veda. Breslau, 1880 p. 125, 145 и слѣдд.

Deivos—дат. пад. мн. ч. отъ основы на *O*=divis, по толкованію Бюхелера, нашедшаго здѣсь аналогическій примѣръ извѣстнымъ формамъ devas Corniscas (CIL. I, n. 814), въ склоненіи на *A*. Не зная причины, по которой можно было бы предположить исчезновеніе i послѣ краткаго o изъ древняго италійскаго окончанія дат. и твор. пад. множ. ч. ois, Остгоффъ естественно видитъ въ этомъ словѣ обыковенную форму винительнаго пад =divos. И если только вышеуказанное синтаксическое предположеніе его для древнѣйшей поры латинскаго языка окажется правдоподобнымъ, то конечно не за чѣмъ будетъ искать здѣсь новой особенности архаическаго склоненія. Все, слѣдовательно, зависитъ здѣсь отъ степени вѣроятія исходной точки этого ученаго, а также и отъ того, не нужно ли Iovei вм. Iove (см. ниже).

qoi представляетъ собою небывалый доселѣ примѣръ именительнаго пад. ед. ч. относительнаго мѣстоименія=qui, или quei архаическихъ надписей (CIL. I p. 592 col. 2). Послѣдняя форма генетически могла развиться только изъ quo-i, какъ между прочимъ показываютъ намъ и параллельныя образованія италійскихъ нарѣчій: умбрск. poi, poe, poei, осск. pui. Другую особенность заключаетъ это слово въ своемъ q=qŭ. Въ высшей степени рѣдкое употребленіе въ надписяхъ республиканскаго періода, это правописаніе чаще читается въ императорскую эпоху: qaerella, neqidem, qintae, qa, qae, qe, qi (Corssen, Aussprache I² p. 72),—примѣры, съ которыми необходимо сравнить слѣдующія слова Велія Лонга (Gram. Lat. VII p. 53 Keil): nonnulli 'quis' et 'quae' et 'quid' per 'q' et 'i' et 's' scripserunt et per 'qae' et per 'qid', quoniam scilicet in 'q' esset et 'u'.

med—вин. пад. ед. ч. мѣстоименія 1 л.=me, форма вмѣстѣ съ ted и sed извѣстная издавна (CIL. I n. 54; Neue II² p. 182; Bücheler-Havet p. 8; Bücheler-Windekilde p. 51). О происхожденіи этого d въ формахъ винительнаго пад., число которыхъ

можно увеличить еще примѣромъ sesed архаической надписи изъ города Фалерій, недавно изданной Гарручи (Syll. inscr. Lat. p. 168), писано много и доселѣ не сказано по этому вопросу послѣдняго, рѣшающаго слова: признакъ смѣшенія въ древнемъ употребленіи формъ творительнаго и винительнаго падежей, признакъ образованія послѣдняго падежа по образцу перваго, на взглядъ однихъ ученыхъ (Bücheler l. c.; Ritschl, Opus. Phil. II p. 565 [1]), это d еще недавно объяснялось какъ самостоятельный суффиксъ винительнаго пад., тотъ самый, который встрѣчаемъ въ i-d, quo-d [2]).

mitat—сослаг. накл. наст. вр., какъ естественно назвать это слово съ перваго взгляда, оно является образчикомъ древняго Fut. I на a-m, a-s, a-t и пр. въ объясненіи Бюхелера. Къ этому пониманію привели его, вопервыхъ, такія употребленія юридическаго языка, какъ Qui magisratum habebit, ne mercedem capito (или capiat), гдѣ ставится будущее время; вовторыхъ, предположеніе, что словами qoi—mitat обозначается уже опредѣленное дѣйствіе, а не одна возможность онаго, и втретьихъ, фактъ существованія Fut. I на a-m, какъ mitta-m, audia-m и пр. Этому образованію онъ приписываетъ въ древнѣйшемъ періодѣ латинскаго языка такую же роль, какъ формамъ Fut. I на e-m, или e, въ 1 л., e-s, e-t, и т. д. Съ этимъ объясненіемъ согласны Остгоффъ и d'Овидіо. Еслибъ эта остроумная догадка впослѣдствіи оправдалась новыми и болѣе убѣдительными

---

[1]) Здѣсь мы встрѣчаемъ и своеобразное толкованіе этимъ ученымъ происхожденія d какъ суффикса твор. п. Это объясненіе теперь имѣетъ лишь историческое значеніе.

[2]) Этотъ взглядъ принадлежитъ Луи Авэ, высказавшему его въ примѣчаніи къ переводу Бюхелерова трактата о латинскомъ склоненіи. Малая распространенность этого *превосходнаго, далеко оставившаго за собою самый оригиналъ*, Précis de la déclinaison Latine (Paris 1875) даетъ намъ поводъ выписать здѣсь это оригинальное толкованіе дословно: Je conjecture que *mēd*, *tēd* и *sēd* sont des accusatifs véritables et non des ablatifs employés de travers. Le suffixe est le même que celui des neutres *i-d*, *quo-d*; c'est ainsi que dans la déclinaison des noms l'acc. masc est en *m* comme le nom-acc. neutre. Les formes grecques με σε ἕ qui semblent se réduire á des themes nus, ont probablement perdu une dentale finale: cf. τό αὐτό etc. Les trois accusatifs latins, qui ont un ē représentant un ancien ā, sont aux trois acc. grecs comme le nominatif grec. ἐγών est au nomin. indien. *aham* (cf. Mém. de le soc. de ling. 2, 14) et comme les ablatifs *mēd* et *tēd* sont aux ablatifs indiens *mat*, *tvat*. Les acc. *mē-d* et *tē-d* ne diffèrent que par le suffixe des acc. indiens *mā-m* et *tvā-m* (p. 213 и слѣд). Ср. сходное съ этимъ объясненіе *Curtius*, Studien zur Griech. u. Lat. Gramm. VI p. 417 слѣд.

данными, то формѣ mitat нашей надписи должно быть отведено особенно почетное мѣсто въ системѣ латинскаго спряженія. Но если и употреблялось это конъюктивное образованіе буд. вр. на a-m, a-s, a-t и пр., то по видимому, изъ литературы оно исчезло очень рано. Иначе становится непонятнымъ, почему нѣтъ о немъ никакихъ рукописныхъ свидѣтельствъ ни въ древнихъ текстахъ, ни у латинскихъ грамматиковъ и антикваріевъ, тѣмъ болѣе, что странная для классическаго языка форма 1 л. на e-m и e, употреблявшаяся въ архаическій періодъ литературы, обращала на себя вниманіе Квинтиліана и Феста: Quid?—читаемъ у перваго изъ нихъ (I 7, 23)—non Cato Censorius 'dicam' et 'faciam' 'dicem' et 'faciem' scripsit. Въ словарѣ втораго отмѣчены формы на e, безъ личнаго суффикса m: „'attinge' pro 'attingam' posuere; 'dice' pro 'dicam'; 'recipie' pro 'recipiam'; 'ostende' ostendam, ut permuttis aliis axemplis eius generis manifestum est" (p. 26; ср. примѣч.). Привѣтствуя эту новую коньектуру проф. Бюхелера, мы воздерживаемся отъ рѣшительнаго слова, впредь до будущихъ открытій. Условно-желательный смыслъ этой формы сослагательнаго наклоненія видятъ здѣсь Дрессель и Іорданъ.

neited получило два совершенно различныя объясненія у Бюхелера и Остгоффа. Раздѣливъ это написаніе на два самостоятельныя слова nei ted, первый изъ нихъ вывелъ заключеніе, что вся фраза nei ted endo cosmis virco sied буквально, на его взглядъ, значащая: ne te indu comes virgo sit или сказана въ значеніи ne te indu virgo comitetur, гдѣ такимъ образомъ cosmis—sied описательная форма глагола comitetur, или же винительный объекта ted этого предложенія зависитъ отъ слѣдующаго глагола asted. Въ объясненіе первой возможности, онъ приводитъ факты архаической латыни venerabundus aliquem, manum iniectio esto=inicito, memores este pietatem patris=mementote, гдѣ еще дѣтски безпомощный языкъ ставилъ винительный пад. при именахъ, выражавшихъ глагольное понятіе, точно также какъ при самихъ глаголахъ. Въ доказательство вѣроятности сочиненія astare съ винительнымъ, онъ указываетъ на аналогію accedere и пр., и на сообщеніе Присціана (Gram. Lat. III p. 309 K): nos quoque 'astitit illum locum'. Въ подтвержденіе послѣдняго можно было бы привести еще такіе примѣры, какъ Plin. Paneg 23 Occursantium populus te quoque, te immo maxime astabat и др.—Совершенно иной видъ какъ это написаніе, такъ и все слѣдующее мѣсто получили въ толкованіи Остгоффа, который здѣсь читаетъ neited endo cosmis vir cosied asted=„der soll bestrebt sein, dass drinnen ein

handlicher Mann dabei sei, zur Seite stehe". Небывалую форму neited=nitetur онъ принимаетъ какъ 3 л. ед. ч. буд. вр. (или собств. желательнаго наклоненія) дѣйств. зал., столько же въ силу сообщенія грамматика Діомеда объ употребленіи Цицерономъ формы повелительнаго nitito отъ nitor (Gram. Lat. I p. 339 слѣд. K), [1]) сколько и въ виду частаго колебанія латинскаго языка между отложительными и дѣйствительными формами, при одинаковомъ значеніи,—фактъ, который доказывается цѣлымъ большимъ отдѣломъ классической въ вопросахъ подобнаго рода книги Нэйе (II² p. 269—347). Выдѣливъ vir какъ самостоятельное слово, онъ далѣе читаетъ форму cosied—3 л. ед. ч. сослагательнаго накл. отъ исчезнувшаго глагола con-sum, co-esse, существованіе котораго онъ предполагаетъ по примѣрамъ con-futurum (Plaut. Mil. III 3, 66=941), con-fore (Terent. Andr. I 1,140=167), con-fuerit (Cael. Aurel. Chron. IV 8,122).

Въ чтеніи endo=indu у нихъ нѣтъ разногласія. Это нарѣчіе мѣста, греч. ἔνδον, издавна извѣстно изъ архаической литературы, какъ предлогъ=in: endo plagas, endo filio, endo manu и пр., и какъ префиксъ въ словахъ endogredi=ingredi, endofesto=infesto, endoiacito=iniicito, endoitium=initium, endoclusus=inclusus и т. п. (Forcellini Lex. s. v; Fabretti Glossar. s. v). Ближайшее видоизмѣненіе этой формы представляетъ indu, употребляющееся и въ формѣ предлога и въ сложеніяхъ съ другими словами: indu foro, indu mari, indugredior, induperator=imperator, indupediri=impediri и пр. Съ формальной стороны это слово объясняется какъ безсуффиксный винит. пад. ед. ч. вм. endo-m (Corssen, Aussprache II² p. 272, Krit. Nachtr. p. 134). Въ нашей надписи оно стоитъ какъ нарѣчіе, въ смыслѣ внутри, тамъ (drinnen), по толкованію Остгоффа, или внутрь, туда, какъ хочетъ Бюхелеръ.

cosmis—существит. имен. пад. ед. ч.=comes по переводу Бюхелера, прилагательное comis въ объясненіи Остгоффа. Къ такому пониманію побудило перваго изъ этихъ ученыхъ глосса Павла Діакона (p. 67 M.): antiqui dicebant 'cosmittere' pro 'committere' et 'Casmenae' pro 'Camenae'. Разлагая его на префиксъ co- и коренную часть smit, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказываясь отъ прежняго, всѣми доселѣ

---

[1]) См. l. c. Nonnulli veterum etiam activo more tempus futurum imperativo modo ex verbis quoque passivae declinationis usurpaverunt, ut Tullius in dialogis de re publica *nitito*, cum nitor sit positio verbi.

признававшагося производства слова comes отъ com и корня i идти, онъ вывелъ для новаго слова значеніе посланный вмѣстѣ и потому проводникъ. Отношеніе comes къ missus, по его мнѣнію, таково же, какъ coniunx къ iunctus, compos къ potitus. Это объясненіе вызвало сомнѣніе сначала профессора d'Овидіо, которому казалось уравненіе cosmis съ comes обманчивымъ (l. c. p. 11 se per un qualunque rispetto non è illusoria la sua equazione con comes), и потомъ рѣшительный протестъ Остгоффа. Считая неподлежащимъ возраженію производство словъ cŏmes—cŏm-ĭ-tis и cŏm-i-tia отъ корня i идти, онъ находитъ невозможнымъ переходъ древняго cosmis въ cŏmes, съ краткимъ o, какимъ является этотъ звукъ во всѣхъ періодахъ употребленія comis. Примѣръ происхожденія формы Cāmena изъ Casmena, на который ссылается Бюхелеръ, не представляется ему аналогичнымъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ слогъ ca не носилъ на себѣ главнаго ударенія слова, какъ въ cosmis, и потому по выпаденіи е не получилъ такъ-называемаго замѣнительнаго растяженія своего гласнаго. Не имѣетъ въ его глазахъ никакой убѣдительности для даннаго слова и замѣчаніе перваго ученаго о трудности и невыясненности вопроса о сокращеніи долгихъ гласныхъ въ латинскомъ языкѣ. Настаивая на томъ, что изъ comis могло явиться только comis, Остгоффъ видитъ въ этомъ прилагательномъ единственно возможное и подходящее въ настоящемъ случаѣ слово. Что касается этимологіи этого слова, то онъ высказываетъ возможность сопоставить его съ индоевроп. sem-='unus', которое является въ sem-el, ἕν и т. д.,—и тогда co-sm-i-s „mit derselben schwächsten Stammform wie griech. μ-ία fem. aus *σμ-ία wäre 'der mit einem anderen sich zu einer Einheit verbindende', die Zusammensetzung nach Wurzel und Praefix vergleichbar mit consim-ili-s, altir. co-sm-ail 'ähnlich'". Не останавливаетъ его и свобода сочетанія neited съ простымъ сослагательнымъ cosied, asted, безъ союза ut, не смотря на обязательное существованіе его при глаголѣ niti въ памятникѣ литературы (Kühner, Ausführl. Gramm. d. lat. Spr. II p. 800), потому что аналогичный глаголъ curare сочиняется же съ сослагательнымъ и безъ этого союза, не только въ латинскомъ языкѣ (Kühner l. c. p. 808), но и въ другихъ италійскихъ нарѣчіяхъ, какъ показалъ примѣръ недавно найденной пелигнской надписи изъ Molina (Bull. dell' Inst. 1877 p. 177; Rhein. Mus. 1878 p. 640)—T. Novnis L. Alafis, C Herec. fesn uspaseter coisatens= —T. Nonius. L. Alfius C. f. Herculi fanum operaretur curaverunt.

Asted—сослаг. (желат.) накл. 3 л. ед. ч.=astet любопытно конечнымъ d, какъ и другія аналогичныя формы neited, cosied. О соотвѣтствіи этого звука формъ сослаг. наклоненія нашей надписи осскому употребленію скажемъ нѣсколько ниже.

noisi—небывалая форма=nisi или nisei надписей (CIL. I. p. 583 col. 2); ср. также nise (l. c. n. 205 v. 1. 5) и nesei недавно открытой надписи близь Spoleto (E. Bormann, Miscell. Capitolina 1879 p. 6; Rhein. Mus. 1880 p. 627). Разлагая nisi на его составныя части, являющіяся въ архаическомъ языкѣ въ видѣ nei и sei (CIL. I p. 587 col. 1; 591 col. 1), мы могли бы возсоздать по этимъ фактическимъ даннымъ форму neisei, но не болѣе. Новая форма, замѣчательная кромѣ того сочетаніемъ древнѣйшаго noi съ позднѣйшимъ si, проливаетъ свѣтъ на умбрское no-sve, читающееся на Tab. Iguv. VI B 54 и значащее nisi: nosve ier ehe esu poplu, sopir habe=nisi ibitur ex hoc populo, si quis habet. Теперь стало ясно, что это no-sve произошло изъ noi-sve и что съ этимъ становятся ненужными ни исправленіе его Бугге въ nesve, по аналогіи ne-p, nei-p=nec neque, ни производство его изъ non и sve (Aufrecht-Kirchhoff II p. 412; ср. Bréal, Tab. Eug. p. 177) [1])

Ope—дат. пад. ед. ч.=Opi. Объ окончаніи e см. примѣч. къ Iove.

Toitesiai—неизвѣстный доселѣ эпитетъ богини Ops. По основообразовательному суффиксу esia это слово напоминаетъ Ocr-esia, Mimesia и др. (Corssen Aussprache II² p. 365); по своей первой части оно родственно tutus, tutor, tutela и пр., и потому основное значеніе этого эпитета должно быть заступница, покровительница. Сравнимъ при этомъ божеское имя Tutilina, Tutelina извѣстное намъ изъ литературныхъ источниковъ (Forcellini Onomastic. s. v.; Preller, Röm. Mythol. p. 593 по 2 изд.; Becker-Marquardt IV p. 15). Корень tu (оберегать, защищать) чрезъ подъемъ перешелъ въ tou и потомъ при соединеніи съ основообразовательнымъ суффиксомъ t (o)—t (a), распространенъ былъ гласнымъ i, такъ что toi-t развилось изъ tov-i-t, и Toitesia изъ Tov-i-t-esia.

pacari—форма, поражающая своимъ позднимъ и слишкомъ новымъ

---

[1]) Что эта форма поражала своей странностію еще такъ недавно, видно изъ слѣдующихъ словъ, Бюхелера: In 'nosve' miramur negationem voce expressam gravi ac fusca, nam Osci 'neisvae' pronuntiabant Latinique 'nisi', levius sonant etiam umbrica 'nep' vel 'neip' lat. 'neque', 'nersa' et 'arnipo' lat. 'donec', 'neidhabas' lat. 'ne adhibeant (см. его Pop. Iguvini lustratio 1876 p. 22).

видомъ для занимающаго насъ памятника; вмѣсто этого естественно было бы ждать pacasi или pacasier. Ср. dasi = dari у Феста (p. 63 M.).

vois по смыслу=vis—2 л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. Въ данной формѣ это образованіе встрѣчается въ латинскомъ языкѣ въ первый разъ и по своей оригинальности возбудило различныя толкованія комментаторовъ. Дрессель, опираясь на свидѣтельство Присціана (IX 1, 6=Gram. Lat. II, p. 454 K.): A'volo'—secundam personam per concisionem l consonantis et mutationem o in e et adiectionem is per diphtongum proferebant antiquissimi: 'volo—veis' pro 'volis',—счелъ эту форму прямымъ видоизмѣненіемъ древняго volis.. Но противъ этого объясненія говоритъ прочность звука l между гласными какъ въ классической, тикъ и архаической латыни. Если не ошибаемся, выпаденіе его передъ i (j) съ слѣдующимъ гласнымъ можетъ быть доказано нѣсколькими примѣрами уже поздней эпохи и при томъ провинціальнаго употребленія: Aureia, Oreius, Corneius и пр. (Corssen, Aussprache I² p. 228; D' Ovidio l. c. p. 11). Кромѣ того образованіе 3 л. ед. ч. vol-t безъ такъ назыв. соединительнаго гласнаго наводитъ на мысль, что древнѣйшей формой 2 л., если только оно шло отъ той же основы, было vol-s. Взявъ эту форму какъ исходную, Бюхелеръ объясняетъ появленіе vois простымъ видоизмѣненіемъ плавнаго l въ гласный i, и потому, по его теоріи, выходитъ слѣдующій путь образованій этого лица: vol-s—voi-s—vei-s—vi-s. Но указанный переходъ здѣсь l въ i для классическаго языка остается недоказаннымъ, и если что можетъ служить подкрѣпленіемъ отожествленію этихъ звуковъ, такъ это примѣръ умбрскаго нарѣчія, гдѣ имя Volsienus (ср CIL. I n. 1412 V. Volsienus I. T) пишется Voisiener, какъ видно изъ извѣстной уже намъ надписи (Aufrecht-Kirchhoff II p. 389): Ager emps et termnas oht C. V. Vistinie, Ner. T. Babr. Maronatei, Vois. Ner. Propartie T. V. Voisiener=Ager emptus et terminatus auctoritate C. Vistinii V. f., Ner. Babrii T. f., Maronatis Vols Propertii Ner. f, T. Volsieni V. f. Легче было бы доказать на латинской почвѣ переходъ плавнаго l въ u передъ согласнымъ въ народномъ языкѣ имперіи: calculus=cauculus, ducis=dulcis, Sufurarius=Sulfurarius и др. (Schuchardt, Vocalismus d. Vulgärlat. II p. 496). Новый выходъ изъ затрудненія предлагаетъ Остгоффъ. Не находя, чтобы кому нибудь изъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о происхожденія формы vis, удалось привести ее въ органическую связь съ корнемъ vel, и съ другой стороны считая безпримѣрной эту

„Anflösung der Liquida l zum Vocal i" не только для классической, но и архаической поры латинскаго языка, онъ отожествляетъ vois, выражаясь его словами, mit sanskr. ved. vé-schi von vî 'verlangend aufsuchen, verlangend herbeikommen, appetere, zu gewinnen suchen, gern annehmen, gern geniessen, hinstreben, ein Werk beginnen'. Einige Stellen, wo vî 'streben' mit Infinitiven sich dem Begriff des 'Wunschens, Wollens' annähert—: Rgv. I 74, 4 véshi havyâni vîtáye „du kommst die Opfertränke zu verzehren" 141, 6 veti dhâ'yase 'er kommt zu pflegen'; VIII 4, 17 vémi tvâ pushann rnjáse vémi stovava âghrne 'dich zu ergreifen eile ich, zu preiesen, Pûshan, strahlender'. Причину вторженія vîs=ты стремишься въ парадигму глагола volo Остгоффъ пытается опредѣлить тѣмъ, что истая форма 2 л. отъ корня vel—„именно vel, выводимая имъ изъ *vel-si *vel-s, стала употребляться какъ союзъ. Такова догадка этого ученаго, и она тѣмъ любопытнѣе, что авторъ пришелъ къ ней независимо отъ другаго лингвиста, нѣсколько ранѣе его сказавшаго о происхожденіи vîs отъ корня vî то же самое. Мы разумѣемъ Фрэде (Fröhde), который по этому поводу писалъ слѣдующее (Bezzenberger's Beiträge z. Kunde d. Indogerm. Sprach. VI p. 167): Die Versuche vis aus *vels herzuleiten werden den Gesetzen der lateinischen Sprache nicht gerecht (Corssen Voc. II 246). Vielmehr gehört vîs zu skt. véti „appetere, verlangend aufsuchen", wozu vîtá „erwunscht, beliebt, begehrt" lat. vîto- in invîtus und invîtare (Corssen Krit. Beitr. 18); zu véschi verhält sich vîs wie îs zu éschi. Das vielleicht bedenkliche der Annahme, dass in das System der Formen von volo eine zu einer ganz anderen Wurzel gehörige eingedrungen sei, fällt weg, wenn man berücksichtigt, dass es sich um die Verdrängung einer der Sprache unbekwemen Form (*vel-s) handelt. Этому объясненію, повидимому, придется замѣнить собою всѣ остальныя. Тогда въ vois нашей надписи мы имѣемъ очень древнюю форму съ дифтонгомъ oi.

Здѣсь кончается надпись или вѣрнѣе одна первая часть надписи и за тѣмъ выше нея слѣдуетъ другая. Вмѣстѣ съ нею кончаются и разночтенія Бюхелера и Остгоффа. Которая же изъ этихъ редакцій вѣрнѣе? Категоричность въ вопросахъ столь темныхъ, каковы многіе вопросы, возбуждаемые древнею латынью, дѣло опасное, особенно въ наши дни, когда стали получаться наукою документы подобные объясняемымъ здѣсь, когда не нынѣ завтра могутъ явиться новые, доселѣ невѣдомые и нечаемые факты, которые въ состояніи будутъ

обратить въ ничто наши смѣлыя положенія. И потому отказываясь рѣшить прямо, какое изъ этихъ чтеній несомнѣнно вѣрно, скажемъ лишь, что текстъ, устанавливаемый Остгоффомъ, проще, правильнѣе, чѣмъ чтеніе Бюхелера, и въ лингвистическомъ отношеніи не представляетъ тѣхъ нововведеній, какія неизбѣжно принять при редакціи послѣдняго ученаго. Для наглядности, сопоставимъ здѣсь оба текста въ переводѣ ихъ на обыкновенный латинскій языкъ, гдѣ только это будетъ возможно.

Бюхелеръ: Iovi Saturno divis qui me mittat (или mittet), ne te (или tibi) indu comes virgo sit, astet; nisi Opi Tutesiae pacari vis.

Остгоффъ: (Ad) Iovem Saturnum divos qui me mittet, nitetur indu cōmis vir consit, astet; nisi Opi Tutesiae pacari vis.

Въ первой редакціи мы встрѣчаемся съ большою непослѣдовательностью въ построеніи двухъ первыхъ предложеній. Составитель этой греческой формулы, начавши рѣчь въ третьемъ лицѣ qoi med mitat, въ слѣдующемъ предложеніи совершенно неожиданно измѣняетъ подлежащее, обращаясь къ лицу придаточнаго предложенія съ непосредственнымъ возваніемъ: nei ted endo cosmis virco sied. Вмѣсто этого естественнѣе было бы или сказать въ первомъ предложеніи mitas, или оставивъ его въ настоящемъ видѣ, слѣдовало бы во второмъ и далѣе написать что нибудь въ родѣ comitem virginem ne habeat, nisi Opi Tutesiae pacari volt. Но справедливость требуетъ замѣтить, что смѣшеніе лицъ, какъ стилистическіе анаколуѳы, въ древнихъ языкахъ не представляетъ чего либо небывалаго. Такъ въ объясненіе настоящаго случая Дрессель справедливо приводитъ примѣръ изъ Иліады (XVII 248 и слѣд):

῏Ο φίλοι, ᾿Αργείων, ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες
οἵτε παρ᾿ ᾿Ατρείδης ᾿Αγαμέμνονι καὶ Μενελάῳ
δήμια πινουσιν καὶ σημαίνουσιν ῾έκαστος
λαοῖς

гдѣ ὦ φίλοι, οἵτε—πίνουριν καὶ σημαίνουριν сказано вмѣсто ὦ φίλοι, οἵτε—πινετε καὶ σημαίνετε. — Не безъинтересенъ при рѣшеніи вопроса о построеніи рѣчи въ архаической латыни слѣдующій анаколуѳъ, хотя и другаго рода, въ извѣстной осской надписи, найденной въ Помпеяхъ (Sylloge inscr. Osc. p. 43, Сборникъ № 59): V. Aadirans V. eítiuvam paam vereiiaí Pompaiianaí trístaamentud deded,

eísak eítiuvad V. Viínikiís Mr. kvaísstur Pompaiians triíbom ekakkombennieís tanginud opsannam deded ísídum profatted— Vibius Adiranus Vibii f. pecuniam quam iuventuti Pompeianae testamento dedit, ea pecunia Vibius Vinicius Marae f. quaestor Pompeianus aedificium hoc conventus scito operandum dedit idem probavit. Здѣсь вмѣсто того чтобы сказать: „Вибій Виникій сынъ Мары, Помпейскій квесторъ, на деньги завѣщанныя Вибіемъ Адираномъ сыномъ Вибія помпейской молодежи, это зданіе по опредѣленію народнаго собранія заказалъ, онъ же одобрилъ" получаемъ „Вибій Адиранъ сынъ Вибія деньги, которыя молодежи Помпейской по завѣщанію далъ, на эти деньги Вибій Виникій, Помпейскій квесторъ, зданіе по опредѣленію народнаго собранія построить далъ, онъ же одобрилъ". Языкъ древнѣйшихъ латинскихъ законовъ, какъ leges regum, leges XII tabularu и пр., постоянно пріучаетъ насъ къ разнаго рода анаколуѳамъ, — и потому присутствіе одного изъ таковыхъ въ нашей надписи само по себѣ еще не служило бы доказательствомъ неправильности редакціи Бюхелера.

Обращаясь къ чтенію Остгоффа, мы замѣчаемъ здѣсь бо̀льшую плавность рѣчи и бо̀льшую ясность построенія. Въ главномъ смыслѣ этого ритуальнаго предписанія оба ученые согласны. Различіе ихъ заключается лишь въ томъ, что на взглядъ одного здѣсь запрещается присутствіе дѣвицы при жертвоприношеніи Юпитеру и Сатурну, а по объясненію другаго прямо, въ формѣ положительной предписывается присутствіе при этомъ мужчины. Когда же приносится жертва богинѣ Опѣ, супругѣ Сатурна, обязательно присутствіе дѣвъ, именно весталокъ, которыя однѣ могли входить въ храмъ богини и содѣйствовать жрецу при священнодѣйствіи. Ср. Варрона объ Ops Consivia L. (L. VI, 21): Opeconsivia dies ab dea Ope Consivia, quoius in Regia sacrarium quod ita factum, ut eo praeter virgines Vestales et sacerdotem publicum introeat nemo, а также сообщеніе Макробія (Sat. I, 12, 21 и слѣд.) о томъ, что храмъ Bonae Deae или, что̀ то же, Opis [1]) былъ недоступенъ мужчинамъ: nec vir templum eius ingreditur.

---

[1]) L. c. Hanc eandem Bonam Deam Faunamque et Opem et Fatuam pontificum libris indigitari: Bonam quod omnium nobis ad victum bonorum causa est, Faunam quod omni usui animantium favet, Opem quod ipsius auxilio vita constat, Fatuam a fando quod, ut supra diximus, infantes partu editi non prius vocem edunt, quam attigerint terram и т. д.

Вслѣдъ за этою надписью идетъ другая, своимъ началомъ напоминающая намъ Novios Plautios med Romai fecid на извѣстный cista Ficorania (CIL. I, n. 54). Какъ тамъ, такъ и здѣсь предметъ, носящій надпись, представленъ говорящимъ о лицѣ, которому онъ обязанъ своимъ существованіемъ, о мастерѣ, его сдѣлавшемъ. Наша надпись, какъ указано выше, состоитъ изъ слѣдующихъ словъ:

Duenos med feced en manom einom
dze noine med mano statod

Duenos—имя гончара-фабриканта, поставленное здѣсь въ имен. пад.=можетъ быть Bennus, такъ какъ древнее сочетаніе dŭ въ латинскомъ языкѣ послѣ = b: Dŭelonai = Bellonae, dŭellatores = bellatores, dŭellum = bellum, dŭonoro = bonorum, dŭis=bis и пр.—примѣры изъ надписей и архаическихъ авторовъ (Corssen, Aussprache I[2] p. 124) и въ этой предполагаемой, ни въ формѣ, здѣсь стоящей, это собственное имя намъ неизвѣстно; но какъ nomen gentile слово Bennius читается въ надписяхъ, хотя и позднихъ не разъ (CIL, III n. 2247, 2686; въ Acta fr. Arvalium и пр.).

feced = fecit, форма съ этимъ конечнымъ согласнымъ извѣстная по вышеуказанной cista Ficorania. Существованіе d какъ суффикса 3 л. ед. ч. въ перфектѣ, доказываемое этимъ теперь уже двукратнымъ употребленіемъ въ надписяхъ Рима, и тотъ же самый суффиксъ выше разсмотрѣнныхъ формъ сослагательнаго (= Optativus) наклоненія cosied или sied и asted поразительнымъ образомъ совпадаютъ съ соотвѣтственными образованіями осскаго языка, гдѣ мы имѣемъ формы перфекта: dede-d, proffe-d, profatte-d и пр., и формы оптативныя fusí-d, deivai-d и др. (см. нашъ Сборникъ Осск. надписей I стр. 135 и слѣд., гдѣ указано и знаменитое для этого вопроса изслѣдованіе Bugge въ Kuhn's Zeitschrift XXII p. 397 и слѣд.). Теперь, въ виду данныхъ нашего памятника, приходится заключить, что единство суффикса d для перфектныхъ формъ изъявительнаго наклоненія и всѣхъ формъ оптатива простиралось въ архаическую пору и на латинскій языкъ.

en—предлогъ = in извѣстенъ былъ изъ надписей (CIL. I p. 582 col. 2). Любопытно здѣсь употребленіе его въ значеніи для.

manom—вин. пад. ед. ч. склоненія основы на *O* = по смыслу mortuum, defunctum, какъ счастливо опредѣлилъ это слово Бюхелеръ, принявъ во вниманіе di Manes, Geneta Mana, о культѣ которой разсказываетъ Плутархъ (Quaest. Rom. 52), и пр. Выраженіе med feced

en manom=me fecit defuncti (mortui) causa = сдѣлалъ меня для усопшаго или для почтенія усопшаго.

einom—слово въ этой формѣ, не встрѣчавшееся въ латинскихъ текстахъ, но имѣющее соотвѣтствіе въ умбр. enom, ennom, eno, eine (Bréal, Tab. Eug. p. 44; 132), въ осск. εινειμ, ínim, íní (нашъ Glossar. p. 112), лат. enim. Въ первомъ нарѣчіи эта частица имѣетъ значеніе tum: ср. для примѣра Iguv. VIIA 5 enom—dirstu=tum—dato; VIB 51 ennom stiplatu parfa=tum stipulator parram; VIB 56 eno—ambretuto=tum—ambeunto и пр. Въ осскомъ это повсюду соединительный союзъ et (l. c.; Сборникъ II, стр. 83). То же значеніе et имѣетъ чтеніе inom въ одной пелигнской [1]) надписи изъ Сульмоны (CIL. I n. 194): SEFFI (т.-е. sefei) INOM SVOIS=sibi et suis. Въ нашемъ памятникѣ это слово служитъ для связи предложеній и для

---

[1]) Эта небольшая, не вполнѣ и не въ оригиналѣ дошедшая до насъ надпись имѣетъ цѣлую исторію. Она читается въ двухъ рукописныхъ сборникахъ, изъ которыхъ одинъ подъ именемъ рукописей Gudius находится въ Волфенбюттелѣ и заключаетъ въ себѣ небольшое собраніе надписей, изъ второй половины XVII в., принадлежащее можетъ быть Bellori, а другой составляетъ собственность Болонской публичной библіотеки. Моммзенъ, воспроизведшій эту надпись по первому списку, одно время склоненъ былъ считать ее *латинскою* и, въ виду грамматическихъ формъ ея, самой древней изъ всѣхъ существующихъ (Unt. Dial. p. 364 taf. XV): Ist die Inschrift aber lateinisch, so gehört sie nothwendig in jene ferne Zeit und ist dann die älteste aller vorhandenen lateinischen Inschriften. Позднѣе, ознакомившись съ Болонской копіей, въ которой сказано, что эта надпись найдена въ Сульмонѣ, онъ объявилъ ее принадлежащею *френтанскому діалекту* (CIL. I p. 555). Какъ таковая, она читается въ Сборникѣ Fragments and specimens of early Latin by *John Wordsworth.* Oxford 1874, p. 169. Наконецъ, Дрессель и теперь допускаетъ возможность видѣть здѣсь *римскую* надпись, забывъ, что Моммзенъ уже около двадцати лѣтъ назадъ отказался отъ этого предположенія (*Annali* l. c. p. 184 not. 2). Въ дѣйствительности, эта надпись не только не латинская, но и не *френтанскаго* діалекта, такъ какъ ни Сульмона (древ. Sulmo), ни другіе города и селенія, находившіеся въ этихъ окрестностяхъ Корфинія, *никогда* не принадлежали Френтанамъ, но были собственностью *Пелигновъ* (Paeligni). См. Plin. N. H. III 12, 106 Sequitur regior quarta gentium vel fortissimarum Italiae—Paelignorum Corfinienses, Superacquani, Sulmonenses. Точная копія fac-simile этой надписи изъ сборника Болонской библіотеки, недавно снятая для насъ профессоромъ археологіи мѣстнаго университета Э. Бриціо (E. Brizio), убѣждаетъ, что бронзовый оригиналъ былъ найденъ въ Сульмонѣ: In Solmona in Camina, di metallo della notata grandezza стоитъ по лѣвую сторону списка другой пелигнской надписи (CIL. I p. 555), и затѣмъ подлѣ нашей читаемъ: trovata nell'istesso luogo, et pure *in Camina, simile alla sudetta.*

уясненія временной и логической послѣдовательности и по смыслу равняется, можетъ быть, itaque.

dze—неизвѣстная доселѣ форма=die. Буква Z исчезла изъ латинскаго письма рано, такъ что въ половинѣ пятаго столѣтія города Аппій Клавдій счелъ нужнымъ совсѣмъ исключить ее изъ латинскаго алфавита (см. ниже приводимую цитату изъ Марціана Капеллы), и за существованіе ея въ до-цицероновскій періодъ говорятъ лишь приводимая нами далѣе ссылка Велія Лонга на гимнъ коллегіи Саліевъ, текстъ котораго представлялъ употребленіе этой буквы (Gram. Lat. VII p. 51 K), да два примѣра на монетахъ города Cosa: Cozano (CIL. I n. 14, Ritschl Pr. L. Mon. tab. VII 40 a. b; Sool, A Catalogue of the greek coins in the British Museum. Italy. London 1873 p. 69), не свободные отъ сомнѣній со стороны палеографической, равно какъ и принимаемый нѣкоторыми учеными въ разчетъ случай употребленія будто бы этого знака въ словѣ Vezune одной марсійско-латинской надписи изъ Milionia (Lenormant, Dictionn. des antiq... par Daremberg et Saglio, p. 216; на оборотъ, совершенно справедливо, простое s видятъ въ этомъ чтеніи Моммзенъ CIL. I n. 182, Garrucci, Syll. inscr. Lat. n. 838, и Dressel, Annali l. c. p. 171 not.). Въ силу этого, а также и въ виду другихъ обстоятельствъ, форма dze возбудила много толковъ и споровъ. Сначала писецъ надписи поставилъ de и букву z внесъ уже послѣ; вслѣдствіе этого поперечныя линіи оказались крайне коротки, что придало оригинальный видъ этому графическому знаку, доселѣ не встрѣчавшійся въ латинской письменности. Но если въ палеографическомъ отношеніи онъ еще можетъ быть обоснованъ изъ образчиковъ этрусскаго письма (Corssen, Sprache d. Etrusker I taf. I—III; Fabretti Primo Supplemento al C. I. It. p. 183), какъ и дѣлаетъ это Дрессель (l. c. p. 172), то гораздо важнѣе особенность лингвистическаго свойства. Примѣры ассибиляціи dj въ латинскомъ языкѣ являются уже поздно, да и то въ формѣ dj=z: cp. zes=dies, Zabulius=Diabolius, Zodorus=Diodorus, Azabenico=Adiabenico и пр. большею частію изъ провинціальныхъ надписей (Corssen, Aussprache I² p. 216), и никогда dj=dz, какъ въ этомъ примѣрѣ. Правда, Дрессель ставитъ эту новую комбинацію звуковъ какъ посредствующее звено между dj и z, говоря: Il nostro esempío è tanto più importante inquantochè ci fa conoscere che anche per la lingua latina la fase di passagio fra dj e z è appunto dz (l. c. p. 185). Но одного примѣра мало для того, чтобы выставить столь рѣшительно цѣлое фонетическое положеніе, тѣмъ болѣе, что есть указанія на обратное явленіе въ этомъ случаѣ: въ одной

римской надписи конца четвертаго столѣтія нашей эры читается zi[es=dies, и въ одной африканской изъ второй половины втораго столѣтія Aziabenico=Adiabenico (Corssen l. c. p. 215). Эти примѣры прямо указываютъ путь ассибиляціи: dj—zj, но не dj—dz. То же подтверждается и сообщеніями латинскихъ грамматиковъ. Сервій по поводу названія страны Media замѣчаетъ (ad Verg. Georg. II 216): 'di' sine sibilo proferenda est; Graecum enim nomen est, et Media provincia est, и тѣмъ даетъ знать, что прилагательное media выговаривалось съ ассибилированнымъ d, то-есть какъ medsia, и что вообще тогда di передъ слѣдующимъ гласнымъ произносилось съ свистящимъ призвукомъ. Грамматикъ Помпей (Gram. Lat. V p. 286 K) на этотъ счетъ учитъ: Fit—vitium, quotiens 'ti' vel 'di' syllabam sequitur vocalis, si non sibilus sit. Quotiescumque enim post 'ti' vel 'di' syllabam sequitur vocalis, illud 'ti' vel 'di' in sibilum vertendum est. Non debemus dicere ita, quem ad modum scribitur Titius, sed Titius (Lindem. Titsius); media illa syllaba mutatur in sibilum. Ergo si volueris dicere 'ti' vel 'di', noli quem ad modum scribitur, sic proferre, sed sibilo profer [sed ita exprimere debes, vitandum est ut syllaba illa vertatur in sibilum]. Эти указанія, число которыхъ можно бы увеличить, ясно говорятъ о присутствіи свистящаго передъ i или j. D'Ovidio, занимавшійся этимъ словомъ вслѣдъ за Дресселемъ, склоненъ скорѣе допустить здѣсь вставку буквы I съ маленькими поперечными линіями вверху и внизу, in cima e al piede qualche traversale, и слѣдовательно читать die, чѣмъ эти z и dze: такъ странной для латинскаго языка кажется ему ассибиляція въ древнюю пору и при томъ въ формѣ, представляемой нашимъ памятникомъ (l. c. p. 13) Но здѣсь является палеографическое затрудненіе: букву I въ этой надписи мы читаемъ 17 разъ—и повсюду безъ малѣйшихъ признаковъ поперечныхъ линій вверху и внизу. Почему же писавшему потребовалась необычная форма этой буквы именно здѣсь, гдѣ и мѣста было мало, и вставлена она уже послѣ? Средній путь между этимъ полнымъ отрицаніемъ д'Овидіо и догматической канонизаціей занимающаго насъ чтенія избралъ Бюхелеръ. Считая сначала написанное de параллельной формой, жившей въ устахъ народа рядомъ съ die и напоминающей dje сценической метрики, и послѣ встрѣчающейся въ выраженіяхъ de quarte и de quinte = εἰς τετάρτην εἰς πέμπτην въ Hermeneumata Montpellier (Notices et extr. des Mss. XXIII 2 p. 351), онъ полагаетъ, что здѣсь поставлена буква z по требованію другаго произношенія. Но если бы это было дѣйствительно такъ, то что же

мѣшало писцу уничтожить букву d и замѣнить ее знакомъ z? Надпись была дѣлана по мягкой необозженной глинѣ, и потому поправки текста были здѣсь такъ просты. Какъ бы предвидя возраженіе подобнаго рода, названный ученый не останавливается на этомъ объясненіи какъ на единственномъ: предположивъ съ одной стороны эту поправку, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріурочиваетъ dze къ Martses Фуцинской бронзы и этимъ даетъ знать, что какъ Martses занимаетъ средину между Martjes и Marses, такъ наше dze между dje и ze. Но написаніе d рядомъ съ z и онъ находитъ безпримѣрнымъ во всей латыни. Фактъ, не смотря на всѣ эти попытки объясненій, остается загадочнымъ и ждетъ новыхъ данныхъ изъ области латинской эпиграфики.

noine—въ соединеніи съ предшествующимъ словомъ представляетъ форму мѣстн. пад. ед. ч. отъ основы на *O* = die nono, какъ ясно изъ выраженій die quarte, die quinte и другихъ примѣровъ, указанныхъ намъ Авломъ Гелліемъ. Свидѣтельство его для вопроса о мѣстномъ падежѣ должно считаться классическимъ, и потому мы приведемъ здѣсь оное вполнѣ (N. A. X 24, 1 и слѣд.): 'Die quarto' et 'die quinto' quod Graeci εἰς τετάρτην καὶ εἰς πέμπτην dicunt, ab eruditis nunc quoque dici audio, et qui aliter dicit, pro rudi atque indocto despicitur. Sed Marci Tullii aetas ac supra eam non, opinor, ita dixerunt: 'diequinte' enim et 'diequinti' pro adverbio copulate dictum est, secunda in eo syllaba correpta. Divus etiam Augustus, linguae latinae non nescius munditiarumque patris sui in sermonibus sectator in epistulis plurifariam significatione ista dierum non aliter usus est. Satis autem erit, perpetuae veterum consuetudinis demonstrandae gratia, verba sollempnia praetoris ponere, quibus more maiorum ferias concipere solet, quae appellantur Compitalia. Ea verba haec sunt: Dienoni populo Romano Quiritibus Compitalia erunt; quando concepta fueri[n]t, nefas. 'Dienoni' praetor dicit, non 'die nono'.—Neque praetor solum, sed pleraque omnis vetustas sic locuta est. Venit ecce illius versus Pomponiani in mentem, qui est ex atellania quae Me[t]uia scribitur:

Díes hic sextus[t] cúm nihil egi: díequarte moriár fame: Suppetit etiam Coelianum illud ex libro historiarum secundo: Si vis mihi equitatum dare et ipse cum cetero exercito me sequi, diequinti Romae in Capitolium curabo tibi cena sit cocta. Et historíam autem et verbum hoc sumpsit Coelins ex Origine M. Catonis, in qua ita scriptum est: Igitur dictatoren Karthaginiensium

magister equitum monuit: 'Mitte mecum Romam equitatum; diequinti in Capitolio tibi cena cocta erit'.—Atque alia idem multa hoc genus varie dixerunt: 'die pristini' quoque eodem modo dicebatur, quod significat 'die pristino', id est priore, quod vulgo pridie dicitur, converso compositionis ordine, quasi pristino die. Atque item simili figura 'die crastini' dicebatur, id erat 'crastino die'. Sacerdotes quoque populi Romani, cum condicunt in diem tertium, 'die perendini' dicunt. Sed ut plerique die pristini, ita M. Cato in oratione contra Furium 'die proximi' dixit. Весьма можетъ быть, что и dze noine произносилось соединенно какъ одно слово и соотвѣтствовало обыкновенному dienoni.—Что касается до образованія noine, то оно развилось изъ novine—novinei. Въ этой послѣдней формѣ i—суффиксъ мѣстнаго пад., ne—видоизмѣненный словообразовательный суффиксъ no, i—соединительный гласный между v и n [1]), и nov—та же коренная часть, что въ novem. Отношеніе дифтонга oi къ $\bar{O}$ словъ noine и none то же, что и noinom къ non, coiraverunt къ coraveront, древ.-лат. loebesum = liberum, loebertatem = libertatem, къ фалисскому loferta = liberta.

ma[n]o какъ дат. пад. ед. ч. поражаетъ новизной образованія для памятника столь древняго стиля. Въ виду сохраненія такой формы, какъ populoi Romanoi у Марія Викторина (Gramm. Lat. VI p. 17 K.), мы ждали бы здѣсь manoi. Значеніе этого слова то же, что и въ первой части нашей надписи=defuncto, mortuo. Дательный пад. отвѣчаетъ здѣсь на вопросъ—кому и находится въ зависимости отъ statod—повелит. накл. дѣйст. зал.=по смыслу statuito, sistito, ponito. Своимъ конечнымъ d эта форма примыкаетъ къ тѣмъ немногимъ, доселѣ извѣстнымъ примѣрамъ архаическаго императива на od, какъ estod, licetod, violatod, datod и пр. (Ephem. Epigr. II p. 205; Miscell. Capitol. p. 6). Глаголъ stare, средній по своему значенію, здѣсь употребленъ въ переходномъ смыслѣ, какъ дѣйствительный. Отголосокъ этого древняго употребленія Бюхелеръ видитъ въ sta berber Арвальскаго гимна, своеобразно понимаемомъ имъ какъ siste flagellum, въ сложныхъ praestato, умбрск. restatu = restituito или instaurato, въ страдат. причастіи status dies и пр.

Послѣ выше сказаннаго переводъ этой части нашей надписи будетъ слѣдующій:

---

[1]) Но въ одной пелигнской надписи имѣемъ форму Nov-ni-s=Nonius, безъ этого посредствующаго гласнаго элемента. См. *Bull. dell' Inst.* 1877 p. 177.

Duenus (или Bennus) me fecit defuncti causa itaqne die nono me defuncto sistito.

Не ограничиваясь опредѣленіемъ смысла этого памятника, названный ученый усмотрѣлъ здѣсь еще и слѣды сатурнійскаго размѣра. Въ этой стихотворной формѣ надпись должна была, по его мнѣнію, имѣть слѣдующій видъ.

Iové Sá(e)t(úrno)—deívos qoí med mítat
nei téd éndo cósmis—vírco síed ásted
noisi Ope Toitésiái—pácari vois
Retús Gabíniús] med—féced én mánom
einóm dzé noíne—méd máno státod.

Отношеніе ученыхъ къ этой догадкѣ Бюхелера самое разнообразное: D'Овидіо открыто сознается, что для принятія этого домысла у него не достаетъ вѣры [1]), Остгоффъ становится на сторону Бюхелера и, сообразно своему толкованію смысла 2-й ст., читаетъ: neitéd éndo cósmis — vír cósied ásted, и въ подтвержденіе сатурнійской формы надписи указываетъ примѣры аллитераціи: ст. 1 med mitat, ст. 2 cosmis—cosied, ст. 4 med—manom, ст. 5 med—mano. Къ коньектурѣ Бюхелера примыкаетъ и Дрессель.

Въ виду этого разнорѣчія взглядовъ, мы обратились за помощью къ профессору Ѳ. Е. Коршу, которому въ вопросѣ о сатурнійскомъ стихѣ по справедливости долженъ принадлежать высшій судъ не только въ нашемъ отечествѣ, но и за его предѣлами. „При возстановленіи Сатурніевъ на квиринальскомъ горшечкѣ", пишетъ намъ уважаемый товарищъ,—„Бюхелеръ превзошелъ смѣлостью самого себя: въ 1-мъ стихѣ у него пропущены тезисы въ 3 стопахъ сряду—„Iové Sá(e)t(úrno)". Или онъ читаетъ Saeturno въ 4 слога? Но вѣдь это 1) неправильно, 2) здѣсь e даже нѣтъ. Чтобы въ ст. 3-мъ можно было читать Toitesiai въ 5 слоговъ, болѣе чѣмъ сомнительно: это дат. пад., а не род. Въ ст. 5-мъ „einóm dzé noíne" опять три арзиса сряду, какъ въ 1-мъ. По моему, Сатурній можно видѣть развѣ въ 1-мъ ст. при чтеніи Остгоффа: Neitéd endó cosmís vir—cósiéd ásted съ закон-

---

[1]) См. l. l. p. 18: Io, nell' incerta varietà degli schemi che i dotti propongono e caldeggiano per «quell'orrido numero saturnio», non ho coraggio di riconoscere dei saturnj in questa o in quella sentenza o frase, che potrebb' anch'e essere prosa bell' e buona; come da altro lato non intendo di affermare, che i saturnj non ci siano. Per far tanto a confidenza col saturnio ci vuol molta fede: *sola fides sufficit.* Ed a me—manca la fede.

нымъ пропускомъ 2-го тезиса полустишія между двумя словами. Въ 1-мъ ст. для Сатурнія не достаетъ ямба въ началѣ, наприм. такъ (Ianó) Iové Sat(úrno)—deivos qoi med mitat, хотя долгота 1-го тезиса 2-го полустишія безпримѣрна въ надписяхъ (а онѣ представляютъ единственный надежный источникъ ученія о Сатурніи). Было бы возможно Iovém Satúrnom deívos qoi ⏑ — med mítat; словомъ, не достаетъ ямба. Изъ прочихъ стиховъ Сатурній можетъ скрываться въ 4-мъ, по крайней мѣрѣ 2-е полустишіе есть—féced én mánom. Ст. 5-й даетъ ритмъ только съ перемѣнами (i вм. z и перестановка двухъ словъ): einóm dié noíne—mánó med státod (съ законной τονή 1-го слога двусложнаго спондаическаго слова, стоящаго въ началѣ 2-го полустишія). И такъ я не отрицаю возможности того, что первоначальный изводъ содержалъ въ себѣ Сатурніи; но въ той передѣлкѣ, которая дошла до насъ, ихъ уже нѣтъ (кромѣ, можетъ быть, 2-го стиха)".

Въ объясненіе имени Retus Gabinius, появившагося въ сатурніяхъ Бюхелера на мѣстѣ Duenos оригинала, мы должны сказать, что ритуальный текстъ надписи переходилъ съ одного предмета на другой традиціоннымъ способомъ, существенно видоизмѣняясь лишь въ собственномъ имени гончара-фабриканта. Въ нашемъ экземплярѣ это имя—Duenos, которое по своей краткости не даетъ нужнаго количества слоговъ. Въ видѣ примѣра Бюхелеръ подставилъ шестисложное имя Retus-Gabinius, неоднократно читающееся на глиняныхъ сосудахъ изъ Тарквиній Ephem. Epigr. I (ср. Garrucci Syll. inscr. Lat. p. 149 слѣд). Что же касается до слова Duenos, то оно обращаетъ на себя вниманіе своимъ сравнительно мелкимъ письмомъ, которое тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что сосѣднія начертанія и въ особенности буква M слова med отличаются крупными размѣрами. Это подало поводъ думать, что сначала вторая часть надписи открывалась именно буквою M и что имя Duenos было здѣсь поставлено позднѣе.

Послѣднее замѣчаніе приводитъ насъ къ палеографіи нашего памятника. Скажемъ о немъ нѣсколько словъ съ этой стороны.

Текстъ былъ писанъ стилемъ по мягкой, еще не обозженной глинѣ сосуда, обращеннаго вверхъ дномъ. Надпись, начинающаяся словами Iove Sat, вьется подлѣ отверстій этихъ трехъ здѣсь соединенныхъ вмѣстѣ, вазочекъ, тогда какъ строка Duenos med и пр. занимаетъ мѣсто на выпуклости ихъ, составляющей средину. При первомъ взглядѣ, естественно было бы думать, что строка, стоящая выше, была писана раньше нижней. Но внимательное разсмотрѣніе оригинала вмѣстѣ съ д-ромъ

Дресселемъ въ Римѣ весною 1880 г. и опубликованная теперь на таблицахъ Annali dell'Inst. (1880 tav. d'agg. L) копія-facsimile, убѣждаютъ насъ, что по отношенію къ нашему памятнику дѣло происходило какъ разъ на оборотъ, т. е. что верхняя половина Duenos и пр. получила здѣсь мѣсто послѣ Iove Sat и т. д., стоящихъ ниже. Это ясно изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ буквы верхней строки, вслѣдствіе случайнаго удлинненія, встрѣчались съ нижней строкою и перерѣзывали стоявшія здѣсь начертанія. Такова буква M слова med, которую стиль писавшаго протянулъ до верхней части буквъ S и Q словъ deivos qoi и такъ пересѣкъ ихъ, что существованіе нижняго текста въ моментъ написанія верхней строки становится несомнѣннымъ. Такое же, хотя еще болѣе случайное, пересѣченіе нижней буквы верхними видимъ въ написаніи буквы I слова einom, которая, попавъ на вогнутую шейку сосуда, неожиданно для писавшаго дошла въ видѣ тонкой черты до буквы E слова endo и перерѣзала ее. Въ число доказательствъ первичности написанія нижняго текста Дрессель приводитъ также перпендикулярную линію, которую писецъ поставилъ въ видѣ діакритическаго знака послѣ перваго слова Iove, и которою онъ думалъ сначала отдѣлять одно слово отъ другаго,— намѣреніе почему-то однако оставленное имъ. Но таковое значеніе этой линіи теперь оспаривается (см. ниже).

Другую особенность нашего текста составляютъ **неоднократныя поправки** писавшаго. Эти исправленія, дѣлать которыя было столь удобно на мягкой и влажной глинѣ, мы замѣчаемъ:

а) въ словѣ Sat, гдѣ буква A на мѣстѣ первоначальнаго E, слѣды котораго, не смотря на поправку, еще ясны на памятникѣ и теперь [1]);

---

[1]) Фактъ этого исправленія возбудилъ различныя толкованія Дресселя и д'Овидіо. По мнѣнію перваго ученаго, ошибка произошла здѣсь отъ того, что въ оригиналѣ, съ котораго списывалась эта ритуальная формула, стояло Saet (urno) —форма, прочтенная въ силу ae=e, какъ Set(urno) и потомъ исправленная въ Sat, такъ какъ древняя форма Saeturnus (CIL. I n. 48 Saeturni pocolom) въ языкѣ современномъ писавшему эту надпись уже перешла въ обычную послѣ Saturnus (*Annali* 1. c. p. 194). Д'Овидіо возражаетъ на это тѣмъ, что въ древне-латинскомъ языкѣ не могло быть тожества ae простому e, и съ своей стороны ищетъ для этой поправки иное объясненіе. Допуская и случайную ошибку написанія буквы e вмѣсто a, онъ приходитъ также къ мысли, что въ римскомъ произношеніи въ тотъ періодъ, которому принадлежитъ эта надпись, могло быть колебаніе между древней формой Saeturnus и новой, входившей въ употребленіе, Saturnus. Писецъ, ставя Saet(urno), по ошибкѣ пропустилъ букву a, и затѣмъ не имѣя мѣста для внесенія ея послѣ, переправилъ написанное e въ a, въ виду новой формы этого имени.

б) въ словѣ pacari третья буква представляетъ поправку какого-то знака ⌋; но сравненіе подобнаго исправленія въ словѣ feced дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что буква C въ обоихъ мѣстахъ поставлена взамѣнъ выходившей изъ употребленія буквы K, и что, слѣдовательно, сначала стояло здѣсь pakari и feked;

в) въ словѣ dze буква, принимаемая за Z, вставлена послѣ, такъ что сначала здѣсь читалось de—фактъ, о которомъ было разсуждаемо уже выше;

г) въ словѣ ma[n]o буква N возстановляется только по догадкѣ и по требованію смысла. Существующій же въ оригиналѣ знакъ имѣетъ столь неопредѣленную форму, что тутъ легко усмотрѣть и букву A и исправленное T, впрочемъ болѣе первую, чѣмъ послѣднее.

По характеру начертаній наша надпись существенно отличается отъ обычнаго типа надписей республиканскаго періода, обыкновенно писанныхъ квадратомъ, гдѣ, такимъ образомъ, преобладаютъ горизонтальныя линіи и прямой уголъ. Въ новооткрытомъ же памятникѣ, именно въ буквахъ E, F, Z, P и T мы видимъ соединеніе перпендикуляра съ наклонной, образующихъ повсюду острый уголъ. Этотъ способъ письма, общій всѣмъ италійскимъ надписямъ болѣе древней эпохи, здѣсь проводится съ полной послѣдовательностью, какой, говоря вообще, не знала латинская эпиграфика, за исключеніемъ надписи на cista Ficoronia (Ritschl P. L. M. tab. I Aa) и на cista Praenestina (слѣдовательно того же происхожденія, что и первая), которая составляетъ собственность Берлинскаго Antiquarium (Ephem. Epigr. I p. 14 n. 12; Annali dell' Inst. 1873 p. 221 и слѣд.). И если послѣ спеціальныхъ изслѣдованій Ричля стало ясно, что остроугольное письмо древнѣе квадратнаго (см. Rhein. Mus. 1869 p. 1 и слѣд. = Opusc. Philol. IV p. 691 и слѣдд.) то нашему памятнику должно принадлежать по времени первое мѣсто.

Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что это письмо находится здѣсь не въ первоначальной своей формѣ, потому что на ряду съ острымъ угломъ существуютъ кривые изгибы линій: такія кривыя мы замѣчаемъ въ C, D, O, Q, R и S, при чемъ въ нѣкоторыхъ, тотъ и другой способъ начертаній чередуются нѣсколько разъ.

Это—черты общія всей надписи. Что же касается до палеографическихъ свойствъ буквъ въ отдѣльности, то наше вниманіе останавливаютъ преимущественно передъ всѣми другими начертанія слѣдующихъ знаковъ:

C и O—менѣе по размѣрамъ буквъ сосѣднихъ съ ними; буква E

одинъ разъ, именно въ предпослѣднемъ мѣстѣ слова feced, написана съ четырьмя наклонными линіями, но это должно быть отнесено къ простой случайности; Z имѣетъ свой, небывалый въ латинской эпиграфикѣ, видъ, аналогія которому отыскивается, какъ было сказано выше, лишь въ нѣскольких этрусскихъ надписяхъ (Corssen Sprache d. Etrusk. I tab. I—III); буква M писана въ пять линій, какъ въ другихъ италійскихъ алфавитахъ; тоже сходство начертаній существуетъ и въ буквѣ N; Q представлена здѣсь дорической коппой ϙ: это, на сколько извѣстно, четвертый примѣръ въ латинскихъ надписяхъ; R имѣетъ форму греческаго P, обращеннаго влѣво.

Остается заключительный вопросъ о времени написанія занимающаго насъ памятника, — вопросъ не поддающійся точному рѣшенію. Текстъ надписи не заключаетъ въ себѣ ни собственныхъ именъ лицъ, время дѣятельности которыхъ намъ было бы извѣстно изъ исторіи, ни указанія на какое либо хронологически отмѣченное событіе, — и потому всѣ основанія для сужденія объ этомъ вопросѣ сводятся лишь къ палеографіи: къ общему характеру письма и къ присутствію здѣсь нѣкоторыхъ буквъ, имѣющихъ свою спеціальную исторію. Но, какъ сейчасъ увидимъ, эти основанія непрочны и недостаточны для удовлетворенія ученыхъ требованій.

По чтенію письма справа влѣво мы можемъ только сказать, что квиниральская надпись — самая древняя изъ всѣхъ существующихъ памятниковъ латинской эпиграфики. Разсматривая, кромѣ того, эти остроугольныя начертанія буквъ и сравнивая ихъ съ подобнымъ типомъ древнѣйшихъ образцовъ греческой эпиграфики, мы можемъ теперь съ большей увѣренностью полагать, что приблизительно такъ должны были писать въ Лаціи въ древнѣйшую пору, что подобнымъ образомъ писали въ Римѣ въ царскій періодъ и что въ частности этимъ древне-италійскимъ алфавитомъ былъ писанъ, между прочимъ договоръ Сервія Туллія съ латинскими городами, о которомъ говоритъ намъ Діонисій Галикарнасскій (A. R. IV 26): Αὕτη διέμεινεν ἡ στήλη μέχρι τῆς ἐμῆς ἡλικίας ἐν τῷ τῆς Ἀρτέμιδος ἱερῷ κειμένη γραμμάτων ἔχουσα χαρακτῆρας Ἑλληνικῶν οἷς τὸ παλαιὸν ἡ Ἑλλὰς ἐχρᾶτο. Но услуга, оказываемая графикою въ этомъ постороннемъ случаѣ, ничего не даетъ для рѣшенія нашего вопроса, такъ какъ мы не только не знаемъ, когда прекратился у Латинянъ обычай писать влѣво, но до послѣдняго времени серьезно многіе думали, что латинское письмо этого способа начертаній никогда не имѣло.

Нѣсколько болѣе получаемъ мы изъ факта присутствія здѣсь буквы Z,

Этотъ знакъ несомнѣнно существовавшій въ древне-латинскомъ алфавитѣ [1]) рано исчезъ изъ употребленія; по крайней мѣрѣ съ самаго начала литуратуры вплоть до эпохи Цицерона мы не видимъ почти никакихъ слѣдовъ его существованія. Въ греческихъ словахъ Z передается здѣсь однимъ s въ началѣ и двумя ss въ срединѣ: Saguntum, Sethus, sona; badissas, malacisso и проч. (Corssen Aussptache I p. 295). И если исключеніе этой буквы изъ латинскаго письма приписывается Аппію Клавдію Слѣпому (Marcian. Capel. III 261 Z vero idcirco Appius Claudius detestatur quod dentes mortui dum exprimitur imitatur), то присутствіе ея въ словѣ dze невольно приводитъ къ мысли, что нашъ памятникъ принадлежитъ времени, предшествовавшему этому орѳографическому нововведенію Аппія Клавдія, занимавшаго высшія государственныя должности въ половинѣ пятаго столѣтія города (cens. 442, cos. 447 и 458). И противъ этого можно было бы, конечно, сказать, что эта реформа на первыхъ порахъ проводилась въ оффиціальной письменности, а не въ частномъ употребленіи, которому принадлежитъ наша надпись; но трудно допустить, чтобы письмо влѣво еще существовало во второй половинѣ пятаго вѣка.

Скорѣе и естественнѣе думать, что эта надпись старше Аппія Клавдія. Не противорѣчитъ этому и слово pacari съ своею буквою r, введеніе которой вмѣсто s между двумя гласными преданіе приписываетъ тому же Аппію (Pompon. Digest. I 2,2 § 36 Appius Claudius— R litteram invenit, ut pro Valesiis Valerii essent et pro Fusiis Furii), потому что ему здѣсь очевидно принадлежитъ только болѣе прочная и ясная регламентація этого правописанія, которое въ дѣйствительности, хотя и спорадически, должно было, вслѣдъ за произношеніемъ живаго языка, начаться гораздо раньше.

Не знаемъ, что̀ сказать о функціи знака C въ написаніи vircosied, которое, какъ мы видѣли выше, разлагаютъ двоякимъ образомъ: virco sied и vir cosied. Въ первомъ случаѣ c — знакъ mediae = γ, для котораго латинскіе грамматики должны были придумать особый знакъ G, во второмъ эта буква = tenius k. Какъ рано явилась эта новая буква,

---

[1]) См. Vel. Longus (Gram. Lat. VII p. 51 K) [Z litera] mihi videtur nec aliena latino sermoni fuisse, cum inveniatur in carmine Saliari. Эта ссылка на carmen Saliare для насъ должна имѣть тѣмъ большее значеніе, что буква Z сохранилась даже въ той страшно обезображенной формѣ, въ которой дошелъ отрывокъ этого гимна у Варрона (L.L. VII 26): COZEULODOOIZESO; OMNIA VERO ADPATULA и т. д.

мы съ точностью не знаемъ. Правда Плутархъ относилъ введеніе ея къ Спургію Карвилію, сказавши (Quaest Rom. 54 p. 342 Did): τὸ κ πρὸς τὸ γ συγγένειαν ἔχει παῤ αὐτοῖς· ὀψὲ γὰρ ἐχρήσαντο τῷ γάμμα Καρβιλίου Σπορίου προσεξευρόντος; но это свидѣтельство должно быть понимаемо не иначе, какъ только въ томъ смыслѣ, что Спурій Карвилій училъ примѣненію этого знака въ той грамматической школѣ, которую онъ первый основалъ въ Римѣ на началѣ платы, о послѣднемъ узнаемъ мы изъ того же Плутарха (I. c. p. 343): ὀψὲ δ' ἤρξαντο μισθοῦ διδάσκειν, καὶ πρῶτος ἀνέῳξε γραμματοδιδασκαλεῖον Σπόριος Καρβίλιος, ἀπελεύθερος Καρβιλίου τοῦ πρώτου γαμετὴν ἐκβαλόντος. И такъ какъ есть въ латинской эпиграфикѣ примѣры употребленія буквы G ранѣе дѣятельности Спурія Карвилія, относящейся къ шестому столѣтію Рима, то представляется весьма вѣроятнымъ предположеніе Іордана (Krit. Beitr. zur Gesch. der lat Spr. Berlin, 1879, p. 155 и слѣдд.), что введеніе этого графическаго знака на мѣсто исключеннаго Z принадлежитъ также Аппію Клавдію. И если въ усматриваемомъ здѣсь virco = virgo этой буквы еще нѣтъ, то принадлежность нашей надписи болѣе древней порѣ является сама собою. Но, повторяемъ, вопросъ объ этомъ написаніи спорный.

Говоря о времени этой надписи, нельзя однако преувеличивать ея древности. Отсуствіе буквы K и замѣна его посредствомъ C даже тамъ, гдѣ рука писца поставила этотъ знакъ сама собою, и такіе неологизмы какъ pacari приближаютъ ее къ пятому столѣтію. Дрессель видитъ возможность отнести ее къ концу четвертаго.

Post scriptum.

Высказанная нами надежда, что западные ученые не ограничатся въ стремленіи къ разъясненію новооткрытой надписи только тѣмъ, что̀ приведено нами выше, и что, напротивъ, явятся другія толкованія на этотъ любопытный памятникъ, оправдалась скорѣе, чѣмъ мы ожидали. Едва настоящій рефератъ былъ оконченъ и отправленъ для напечатанія, какъ достигли Москвы журналы Hermes и Mnemosyne за 1881 г., которые принесли съ собою новые матеріалы для исторіи этой надписи. Въ первомъ изъ этихъ изданій вышеупомянутый кенигсбергскій профессоръ Гейнрихъ Іорданъ развилъ подробнѣе и дальше тѣ мысли, которыя вкороткѣ высказалъ онъ въ римскомъ археологическомъ институтѣ уже раньше по тому же поводу (см. Bull. dell' Inst. 1881 p. 84 слѣд.). Эта новая статья, озаглав-

ленная имъ Altlateinische Inschrift aus Rom (l. c. p. 225 и слѣдд.), представляетъ такъ много своеобразнаго въ отношеніи текста памятника и пониманія его, что пройдти ее молчаніемъ было бы невозможно. То же самое нужно сказать и касательно небольшой по объему, но рѣзкой по формѣ и замѣчательной по характеру высказываемой здѣсь мысли, статьи знаменитаго Кобета, напечатанной на страницахъ Mnemosyne (n. s. XI, 4 p. 441 и слѣдд.) [1]).

Обращаемся сначала къ этюду Іордана и суммируемъ здѣсь, хотя по необходимости и въ краткихъ чертахъ, главныя его особенности. Разсматривая транскрипцію передаваемаго имъ текста надписи, мы замѣчаемъ здѣсь слѣдующія отступленія: 1) Iovei вм. Iove другихъ издателей, 2) neited—вм. nei ted, 3) послѣ sied предполагается нѣкоторый свободный промежутокъ, 4) pakari вм. pacari, 5) maao вм. ma[n]o Дресселя и другихъ и 6) нѣсколько ошибочныхъ и странныхъ чтеній, о которыхъ скажемъ ниже. Форму дат. пад. Iovei авторъ ставитъ на основаніи той тонкой и длинной вертикальной линіи, которая находится между Iove и Sat и которую другіе ученые признавали за раздѣлительный знакъ. Впрочемъ, и онъ не особенно настаиваетъ на несомнѣнности этого исправленія, допуская возможность разграниченія этою чертою двухъ божескихъ именъ, написанныхъ слитно. Но если значеніе вертикальной линіи, вставленной здѣсь послѣ, можетъ быть истолковываемо различно, то благоразумнѣе и осторожнѣе было бы сообщить свою догадку въ комментаріи, не внося буквы i въ текстъ надписи, тѣмъ болѣе, что предполагаемая здѣсь форма дат. пад. ед. ч. осталась бы и при чтеніи Iove. Лучше поэтому поступаетъ тотъ же авторъ, когда, переписывая текстъ надписи въ другой разъ, именно на стр. 231, ставитъ обѣ формы рядомъ: Iovei (oder Iove) и пр. Написаніе neited съ перваго взгляда читателю, знакомому съ толкованіемъ Остгоффа, можетъ показаться вторичнымъ примѣромъ опредѣленія этого слова какъ формы архаическаго глагола дѣйствит. залога; но въ сущности это не болѣе, какъ типографская ошибка вм. nei ted. Вслѣдъ за словомъ sied Іорданъ предлагаетъ дѣлать и въ транскрипціи нѣкоторый свободный промежутокъ и не соединять съ выраженіемъ nei ted—sied слова asted, которое, по его своеобразному толкованію, какъ сказано будетъ немного ниже, означаетъ нарѣчіе ast=at, но не глаголъ astet, какъ по-

[1]) Указаніемъ на эту книгу и доставленіемъ ея мы обязаны проф. И. В. Помяловскому, которому и приносимъ здѣсь искреннюю признательность.

нимаютъ другіе. Чтобы не останавливаться на правописаніи pakari, скажемъ, что вм. исправленнаго ma[n]o, этотъ ученый въ текстѣ пишетъ maao, копируя здѣсь загадочную предпослѣднюю и очевидно ошибочную букву какъ A. Но труднѣе найдти причину непослѣдовательности его въ употребленіи знаковъ u и v для выраженія соотвѣтствующаго полугласнаго: въ самомъ дѣлѣ, почему въ одномъ случаѣ онъ пишетъ uirco, а въ другомъ, лишь одной строкой ниже, vois? Вѣдь подлинникъ не представляетъ намъ никакихъ отличій, имѣя здѣсь одну и ту же букву V. Вообще эти транскрипціи [1]) Іордана не могутъ считаться образцовыми, нося явные слѣды какой-то поспѣшности и недостаточной осмотрительности писавшаго: такъ на стр. 229 вмѣсто обязательнаго qoi med, по очевидному недосмотру, онъ поставилъ въ текстъ qui me и безъ нужды чтеніе mitat исправилъ въ mit(t)at; тоже me вм. med читаемъ у него на стр. 231 на ряду съ ted и всѣми остальными архаизмами памятника; столь же невѣрно передано имъ на стр. 245 чтеніе fecit вм. feced оригинала [2]).

Не удалось автору и повтореніе копіи fac-simile, опубликованной Дресселемъ: въ этой репродукціи рисунокъ послѣдняго значительно пострадалъ не только въ отношеніи изящества, но и точности начертанія буквъ.

Переходимъ къ характеру его толкованія. По мнѣнію Іордана, deivos—несомнѣнно дательный пад. множ. ч., аналогичный devas, и разсуждать объ этой формѣ болѣе значитъ тратить попусту время; qoi=qui употреблено въ смыслѣ архаическаго quis=quisquis или si-

---

[1]) Ихъ у него три: стр. 228, 229, 231; ср. 236.

[2]) Перечитывая другія статьи Іордана, относящіяся къ италійской діалектологіи, мы встрѣчаемся съ точно такими же ошибками и неточностями въ передачѣ комментируемыхъ ими текстовъ. Зависитъ ли это отъ того, что авторъ обратился къ италійскимъ надписямъ лишь недавно, или отъ чего другаго, не знаемъ. Несомнѣнно только одно, что на редакцію его италійскихъ текстовъ полагаться нельзя. Такъ наприм. въ вышеуказанной статьѣ о Фуцинской бронзѣ у него читаемъ (l. c. p. 8): Unzweifelhaft haben wir vor uns die Widmung eines Weihgeschenks: *Caso Cantonios . . . socieque . . . pro l(egio)nibus Marzes*; но въ дѣйствительности здѣсь стоятъ: 1) Cantovios и 2) Martses. Далѣе на стр. 10—12
? ?
изъ чтенія atoierpattia онъ *двѣнадцать* разъ образовываетъ формы: Attoierpattia, Attoierpattia, Attoierpattiae, Attoier, Attoies, Attoier dattia и пр. — повсюду съ знакомъ двойнаго tt послѣ начальнаго A, вопреки оригиналу и тому, что онъ самъ писалъ на стр. 6-й. Но указывая на этотъ недостатокъ его италійскихъ этюдовъ, мы нисколько не умаляемъ значенія грамматическихъ и антикварныхъ трудовъ того же ученаго, пользующихся справедливой извѣстностью.

quis (Schöll Leg. XII tab., p. 73), и потому выраженіе qoi—mitat=quisquis mittet или siquis mittet; анаколуѳическій оборотъ quisquis me mittet, ne te отзываясь свободой живаго разговорнаго языка, не представляетъ въ его глазахъ никакихъ затрудненій.—ted endo сказано будто бы здѣсь въ смыслѣ in te, то-есть, erga te: endo какъ постпозиція хотя и не встрѣчалась доселѣ, но въ виду того, что другія двусложныя нарѣчія-предлоги ergo, tenus, inter имѣютъ сильную склонность къ постпозиціи, она и здѣсь допущена быть можетъ.—cosmis есть первообразъ cōmis и значитъ здѣсь „freundwillig", вслѣдствіе чего nei ted endo cosmis virco sied=„hüte dich, dass nicht eine Iungfrau dir freundwillig sei."—asted принадлежитъ къ слѣдующему предложенію и по формѣ не глаголъ=astet, какъ понимали другіе толкователи, но твор. пад. ед. ч., образованный какъ posted, сократившійся послѣ въ ast—at: asted noisi Ope Toitesiai pacari vois=„so wenn (или es söi wenn) du nicht willst mit Ops Toitesia deinen Frieden machen (или dich ihr aussehnen въ смыслѣ ein piaculum ihr darbringen für den Verkehr mit der Iungfrau).—Toitesia находится въ этимологической связи не съ tutari, tutela, а скорѣе съ tutunnus, и оттого авторъ для имени Ops Toitesia выводитъ значеніе Schützerin der Iungfrau или Rächerin unzeitiger männlicher Begierde (!) Послѣ всего этого переводъ первой части новооткрытой надписи, на взглядъ Іордана, долженъ быть слѣдующій: (l. c., p. 235—236) „Du, der du dieses Gefäss den Göttern Iuppiter und Saturn darbringst, hüte dich dass nicht eine Iungfrau dir freundwillig sei, so wenn (или es sei wenn) du nicht willst mit Ops Toitesia deinen Frieden machen".

Что касается до отношенія его ко второй части надписи, различіе заключается лишь въ объясненіи слова manom и maao=ma[n]o. Какъ мы видѣли выше, другіе комментаторы считали эти двѣ формы существительнымъ муж. р. и эвфенистическимъ названіемъ умершаго—mortuus, defunctus; Іорданъ признаетъ ихъ именемъ сред. р.: „ist es nöthig dies Wort hier als Masculinum zu betrachten? Keineswegs. Als dium 'das Himmlische' der lichte Himmel, hiess, aber früh verlören ging und nur in sub dio eine Spur hinterliess, so kann manum in einer Zeit, die lange vor dem Entstehen der Litteratursprache liegt, euphemistisch 'das Gute' das Todtenreich und Todtenopfer bedeutet haben und davon eine Spur nicht allein in der verschiedenen Stammform manis erhalten sein, sondern auch in dem lapis manalis, welcher die Oeffnung zum mundus oder zum manum verschliesst" (l. c. p. 237). Переводъ этой части онъ даетъ въ слѣдующей формѣ (ibid): „Duenos

hat mich fürs Todtenopfer gemacht; drum sollst du am neunten Tage mich zum Todtenopfer stellen".

Таковъ смыслъ занимающей насъ надписи въ интерпретаціи Іордана. Конечно, только будущему дано показать, кто изъ ученыхъ, занимавшихся этой находкой, ближе подходилъ къ истинѣ и кто затемнялъ сущность этого любопытнаго текста своими фантастическими и произвольными толкованіями. Но и теперь трудно удержаться отъ вопроса, къ чему потребовалось автору это столь мало вѣроятное объясненіе? Какой смыслъ можетъ имѣть выставляемое имъ предостереженіе отъ любовныхъ взоровъ, отъ любовныхъ отношеній къ дѣвушкѣ въ моментъ приношенія жертвы за умершаго въ 9-й день? Умѣстны ли здѣсь самыя представленія о какихъ-либо чувственныхъ отношеніяхъ въ этотъ день траура, повторяемъ, во время заупокойной жертвы Юпитеру и Сатурну? На чемъ основано значеніе имени Ops Toitesia какъ мстительницы несвоевременнаго, неумѣстнаго мужскаго вождѣленія? Подобные вопросы раждаются сами собою, при чтеніи этихъ въ высшей степени странныхъ рѣчей почтеннаго кенигсбергскаго профессора о любодѣяніи на поминальной жертвѣ. Правда, онъ ссылается на то, что намъ извѣстны далеко не всѣ суевѣрія древнихъ. Послѣднее совершенно справедливо, но нельзя же безъ достаточныхъ основаній относить къ области древнихъ суевѣрій то, что явно противорѣчитъ смыслу, что не находитъ себѣ никакого реальнаго оправданія? Одной этимологіи для историческихъ вопросовъ еще мало; но и она въ данномъ случаѣ авторомъ нисколько не доказана.

По необходимости, мы ограничиваемся указаніемъ на главную сторону его толкованія, не входя въ разборъ всѣхъ частностей его объясненій. Въ заключеніе, объ этой части его изслѣдованія скажемъ только, что переводъ его, не смотря на неоднократныя завѣренія (p. 231; 238 и пр.), все-таки далеко не буквально-точный, что начальныя слова первой части являются только перифразомъ древняго текста, но не переводомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Не смѣя, далѣе, оспаривать возможности значенія „das Todtenreich" для слова manom, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ убѣдиться въ правдоподобіи перехода отъ этого значенія прямо къ другому именно „das Todtenopfer", которое въ толкованіи Іордана заняло главное мѣсто. Гдѣ аналогіи для такого отожествленія этихъ значеній? А если такъ, то и переводъ второй части нашей надписи не можетъ не возбуждать справедливаго сомнѣнія.

Несравненно болѣе былъ осмотрителенъ авторъ въ другихъ частяхъ [1]) своего изслѣдованія, гдѣ онъ занимается вопросами о языкѣ и алфавитѣ этого памятника. Разсмотрѣніе фонетическихъ, синтаксическихъ и лексическихъ особенностей этого текста привело его къ заключенію, что надпись была или писана внѣ Рима, и что она сюда была принесена изъ провинціи, или же если была дѣлана въ Римѣ, то непремѣнно провинціаломъ, на природный говоръ котораго имѣли сильное вліяніе другіе діалекты, какъ умбрскій, осскій и др. Въ фонетикѣ особенное вниманіе его здѣсь обратили: а) недоказанное до сихъ поръ въ чистой латыни присутствіе дифтонга oi на мѣстѣ обычнаго ei=ī: qoi=quei, qui, noisi=neisi, nisi, vois=veis, vis; б) странное для древней поры употребленіе q въ смыслѣ kv передъ oi: qoi—форма, напоминающая автору nequs=nequis вышеприведенной архаической надписи изъ Сполето, гдѣ онъ видитъ въ этомъ u ассимиляцію i предшествующему полугласному v, скрывающемуся въ q, будто бы также здѣсь=kv; в) не римская для столь древней эпохи ассибиляція dj=z въ словѣ dze, читаемомъ имъ какъ ze, безъ этой буквы d, которую писавшій будто бы оставилъ, или по забывчивости или потому, что онъ считалъ ее недѣйствительной послѣ внесенія знака z въ первоначально написанное de; г) суффиксъ esia слова Toitesiai, подобно всѣмъ другимъ образованіямъ на esius, esia, не могущій считаться чисто латинскимъ, а скорѣе діалектическимъ [2]); д) сочетаніе согласныхъ sm въ cosmis, представляющееся страннымъ для латинскаго языка — формамъ Casmena и triresmos авторъ не придаетъ особаго значенія—и напротивъ присущее другимъ италійскимъ діалектамъ, какъ осскому: posmom и пелигнскому: prismo. — Въ синтаксическомъ отношеніи надпись могла бы назваться свободной отъ этого иноземнаго или что то же діалектическаго вліянія, если бы не было соединенія ted endo=in te, гдѣ постпо-

---

[1]) Неточности существуютъ и здѣсь, но только въ вопросѣ палеографическомъ: такъ, на стр. 245 дана невѣрная форма буквы *p* осскаго алфавита, на стр. 250 представлена не существующая форма знака *r* италійскихъ алфавитовъ, и нѣкоторые другіе менѣе существенные недосмотры, какъ указаніе, на стр. 254, знака ZT Фуцинской бронзы равнаго по всей силѣ буквы принимаемой за Z занимающей насъ латинской надписи. Здѣсь разумѣется конечно чтеніе Martses и потому должно бы стоять TZ.

[2]) Этого факта Іорданъ здѣсь касается только вскользь, потому что раньше онъ посвятилъ этому вопросу подробное обсужденіе въ своихъ Kritische Beiträge zur Gesch. d. Lat. Sprache. Berl. 1879.

зиція endo, управляющая винительнымъ падежемъ, представляетъ совершенно новое явленіе. Со стороны лексической не чисто-латинскій элементъ представляютъ слова: cosmis,, Toitesia и einom, изъ которыхъ послѣднее такъ близко къ указаннымъ нами выше діалектическимъ формамъ и совершенно ново въ этой формѣ и значеніи для латинскаго языка.

Вотъ одни изъ оснований, по которымъ Іорданъ отрицаетъ чисто-римское происхожденіе этой надписи. Эта мысль, разсматриваемая такъ-сказать вообще, не представляетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго: маленькій сосудъ, на которомъ начертана надпись, легко могъ быть принесенъ въ Римъ изъ какой угодно дали; равно нѣтъ ничего страннаго въ предположеніи, что писавшій былъ Латиняномъ-провинціаломъ, и что особенности его мѣстнаго говора отразились на занимающемъ насъ памятникѣ. Доколѣ всѣ эти соображенія нисколько не умаляютъ значенія надписи и сами по себѣ на столько естественны, что они сейчасъ приходятъ на мысль каждому, кто знакомится съ этимъ своеобразнымъ текстомъ. Сомнѣніе въ принадлежности этой надписи чистой латыни и городу Риму чувствовали и мы, разсматривая оригиналъ у д-ра Дресселя, о чемъ тогда же писали одному изъ нашихъ друзей.

Но свои отрицанія Іорданъ ведетъ гораздо дальше. Направленіе письма влѣво; присутствіе здѣсь пятилинейной буквы М, которая во всѣхъ своихъ деталяхъ равна формѣ ея въ другихъ италійскихъ алфавитахъ; существованіе особаго знака вмѣсто обычной лат. R, называемаго Іорданомъ общимъ типомъ этой буквы у Италійцевъ, и нѣкоторыя другія обстоятельства служатъ для него новыми основаніями признавать этотъ памятникъ за произведеніе провинціала, который слѣдовалъ здѣсь и въ характерѣ письма вліянію сосѣднихъ народовъ умбро-осско-этрусской группы.

Авторъ открыто настаиваетъ, что Латиняне никогда не писали въ этомъ направленіи, и всякій образчикъ такого письма, равно какъ и фуцинскій вустрофидонъ, должны быть считаемы единичными исключеніями, какъ продуктъ посторонняго, иноземнаго вліянія.

Таковъ въ главныхъ чертахъ—за подробностями читателя отсылаемъ къ самой статьѣ — взглядъ Іордана на палеографическое значеніе нашей надписи. Время покажетъ, на его ли сторонѣ правда, или же были болѣе правы другіе ученые, какъ Дрессель, Бюхелеръ, Д' Овидіо и пр., которые видятъ въ этихъ двухъ новооткрытыхъ памятникахъ отголосокъ стариннаго латинскаго письма, шед-

шаго сначала въ ту же сторону, какъ у Умбровъ, Сабелло-Самнитовъ и Этрусковъ.

Послѣ старательныхъ и копотливыхъ изслѣдованій, которымъ подвергается эта надпись въ италіанской и нѣмецкой филологическихъ литературахъ, послѣ этихъ оживленныхъ преній, которыя возбуждаютъ здѣсь то или другое слово, тотъ или другой графическій знакъ, та или иная грамматическая форма,—крайнимъ диссонансомъ звучитъ мнѣніе, догматически и не безъ значительнаго высокомѣрія пущенное въ ученый свѣтъ Кобетомъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ надменнаго укора нѣмецкимъ филологамъ за ту смѣлость и ревность, которыя они проявляютъ въ изслѣдованіи самыхъ темныхъ и трудныхъ вопросовъ лингвистики и эпиграфики вообще, такъ и въ частности по отношенію къ этому памятнику [1]), онъ объявилъ эту надпись подложной, сочиненной какимъ-нибудь шутникомъ для собственной потѣхи и на заботу ученымъ. „Non premam denique suspicionem", говоритъ онъ въ заключеніе,—„quae mihi diligenter haec omnia consideranti subnata est. Saepius in Italia et nonnumquam etiam extra Italiam factum est ut inscriptiones circumferrentur spuriae aut per locum aut ab impostoribus fictae. Ante hos paucos annos in patria nostra scurra nescio quis protulit inscriptionem litteris Runicis conceptam, cuius prima verba erant OBA et RONIE ant RONJE. Quis nostratium non meminit ridens quantum ineptiarum illa inscriptio pepererit, donec tandem Kern noster sollertissime fraudem deprehendit? Idem nunc Romae factum esse suspicor. Commentus est id scurra aliquis, ut homines pereruditos sed non admodum acutos ludificaretur".

Всѣ основанія именитаго критика сводятся въ данномъ случаѣ только къ новизнѣ и недостаточной ясности словъ cosmis, Toitesiai, statod въ значеніи sistito, ponito, и en manom въ смыслѣ, приписываемомъ ему толкователями. Но неужели одного этого было достаточно для осужденія новооткрытой надписи, для исключенія ея изъ области вопросовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію? Кто изъ современныхъ намъ филологовъ въ состояніи былъ бы сказать, что ему извѣстенъ весь лексическій составъ латинскаго языка и всѣ

---

[1]) Наибольшая доля этихъ укоризнъ и насмѣшекъ досталась на долю Іордана, и именно его переводу и реальнымъ комментаріямъ, съ дѣйствительною странностью которыхъ мы имѣли случай познакомиться выше.

грамматическія формы, послѣдовательно смѣнявшія одна другую? Та же латинская эпиграфика развѣ не обогащаетъ науку все новыми и новыми данными? И если бы слѣдовать примѣру, подаваемому теперь Кобетомъ, то заранѣе пришлось бы отказаться отъ тѣхъ откровеній, которыя хранитъ въ себѣ неистощимая почва Италіи и которыя, при благопріятныхъ условіяхъ, сдѣлаются достояніемъ будущихъ бытописателей италійской старины. Кто же согласится на это?

Исполнилось наше предположеніе и относительно Бреаля. Новооткрытая надпись обратила его вниманіе, и члены Académie des Inscriptions et Belles-Lettres въ засѣданіи, происходившемъ 2-го марта (новаго стиля) текущаго года, выслушали отчетъ о результатѣ занятій его этимъ своеобразнымъ памятникомъ латинской эпиграфики. Способъ чтенія и толкованія Бреаля далеко уклоняется отъ всѣхъ предыдущихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, спустя нѣкоторое время, онъ опубликуетъ свой трудъ по этому вопросу въ болѣе полной формѣ и разъяснитъ мотивы его оригинальнаго пониманія. Доколѣ же мы имѣемъ лишь короткій отчетъ о его чтеніи, помѣщенный въ Revue Critique d'histoire et de littérature № 11, p. 220). По этому бюллетеню, Бреаль читаетъ и переводитъ нашу надпись слѣдующимъ образомъ:

IOVEIS AT DEIVOS QOI ME DMITAT, NEI TED
Iupiter aut deus qui me admittat, ne te
ENDO, COSMISV IRCO SIED
endo, commissi ergo, sit.
AS[T] TED NOIS, IO PETO, ITES IAI, PACARI
Ast te nobis eo penso λιταῖς iis pacari
VOIS
velis.
DZENOS MED FEKED EN MANOM. EINOM
Dzenos me fecit in bonum. Nunc
DZENOI NE MED MALO STATOD.

Dzeno ne me malo sistito.=„Jupiter ou quelque soit le dieu qui me recevra! que celui-ci (le mort) ne tombe pas en ton pouvoir pour ses fautes! Mais laisse-toi apaiser par nous, au moyen de ce don, de ces prières. Dzenos m'a offert en sacrifice pour le bien. Ne me prends donc pas en mauvaise part pour Dzenos".

Въ этой редакціи и въ такомъ толкованіи столько новаго и непо-

хожаго на всѣ предыдущія попытки объясненія, и потому почтенный авторъ непремѣнно будетъ имѣть многочисленныхъ противниковъ и возражателей. Будемъ ждать этого любопытнаго спора, такъ какъ отъ точной истины по данному вопросу мы находимся очевидно еще не въ близкомъ разстояніи. Grammatici certant et adhuc sub iudice lis est.

И. Цвѣтаевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новыя изслѣдованія о буддизмѣ.

The Sacred books of the East translated by various oriental scholars and edited by *F. Max-Müller.* Vol. I, X, XI (Священныя книги востока, переведенныя разными оріенталистами и изданныя *Максомъ-Мюллеромъ.* Томы I, X и XI). Ofxord. 1879—1881.

Начиная съ 1879 г., въ Англіи издается подъ общимъ заглавіемъ „Священныхъ книгъ востока" рядъ весьма важныхъ переводовъ, сдѣланныхъ извѣстными оріенталистами. Громкое имя главнаго редактора ручается за полную научность этого важнаго литературнаго предпріятія, а появившіеся въ настоящее время томы вполнѣ оправдали тѣ ожиданія, съ которыми оно было встрѣчено, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ печати впервые заговорили о предполагавшихся къ обнародованію важнѣйшихъ священныхъ книгъ востока. По первоначальному плану имѣлось въ виду издать въ двадцати-четырехъ томахъ переводъ важнѣйшихъ книгъ шести религіозныхъ системъ, то-есть: 1) брахмановъ, 2) буддистовъ, 3) послѣдователей Заратуштры, 4) Конъ-фу-цзы, 5) Лао-цзы и 6) Мухаммеда. Въ послѣдствіи этотъ планъ былъ нѣсколько расширенъ: кромѣ названныхъ переводовъ, обѣщаны также переводы жайнскаго священнаго писанія.

Въ предисловіи къ первому тому переводовъ издатель и главный редакторъ Максъ-Мюллеръ, съ свойственными ему мастерствомъ и ясностью изложенія, разъясняетъ какъ главную задачу своего предпріятія, такъ и значеніе издаваемыхъ переводовъ. Несомнѣнно, въ

настоящее время существуетъ довольно сильный интересъ къ вопросамъ о началѣ, ростѣ и паденіи религіи вообще. Но, говоритъ издатель, — интересъ этотъ болѣе теоретическій, нежели историческій [1]). Психологи и богословы горячо обсуждаютъ, какъ человѣчество вырабатывало свои религіозныя идеи, и при этомъ не обращается должнаго вниманія на памятники, а между тѣмъ дѣйствительное развитіе религіозной мысли можно вѣрно усмотрѣть и понять только изучая памятники; въ нихъ мы можемъ наблюдать зарю религіознаго сознанія человѣка, что̀, по справедливому замѣчанію М. Мюллера, навсегда останется зрѣлищемъ самымъ вдохновляющимъ въ міровой исторіи [2]). Не слѣдуетъ искать въ этихъ памятникахъ сѣдой старины глубокой мудрости; напротивъ зачастую въ нихъ попадается много дѣтскаго, утомительно скучнаго и даже отталкивающаго; за всѣмъ тѣмъ изученіе ихъ весьма важно, и истинный историкъ легко уразумѣетъ и оцѣнитъ значеніе тѣхъ уроковъ, которые они намъ преподаютъ. Высшій, и въ иныхъ случаяхъ единственный интересъ, представляемый священными памятниками востока,—историческій. Для богослова или миссіонера знакомство съ ними необходимо въ такой же степени, какъ для полководца знаніе непріятельской страны; особое значеніе получаютъ тѣ же памятники, разсматриваемые какъ историческіе документы. Во всякой странѣ, гдѣ сохранились священныя книги, устно черезъ посредство преданія, или въ письменной редакціи, онѣ представляютъ древнѣйшіе документы, отмѣчаютъ собою начало документальной въ противуположность къ традиціонной исторіи. Такое значеніе необходимо слѣдуетъ признать въ Индіи за Ведами, ведическою и затѣмъ буддійскою литературой, въ древней Персіи за Авестой, въ Китаѣ за классическимъ пятикнижіемъ, и за Кураномъ у Арабовъ. Отсюда, весьма понятно, почему историки обратили особливое вниманіе на священныя книги; въ нихъ содержатся драгоцѣнныя свѣдѣнія не только о религіи народовъ древности, но и многочисленныя данныя о ихъ нравственности, общественныхъ учрежденіяхъ и законахъ.

Древнихъ священныхъ книгъ далеко немного; весьма немногіе народы сохранили свои священныя писанія, и весьма многія изъ священныхъ книгъ стали доступны Европейцамъ въ оригиналахъ только въ послѣднее время, благодаря успѣхамъ востоковѣдѣнія, дав-

---

[1]) Vol. I, стр. XLII.
[2]) Тамъ же, стр. XI.

шимъ возможность не только исправить прежніе переводы, но и изготовить новые съ памятниковъ, открытыхъ въ послѣдніе годы. Таково, по мнѣнію издателя, въ общихъ чертахъ значеніе обнародованныхъ и предполагающихся къ дальнѣйшему изданію переводовъ священныхъ книгъ. Быть можетъ, многіе читатели пожелаютъ большей полноты въ общемъ введеніи къ первому тому и найдутъ также, что значеніе изданныхъ переводовъ въ области изслѣдованій о зародышѣ, ростѣ и паденіи религій человѣчества не отмѣчено съ достаточною опредѣленностью; весьма вѣроятно, восполнить этотъ пробѣлъ составитъ задачу всѣхъ спеціальныхъ введеній къ отдѣльнымъ томамъ изданія, и дѣйствительно въ предисловіяхъ и руководящихъ введеніяхъ къ уже появившимся переводамъ затрогиваются и частью разрѣшаются вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ сей часъ указанной области изслѣдованій.

I.

Въ настоящей замѣткѣ предполагается познакомить читателя съ содержаніемъ двухъ томовъ, посвященныхъ буддійскимъ священнымъ книгамъ, именно съ томами X и XI. Не смотря на то, что переводы въ обоихъ томахъ не представляютъ для знакомыхъ съ литературой предмета доселѣ неизвѣстной новинки, тѣмъ не менѣе оба тома полны интереса и для спеціалиста, и вообще для читателя, не чуждаго научнымъ изслѣдованіямъ о развитіи религіознаго чувства въ человѣчествѣ. Въ обоихъ томахъ мы имѣемъ переводы, сдѣланные или знатоками, или оріенталистами, пользующимися извѣстностью; переводамъ предпосланы введенія, цѣль которыхъ установить для читателя надлежащую точку зрѣнія на переведенный памятникъ, разъяснить ему время появленія, и показать значеніе переводимой книги въ цѣлой литературѣ. Задача не легкая въ санскритской филологіи вообще, а въ области буддійскихъ изслѣдованій въ особенности. Трудность эта очень хорошо сознается всѣми изслѣдователями. По мнѣнію автора переводовъ, помѣщенныхъ въ XI томѣ разбираемаго изданія, наше теперешнее знакомство съ палійскимъ каноно́мъ то же, что̀ полное его незнаніе (the present state of our knowledge, or rather ignorance, of the Pâli Pitakas...)[1], и хотя, не смотря на такое откровенное заявленіе, тотъ же писатель, на первой стра-

[1]) Vol. XI, стр. XXXIII.

ницѣ своего введенія, смѣло утверждаетъ, что въ его томѣ заключается a collection of texts which should be as complete a sample as one volume could afford of what Buddhist scriptures, on the whole, contain, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду первое показаніе, читатель по необходимости долженъ отнестись недовѣрчиво ко второму. Одно изъ двухъ: или г. Р. Дэвидсъ, вмѣстѣ съ другими современными изслѣдователями, плохо (то-есть, даже совсѣмъ не) знакомъ съ содержаніемъ палійскихъ питакъ,—въ такомъ случаѣ не смѣло ли утверждать, что изданные имъ переводы представляютъ полное собраніе образчиковъ содержанія палійскаго канона; или второе вѣрно, тогда первое скромное заявленіе окажется по меньшей мѣрѣ излишнимъ. Думаемъ, однакоже, на основаніи многихъ данныхъ, что г. Р. Дэвидсъ, заявляя первое, былъ болѣе правъ, нежели давая свое второе показаніе. Буддисты, какъ извѣстно, имѣютъ громадную массу священныхъ книгъ на различныхъ языкахъ, въ оригиналахъ и переводахъ; во всей этой обширной литературѣ нѣтъ ни одной книги догматическаго содержанія — священной по преимуществу, одинаково чтимой буддистами всѣхъ толковъ; нѣтъ памятника, занимающаго въ цѣлой буддійской литературѣ то же положеніе, какъ напримѣръ, Куранъ въ мусульманской, или Библія у христіанъ. Отсюда, само собою разумѣется, выборъ памятника для такого изданія, какъ „Sacred books of the East“, представляетъ особыя трудности. Автору перевода должны быть вполнѣ ясны тѣ главенствующія идеи буддизма, которыя въ различныя эпохи были различны. Можно было бы набрать множество буддійскихъ памятниковъ, прославляющихъ строгій аскетизмъ или широкое милосердіе ко всему сущему, и вся эта масса образчиковъ буддійской литературы весьма мало разъяснила бы читателю неспеціалисту основную сущность цѣлой религіозной системы, не объяснила бы ему, почему эта система безотраднаго пессимизма овладѣла религіознымъ сознаніемъ значительной части рода человѣческаго. Другая трудность, которую неминуемо встрѣтитъ всякій переводчикъ, состоитъ въ хронологическомъ опредѣленіи избраннаго памятника. Такимъ образомъ, онъ долженъ сказать читателю, почему избранный имъ памятникъ почитается имъ характернымъ образцемъ буддійской литературы, и къ какому времени онъ относится. Разсматривая содержаніе названныхъ выше двухъ томовъ съ сейчасъ намѣченной точки зрѣнія, намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, разъяснили ли читателю авторы переводовъ значеніе избранныхъ ими памятниковъ и опредѣлили ли удовлетворительно ихъ эпоху. Двое переводчиковъ, Максъ Мюллеръ и Р. Дэвидсъ, значитель-

ную часть руководящихъ введеній къ своимъ переводамъ посвящаютъ именно разсмотрѣнію хронологическаго вопроса. Краткое, но весьма содержательное введеніе третьяго переводчика, Фаусбеля,—совершенно иного характера; къ его разсмотрѣнію мы вернемся впослѣдствіи, а теперь обратимся къ изложенію и разбору изслѣдованій двухъ первыхъ оріенталистовъ. Для Р. Дэвидса вопросъ о времени избранныхъ и переведенныхъ имъ памятниковъ можетъ быть рѣшенъ съ полнымъ вѣроятіемъ, или говоря его же словами, „can be fixed without much uncertainty"; читатель, прочитавъ такое рѣшительное и увѣренное положеніе, конечно, будетъ нѣсколько изумленъ, узнавъ далѣе, что выводъ, полный вѣроятія, получается на основаніи гипотезы, научное значеніе которой оцѣнивается авторомъ весьма оригинально; на эту гипотезу авторъ рекомендуетъ смотрѣть такимъ образомъ: „it should not however be looked upon as anything more than a good working hypothesis to be accepted until all the texts of Buddhist Pâli Suttas shall have been properly edited" [1]). Его аргументація, по собственному сознанію, только вѣроятна, но не вѣрна (amounts only to probability, not to certainty); выводъ почти, но не совсѣмъ вѣренъ (This conclusion, however, is only almost, and not quite certain); дата удовлетворительна только для настоящаго времени и имѣетъ практическое значеніе (a provisional date sufficient at present for practical purposes,— то-есть, для писанія ученыхъ введеній?). Не столь самоувѣренны и, конечно, не исполнены противорѣчій положенія и выводы Макса Мюллера; но въ сущности, какъ Р. Дэвидсъ, такъ и Максъ Мюллеръ, вовсе и не рѣшаютъ вопроса о времени переведенныхъ ими памятниковъ, а занимаются разсмотрѣніемъ болѣе общаго вопроса о времени всего палійскаго канона; при рѣшеніи же этого послѣдняго вопроса обращаются къ старымъ гипотезамъ, недавно подновленнымъ весьма искусною аргументаціей, но едва ли выдерживающимъ какую-либо, хотя бы самую снисходительную и нетребовательную критику.

Выводы о времени всего канона, но не переведенныхъ ими памятниковъ, оба сейчасъ названные оріенталисты строятъ на основаніи давно извѣстныхъ и по сіе время едва ли правильно оцѣненныхъ преданій о такъ-называемыхъ буддійскихъ соборахъ, и какъ Р. Дэвидсъ, такъ и Максъ Мюллеръ, вполнѣ слѣдуютъ аргументаціи д-ра Ольденберга, появившейся нѣсколько ранѣе. Вопросъ о томъ, на сколько это преданіе достовѣрно или какъ оно древне—не обсуждается ни однимъ

---

[1]) Vol. XI, стр. X, XI, XII.

изъ названныхъ ученыхъ; между тѣмъ совершенно очевидно—правильность вывода находится въ прямой зависимости отъ характера и степени достовѣрности преданій о соборахъ.

II.

Палійскіе комментаторы священнаго писанія предпосылаютъ своимъ толкованіямъ на нѣкоторыя части „трехъ сосудовъ„ (то-есть, трехъ-питакъ) краткій обзоръ древнѣйшихъ судебъ буддійскаго священнаго канона; такое введеніе съ ихъ точки зрѣнія не только умѣстно, но и безусловно необходимо вслѣдствіе ихъ догматическаго воззрѣнія на всецѣлость содержанія канона. Они вѣрили точно также, какъ и современные буддисты твердо вѣруютъ, что въ „трехъ сосудахъ“ содержится только слово ихъ вѣщаго Учителя, и въ доказательство непреложной истинности своей вѣры разказываютъ, какъ это слово, не смотря на всякаго рода опасности, грозившія его чистотѣ, благодаря усиліямъ святыхъ мужей сохранило свою чистоту неприкосновенною, и черезъ двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ ученіе нисколько не измѣнилось, осталось совершенно такимъ же, какъ и въ то время, когда оно было живымъ глаголомъ великаго учителя. Являлись поносители святого закона, еретики пытались затемнить истину лжеученіями, но мужи святые, преемники великаго, умѣли бороться съ врагами и преодолѣвать ихъ. Они собирались купно въ одно мѣсто, твердо и свято храня въ своей памяти всѣ слова отошедшаго вѣщаго, устраивали спѣвки, пропѣвали вмѣстѣ слова Учителя, какъ бы возобновляли въ своей памяти новое авторизованное изданіе святыхъ проповѣдей; всякія новшества и лжеученія тщательно отметались. Въ живыхъ сосудахъ, въ памяти святыхъ мужей хранилось только древнее и истинное ученіе.

Чрезъ длиный рядъ преемства святыхъ учителей древнее и истинное ученіе, хранимое въ памяти, дожило наконецъ до того времени, когда святость между людьми стала умаляться, и спустя нѣсколько столѣтій по смерти Учителя происходитъ на Цейлонѣ общее внесеніе ученія въ книги. Такимъ образомъ все, что буддисты разказываютъ объ исторіи своего канона, съ ихъ точки зрѣнія неопровержимо доказываетъ полную истинность основнаго догмата о томъ, что въ трехъ питакахъ содержатся только подлинныя слова Учителя. Въ древнѣйшихъ судьбахъ буддійскаго канона преданіе отмѣчаетъ три важные факта; палійскій канонъ, по религіозному созна-

нію вѣрующихъ, древенъ и содержитъ истинное слово Учителя; въ продолженіе многихъ столѣтій и до нашихъ дней онъ сохранился неизмѣннымъ, благодаря усиліямъ святыхъ мужей, которые умѣли во время 1) собирать сходки или устраивать спѣвки (сангити), то-есть, по переводу европейскихъ изслѣдователей созывать соборы; собирались же эти сходки потому, что въ буддійской общинѣ, на зарѣ ея исторической жизни, появлялись новшества, лжеученія, иначе развились 2) еретическія секты. Оба отмѣченные факта относятся къ древнѣйшей исторіи буддійскаго канона; третій знаменательный фактъ въ развитіи того же священнаго писанія, то-есть, внесеніе ученія въ книги свершился гораздо позднѣе. Кромѣ сейчасъ названныхъ событій, преданіе сохранило весьма немного достовѣрныхъ извѣстій, о судьбахъ какъ самой общины, такъ и ея священнаго канона; а потому, при такой скудости историческихъ данныхъ, нисколько не удивительно, что до сихъ поръ, какъ только возникаетъ вопросъ о хронологическомъ опредѣленіи какого-либо буддійскаго памятника, европейскій изслѣдователь становится па точку зрѣнія палійскаго комментатора, то-есть, обращается къ извѣстіямъ о сходкахъ буддійскихъ аскетовъ въ первыя вѣка ихъ историческаго существованія, и на основаніи скудныхъ, взаимно противорѣчивыхъ и ясно тенденціозныхъ извѣстій о сходкахъ или соборахъ, какъ ихъ принято называть между европейскими учеными, рѣшается вопросъ не о времени одного извѣстнаго памятника, а цѣлаго канона [1]).

Вопросъ о времени памятника, разсуждаютъ обыкновенно, — не можетъ быть рѣшенъ на основаніи палеографическихъ данныхъ; всѣ дошедшія до нашего времени рукописи слишкомъ новы; изслѣдователю предлежатъ очень новые списки весьма древнихъ сочиненій; не болѣе надежными руководителями оказываются лингвистическія данныя. Остается одинъ способъ для рѣшенія вопроса о времени памятника, то-есть, строится такой силлогизмъ: разсматриваемый памятникъ въ настоящее время составляетъ часть канона, опредѣляя время всего канона, мы опредѣлимъ время нашего памятника [2]). При этомъ совершенно упускается изъ виду, что никакихъ нѣтъ указаній на то, изъ какихъ частей канонъ состоялъ въ древности и всегда ли въ него входили однѣ и тѣ же части. А нѣкоторые соображенія по

---

[1]) См. напримѣръ, *Oldenberg*, Mahâvagga, стр. XXV и сл.; *Max Müller*, Sacred books of the East, vol. X, стр. XXIX; *Rhys Davids*, тамъ же vol. XI, стр. XI слѣд.

[2]) *Max Müller*, vol. X, стр. X.

этому послѣднему вопросу бываютъ иногда не чужды даже наивности. Такъ М. Мюллеръ высказываетъ слѣдующее: Вторая глава Дхаммапады называется appamâda vaggo; если въ Махавансѣ (то-есть, въ цейлонской хроникѣ конца V вѣка по Р. Х.) намъ разказывается, что во время обращенія царя Асоки монахомъ Нигродха, буддійскій монахъ объяснялъ ему appamâda-vaggo, мы едва ли можемъ сомнѣваться, что уже въ то время существовало собраніе стиховъ объ appamâda такое же, какое мы имѣемъ теперь въ Дхаммападѣ и Саннютаникаѣ" (vol. X, стр. XXXII). На основаній показанія памятника V в. по Р. Х. утверждается существованія литературнаго произведенія въ III в. до Р. Х. Существованіе въ III в. до Р. Х. нѣкоторыхъ стиховъ, нынѣ извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ Дхаммапада весьма вѣроятно, но конечно, не свидѣтельствами столь поздняго памятника какъ Махавансо—долженъ доказываться фактъ ихъ существованія въ то время. Вопросъ о томъ, всегда ли канонъ состоялъ изъ тѣхъ же частей, на которыя онъ дѣлится теперь, обходится молчаніемъ, или же устраняется соображеніями, лишенными всякой вѣроятности; затѣмъ обращаются къ опредѣленію времени всего канона.

Для опредѣленія времени палійскаго канона есть два важные факта: 1) канонъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принадлежитъ намъ теперь, не упоминаетъ о третьемъ соборѣ временъ Асоки, около 242 г. до Р. Х.; 2) въ канонѣ упоминаются первый соборъ въ Ражагрихѣ (477 до Р. Х.) и второй въ Вайшали (377 до Р. Х.).

На основаніи этихъ двухъ фактовъ выводится, что канонъ получилъ законченный видъ въ промежутокъ времени послѣ втораго собора и до третьяго, или же во время третьяго собора. Быть можетъ, даже значительная часть канона существовала до втораго собора; описаніе двухъ соборовъ находится въ концѣ Виная-питаки, и въ этомъ обстоятельствѣ усматриваютъ указанія на то, что эти отчеты были послѣдними авторизованными частями канона. Теорія эта, впервые высказанная съ большимъ искусствомъ Ольденбергомъ, съ незначительными видоизмѣненіями была принята авторами двухъ разбираемыхъ томовъ. Значеніе, даваемое изслѣдователями преданію о соборахъ въ дѣлѣ хронологическихъ разысканій, естественно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о времени его происхожденія и объ отношеніи традиціоннаго разказа къ историческому факту. Извѣстій о соборахъ, современныхъ факту, пока не найдено и буддисты разныхъ толковъ признаютъ не одно и то же число соборовъ; но всѣ,

кажется, согласны въ томъ, что было первое собраніе святыхъ мужей тотчасъ по смерти Учителя, и другое черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ. Объ этихъ двухъ первыхъ сходкахъ сохранились извѣстія не одинаковой древности; наиболѣе старыя вошли въ составъ канона, другія, болѣе позднія, находимы у палійскихъ комментаторовъ, въ цейлонскихъ хроникахъ, у китайскихъ путешественниковъ и буддійскихъ историковъ (Таранатха).

Относительно достовѣрности извѣстій о двухъ первыхъ соборахъ, мнѣнія европейскихъ изслѣдователей расходятся. Нѣкоторые принимаютъ, что до насъ дошли извѣстія, какъ о первомъ, такъ и о второмъ соборѣ одинаково достовѣрныя; другіе, напротивъ, начинаютъ исторію канона со времени второго собора, и не признаютъ за извѣстіями о первомъ соборѣ никакой исторической достовѣрности, хотя разказы, какъ о первомъ, такъ и о второмъ соборѣ, повторяются въ однихъ и тѣхъ же источникахъ, и по своей сущности одинако вѣроятны: въ нихъ нѣтъ ни миѳическихъ подробностей и разукрашеній, словомъ, ничего такого, что̀ лишало бы ихъ правдоподобія; не слѣдуетъ только въ этихъ разказахъ о такъ-называемыхъ соборахъ смѣшивать двѣ стороны, не въ одинаковой степени достовѣрныя: самый фактъ сходокъ едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію; при самомъ крайнемъ скептицизмѣ едва ли найдется дѣйствительно вѣское и неопровержимое соображеніе отрицательнаго характера; сходки устроялись совершенно естественно, и были необходимымъ слѣдствіемъ даннаго положенія дѣлъ. Умираетъ великій Учитель, его осиротѣлые ученики собираются для погребальныхъ обрядовъ; но вслѣдъ затѣмъ въ общинѣ проявляется какой-то духъ неурядицы; между аскетами объявились люди съ грѣховными помыслами; они какъ будто обрадовались событію, тяжкому и горестному для большинства общины; въ смерти Учителя они усмотрѣли эмансипацію отъ тяжелыхъ узъ суроваго аскетизма и громко возликовали: „не плачьте, не горюйте, нѣтъ того, кто бдительно стоялъ на сторожѣ, и говаривалъ намъ: того-то и того-то не дѣлайте“. Настроеніе паствы грозило разрушеніемъ и молодой общинѣ, и ученію, создавшему ее; члены общины, уразумѣвшіе опасность, естественно должны были позаботиться о пресѣченіи зла, собрать единомышленниковъ и обсудить положеніе дѣлъ; такимъ образомъ вслѣдствіе именно этихъ причинъ состоялась первая сходка буддійскихъ аскетовъ или первый буддійскій соборъ.— Проходитъ сто лѣтъ, въ общинѣ появляются какія-то новшества, возникаютъ ложные толки, лжеученія, и она собирается вновь для

обсужденія своихъ дѣлъ. Устроятся, какъ и въ первомъ случаѣ, судъ и расправа, нѣчто подобное современнымъ кастовымъ панчаятамъ; характеръ судбищъ остался за соборами во всѣхъ разказахъ, хотя не безъ очевидной тенденціи традиція придала имъ обликъ конклавовъ, собранныхъ съ богословско-литературною цѣлью.

Но если сходки или спѣвки древнихъ буддистовъ были сборищами, подобными панчаятамъ, значеніе ихъ въ исторіи канона умаляется до крайней степени. Преданіе въ своемъ полномъ развитіи, а вмѣстѣ съ нимъ и большинство европейскихъ изслѣдователей, придаютъ сходкамъ совершенно иной характеръ: то были, говорятъ намъ,—соборы, конклавы, редактировавшіе священное буддійское писаніе; извѣстія различныхъ источниковъ одинаково свидѣтельствуютъ, что на первой по времени сходкѣ святые мужи занимались богословско-литературною дѣятельностью; но самую литературную работу каждый источникъ описываетъ по своему. Въ однихъ сказаніяхъ неопредѣленно и глухо говорится о литературной дѣятельности святыхъ мужей, собравшихся на конклавъ; въ другихъ, напротивъ, отмѣчаются многія мелочныя черты этой соборной богословско-литературной дѣятельности, въ выраженіяхъ точныхъ, недопускающихъ никакого сомнѣнія, утверждается, что весь палійскій канонъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлежитъ намъ въ настоящее время, уже существовалъ въ моментъ смерти Учителя. Словомъ, въ палійскихъ разказахъ говорится, очевидно, о палійскомъ канонѣ; въ Сыфынъ-пяо [1]) упоминается о другой винаѣ въ 80 стиховъ, Сюанъ-цзанъ, конечно, разумѣлъ иной канонъ; а Фа-сянъ довольно неопредѣленно отмѣчаетъ при разказѣ о первомъ соборѣ канонъ Махасангхиковъ—секты, явившійся, завѣдомо гораздо позднѣе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что преданіе разныхъ сектъ расходилось по этому пункту; всѣмъ имъ было обще желаніе начинать исторію своего канона съ момента смерти Учителя, у всѣхъ было желаніе доказать его подлинность именно въ этомъ смыслѣ. Амплификаціи различныхъ редакцій не были случайными или неумышленными разукрашеніями первоначальныхъ разказовъ; въ подробностяхъ, нароставшихъ на остовѣ простѣйшаго и древнѣйшаго извода преданія совершенно ясно сказываются вполнѣ сознательныя желанія придать разказу о сходкахъ опредѣленный характеръ; сочинитель преслѣдовалъ цѣль ясно намѣченную: ему нужно было доказать нетолько древность и святость своего канона, но въ то же время онъ

---

[1]) *Васильевъ.* Буддизмъ. I. Стр. 224.

желалъ устранить всякую возможность сомнѣнія въ томъ, что канонъ есть слово вѣщаго, ему нужно было возвести начало священнаго писанія ко временамъ Учителя. Такая задача могла явиться въ общинѣ лишь въ моментъ, когда подлинность канона заподозривалась и совершенно очевидно, что въ эпоху ближайшую къ живой дѣятельности Учителя, вскорѣ послѣ Его смерти истинность святого слова, принятаго въ общинѣ, не могла быть заподозрѣваема кѣмъ-либо; у всѣхъ было свѣжо въ памяти ученіе великаго аскета, самыхъ словъ и изрѣченій,—допуская самую широкую проповѣдническую дѣятельность мудреца изъ рода Сакьевъ,—едва ли было много въ то время. Скептицизмъ и отрицательное отношеніе къ священному писанію могли явиться или среди разныхъ еретическихъ сектъ въ моментъ ихъ нарожденія, или даже позднѣе, въ ту знаменательную эпоху, когда старое направленіе въ буддизмѣ смѣнилось новымъ трансцендентальнымъ махаяническимъ.

Секты, какъ увидимъ далѣе, утверждали многое, что̀ по мнѣнію другихъ толковъ, не согласно было съ доктриной Учителя; говорилось многое неподобное объ арханѣ или святомъ, утверждалось существованіе души какъ отдѣльной субстанціи, но выставляя ложныя философскія положенія, еретики весьма часто ссылались на слова учителя, то-есть, на изрѣченія изъ писанія, признаннаго святымъ въ общинѣ; ихъ противники въ отвѣтъ утверждали, что лжеучители даютъ превратное толкованіе святымъ словамъ; подлинность самыхъ словъ, послужившихъ точкою отправленія и основаніемъ для построенія ложныхъ теорій, при этомъ, не заподозривалась; полагали возможнымъ устранить совершенно и опровергнуть лжеученіе доктриной о двухъ смыслахъ въ проповѣдяхъ учителя, то-есть, принимали въ его словѣ безусловно истинное значеніе и другое условное; послѣднее дало начало лжеученіямъ, потому что было невѣрно истолковано еретиками; въ нѣкоторыхъ случаяхъ противники такъ-называемыхъ лжеученій шли далѣе и утверждали, что еретики искажали тексты, сочиняли подложныя изрѣченія; не изъ чего не видно, однакоже, чтобы въ первый періодъ буддійской исторіи скептицизмъ достигъ того развитія, которое ясно сказывается въ Махаянѣ. Махаяна отправлялась въ своихъ теоріяхъ отъ новой точки зрѣнія, отличной отъ сраваксхой или хинаяничесхой, и была враждебна ученію сраваковъ, покрайней мѣрѣ въ началѣ своей исторіи. Вмѣстѣ съ ея появленіемъ самая сущность Учителя стала пониматься иначе, нежели въ древнѣйшую эпоху. Учитель, говорили нѣкоторые, пребываетъ вѣчно на

небѣ Тушита, оттуда онъ ниспосылаетъ воплощеніе проповѣдника; не вѣщій проповѣдовалъ законъ, а Ананда. Сравакамъ приходилось защищать подлинность и святость своего канона, доказывать прямое и непосредственное происхожденіе своихъ книгъ отъ Учителя; явилась необходимость излагать исторію канона. Преданія о первыхъ сходкахъ уже существовали; подъ руками имѣлись матеріалы,—сознательно имъ придали въ пересказахъ иной, необходимый для извѣстной цѣли характеръ, и изъ сказаній о сходкахъ, собиравшихся для рѣшенія общинныхъ дѣлъ, сочинили протоколы конклавовъ, занимавшихся литературно-богословскими работами.

Въ старѣйшемъ разказѣ о первомъ соборѣ несомнѣнно уже есть нѣкоторое вліяніе махаяническихъ идей. И по этимъ чертамъ можно съ большимъ правдоподобіемъ опредѣлить время самой редакцій разказа. Въ разказъ вошли три различные эпизода: 1) сказаніе о поводѣ или ближайшихъ причинахъ къ созванію сходки, 2) о ея дѣятельности, 3) о судѣ надъ Анандой. Эпизодъ объ Анандѣ весьма любопытенъ.

Онъ начинается вслѣдъ за описаніемъ литературной дѣятельности конклава. Ананда подвергается суду; собраніе приглашаетъ его къ приношенію покаянія въ нѣсколькихъ грѣхахъ; одинъ изъ грѣховъ останавливаетъ на себѣ особливое вниманіе читателя. Анандѣ говорятъ: „И это, Ананда, твой грѣхъ; Господь творилъ великія знаменія, свершилъ великое просвѣтленіе, а ты не просилъ Господа: живи, Господи, цѣлую калпу (то-есть, милліоны лѣтъ), живи, Господи, цѣлую калпу на пользу и во благо многимъ людямъ, сострадая о мірѣ, на пользу и во благо богамъ и людямъ".

Судъ надъ Анандой, его покаянія разказываются не только въ палійскихъ источникахъ; Сюанъ-цзанъ и ранѣе его Фа-сянъ описываютъ, что видѣли ступы на томъ мѣстѣ, гдѣ Ананда приносилъ покаянія; эпизодъ съ Анандой имъ былъ, очевидно, также извѣстенъ; важность разказа не опредѣляется, однакожь, исключительно его распространенностью среди многихъ сектъ. Совершенно по другимъ соображеніямъ онъ знаменателенъ: очевидно, авторъ разказа, заставлявшій святыхъ мужей упрекать Ананду въ таковомъ грѣхѣ, самъ вѣрилъ, что вѣщій можетъ прожить цѣлую калпу, то-есть, милліонъ лѣтъ на пользу и во благо міру. Такое убѣжденіе дѣйствительно существовало въ нѣкоторыхъ сектахъ и въ махаянѣ; палійскій канонъ знаетъ и объявляетъ его еретическимъ [1]).

[1]) Въ Kathâ vatthu pakarana.

Такимъ образомъ въ самомъ сказаніи о первомъ соборѣ есть прямое указаніе на время, когда окончательно сложилась редакція о богословско-литературной дѣятельности соборовъ, то-есть, въ эпоху появленія махаяническаго направленія въ буддизмѣ. Если же сказанія о литературной дѣятельности перваго собора такого поздняго происхожденія, то ясно, для исторіи канона или въ вопросахъ о хронологіи его отдѣльныхъ частей эти разказы не имѣютъ никакого значенія.

Но сказанія о первомъ соборѣ почитаются нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями вымысламъ, и даже вымысломъ не очень древнимъ; полагаютъ, что фактъ второго собора былъ причиною происхожденія легенды о первомъ соборѣ; то, что̀ разказывалось о второмъ соборѣ, послужило матеріаломъ для сказаній о первомъ; руководящею идеею при этомъ было стремленіе доказать, что доктрина была вполнѣ установлена тотчасъ по смерти Учителя [1]). Но всѣ эти соображенія нисколько не объясняютъ происхожденія другихъ эпизодовъ въ сказаніи; весьма легко понять, какъ явились подробности о литературной дѣятельности перваго собора, изъ какихъ мотивовъ прибѣгли къ такого роду сочинительству; но эпизодъ съ Анандой и судъ надъ нимъ нисколько не объясняется тѣми же мотивами. Очевидно, преданіе сохранило намъ въ этомъ эпизодѣ извѣстіе объ историческомъ фактѣ; если въ сказаніяхъ о богословско-литературной дѣятельности ясно сказывается извѣстная тенденціозность, то въ разказахъ о взаимныхъ отношеніяхъ святыхъ мужей, о судѣ, о безпорядкахъ среди братьи сохранилось историческое преданіе о фактахъ, выдумывать которые не было никакой надобности для общины. Этимъ фактамъ придали, однакоже, опредѣленную окраску въ то время, когда буддійская община воспользовалась старымъ преданіемъ для доказательства древности и подлинности своего канона.

Ольденбергъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе изслѣдователи, держатся относительно сказанія о второмъ соборѣ противоположнаго мнѣнія, видятъ въ нихъ достовѣрные историческія свидѣтельства и на основаніи ихъ опредѣляютъ время Винаи и другихъ частей канона.

Вторая сходка, также какъ и первая, была собрана по поводу соблазна, случившагося въ общинѣ черезъ сто лѣтъ по смерти Учителя. Обстоятельства дѣла разказываются такимъ образомъ: Въ городѣ Вайшали нищая братія въ день общаго покаянія и исповѣди (то-есть, въ день упошатхи) поставила мѣдный тазъ съ водой среди

---

[1]) *Oldenberg.* Mahavagga, стр. XXVII—XXIX.

собравшейся общины, и когда стали приходить міряне, еретики обратились къ нимъ съ словами: „Подайте, почтенные, общинѣ кахâпану, половину или четверть монеты, или мâсаку. Бываетъ у общины нужда въ необходимыхъ вещахъ“. Случился тутъ при этомъ Яса, сынъ Каландаки; онъ протестовалъ и говорилъ мірянамъ: „Не давайте, почтенные, общинѣ денегъ; сакійскіе сыны не пріемлютъ злата и серебра“.

Міряне, не внемля его словамъ, надавали денегъ общинѣ, и въ ту же ночь братія подѣлила богатую милостыню на доли; одну долю предложили Ясѣ, но тотъ отвергъ грѣховное приношеніе.

Произошелъ скандалъ; святые мужи, строгіе аскеты, блюдя чистоту ученія, должны были позаботиться о прекращеніи соблазна. Вайшалійская братія, именовавшаяся Важжипуттака, къ тому же заявила себя не только стяжательною, но и допускала, кромѣ того, десять грѣшныхъ новшествъ: по понятіямъ еретиковъ, не грѣшно было монаху брать злато и сребро; пять новшествъ относились къ пищѣ, одно къ сѣдалищамъ, два къ свершенію обрядовъ; наконецъ послѣднее, безусловно неотвергнутое на сходкѣ, учило, что примѣръ учителя имѣетъ для ученика неограниченное значеніе.

Новшества были одного характера: во всѣхъ ихъ сказывалось болѣе или менѣе сильное отступленіе отъ строгаго аскетизма; сравненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ существующимъ нынѣ палийскимъ канономъ поучительно по многимъ причинамъ, главнымъ же образомъ потому, что выясняетъ, какъ мало сказаніе о второмъ соборѣ проливаетъ свѣта на вопросъ о времени окончательной редакціи канона.

Всѣ десять пунктовъ отступленій носятъ въ палийскихъ текстахъ спеціальныя названія. Первое новшество обозначается терминомъ: „соль въ рогѣ“. Еретики позволяли себѣ дѣлать запасы соли на тотъ случай, когда при трапезѣ не случится таковой. На сходкѣ этотъ пунктъ былъ осужденъ; отвергая грѣховное нововведеніе, община указывала на одно правило въ книгѣ, глаголемой освободительною или Прâтимокша; правило гласило, что всякое дѣланіе запасовъ — грѣхъ, искупаемый покаяніемъ. Авторъ повѣствованія о второмъ соборѣ этою ссылкою на правило Прâтимокши какъ бы хотѣлъ показать, что обсуждавшійся вопросъ былъ вопросомъ принципіальной важности; мелкіе запасы соли осуждались, новшество отвергалось, потому что въ немъ совершенно справедливо усмотрѣли ясное отступленіе отъ обѣтовъ нищенства; всякія заботы о завтрашнемъ днѣ, всякое скопидомство, въ какихъ бы ничтожныхъ размѣрахъ оно ни прояв-

лялось, необходимо должно было противорѣчить духу нестяжательности, отличавшему по преимуществу первоначальную буддійскую общину. О соли ничего не говорится въ томъ правилѣ, на основаніи котораго отвергнуто было новшество еретиковъ; имъ осуждается вообще всякое дѣланіе запасовъ; грѣхомъ почиталось ѣсть вчерашную пищу или вообще сохраненную про запасъ; если же грѣшно было сберегать пищу на завтрашній день, то совершенно ясно, нельзя было беречь соль на всякій случай, чтобы не пришлось гдѣ-либо потрапезовать безъ соли; отдѣльнаго упоминанія о запасахъ соли и не требовалось; ихъ нельзя было дѣлать точно также, какъ и всякіе другіе. Нищей братіи это должно было быть совершенно ясно. Прямо запрещается въ винаѣ одинъ только пунктъ изъ новшествъ, именно дозволявшій нищей братіи принимать золото и серебро; большинства другихъ отступленій отъ строгаго аскетизма текстъ винаи, нынѣ предлежащій намъ, нигдѣ спеціально не касается; отсюда выводилось, что въ то время, когда этотъ текстъ получилъ настоящую форму, ничего еще не было извѣстно о десяти отступленіяхъ вайшалійскихъ еретиковъ. Обсужденіе десяти новшествъ, говорятъ далѣе,—въ видѣ описанія вайшалійскаго собора, находится въ концѣ винаи, какъ бы въ приложеніи. Этотъ фактъ доказываетъ также, что Виная древнѣе вайшалійскаго собора: она уже существовала въ то время, когда въ Вайшали спорили и осуждали десять грѣшныхъ нововведеній; авторъ, описавшій событіе, не могъ интерполлировать текстъ, и ему оставалось одно, приложить свои описанія къ концу существовавшаго текста. Правда, въ томъ же текстѣ Винаи сохранилось пророчество о томъ, что Паталипутра сдѣлается столицею Магадскаго царства. Пророчество, очевидно, явилось послѣ факта, а самый фактъ перенесенія столицы имѣлъ мѣсто при томъ царѣ, при которомъ въ Вайшали засѣдалъ соборъ строгихъ аскетовъ. Отсюда дѣлается дальнѣйшій выводъ для хронологическаго опредѣленія: текстъ Винаи получилъ окончательную редакцію въ промежутокъ времени между двумя важными событіями—перенесеніемъ магадской столицы въ Паталипутру и вторымъ соборомъ [1]).

Все разсужденіе и всѣ три доказательства отличаются большою смѣлостью и малою убѣдительностью. Въ Винаѣ, дѣйствительно, нѣтъ спеціальныхъ запрещеній всѣхъ еретическихъ новшествъ, но за то есть множество дозволеній и предписаній, совершенно оправдываю-

---

[1]) *Oldenberg*, Mahâvagga, стр. XXXVI и сл.

щихъ грѣховныя поползновенія вайшалійской нищей братіи. Съ современнымъ текстомъ Винаи въ рукахъ ни одинъ строгій судъ не взялся бы отвергнуть новшества, какъ грѣховныя дѣянія. Можно ли, напримѣръ, на основаніи современной Винаи осудить нищенствующаго монаха за то, что онъ сбережетъ на завтра соль въ рогѣ? Въ текстѣ, на основаніи котораго приговоръ долженъ быть произнесенъ, общинѣ разрѣшается дѣлать запасы и пищи, и ризъ; по той же Винаѣ, въ общинѣ установлены разные чины, завѣдывающіе принятіемъ въ даръ, храненіемъ, дѣлежемъ, какъ пищи, такъ и ризъ. По современному тексту, община имѣетъ имущественныя права на движимую и недвижимую собственность; движимая собственность можетъ быть также у отдѣльнаго монаха; словомъ въ Винаѣ рисуется такое положеніе нищенствующей братіи, которое не имѣетъ ничего общаго съ строгимъ аскетизмомъ и безусловною нестяжательностью святыхъ мужей вайшалійскаго собора, осуждавшихъ еретическія новшества Важжипуттаковъ; ихъ строго-аскетическая точка зрѣнія совершенно чужда современному тексту.

Ни изъ чего не видно также, чтобы книга Винаи, по имени Culla-vagga, гдѣ содержатся разказы о соборахъ, была послѣднею въ этой питакѣ; она начинается, какъ извѣстно, съ изложенія adhikarana samathâ, что̀ по описанію Буддхагхоси, предшествуетъ отдѣлу khandhaka [1]). Наконецъ, если придавать пророчеству о Паталипутрѣ значеніе въ хронологическихъ разысканіяхъ, то конечно, слѣдуетъ его брать во всей полнотѣ, не опуская важныхъ подробностей. Въ пророчествѣ вѣщаго, записанномъ въ Винаѣ, однакоже не только говорится о томъ, что Паталипутра сдѣлается магадскою столицею, но упоминается также, что славному въ древности городу грозятъ въ будущемъ три великія невзгоды отъ огня, воды и внутреннихъ раздоровъ; въ пророчествѣ, такимъ образомъ, есть намекъ на событія, очевидно, слѣдовавшія за перенесеніемъ въ Паталипутру резиденціи Магадскихъ царей, и нѣтъ никакого основанія предполагать, что грозныя несчастія случились въ краткій промежутокъ времени, именно до созванія вайшалійскаго собора.

Такъ какъ, по преданію, редакція священнаго писанія была установлена уже на первомъ соборѣ, то при описаніи втораго посвящается немного словъ его литературно-богословской дѣятельности, и характеръ сходки, по описанію, всего ближе можно опредѣлить какъ

---

[1]) Culla vagga, стр. 290. См. также *Turnour*, Examination etc., стр. 20 (*J. of the as. soc. of Bengal*, July 1837).

собранія суда [1]). Судятъ еретиковъ и разбираютъ ихъ лжеученія. Собрались вмѣстѣ еретики и ихъ противники. Всего, по преданію, было семьсотъ человѣкъ: цифра значительная, особенно если принять въ разчетъ, что всѣ собравшіеся были мужи высочайшей святости. Начались обсужденія грѣшныхъ новшествъ, и поднялся великій шумъ; кричали обѣ стороны, и ни въ одномъ словѣ нельзя было добраться до смысла. Тогда обратились къ болѣе дѣйствительному средству рѣшить споръ, и пустили дѣло на голоса.

Еретики были монахи съ востока и назывались восточными; ихъ противники именуются Патхеjjака (отъ па̂тха путь, можетъ быть— то же, что̀ дакшинапа̂тха, то-есть, Деканъ). Съ той и другой стороны было выбрано по четыре человѣка, очевидно наиболѣе выдающихся своею святостью и ученостью. Обѣ стороны имѣли такимъ образомъ своихъ представителей. Каждый пунктъ нововведеній обсуждался отдѣльно и рѣшался подачей голосовъ, въ которой принимали участіе, по однимъ разказамъ, всѣ собравшіяся, по другимъ — только восемь судей.

Разсмотрѣніе сказанія о второмъ соборѣ приводитъ къ выводу, что и второй соборъ, также какъ и первый, былъ не болѣе какъ сходкой для рѣшенія общинныхъ дѣлъ; обстоятельства дѣлъ, излагаемыя въ разказѣ о немъ, не проливаютъ никакого свѣта на время Винаи, ни на ея первоначальное содержаніе, такъ какъ новшества, осужденныя на второмъ соборѣ, вполнѣ допустимы по Винаѣ въ настоящемъ ея видѣ.

Если же на основаніи данныхъ, находимыхъ въ сказаніи о второмъ соборѣ и прямо относящихся къ Винаѣ, время этой части трехъ питакъ не можетъ быть опредѣлено удовлетворительно, то еще менѣе тѣ же данныя пригодны для хронологическихъ розысканій о другихъ частяхъ палійскаго канона; изъ этого не слѣдуетъ однакоже, чтобы хронологическій вопросъ въ изслѣдованіяхъ о буддійскихъ памятникахъ былъ бы безусловно не разрѣшимымъ; слѣдуетъ только строго различить вопросъ о времени одного какого-либо памятника отъ болѣе общаго—о времени всего канона, въ его настоящемъ составѣ.

И. Минаевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) По толкованію европейскихъ изслѣдователей, отчетъ о литературно-богословской дѣятельности второго собора былъ вставленъ въ сказаніе о первой сходкѣ. Едва ли онъ когда существовалъ въ этомъ разказѣ.

Вятскія древности.

Каталогъ древностей Вятскаго края. Составленъ *А. А. Спицынымъ.* Изданіе Вятскаго губернскаго статистическаго комитета. Вятка. 1881.

„Пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно разсмотрѣны", говоритъ И. С. Забѣлинъ,— „до тѣхъ поръ всѣ наши общія историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій будутъ голословны, шатки, даже легкомысленны, чему легко указать множество примѣровъ... Необходимо же когда-либо подумать о томъ, что каждая мѣстность есть живая часть общаго цѣлаго, а не какое-нибудь департаментское отдѣленіе; что, какъ живая часть, каждая мѣстность имѣетъ самостоятельный, своеобразный смыслъ, который обнаруживается не только въ экономическихъ, но и въ историческихъ ея условіяхъ. Раскрыть и надлежащимъ образомъ освѣтить этотъ смыслъ можетъ только исторія этой мѣстности или области. Безъ исторіи, и этнографическіе, и даже статистическіе факты остаются нѣмыми памятниками. Мы увѣрены, что со временемъ не обойдутъ этой мысли и наши земскія собранія, которыя могутъ выразить свою готовность пособить этому дѣлу" [1]).

Прошло не много лѣтъ послѣ того, когда сказаны были вышеприведенныя слова, и русское общество, пробужденное главнымъ образомъ періодическими съѣздами археологовъ, пожелало снять съ себя заслуженный упрекъ въ пренебреженіи къ родной старинѣ. Дѣятельно приступили мѣстныя силы къ собиранію и изученію вещественныхъ, устныхъ и письменныхъ памятниковъ древности. Провинціальная печать оживилась; народились изданія земствъ и статистическихъ комитетовъ, на страницахъ которыхъ стали появляться труды, посвященные мѣстной археологіи, этнографіи и исторіи.

Въ ряду нашихъ провинцій Вятскій край въ дѣлѣ мѣстныхъ изслѣдованій занимаетъ довольно видное мѣсто. Мы не будимъ здѣсь входить въ подробности, а упомянемъ лишь о томъ, что Вятскимъ земствомъ и статистическимъ комитетомъ обнародованъ рядъ изданій, заслуживающихъ полнаго вниманія. Таковъ, напримѣръ, обширный сборникъ матеріаловъ для исторіи края: „Столѣтіе Вятской губерніи 1780—1880 г." (Три тома. Вятка. 1880—1881), заключающій

---

[1]) Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, II, 109 и 111.

въ себѣ массу историческихъ и этнографическихъ данныхъ. Въ последнее же время комитетомъ изданъ трудъ г. Спицына, названіе котораго приведено выше.

Такъ какъ собираніе данныхъ о древностяхъ Вятскаго края и изслѣдованіе открытыхъ памятниковъ началось не сегодня, и извѣстія о нихъ время отъ времени появлялись уже въ періодическихъ изданіяхъ, то они и имѣютъ свою литературу. Первый обзоръ памятниковъ древности Вятскаго края мы находимъ въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1844 годъ; предисловіе этой статьи, рельефно обрисовывающее господствовавшій въ тѣ годы взглядъ на значеніе памятниковъ до-русской эпохи, считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь: „Тутъ, въ отдаленной глуши сѣверныхъ лѣсовъ, жатва памятниковъ старины естественно не можетъ быть изобильна. Открытая въ концѣ XII вѣка Новгородцами, древняя область Хлыновская, заселенная дикими Вотяками, начала принимать участіе въ гражданственности не прежде конца XV вѣка, когда, побывавъ подъ игомъ Татаръ, окончательно покорилась державѣ князей Московскихъ. Въ лѣтописяхъ говорится, что еще до пришествія Новгородцевъ были здѣсь „города Чудскіе“, какъ-то Кокшеревъ, на мѣстѣ котораго находится нынѣшній Котельничь, и Болванскій, гдѣ нынѣ село Никулицыно, прежній городокъ Никулицынъ. Южная часть нынѣшней Вятской губерніи, принадлежавшая древнимъ Татарамъ и Булгарамъ, также имѣла изстари свои города, къ числу которыхъ относится нынѣшній Сарапулъ. Но чѣмъ могли увѣковѣчить себя въ нихъ Чудь и Татары? Старина, сколько-нибудь памятливая и достопамятная, начинается здѣсь съ водвореніемъ русскаго духа и русской жизни, подъ образовательною рукой Москвы“ [1]).

Не прошло и двухъ десятилѣтій, какъ на страницахъ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей въ 1859 и 1865 годахъ появился рядъ замѣтокъ г. Н. Алабина „О нѣкоторыхъ древностяхъ Вятскаго края“; авторъ ознакомился съ этими памятниками, производя раскопки. „Вятскій край“, пишетъ г. Алабинъ, — „обиленъ курганами и городищами, изъ которыхъ многіе такъ древни, что въ продолженіе своего существованія уже перемѣнили на своихъ хребтахъ нѣсколько поколѣній лѣсовъ. Къ сожалѣнію, эти слѣды жилищъ аборигеновъ здѣшней страны не подвергнуты доселѣ правильному и систематическому изслѣдованію, не составлено имъ карты, и не собраны существующія о

---

[1]) *Журналъ М. Вн. Д.* 1844 г., стр. 511.

нихъ въ народѣ преданія и повѣрья". Съ этого времени было обращено вниманіе на до-историческіе памятники Вятскаго края.

Въ 1871 году появилась въ свѣтъ прекрасное „Описаніе Ананьинскаго могильника" г. Невоструева, напечатанное въ „Трудахъ I-го археологическаго съѣзда", съ многочисленными рисунками. Въ 1877 году изданы г. Аспелиномъ изображенія вятскихъ древностей во 2-мъ выпускѣ его „Antiquités du Nord Finno-Ougrien". Въ почтенномъ трудѣ графа А. С. Уварова „Археологія Россіи" мы находимъ описаніе каменныхъ и костяныхъ орудій Вятской губерніи, хранимыхъ въ музеяхъ [1]). Нѣкоторые предметы изображены здѣсь на приложенныхъ таблицахъ.

Въ концѣ прошлаго года вышелъ въ свѣтъ „Каталогъ древностей Вятскаго края", составленный г. А. Спицынымъ. „Древности Вятскаго края", пишетъ г. Спицынъ,—„до сихъ поръ не приведены въ полную извѣстность и не сдѣлано имъ подробнаго перечисленія; притомъ тѣ періодическія изданія, въ которыхъ разсѣяны замѣтки о нихъ, большею частью составляютъ такую библіографическую рѣдкость, что становятся извѣстны назначительному меньшинству, отъ чего и получается столько затрудненій къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ памятниковъ старины мѣстнаго края. Въ виду этого, мы приняли на себя кропотливый трудъ просмотрѣть всѣ статьи, заключающія извѣстія о древностяхъ губерніи, и составить по нимъ такой сводъ, который, извлекая необходимыя свѣдѣнія для изслѣдователя, служилъ бы каталогомъ всѣхъ вещественныхъ памятниковъ края, съ древнѣйшихъ временъ до XIX столѣтія. Въ нашемъ каталогѣ читатель найдетъ упоминаніе о каждой древности, сжатое изложеніе того, что̀ о ней имѣется въ литературѣ, и указаніе на то, откуда свѣдѣніе о древности извлечено. Если описаній древности существуетъ нѣсколько, то для удобства пользоваться статьею, какъ справочнымъ указателемъ, они приводятся отдѣльно".

Приведя такимъ образомъ въ извѣстность весь матеріалъ, имѣвшійся въ печати, и дополнивъ его отчасти распросными свѣдѣніями, авторъ, ради удобства при пользованіи имъ, группируетъ его въ слѣдующіе тринадцать отдѣловъ: I) остатки каменнаго вѣка; остатки бронзоваго и желѣзнаго вѣка; II) курганы, III) городища; IV) находки, относящіяся къ историческому и до-историческому времени;

---

[1]) Археологія Россіи. Каменный вѣкъ. М. 1881. Томъ II, №№ 168—183, 3446—3490.

V) инородческія пепелища; VI) побоища; VII) пещеры, подземные ходы и обвалы; VIII) слѣды старыхъ русскихъ укрѣпленій; IX) урочища, боры, озера, ключи, старыя дороги и проч., X) древнія церкви и часовни; XI) иконы и другія церковныя древности; XII) акты и рукописи; XIII) собранія древностей.

При такой группировкѣ, авторъ невольно впадаетъ въ нѣкоторыя ошибки, особенно въ первыхъ отдѣлахъ, вслѣдствіе того, что лишь незначительная часть памятниковъ древности Вятскаго края изслѣдована, и при отнесеніи къ тому или другому отдѣлу приходилось руководится исключительно тѣмъ названіемъ, подъ которымъ данный памятникъ занесенъ въ печать. Притомъ же авторъ, сколько намъ извѣстно, лично не занимается изслѣдованіемъ памятниковъ, то-есть, раскопками, и имѣлъ случай ознакомиться лишь съ внѣшнимъ видомъ нѣкоторыхъ изъ памятниковъ. Этими обстоятельствами объясняется то, что II-й и III-й отдѣлы каталога не выдерживаютъ даже слабой критики: путаница произошла главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что онъ пользовался распросными свѣдѣніями. Слова „курганъ", по замѣчанію г. Спицина, вятскіе крестьяне не знаютъ и замѣняютъ его словами: городище, веретье, валъ, куча. Это разнообразіе въ названіи кургана объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что кургановъ здѣсь находится менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Г. же Алабинъ упоминаетъ, что мѣстные жители подобныя урочища называютъ кругаными, вслѣдствіе ихъ круглой формы.

Пользуясь каталогомъ г. Спицына и тѣми источниками, на основаніи которыхъ онъ составленъ, а также собственными наблюденіями, и имѣя въ виду вятскія коллекціи древностей, мы сдѣлаемъ краткій обзоръ памятниковъ древности Вятскаго края, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Предварительно же ознакомимся съ характеромъ рельефа губерніи и его строеніемъ [1]).

Обширная по пространству Вятская губернія въ общемъ видѣ представляетъ плоскую возвышенность, прорѣзываемую долинами рѣкъ и цѣпями холмовъ, отъ чего поверхность ея неровная, холмистая. Вся эта равнина нѣсколько приподнята въ сѣверномъ углу и постепенно склоняется на юго-западъ. Наиболѣе возвышенною частью губерніи представляется сѣверная половина Слободскаго уѣзда,

---

[1]) См. *Спасскаго* «Физико-географ. условія Вятскаго края» въ «Календарѣ Вятск. губ.» 1882 г. и *Кротова* «Геологич. изслѣд. Вятской губ.», три выпуска. Казань, 1876—1881 года.

гдѣ проходитъ водораздѣлъ рѣкъ Волжской и сѣверо-Двинской системъ, а бо̀льшіе по высотѣ холмы встрѣчаются въ Кайскомъ краѣ по берегамъ р. Камы. Низменныя мѣстности покрыты болотами, торфяниками и лѣсами. Колебаніе рельефа поверхности находится въ тѣсной связи съ геологическимъ строеніемъ почвы: такъ возвышенныя мѣстности сложены изъ пластовъ древнѣйшаго происхожденія, а болѣе низменныя — позднѣйшаго образованія. Преобладающими коренными породами Вятской губерніи, составляющими, такъ-сказать, остовъ ея, являются пласты пермской формаціи, которые состоятъ изъ ярусовъ—известковаго и мергилисто-песчанаго. Послѣдній верхній пластъ, такъ-называемый ярусъ пестрыхъ мергелей, покрываетъ всю площадь губерніи, и только мѣстами, на сѣверѣ, на нихъ налегаютъ юрскіе пласты. Изъ постпліоценовыхъ образованій значительно развиты пласты глинъ и песковъ. Пласты эрратическаго наноса, покрывающіе большую часть сѣверной полосы Вятской губерніи, состоятъ изъ песковъ и глинъ съ гальками и валунами, которые иногда залегаютъ на поверхности. Южная граница ихъ прослѣжена г. Кротовымъ до предѣловъ Костромской губерніи. Между валунами найдены такіе, на поверхности которыхъ сохранились слѣды политуры и шрамовъ. Изъ новѣйшихъ образованій, имѣющихъ несомнѣнную связь съ теперешними рѣчными бассейнами Вятской губерніи, укажемъ на песчано-глинистыя и торфяниковыя образованія, залегающія въ долинахъ р. Чепцы, Вятки и др.

„Всѣ новѣйшія открытія“, говоритъ графъ Уваровъ,—„приводятъ къ несомнѣнному доказательству, что Европейская Россія была населена въ палеолитическую эпоху, и совмѣстное нахожденіе мамонтовыхъ остатковъ съ отбивными орудіями въ древнихъ наносахъ, лежащихъ непосредственно подъ диллювіальными слоями, опредѣляетъ даже самую эпоху появленія человѣка на этихъ мѣстностяхъ въ послѣледниковый періодъ.... Эти находки доказываютъ, что древнѣйшія времена палеолитической эпохи составляютъ настоящее начало нашей первобытной археологіи и вполнѣ достойны названія періода мамонта и мамонтовой фауны“ (¹).

Находки ископаемыхъ костей животныхъ (мамонта, носорога и др.) въ Вятскомъ краѣ нерѣдки, но на нихъ не обращено еще достаточно вниманія; вслѣдствіе того, быть можетъ, мы не имѣемъ отсюда никакихъ данныхъ по палеолитической эпохѣ. Остатки же каменнаго

---

¹) Графъ *А. С. Уваровъ*, Археологія Россіи. М. 1881 г. Т. I, стр. 118 и 119.

вѣка позднѣйшей эпохи въ Вятской губерніи были находимы случайно на всей ея обширной площади, а особенно значительное число предметовъ, не смотря на отсутствіе здѣсь спеціальныхъ изслѣдованій, доставилъ Уржумскій уѣздъ.

Каменныя орудія у мѣстныхъ русскихъ крестьянъ извѣстны подъ именемъ „громовыхъ стрѣлъ", но также называютъ они „чортовы пальцы" (белемниты) и кристаллы горнаго хрусталя (струганцы), заносимые сюда изъ Пріуралья. Поэтому надобно быть весьма осторожнымъ съ распросными свѣдѣніями о мѣстонахожденіи громовыхъ стрѣлъ. Послѣднія употребляются старухами-знахарками и стариками какъ лѣчебное средство; поэтому онѣ дорожатъ ими и неохотно съ ними разстаются. Онѣ кладутъ ихъ въ воду и послѣднею спрыскиваютъ больнаго, чтобъ излѣчить его отъ порчи злымъ глазомъ, лихорадки и горячки, или же поятъ, въ особенности малыхъ ребятъ, водою, въ которую наскабливаютъ порошокъ съ громовой стрѣлы. „Въ случаѣ внутреннихъ страданій онѣ", по словамъ г. Алабина, — колятъ на порогѣ дома этими стрѣлами свой бокъ; при воспаленіи же подреберной плевы, что они называютъ усовъ, этотъ камень накаливъ прикладываютъ къ больному боку". Тамъ, гдѣ нѣтъ громовыхъ стрѣлъ, знахари или „шептуны" довольствуются при лѣченіи не обдѣланнымъ кремнемъ, но при этомъ считаютъ необходимымъ высѣкать изъ него огонь. Такъ, по сообщенію священника М. Спасскаго, изъ села Торопецкаго (въ архивѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества), знахарь, прійдя къ больному, требуетъ кремень, огниво и вино и на все это наговариваетъ, ударяетъ надъ тѣмъ по нѣскольку разъ другъ о друга огнивомъ о кремень. Въ данномъ случаѣ высѣченіе огня надъ виномъ, которымъ будутъ поить больнаго, какъ намъ кажется, должно служить для очищенія его, то-есть, для удаленія изъ него злаго начала, въ присутствіи котораго наговоръ дѣлается недѣйствительнымъ. Имѣя же громовую стрѣлу, достаточно ее опустить въ питье, такъ какъ она есть произведеніе небеснаго огня. Крестьяне считаютъ также каменныя орудія счастливымъ талисманомъ; идя на охоту, крестьянинъ беретъ его съ собою въ увѣренности непремѣнно найдти звѣря или птицу и стрѣлять безъ промаха. Суевѣрные охотники слѣпо вѣрятъ тому, что ружье можно испортить заговоромъ; чтобъ отвратить порчу, они считаютъ необходимымъ при ковкѣ ружей употреблять порошокъ, соскобленный съ громовой стрѣлы. Храненіе каменныхъ орудій въ домѣ, по ихъ мнѣнію, предохраняетъ послѣдній отъ громоваго удара. У инородцевъ Вятскаго

края громовыя стрѣлы извѣстны подъ разными названіями, и инородцы также приписываютъ имъ божественное происхожденіе. Такъ, по вотяцки (по г. Потанину), громовая стрѣла называется инь-кыле, словомъ, гдѣ первый членъ тотъ же, какъ и начало имени главнаго божества Вотяковъ—Иньмаръ, а второй означаетъ гальку. По повѣрью Вотяковъ, Иньмаръ бросаетъ громовую стрѣлу въ шайтана, когда тотъ, залѣзши на дерево и ставъ вверхъ ногами, дразнитъ бога. Черемисы называютъ ее инелеръ, а Ермяки (Чердынскаго уѣзда) чарнелъ.

Древнѣйшими мѣстами стоянокъ или убѣжищами первобытнаго человѣка были естественныя пустоты въ горныхъ породахъ или пещеры, изслѣдованія которыхъ въ послѣдніе годы доставили весьма цѣнныя научныя данныя. Вятскій край не богатъ пещерами: ихъ извѣстно только три, но и тѣ не изслѣдованы; съ пещерами этими соединены преданія о разбойникахъ. Первая изъ пещеръ находится въ трехъ верстахъ отъ с. Чеганды, Сарапулскаго уѣзда, по теченію Камы, гдѣ тянется цѣпь горъ съ пустотами, соединенными между собою. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ видны слѣды костровъ (Вят. Губ. Вѣд. 1862 г. № 40). Вторая пещера — въ $1^1/_2$ в. отъ Вятскихъ полянъ. Узкій входъ ведетъ въ небольшую камеру, за которою опять такой же входъ въ другую. Г. Алабинъ упоминаетъ также о пещерѣ, находящейся въ мысу, на которой расположено Нижне-Вотское городище, въ каменномъ отвѣсномъ берегу рѣки Немды, впадающей въ рѣку Пижму: „Мы лазили въ эту пещеру, но разумѣется, огненнаго змѣя и слѣдовъ его жилища не видали, какъ о томъ разказывалъ народъ, а видѣли, что это ничто иное, какъ небольшая, весьма узкая и извилистая пещера, образовавшаяся въ каменистомъ берегу, и вѣроятно, промытая ключемъ, прежде тутъ бѣжавшимъ“ [1]).

Такимъ образомъ въ Вятскомъ краѣ мы имѣемъ дѣло исключительно съ открытыми стоянками первобытныхъ обитателей, къ которымъ теперь и перейдемъ.

Не смотря на то, что вся поверхность губерніи отличается однообразіемъ рельефа, отсутствіемъ вслѣдствіе того рѣзкихъ водораздѣловъ, здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, наблюдается разность въ высотѣ береговъ рѣки. Нагорный берегъ, съ его выдающимися мысами въ изгибахъ рѣки и съ холмами, выдѣляемыми ростомъ вершинъ овраговъ, представляетъ удобныя мѣста для поселенія, такъ какъ раз-

---

[1]) Замѣтки о Вятскихъ древностяхъ. Вятка. 1865 г. (изъ *Вятск. Губ. Вѣд.*), стр. 13.

ливы водъ не закрываютъ ихъ, и обитатель находится здѣсь въ относительно безопасномъ положеніи, защищенный природою со сторонъ, омываемыхъ водой и прорѣзываемыхъ оврагами. Притомъ эти пункты по своему положенію господствуютъ надъ окружающею мѣстностью, вода и лѣсъ являются для обитателя мѣстами добычи пищи. Тамъ же, гдѣ заливная долина имѣетъ значительное развитіе и отодвигаетъ вторые берега на большое разстояніе отъ рѣки, человѣкъ находитъ себѣ убѣжище или на дюнахъ, образовавшихся въ заливной долинѣ, близъ окраины вторыхъ береговъ, или на послѣднихъ, но лишь въ томъ случаѣ, когда они даютъ отъ себя выступъ (вытекъ, по мѣстному) къ рѣкѣ, или когда рѣчной притокъ, прорѣзывая берегъ верхней террасы, омываетъ окраины удаленнаго холма. На этихъ-то пунктахъ человѣкъ со временъ глубокой древности останавливалъ свое вниманіе; здѣсь онъ преимущественно селился, устраивалъ свои логовища или шалаши и землянки и пережилъ въ иныхъ мѣстахъ нѣсколько стадій своего развитія. Временными стоянками до-историческаго человѣка, нерѣдко продолжительными, судя по количеству остатковъ культуры, были также прибрежныя песчаныя косы озеръ и рѣкъ, которыя въ настоящее время прикрыты мощными торфянками или же наносомъ.

Г. Ивановъ, производившій геологическія изслѣдованія въ вершинахъ р. Камы, говоритъ, что эта страна вятскихъ мергелей, съ прилегающими къ нимъ послѣтретичными террасами, заключающими въ себѣ остатки мамонта, была, по видимому, густо заселена человѣкомъ каменнаго періода. Кама глубоко врѣзывается въ твердую массу мергелей, но не можетъ пробить, размыть ее, откидывается въ сторону, огибаетъ подчасъ отвѣсныя стѣны и снова подходитъ къ тому же мѣсту, которое стремилась промыть, но съ противоположной стороны. Эти своеобразныя, характерныя для верховой Камы, излучины, выгибы рѣки, или какъ ихъ здѣсь называютъ, „хобота", образуютъ почти острова, какъ бы только прикрѣпленные къ материку. На такихъ-то высотахъ встрѣчаются преимущественно каменныя орудія. Здѣсь дикарь находилъ вполнѣ благопріятствующія условія жизни [1]).

Ананьинская песчаная дюна, извѣстная своимъ могильникомъ, была обитаема человѣкомъ каменной эпохи. Въ ея сыпучемъ грунтѣ найдено значительное число оббивныхъ орудій изъ бѣловатаго кремня,

---

[1]) *Труды Общества естествоиспытателей при Имп. Каз. Унив.* Т. X, в. I, стр. 7.

совмѣстно съ черепками глиняной посуды, украшенными примитивнымъ орнаментомъ, и мелкими остатками костей. Въ нашей коллекціи имѣется отсюда, кромѣ мелкихъ кремневыхъ обломковъ, прекрасный трехгранный наконечникъ копья значительной величины, нѣсколько ножей и скребковъ и наконечникъ стрѣлы изъ полупрозрачнаго кремня, обоюдоострый и широкій, утолщенный по срединѣ, весьма тщательной оббивки. Эти орудія по типу весьма сходны съ изображенными въ I-мъ выпускѣ „Antiquités du Nord Finno-ougrien" Аспелина и обозначенными съ Тихой Горы. Названныя дюнныя орудія рѣзко отличаются отъ каменныхъ же орудій, находимыхъ въ могильникѣ совмѣстно съ металлическими предметами, какъ по матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, такъ и по характеру оббивки. Это необходимо имѣть въ виду.

Въ бассейнѣ рѣки Пижмы каменныя орудія, по свидѣтельству г. Кротова, были находимы около деревень Высокой Заболотской, Пихтовской и Лелековской. Въ общемъ мѣстность, гдѣ расположены эти деревни, представляетъ низменность, покрытую болотами и песками; иногда же на поверхности попадаются валуны. Мѣстами встрѣчаются возвышенные холмы, рѣзко выдающіеся среди этой низменности. Одинъ изъ такихъ холмовъ, около д. Высокой Заболотской, называемый мѣстными жителями „Палаткою", и съ которымъ связаны преданія о кладахъ, имѣетъ слѣдующее строеніе: подъ растительнымъ черноземнымъ слоемъ залегаетъ известковый и песчаный щебень (до 1 арш.); ниже сѣрый и красный известковый песчаникъ съ натеками известковаго шпата (до 3 арш.), и наконецъ, конгламератовидный мергель, также съ натеками (до 1 арш.). Этотъ холмъ имѣетъ форму плоскаго конуса и окруженъ со всѣхъ сторонъ болотами. На склонахъ его, въ пахатномъ слоѣ, вмѣстѣ съ небольшими валунами кремня, попадаются кремневыя ядрища, наконечники стрѣлъ и пр., а въ прежнее время мѣстные жители находили здѣсь и желѣзныя (?) орудія [1]).

Въ музеѣ Общества археологіи, исторіи и этнографіи въ Казани находится значительное число орудій, доставленныхъ изъ Уржумскаго уѣзда, изъ окрестностей деревень Новой Оришути и Вѣрки, гдѣ они въ значительномъ числѣ залегаютъ въ пахатномъ слоѣ. Всѣ они сдѣланы изъ желтоватаго, непрозрачнаго кремня, отличаются незначительностью обработки и представляютъ сходство съ

---

[1]) *Труды Казанскаго Общества естествоиспытателей.* Т. VIII, 2. 1879 г. стр. 83 и 84.

типомъ орудій Мустье и Солютре́. Стрѣловидные осколки, употреблявшіеся какъ наконечники стрѣлъ, весьма многочисленны. Затѣмъ здѣсь находятся ядрища, топоры, скребки, ножи, копья, масса обломочнаго матеріала и безформенныхъ камней, быть можетъ, служившихъ обойниками; все это, по видимому, указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ мѣстомъ изготовленія орудій, то-есть, съ мастерскою каменной эпохи.

Судя по значительной коллекціи вятскихъ каменныхъ орудій г. Заусайлова въ г. Казани, которую мы имѣли случай осмотрѣть, первобытный человѣкъ пользовался при изготовленіи орудій весьма разнообразнымъ матеріаломъ, не смотря на отсутствіе обнаженій кристаллическихъ породъ въ Вятской губерніи. Такъ мы видѣли здѣсь орудія изъ гранита, разныхъ сложныхъ кристаллическихъ породъ и песчаниковъ; по всей вѣроятности, этотъ матеріалъ дикарь находилъ среди эрратическихъ валуновъ, или же орудія были занесены сюда съ Урала.

Въ настоящее время мы не имѣемъ еще никакихъ данныхъ, которыя выяснили бы намъ вопросъ: при какихъ условіяхъ совершился переходъ вятскаго дикаря отъ камня къ металламъ? Въ Вятской губерніи нѣтъ самородныхъ металловъ, какъ нѣтъ и мощныхъ рудъ, каковы, напримѣръ, мѣдные колчеданы, которые могли бы обратить на себя вниманіе первобытнаго человѣка. А при отсутствіи этихъ условій здѣсь не могла возникнуть ни добыча, ни обработка рудъ въ эту отдаленную эпоху, подобно тому, какъ мы видимъ это на Алтаѣ и Уралѣ. Обращаясь къ первому періоду металлической эпохи, къ ея мѣдному или бронзовому вѣку, мы должны ограничиться лишь упоминаніемъ, что въ Вятской губерніи были единичныя, случайныя находки предметовъ этой культуры, каковы кельты, стрѣлы, ножи, пики и пр. по рѣкамъ Камѣ, Вяткѣ, Пижмѣ и Чепцѣ, но изслѣдованій произведено не было.

Наиболѣе извѣстный до-историческій памятникъ древнѣйшей металлической эпохи Вятскаго края—Ананьинскій могильникъ, близъ города Елабуги; на него ранѣе другихъ было обращено вниманіе, благодаря случайнымъ здѣсь находкамъ. Обиліе послѣднихъ привлекло сюда многихъ изслѣдователей, и въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, отсюда ежегодно доставлялись сотни экземпляровъ до-историческихъ предметовъ въ различныя собранія. Могильникъ много разъ былъ раскапываемъ, много разъ описывался, и все же въ концѣ концовъ мы не имѣемъ полнаго научнаго описанія его, почему и остается

не выясненнымъ время его созданія, то-есть, не опредѣлена точно эпоха, къ которой можно его пріурочить, и не извѣстно, къ какому племени принадлежатъ его костяки. Нельзя не согласиться со справедливымъ упрекомъ г. Аспелина въ небрежномъ отношеніи къ подобному памятнику древности. Г. Аспелинъ, сравнивая его по важному научному значенію съ подобнымъ же могильникомъ въ Галльштадтѣ, въ Австріи, обращаетъ вниманіе на рѣзкую противоположность въ методахъ изслѣдованія обоихъ этихъ памятниковъ. Раскопка Галльштадтскаго могильника продолжалась въ теченіе восьми лѣтъ (съ 1847 по 1864 годъ), исключительно при благопріятныхъ для того метеорологическихъ условіяхъ; главная же раскопка Ананьевскаго могильника была произведена въ 1858 году въ одинъ день, съ помощью сорока работниковъ [1]).

Результаты работъ первыхъ изслѣдователей Ананьинскаго могильника—гг. Алабина, Лерха и мѣстнаго знатока древностей г. Шишкина—не пропали безслѣдно, благодаря прекрасной работѣ г. Невоструева, представленной I-му археологическому съѣзду, въ которой онъ тщательно обработалъ матеріалъ, собранный раньше, присоединивъ и тѣ данныя, который онъ самъ добылъ на мѣстѣ. Найденные здѣсь черепа не были обстоятельно изслѣдованы, но, по словамъ Эйхвальда, они длинные и узкіе (долихокефалы), сходны съ финскими и напоминаютъ чудскіе, а также найденные Нильсономъ въ скандинавскихъ могилахъ. Однако, послѣднее противорѣчитъ замѣчанію академика Бэра, который говоритъ, что чудскіе черепа (ихъ находится три въ музеѣ Академіи Наукъ) отличаются, на оборотъ, короткостью, вышиною и принадлежатъ, слѣдовательно, къ брахикефаламъ [2]). Такимъ образомъ мы не имѣемъ еще краніологическихъ изслѣдованій народа, обитавшаго здѣсь, и имѣющіеся матеріалы ожидаютъ изученія.

Лѣтомъ прошлаго года произведена была значительная раскопка Ананьинскаго могильника, по порученію Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, гг. Пономаревымъ и Лихачевымъ. Мнѣ удалось побывать на могильникѣ незадолго до начала этихъ работъ и видѣть его еще не вполнѣ уничтоженнымъ.

Оставивъ г. Елабугу и миновавъ деревню Ананьину, мы выѣхали на окраину праваго берега заливной долины р. Камы. Эта окраина

---

[1]) Travaux du 3-me congrès international des orientalistes. T. II, pag. 396.

[2]) *Леббокъ*. Доисторическія времена. Переводъ подъ редакц. *Д. Н. Анучина*. М. 1876 г., стр. 135.

представляетъ собою рядъ дюнъ или песчано-глинистыхъ холмовъ. Зная, что вскорѣ обнаружится могильникъ, я внимательно всматривался въ окружающую мѣстность, но глазъ мой не могъ найдти пункта, который можно было бы принять за него. Наконецъ мы остановились, какъ оказалось, на самомъ могильникѣ, и тогда только, при детальномъ обзорѣ, можно было выдѣлить два неправильно вытянутые вдоль окраины холма, соединявшіеся подошвами, наружная поверхность которыхъ нѣсколько измѣнена бывшими раскопками. Тѣмъ не менѣе размѣры тѣхъ работъ нельзя было опредѣлить, такъ какъ мелкій песокъ, образующій холмы, замелъ ихъ съ помощью вѣтра, образовавъ небольшія воронкообразныя впадины. Эти холмы, едва покрытые слабою растительностью, возвышаются не свыше двухъ саженъ и достигаютъ длины двухсотъ шаговъ, при ширинѣ 22 шаговъ. Весенняя вода ежегодно подходитъ къ подошвамъ холмовъ, и при многоводьѣ, значительно подымаясь, грозитъ залить и огороды прилежащей деревни. Крестьяне, чтобы препятствовать этому разливу, устроили земляную плотину вдоль берега. Отъ половодья, слѣды котораго остались на склонѣ могильника въ видѣ современныхъ прѣсноводныхъ раковинъ и камыша, страдалъ и могильникъ: его размывало, обнаруживало вещи, что̀ и послужило поводомъ къ его открытію. При осмотрѣ поверхности холмовъ можно наблюдать разнообразный составъ почвъ: то встрѣчаешь чистый рѣчной песокъ, то золу бывшихъ кострищъ, среди которой видна масса обугленныхъ костей, какъ человѣка, такъ и животныхъ (свинья, лошадь и другія); трубчатыя кости расколоты; здѣсь же попадаются остатки сосудовъ изъ глины съ орнаментомъ и также обдѣланные кремни, желѣзныя и бронзовыя вещицы. Трудно опредѣлить, что̀ лежитъ in situ и что̀ составляетъ отвалъ бывшихъ раскопокъ. При поверхностномъ углубленіи почвы (не свыше $^3/_4$ аршина) я находилъ глину, перемѣшанную съ углями, расколотыми костями и черепками сосудовъ.

Обитатели сосѣдней деревни имѣли не малый заработокъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, сбывая посѣтителямъ находимые на могильникѣ предметы. Число добытыхъ здѣсь вещей дѣйствительно громадно; могильникъ казался не истощимымъ. Каждый значительный ливень или сильный вѣтеръ, когда разметывалась рыхлая поверхность памятника, особенно же тотчасъ послѣ спада весеннихъ водъ, обнаруживалъ скрытыя вещи. Такимъ путемъ составились и позднѣйшія коллекціи: д-ра Радакова, пожертвованная Румянцовскому музею въ Москвѣ, и г. Пасынкова — въ Обществѣ археологіи, исторіи и

этнографіи въ Казани; не мало также вещей, пріобрѣтенныхъ здѣсь однимъ казанскимъ агентомъ, было доставлено въ заграничные музеи.

Спустя нѣсколько времени послѣ нашего пребыванія на могильникѣ, приступили къ его обширной раскопкѣ гг. Пономаревъ и Лихачевъ. Работа ихъ продолжалась въ теченіе двухъ недѣль. Они постепенно сняли верхній слой Ананьинскаго бугра, тщательно просѣвая его, причемъ найдено была значительное число мелкихъ предметовъ. На глубинѣ около 4—5 аршинъ обнаружился рядъ каменныхъ плитъ, расположенныхъ безъ порядка; а нѣкоторыя оказались сводомъ еще не тронутаго склепа. Десять могилъ, заключенныхъ въ этомъ склепѣ, было вскрыто, и извлечены изъ нихъ уцѣлѣвшія части костяковъ, съ сопровождающими ихъ желѣзными и бронзовыми вещами. Нѣкоторыя бронзовыя орудія при погребеніи, очевидно, были вложены въ берестяные футляры; части ихъ сохранились и имѣютъ оттиски ткани на внутренней поверхности; въ могилѣ же найдены остатки какого-то деревяннаго издѣлія. Двѣ главныя могилы, по видимому начальническія, въ настоящее время, возстановлены въ музеѣ Казанскаго Общества археологіи во всей обстановкѣ и подробностяхъ найденнаго въ нихъ погребенія. Въ общемъ раскопка г. Пономарева доставила, не считая мелкихъ пронизокъ и т. п., до 350 отдѣльныхъ предметовъ, изъ которыхъ особенно интересны серебряные шейный обручъ и спирали. Послѣдующая развѣдка г. Пономарева на Чортовомъ городищѣ, близъ Елабуги, была не богата результатами, хотя и доставила слѣды до-булгарской культуры.

Въ теченіе же минувшаго лѣта были раскопаны: могильникъ близъ с. Пьянаго-Бора на Камѣ и такъ-называемыя «Атамановы кости», на р. Вяткѣ. Однородность вещей, добытыхъ на этихъ памятникахъ, указываетъ на очевидную связь между ними и на принадлежность Пьяно-Борскаго кургана, подобно Ананьинскому могильнику, къ переходной эпохѣ отъ бронзы къ желѣзу.

Невоструевъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ составъ бронзы, состоящій изъ сплава 9 частей мѣди и 1 части олова, безъ примѣси другихъ металловъ (цинка, олова и пр.), относитъ могильникъ къ первому вѣку до Р. Х. Еще болѣе древнимъ считаетъ его, основываясь на типахъ находимыхъ здѣсь предметовъ, г. Аспелинъ; онъ относитъ его къ III в. до Р. Х. „Что касается до рѣжущихъ орудій“, говоритъ онъ въ своемъ трудѣ, упомянутомъ нами выше, — „то бронзовые кельты здѣсь довольно общаго вида; кинжалы, также какъ и ножи, сдѣланные изъ желѣза, воспроизводятъ характеристич-

ные типы бронзоваго вѣка; наконечники копій изъ бронзы и желѣза, несомнѣнно завозные; бо́льшая часть наконечниковъ стрѣлъ—бронзовые, трехгранные, тогда какъ желѣзные—мелки и въ маломъ числѣ всѣ двугранные; бронзовые и желѣзные заступы то заостренные, то въ видѣ сѣкиры. Многочисленныя украшенія изъ бронзы (серебра и золота нѣтъ?), которыя найдены въ этихъ могилахъ, доставятъ наукѣ важные матеріалы для изученія конца бронзоваго вѣка Алтаеуральскаго и первыхъ временъ желѣзнаго вѣка на берегахъ Камы. Въ числѣ главныхъ мотивовъ украшеній слѣдуетъ поименовать голову дракона, концентрическіе круги, спиральные рисунки и волчіе зубы".

Всматриваясь въ жизнь до-историческаго человѣка въ первые моменты ознакомленія его съ металломъ, путемъ ли самостоятельнаго открытія, или же путемъ обмѣна съ сосѣдями, мы видимъ, что металлъ не внесъ рѣзкаго измѣненія въ бытъ дикаря. Долгое время, не имѣя надежныхъ средствъ обороны, дикарь еще нуждался въ естественной охранѣ мѣста своего обитанія; онъ продолжалъ селиться на мысахъ, достаточно защищенныхъ природой, и со сторонъ открытыхъ, то-еесть, опасныхъ, началъ возводить охранныя насыпи или валы. Мало по малу постоянныя перекочевки уступали мѣсто болѣе продолжительнымъ стоянкамъ, и дикарь превращался въ полу-кочевника, обитателя укрѣпленныхъ мысовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „городищъ". Эти мѣста, сохранившія до настоящаго времени кухонные остатки и предметы былой культуры, народнымъ преданіемъ приписываются Чуди, великанамъ и богатырямъ. Подобные памятники древности весьма многочисленны въ Вятской губерніи и разсѣяны по всей ея обширной площади. Чтобы ближе ознакомиться съ ними, я опишу одно городище, лежащее на границѣ Малмыжскаго и Уржумскаго уѣздовъ, называемое „Ройскій шиханъ", гдѣ я, вмѣстѣ съ г. Кузнецовымъ, произвелъ раскопку въ минувшее лѣто.

Это городище расположено надъ Ройскимъ истокомъ, вливающимся въ рѣку Вятку, между деревнями Воробьевой и Шишкиной, на одномъ изъ выступовъ, образованныхъ пермскими мергелями. Площадь городища элипсоидально-овальной формы и имѣетъ длины 87 и ширины 43 шага, простираясь съ сѣверо-востока на юго-западъ. Сѣверо-восточная сторона (длиною 30 шаговъ) круто высится, футовъ на 45, надъ истокомъ; двѣ къ ней примыкающія нисходятъ въ глубокіе лога, а на юго-западной сторонѣ, сливающейся съ прилежащею равниной, возведенъ валъ типичной формы кокошника, представляя въ сре-

динѣ поднятіе въ 16 футовъ съ значительнымъ паденіемъ къ площадкѣ и задней сторонѣ; въ бокахъ онъ спадаетъ постепенно и наконецъ теряется при достиженіи краевой линіи. На вершинѣ этого шихана (холма) площадка длиною семь и шириною два шага. Валъ имѣетъ, при измѣреніи чрезъ его вершину, около 62 шаговъ длины и 50 шаговъ ширины. Боковые скаты городища одѣты мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ. Отсутствіе же лѣса на городищѣ и валу объясняется тѣмъ, что площадка его находилась нѣкоторое время подъ посѣвомъ. Не мало видѣлъ я подобныхъ сооруженій, какъ раньше, такъ и во время поѣздки 1881 года, но ни одно городище изъ осмотрѣнныхъ мною не имѣло столь изящнаго (если можно такъ выразиться) вида: площадка его, нѣсколько понижающаяся къ истоку, не тронутая еще руками изслѣдователя, представляла гладкую, ровную поляну; охранный валъ съ юго-западной стороны, съ его характернымъ возвышеніемъ, отличается замѣчательною симметричностью частей, граціозно окаймляя внутреннюю площадку.

Неплотный дернъ, образующій поверхность площади, состоитъ изъ жирнаго чернозема, толщина котораго, ничтожная при подолѣ кокошника, постепенно возрастаетъ къ сѣверо-западной окраинѣ, и здѣсь достигаетъ мощности до 7 вершковъ. Подобное распредѣленіе чернозема обусловилось дѣятельностью весеннихъ водъ, смывавшихъ его по незначительно наклоненной плоскости, каковою является площадка. Подъ черноземомъ залегаетъ глина. Почти тотчасъ же, какъ только черноземъ былъ прорѣзанъ лопатами, обнаружились черепки посуды изъ глины съ примѣсью или со слѣдами раковинъ. Нѣсколько углубившись, мы встрѣтили трубчатыя кости и костяныя стрѣлы, какъ въ нижнемъ слоѣ чернозема, такъ и на спаю его съ глиной. Пробный шурфъ или яму я забилъ вблизи сѣверо-восточной окраины, предполагая наткнуться на слѣды костра, который обыкновенно бываетъ въ сосѣдствѣ воды; вблизи же костровъ, что̀ я наблюдалъ въ Пермской губерніи, встрѣчается преимущественно и главная масса вещей. Затѣмъ шурфъ былъ расширенъ и проведенъ поперекъ площади. Въ результатѣ получилось громадное собраніе костей и пробитыхъ череповъ разныхъ животныхъ (оленя, медвѣдя, свиньи и друг.), просверленные зубы, костяныя и роговыя стрѣлы, гарпуны, шилья и различныя другія подѣлки, масса обломковъ сосудовъ изъ илистой глины съ разнообразнымъ орнаментомъ, и наконецъ, мною найденъ былъ скребокъ изъ кремня и нѣсколько кремешковъ, а также два кривые желѣзные ножа. Въ культурномъ пласту залегаютъ также

въ большомъ числѣ створки раковинъ Unio, что̀ указываетъ, по видимому, на употребленіе ихъ въ пищу.

Въ проведенной г. Кузнецовымъ, въ разчетѣ встрѣтить костяки, глубокой (7 аршинъ) траншеѣ, при ширинѣ около двухъ аршинъ, проходящей чрезъ центръ шихана и прорѣзавшей его вдоль, найдены были сперва на небольшой глубинѣ шесть крупныхъ камней песчаника, служившихъ, по видимому, мѣстомъ раскладки костра. На глубинѣ двухъ аршинъ найдены обоюдоострая костяная стрѣла и одна струганая кость, на глубинѣ 2½ арш. — грубое костяное копье. На глубинѣ 3 аршинъ нашлась челюсть свиньи и на седьмомъ аршинѣ ключица хребта; предметы эти были особняки и указываютъ лишь на то, что со времени первоначальнаго здѣсь поселенія обитатели нѣсколько разъ подбавляли земли на валъ и шиханъ, постепенно ихъ возвышая. Лежащій сзади ровъ, окаймляющій ихъ, указываетъ на мѣсто выемки земли.

Вещей не попадало на площадкѣ глубже 6 четвертей и на этой глубинѣ преимущественно у окраины. При осмотрѣ полей, прилегающихъ къ задней сторонѣ вала, мы тамъ и сямъ встрѣчали обломки сосудовъ, тожественныхъ съ находимыми на городищѣ, и обломки расколотыхъ костей животныхъ; отсюда мы можемъ заключить, что границы поселенія въ данномъ пунктѣ въ ту отдаленную эпоху значительно выходили за предѣлы укрѣпленной площадки.

Громадное обиліе расколотыхъ костей, а также и другихъ остатковъ культуры, открытыхъ нами на Ройскомъ городищѣ, указываетъ, съ одной стороны, на продолжительность пребыванія здѣсь человѣка, а съ другой—на тѣ благопріятныя пищевыя условія, въ которыхъ онъ находился. Ройскій человѣкъ былъ охотникъ-звѣроловъ, истребитель хищниковъ-обитателей окрестныхъ лѣсовъ, и этотъ промыселъ доставлялъ ему возможность удовлетворять всѣ насущныя жизненныя потребности. Такъ, поѣдая мясо звѣрей, онъ употреблялъ шкуры ихъ на одежду, а кости и рога служили ему для выдѣлки предметовъ, необходимыхъ въ его примитивномъ быту. Необходимо замѣтить, что главные предметы его охоты, каковы олень и медвѣдь, отличались значительнымъ развитіемъ костной системы. Нами найдены образцы кости и рога въ различныхъ стадіяхъ обработки; въ оконченномъ же видѣ особенно многочисленны стрѣлы, копья, гарпуны, крючья для удочекъ и шилья, разнообразныхъ типовъ и величинъ, что̀ свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи промысла и указываетъ на большую приспособленность въ этомъ дѣлѣ человѣка, хорошо знавшаго жизнь и нравы жи-

вотныхъ. Сильное развитіе въ данномъ мѣстѣ долины р. Вятки, протекающей у подножія городища и образующей обширную котловину, позволяетъ думать, что здѣсь во дни до-историческаго обитателя разстилалось обширное озеро, которое служило мѣстомъ добычи рыбы, судя по многочисленнымъ остаткомъ рыболовныхъ принадлежностей, хотя кости рыбъ нами найдены въ самомъ незначительномъ количествѣ. Человѣкъ былъ большой любитель костнаго мозга, какъ и всѣ народы, стоящіе на низкой степени культуры; для этого разбивалъ онъ трубчатыя кости. Несомнѣнно питался онъ также прѣсноводными моллюсками (Unio), створки раковинъ которыхъ разсѣяны по всему культурному пласту. Глина или глинистый илъ, содержащій въ себѣ обломки раковинъ, служилъ дикарю матеріаломъ, изъ котораго онъ вылѣпливалъ необходимую утварь или сосуды. Обжиганіе ихъ было весьма несовершенно; за то они украшались разнообразнымъ и затѣйливымъ орнаментомъ; такъ, здѣсь наблюдается нѣсколько типовъ узоровъ, при чемъ преобладаютъ: отпечатки многихъ пересѣкающихся линій—узоръ примитивный, образованный слѣдами выгорѣвшей при обжиганіи травы, покрывавшей сосудъ; узоръ изъ сочетанія прямыхъ и ломаныхъ линій, расположенныхъ параллельно, при чемъ иногда прямыя линіи замѣнены шнуровыми вдавленіями, и наконецъ, украшенія, состоящія изъ ряда точекъ и кольцевыхъ отпечатковъ, расположенныхъ въ извѣстныхъ комбинаціяхъ. Такимъ образомъ Ройскій обитатель, судя по стремленію къ орнаментаціи, наблюдаемой на сосудахъ и на подѣлкахъ изъ кости, обладалъ уже зародышами эстетическаго чувства. Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о желѣзныхъ предметахъ, каковы кривые ножи, бывшіе несомнѣнно въ употребленіи у дикаря. Этотъ фактъ указываетъ на знакомство его съ металломъ, который тѣмъ не менѣе имѣлъ еще очень малое примѣненіе въ его быту, судя по крайней мѣрѣ по бѣдности найденныхъ образцовъ. Трудно и даже не возможно полагать, чтобы названные предметы, въ обработкѣ которыхъ видна относительная опытность, были произведеніемъ дикаря. Несомнѣнно, что они были заимствованы отъ болѣе культурныхъ сосѣдей, подобно тому, какъ современные Чукчи, Самоѣды и Остяки, не вышедшіе еще изъ эпохъ камня и кости, пользуются металлическими произведеніями Русскихъ, пріобрѣтая ихъ путемъ обмѣна.

Ройское городище, по даннымъ его культуры, вполнѣ аналогично съ западно-европейскими кьёккенмёдингами или кухонными остатками и относится къ той группѣ до-историческихъ памятниковъ, которая

характеризуется отсутствіемъ въ ихъ обитателяхъ умѣнья самостоятельно добывать металловъ. Памятники, подобные изслѣдованному нами, мѣтко называемые мѣстными обитателями костища, отсутствующіе въ западной Россіи, въ послѣдніе годы открыты въ Пермской, Вятской и Казанской губерніяхъ, и по всей вѣроятности, будутъ найдены также въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ. Несомнѣнно, что площадь ихъ распространенія обусловливается райономъ разселенія въ до-историческія времена крупныхъ хищниковъ, обладающихъ сильно развитою костною системою. Сообразно характеру образованія костевыхъ нагроможденій или костищъ, они распадаются на двѣ группы: кухонные остатки, съ которыми мы ознакомились, и жертвенныя мѣста, о которыхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Обращаясь на востокъ отъ предѣловъ Вятской губерніи мы находимъ аналогичные первобытные памятники на сѣверѣ Сибири, открытые послѣднею экспедиціей Норденшёльда въ странѣ Чукчей и извѣстные тамъ подъ названіемъ старыхъ пепелищъ народа Онкилонъ; г. Поляковъ нашелъ ихъ въ недавнее время на островѣ Сахалинѣ.

Послѣдующая эпоха въ жизни до-историческаго человѣка Вятскаго края—желѣзный вѣкъ—оставила для изслѣдователей, судя по отрывочнымъ даннымъ, цѣлый рядъ памятниковъ также въ видѣ городищъ и могильниковъ. Въ этомъ періодѣ древнѣйшаго обитателя Вятскаго края застали первые моменты исторической жизни этой страны. Въ послѣдующіе вѣка, по среднему теченію Волги и Камы, процвѣтало царство Булгарское, на югъ же отъ него царство Хозарское; въ XIII вѣкѣ все это пространство было завоевано Татарами и вошло въ составъ Золотой Орды. Послѣ паденія Золотой Орды въ половинѣ XV столѣтія въ предѣлахъ древняго Булгарскаго царства основалось новое татарское царство Казанское. Булгарская цивилизація оставила глубокіе слѣды въ жизни этой страны, руины которой наблюдаются до настоящаго времени, и эта эпоха, богатая данными, ожидаетъ еще изслѣдователей.

Позднѣйшій періодъ, со времени появленія въ Вятскомъ краѣ новгородскихъ выходцевъ вплодь до полнаго упроченія русской гражданственности, также богатъ памятниками, извѣстія о которыхъ сгруппированы г. Спицынымъ во второй половинѣ его труда.

Участниками всѣхъ эпохъ жизни Вятскаго края были инородцы, обитающіе здѣсь, и хотя они никогда не играли видной роли и не поглощали пришельцевъ, тѣмъ не менѣе исторія ихъ жизни полна глубокаго научнаго интереса. Со времени развитія здѣсь русской

колонизаціи началась постепенная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянная ассимиляція инородцевъ Славянскимъ племенемъ, и въ настоящее время, вѣроятно, не мало финской крови течетъ въ жилахъ русскихъ обитателей Вятскаго края.

Въ заключеніе своего очерка мы остановимся еще на одномъ вопросѣ, разработка котораго, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, приведетъ, несомнѣнно, къ важнымъ научнымъ выводамъ.

При изслѣдованіи до-историческихъ памятниковъ мы неизбѣжно знакомимся съ отношеніемъ къ нимъ мѣстнаго населенія, среди котораго нерѣдко сохраняются о нихъ преданія. Мы слышимъ здѣсь, преимущественно изъ устъ стариковъ, то отрывочные и безсвязные разказы, иногда замѣчательно однообразные на громадномъ пространствѣ, какъ напримѣръ, преданіе о гибели Чуди, повторяемое почти по всей Россіи, то цѣлое повѣствованіе, въ которомъ нерѣдко фигурируетъ нѣсколько собственныхъ именъ, при чемъ мѣсто дѣйствія пріурочивается къ данному памятнику. Въ этомъ случаѣ и послѣдній имѣетъ свое названіе. Памятники этой группы относятся ко временамъ относительно позднѣйшимъ. Особенный интересъ представляютъ помянутыя преданія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ обитаютъ инородцы, которыхъ если и нельзя считать аборигенами, то все же можно признавать весьма давними насельниками. Конечно, немногихъ изъ нихъ мы находимъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они впервые осѣли, что обусловливалось, какъ ихъ бродячимъ образомъ жизни, такъ и многими другими причинами, вліяніе которыхъ не уничтожилось и во времена историческія. Поэтому первоначальную область ихъ поселенія можно возстановить въ настоящее время лишь лингвистическими изысканіями надъ названіями рѣкъ, горъ и другихъ урочищъ. Тѣ мѣста, гдѣ, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, инородцы съ давнихъ поръ обитали въ болѣе или менѣе замкнутой области, гдѣ они пережили послѣднія стадіи своей до-исторической жизни, представляютъ для насъ особенный интересъ. Здѣсь мы смѣло можемъ разчитывать встрѣтить относительно полныя преданія, связанныя съ до-историческими памятниками, такъ какъ современные обитатели являются потомками до-историческихъ, хотя и весьма дальними.

Бросая общій взглядъ на памятники древности Вятскаго края, мы не можемъ не замѣтить, что современные Финны (Вотяки и Черемисы) относятся ко всѣмъ имъ не одинаково безразлично и равнодушно. Значительная часть этихъ инородцевъ еще вполнѣ язычники и потому

съ большою силой придерживается всѣхъ своихъ древнихъ традицій, и обрядовая сторона быта сохраняется у нихъ, до сихъ поръ, во всей ея неприкосновенности. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, здѣсь значительно облегчается и наблюденіе надъ интересующимъ насъ вопросомъ. Имѣя въ виду эту точку зрѣнія, то-есть, отношеніе инородцевъ къ памятникамъ древности, мы видимъ, что всѣ памятники Вятскаго края раздѣляются на три главныя группы. Къ первой относятся всѣ вещественные памятники культуры каменной эпохи, имѣющіе въ глазахъ инородца значеніе священныхъ предметовъ, облегчающихъ его земную жизнь: такъ они приносятъ ему счастіе и ослабляютъ или уничтожаютъ болѣзни. Вторая группа—почитаемыя мѣстности; въ нея входятъ костища и городища, по всей вѣроятности, тѣ, которыя были въ древности мѣстами жертвоприношеній, такъ какъ раскопкою добываются здѣсь многочисленные кости и остатки металлическаго вѣка, а въ Пермской губерніи и идолы. Въ пользу этого говоритъ и то обстоятельство, что нерѣдко на этихъ почитаемыхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ населеніе считается крещенымъ, воздвигнуты часовни. Напомнимъ также, что миссіонеры, въ періодъ ихъ особенно ревностной, но мало успѣшной дѣятельности, считали своею обязанностью истреблять огнемъ жертвенныя мѣста язычниковъ съ ихъ идолами и фетишами, и на мѣстахъ ихъ водружать крестъ [1]). Урочища этой группы посѣщаются инородцами въ извѣстное время для совершенія моленій или жертвоприношеній. Крещеные обрусѣвшіе инородцы сходятся у часовень въ дни празднованія стоящей здѣсь иконы. Такъ, жители д. Городищенской, Вотяки, издревле сходятся на курганъ (вѣроятно, городище) у рѣки Косы при началѣ посѣвовъ яровыхъ хлѣбовъ: старики и женщины пируютъ и пляшутъ, а молодежь около кургана гоняется другъ за другомъ на лошадяхъ и затѣмъ присоединяется къ пирующимъ [2]). Здѣсь мы наблюдаемъ отживающее празднество въ честь бога плодородія. На городищѣ Кара-Гурезъ (вотяцкое названіе), въ одной верстѣ отъ с. Александровскаго, по преданію, сооруженномъ Чудью, Вотяки совершаютъ языческіе моленія и обряды; здѣсь же погребаютъ тѣла умершихъ. Сюда же принадлежатъ мѣста народныхъ сборищъ и гульбищъ на городищахъ, въ площади которыхъ было и погребеніе (по преданію), какъ напримѣръ, въ 2-хъ верстахъ отъ г. Орлова и

[1]) *А. Шренкъ.* Путешествіе къ сѣверо-востоку Европейской Россіи. С.-Пб. 1855, стр. 313.

[2]) Отчетъ Вятскаго статистическаго комитета 1873 г., стр. 29.

2½ верстахъ отъ с. Мостовинскаго. „Подобное отношеніе къ мѣсту погребенія“, говоритъ Тэйлоръ,—„обще многимъ племенамъ и прямо вытекаетъ изъ ихъ понятія, что здѣсь пребывающія души погребенныхъ предковъ могутъ благосклонно смотрѣть на потомковъ, подобно старикамъ, сидящимъ около деревенскаго луга и наблюдающимъ забавы молодежи“ [1]).

Третью группу памятниковъ составляютъ курганы и городища богатырей и разбойниковъ. Отношеніе инородцевъ къ нимъ не одинаково. Одни относятся къ памятникамъ со страхомъ и боязнью, въ чемъ, намъ кажется, можно видѣть остатки сильнаго впечатлѣнія, пережитаго ихъ предками, когда обитатели помянутыхъ урочищъ наводили дѣйствительно паническій страхъ, производя, быть можетъ, опустошенія и угнетая противниковъ. На хищничество богатырей указываютъ, по видимому, и преданія: „Гдѣ жили богатыри, тамъ и клады“. Другіе же инородцы совершаютъ на нихъ свои моленія и обряды. Такъ напримѣръ, крестьяне (?) даже боятся ходить по Чортову городищу, которое находится въ 6-и верстахъ отъ г. Слободскаго у с. Спасо-Подчургинскаго, къ берегу р. Вятки. 12-го іюня и въ недѣлю всѣхъ святыхъ стекается къ часовнѣ народъ изъ разныхъ мѣстъ, и особенно Вотяки, для отправленія панихидъ. Съ городищемъ связано рѣдкое въ Вятскомъ краѣ поэтическое сказаніе объ Онохѣ и его 12 братьяхъ-богатыряхъ (см. Вятскія Губ. Вѣдом., 1861 г. № 1), гдѣ говорится и о богатырѣ Никулицѣ, жившемъ неподалеку. Богатыри воевали съ Черемисами, перебрасывались съ чепецкими богатырями палицами, а эти затѣмъ бросали ихъ въ Слободской и Никулицыно. Г. Спицынъ передаетъ интересное преданіе о послѣдовательности перебрасыванія палицъ, которое свидѣтельствуетъ, какъ о постепенномъ разселеніи древнихъ обитателей извѣстнаго района, такъ и о существовавшихъ между ними сношеніяхъ. Приведу еще одно преданіе, сообщенное мнѣ со словъ Вотяка изъ деревни Большой Богатырской, находящейся вблизи города Глазова: „На горѣ у этой деревни въ древности жилъ богатырь-Вотякъ, самый старшій надъ всѣми Вотяками. Тутъ у него была крѣпость. Онъ самъ звѣровалъ и ходилъ по Вотякамъ повѣрять, какъ они шайтану молятся. Потомъ у него не стало духу, крѣпости. Тогда Вотяки взяли царскую женку Катерину“. Гора эта почитается у Вотяковъ и въ настоящее время.

Въ ряду преданій о богатыряхъ мы встрѣтимъ, конечно, не мало

---

[1]) Антропологія. С.-Пб. 1882, стр. 438.

изукрашенныхъ, и дѣло научной критики разобраться въ нихъ, отличить быль отъ вымысла и выдѣлить, такъ-сказать, этнографическую основу.

Изъ приведенныхъ нами немногочисленныхъ примѣровъ нельзя не видѣть нѣкотораго религіознаго и родственнаго отношенія инородцевъ къ инымъ памятникамъ древности, городищамъ и курганамъ. Мы воздерживаемся отъ какихъ бы то ни было выводовъ, такъ какъ имѣли въ виду лишь намѣтить данный вопросъ.

Оканчивая нашъ обзоръ, мы не можемъ не высказать пожеланія, чтобъ и другіе губернскіе статистическіе комитеты, подобно Вятскому, обратили вниманіе на мѣстныя древности и озаботились бы изданіемъ указателей ихъ, въ которыхъ давно уже ощущается значительная потребность, и которые должны весьма облегчить изслѣдованія по русской археологіи. Изданіе подобныхъ полныхъ сводовъ данныхъ литературы по мѣстнымъ древностямъ, съ позднѣйшими дополненіями, наиболѣе удобно мѣстному учрежденію. Эти указатели, кромѣ ихъ несомнѣнной пользы для мѣстныхъ изслѣдователей и путешественниковъ, обратятъ также вниманіе населенія на существующіе, важные для науки памятники древности и будутъ содѣйствовать пробужденію къ нимъ интереса среди обитателей, и наконецъ, самому ихъ охраненію.

М. Малаховъ.

О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ.

Разысканія о началѣ Руси. Вмѣсто введенія въ русскую исторію. Соч. *Д. Иловайскаго.* Изданіе второе, исправленное и дополненное. Съ присоединеніемъ вопроса о Гуннахъ. Москва. 1882.

Рѣшившись взяться за перо по поводу второго изданія „Разысканій" Д. И. Иловайскаго и обозначивъ въ заглавіи главные пункты, подлежащіе обсужденію, мы примемъ нѣсколько другой порядокъ разсмотрѣнія, чѣмъ тотъ, какой указывается самою книгой и послѣдовательностію статей, въ ней помѣщенныхъ. Мы обратимся прямо къ концу ея, къ вопросу о Гуннахъ, и сдѣлаемъ это ради того, что статья о Гуннахъ, съ присоединеніемъ отчета о московскомъ по поводу ихъ диспутѣ, представляетъ главную новинку второго изданія. Мнѣнія нашего историка о происхожденіи Руси, о Варяжскомъ вопросѣ, о славянствѣ Болгаръ Аспаруха уже давно извѣстны публикѣ

которую Д. И. Иловайскій сумѣлъ очевидно заинтересовать своими трудами; они были предметомъ многократнаго обсужденія со стороны спеціалистовъ—даже на ученыхъ съѣздахъ. Относящіеся сюда вопросы въ извѣстной степени разъяснены окончательно, и хотя мы намѣрены еще разъ сказать относительно ихъ нѣсколько словъ, мы не надѣемся сказать что-нибудь новое и доселѣ неизвѣстное, что̀ было бы способно разубѣдить нашего почтеннаго историка или поколебать его авторитетъ въ глазахъ его послѣдователей. Нельзя скрывать отъ себя, таковые довольно часто встрѣчаются въ публикѣ, и что̀ особенно заслуживаетъ сожалѣнія, между молодыми людьми въ гимназіяхъ и университетахъ. По отношенію къ гуннскому вопросу положеніе дѣла, можетъ быть, еще не успѣло принять такой безнадежный оборотъ, хотя, конечно, ходъ диспута, какъ онъ описанъ въ вышедшей книгѣ, и его результаты не свидѣтельствуютъ о способности нашего изслѣдователя обращать вниманіе на чужіе аргументы. Впрочемъ, устные диспуты обыкновенно не рѣшаютъ дѣла и оставляютъ каждаго участвующаго при его убѣжденіи. Кромѣ большей свѣжести сюжета, гунно-славянская теорія Д. И. Иловайскаго, хотя тоже не столько совсѣмъ новая, сколько позабытая и заброшенная, еще потому привлекаетъ наше большее вниманіе, что она представляетъ очень удобную позицію для повѣрки и оцѣнки всего пути, пройденнаго Д. И. Иловайскимъ въ разнаго рода розысканіяхъ по древнѣйшимъ періодамъ исторіи. Она является въ нѣкоторомъ родѣ увѣнчаніемъ зданія, необходимымъ логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго, самымъ зрѣлымъ плодомъ ранѣе выработаннаго критическаго метода и научныхъ пріемовъ. Самъ Д. И. Иловайскій объясняетъ намъ дѣло съ этой стороны: „Неотразимая историческая логика отъ вопроса о Варягахъ-Руси привела меня къ пересмотру туранской теоріи о происхожденіи Болгаръ, а сія послѣдняя къ гуннскому вопросу..... Изысканія мои расположились такимъ образомъ, что я постепенно восходилъ отъ послѣдующаго къ предыдущему. Занявшись вопросомъ, кто такое была Русь, я убѣдился въ ея тузѐмномъ, славянскомъ происхожденіи; но въ то же время я натолкнулся на нѣкоторыя Болгарскія племена, обитавшія въ южной Россіи и вошедшія въ составъ русской національности. Это обстоятельство заставило меня пересмотрѣть вопросъ о народности Болгаръ, и результатомъ пересмотра есть полнѣйшее убѣжденіе въ ихъ славянствѣ. Въ свою очередь, изслѣдованіе сего вопроса, волей-неволей, приводитъ меня къ пересмотру туранской теоріи Гунновъ... Пересматривая вопросъ о народности

Гунновъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что положительное рѣшеніе его уже заключается въ разъясненіи народности Болгаръ. Въ своемъ изслѣдованіи о сихъ послѣднихъ я старался выдѣлить ихъ изъ общаго состава Гуннскихъ народовъ... Болгаре всегда были Славянами. Разъ установивъ это положеніе, я обращаюсь къ разъясненію вопроса о взаимномъ отношеніи Болгаръ и Гунновъ и прихожу къ тому заключенію, что первыхъ не слѣдуетъ выдѣлять изъ состава Гуннскихъ народовъ... Если Болгаре, будучи Славянами, въ то же время были тожественны съ Гуннами, то Гунны являются ни кѣмъ инымъ, какъ Славянами". Ясное дѣло, что можно и даже естественнѣе—разсуждать въ обратномъ порядкѣ, идти отъ предыдущаго къ послѣдующему. Правильное рѣшеніе вопроса о Гуннахъ болѣе условливаетъ вѣрную постановку дальнѣйшихъ вопросовъ, напримѣръ, вопроса о Болгарахъ, празнаваемыхъ остатками Гунновъ, чѣмъ на оборотъ... Притомъ рѣшеніе вопроса о народности Гунновъ не только не труднѣе, но даже легче отдѣльнаго рѣшенія вопроса о національности орды Аспаруха, потому что во время появленія Гунновъ хорошихъ наблюдателей и свидѣтелей, способныхъ записать современныя событія, было на самомъ дѣлѣ и до насъ дошло гораздо болѣе, чѣмъ въ періодъ выступленія на сцену собственно Болгаръ. Если Гунны—не Славяне, то и Болгары, конечно, то же. Если критическій методъ и пріемы Д. И. Иловайскаго окажутся не надежны въ одномъ случаѣ, то подозрительными окажутся и предыдущіе его выводы. Если онъ завершилъ логическій рядъ своихъ розысканій ложнымъ и фальшивымъ положеніемъ, то этимъ крайне ослабилъ основанія всей своей системы. Итакъ, начнемъ съ Гунновъ и остановимся на этой части „Розысканій" съ наибольшимъ вниманіемъ.

Д. И. Иловайскій полагаетъ, что главное основаніе туранской теоріи происхожденія Гунновъ заключается въ извѣстіяхъ источниковъ о безобразной наружности Гунновъ, не оставляющей возможности считать ихъ ни Славянами, ни вообще Арійцами. Онъ старается устранить этотъ аргументъ посредствомъ того соображенія, что уродливость Гунновъ, вопервыхъ, была крайне преувеличена, а вовторыхъ, если и была какая уродливость, то искусственная, а не природная, слѣдовательно, она не заключаетъ въ себѣ надежнаго этнографическаго признака, ничего не говоритъ о принадлежности къ тому или другому племени. Подробный разборъ источниковъ долженъ доказать это.

Мы должны вообще замѣтить, что при разборѣ своемъ Д. И. Ило-

вайскій вовсе не руководствуется какими-нибудь твердыми и опредѣленными критическими принципами или же основаніями и допускаетъ слишкомъ много произвола. Совсѣмъ не опредѣляется общій характеръ и духъ отдѣльныхъ писателей, ничего не говорится о взаимномъ отношеніи источниковъ другъ къ другу, о сравнительной цѣнности показаній каждаго изъ нихъ, а просто заподозривается то, что̀ не нравится изслѣдователю, и во всей силѣ принимается то, что̀ идетъ кстати. При разборѣ извѣстій латинскихъ историковъ и поэтовъ объ уродованіяхъ у Гунновъ, Д. И. Иловайскій охотно вѣритъ самому невѣроятному и невозможному, и въ то же время отвергаетъ самое простое и естественное, на основаніи весьма голословно утверждаемаго пристрастія. Онъ не отличаетъ того, что̀ сообщается источниками какъ фактъ, подлежавшій ихъ наблюденію, и того, что̀ составляетъ ихъ объясненіе факта, личное соображеніе. Извѣстно, что древніе въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ нынѣшніе писатели, обладали знаніемъ законовъ природы одушевленной и неодушевленной и бывали въ этомъ отношеніи дѣйствительно легковѣрны до странности, такъ что способны были и вѣрно замѣченнымъ фактамъ приписать совершенно неподходящее объясненіе. Въ такихъ случаяхъ новому изслѣдователю критика предписываетъ, конечно, отбросить толкованіе и удержать фактъ, а не на оборотъ. Намъ кажется, что Д. И. Иловайскій совсѣмъ не соблюдаетъ этого правила, и вотъ на это примѣръ. Мы видимъ, что старинные авторы, описывающіе наружность Гунновъ, говорятъ либо о полной ихъ безбородости, либо о рѣдкой только бородѣ. Очевидно, что фактъ скудной растительности волосъ на лицѣ поразилъ южанъ, видѣвшихъ Гунновъ. Они искали ему объясненія, и нашли такое, которое за одинъ разъ могло служить и для другой цѣли. Мы можемъ предположить, что и объ извѣстныхъ слѣдахъ ранъ на лицѣ римскіе писатели тоже говорятъ на основаніи отчасти личнаго наблюденія, при чемъ не всѣ изъ нихъ знали и помнили о гуннскихъ погребальныхъ обрядахъ, сопровождавшихся царапаніемъ и разрѣзываніемъ лицъ. Изъ сопоставленія двухъ фактовъ, данныхъ самымъ простымъ наблюденіемъ, и было извлечено объясненіе, особенно нужное для перваго.

Амміанъ Марцеллинъ пишетъ, что отсутствіе растительности волосъ на лицѣ есть слѣдствіе глубокихъ нарѣзовъ на щекахъ, которые дѣлаются именно съ этою цѣлію у новорожденныхъ младенцевъ: „Вслѣдствіе того, что тотчасъ послѣ рожденія щеки дѣтей довольно глубоко исполосывываются желѣзомъ, растительность волосъ, въ свое

время выступающая, заглушается въ морщинистыхъ рубцахъ отъ ранъ, и отъ того они старѣются безбородые безъ всякой красоты, похожіе на евнуховъ". Іорданъ (Іорнандъ) выражается еще сильнѣе и представляетъ дѣло еще неправдоподобнѣе: „Свирѣпость свою они (Гунны) упражняютъ надъ своими дѣтьми съ перваго же дня ихъ рожденія: младенцамъ мужскаго пола изрѣзываютъ желѣзомъ щеки, чтобы тѣ еще прежде чѣмъ научатся сосать молоко матери, уже пріучались къ перенесенію ранъ. Послѣ юности, лишенной красоты, они старѣютъ безбородые, потому что глубокіе рубцы отъ желѣза уничтожаютъ на лицѣ корни волосъ".

Какъ относится къ этимъ сообщеніямъ критика Д. И. Иловайскаго? Онъ, вопервыхъ, не обратилъ вниманіе на близкое сходство и несомнѣнное родство двухъ приведенныхъ отрывковъ. Вовторыхъ, онъ принимаетъ толкованіе древнихъ, не смотря на всю его странность. Венелинъ, который все-таки не хотѣлъ быть слѣпо довѣрчивымъ, не допускалъ его и думалъ, что подъ нарѣзами на щекахъ младенцевъ надобно разумѣть обычай брить бороду, распространенный издревле у Сарматскихъ народовъ восточной Европы. Не отвергая и такого толкованія, Д. И. Иловайскій прибавляетъ, что, можетъ быть, Гунны дѣйствительно дѣлали какіе-нибудь нарѣзы на щекахъ младенцевъ, чтобъ у нихъ впослѣдствіи не росла борода, и слѣдовательно, не было бы нужды постоянно брить ее (стр. 511). Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 525) онъ уже прямо допускаетъ, что Гунны не только безобразили свое лице рубцами и царапинами, достигши зрѣлаго возраста, по требованію своихъ (погребальныхъ) обычаевъ, но дѣлали также какіе-то глубокіе нарѣзы на лицахъ младенцевъ. „Не забудемъ", пишетъ Д. И. Иловайскій,—„что искусственное безобразіе начиналось у Гунновъ уже съ самаго младенчества (стр. 525). За то тотъ же нашъ изслѣдователь отвергаетъ многое другое. Амміанъ Марцеллинъ, по его же мнѣнію, изобразилъ Гунновъ не совсѣмъ точно и преувеличилъ ихъ безобразіе (стр. 512); а описаніе Іордана (Іорнанда) называется реторическимъ и ходульнымъ; оно продиктовано пристрастіемъ къ Готамъ и ненавистью къ ихъ гонителямъ Гуннамъ. Всего больше Д. И. Иловайскій не можетъ примириться съ тѣмъ, что, по сообщенію Іордана (Іорнанда), у Аттилы, воплощавшаго, по прямому замѣчанію того же Іордана, всѣ черты своего племени, была при другихъ весьма характеристичныхъ признакахъ и рѣдкая борода. „Едва ли это описаніе не есть плодъ воображенія, тенденціозно настроеннаго" (стр. 515). Оно отличается тенденціозностію и пред-

взятостію,—основано не извѣстно на какихъ источникахъ. Итакъ то, что̀ естественно и просто, и притомъ основано на личномъ, непосредственномъ наблюденіи (ниже мы укажемъ, изъ какого источника Іорданъ заимствовалъ свое описаніе наружности Аттилы), съ рѣшительностію отвергается, а принимается то, что̀ не возможно по самой природѣ вещей, и очевидно, никакъ не могло подлежать наблюденію нашихъ свидѣтелей. Свидѣтели объявляются вообще недостовѣрными, а принимается изъ многихъ ихъ показаній именно то, которое наиболѣе заслуживаетъ подозрѣнія. Едва ли такой способъ изслѣдованія можно называть критическимъ.

Какъ ни важны данныя, сообщаемыя источниками о наружности Гунновъ, Д. И. Иловайскій все-таки напрасно придаетъ имъ первостепенное значеніе. Еще важнѣе то, что всѣ тѣ писатели, которые могли знать и Гунновъ, и Славянъ, положительно и прямо, независимо отъ всякихъ частностей, отличаютъ ихъ другъ отъ друга. Это дѣлаютъ Іорданъ (Іорнандъ), Прокопій, Маврикій. Если бы даже они и не давали намъ отчета въ основаніяхъ, не сообщали никакихъ подробностей, мы все-таки должны были бы относиться къ ихъ показаніямъ и мнѣніямъ съ величайшимъ вниманіемъ, должны были бы держать у себя въ умѣ такое представленіе, что общее ихъ убѣжденіе на чемъ-нибудь же основано, что оно находится въ связи съ возможностью живаго наблюденія цѣлаго ряда, цѣлой совокупности признаковъ, начиная съ языка. Только неопытные и поверхностные диллетанты могутъ воображать, что всѣ вообще древніе и средневѣковые писатели одинаково были несвѣдущи и глупы въ вопросахъ географіи и этнографіи, и что въ этомъ отношеніи они не могли ничего дать, кромѣ путаницы, которую новымъ изслѣдователямъ слѣдуетъ распутывать, какъ прійдется. Напротивъ, нужно различать лица; бывали среди древнихъ и средневѣковыхъ историковъ очень наблюдательные люди. Конечно, ни Греки, ни Римляне не были знакомы съ классификаціей Блуменбаха, съ измѣреніемъ лицеваго угла; но все-таки они умѣли прекрасно отличить Германцевъ отъ Славянъ, и особенно тѣхъ и другихъ отъ разныхъ азіатскихъ кочевниковъ. Въ VII вѣкѣ по Р. Х. Византійцы умѣли же замѣтить родство и единство происхожденія между различными Славянскими племенами; точно также умѣли они признать родство между Гуннами, Болгарами, Аварами, Хазарами. Пусть они тутъ смѣшиваютъ Финскія племена съ Турецкими; вѣдь и мы не всегда строго ихъ различаемъ, и мы употребляемъ выраженіе „туранскія“ и даже „монгольскія“ въ приложеніи къ тѣмъ

и другимъ. Древніе классическіе писатели и ближайшіе ихъ средневѣковые послѣдователи придавали весьма важное значеніе степени культуры, различію между народами земледѣльческими и кочевыми. Они очень хорошо сознавали, что это признакъ не случайный, что нельзя по произволу переходить отъ одного состоянія къ другому, что народы извѣстнаго племени достигаютъ болѣе высокой степени вмѣстѣ и сообща и уже съ нея не сходятъ внизъ. Въ этомъ со старыми Греками и Латинами вполнѣ согласна и новая наука. Д. И. Иловайскій, который держится другаго мнѣнія, представляетъ только исключеніе. Онъ твердитъ, что кочевой бытъ и дикіе нравы не могутъ служить основаніемъ для той или другой теоріи, потому что указываютъ не на расу, а на извѣстную степень культуры, что если Амміанъ Марцеллинъ говоритъ о дикости, свирѣпости и кочевомъ состояніи Гунновъ, то все это—такія черты, которыя не могутъ служить отличительнымъ признакомъ расы, а относятся къ извѣстной степени быта, что Славянскіе народы тоже были нѣкогда кочевниками, и слѣдовательно, свидѣтельства древнихъ о кочевомъ состояніи Гунновъ не мѣшаютъ отнести ихъ къ Славянамъ. Въ этихъ разсужденіяхъ, на первый взглядъ довольно благовидныхъ и не противорѣчущихъ здравому смыслу, заключается основная ложь, πρῶτον ψεῦδος, „Разысканій“ Д. И. Иловайскаго о Гуннахъ. Онъ хочетъ убѣдить насъ, что Гунны могли быть и кочевниками, и Славянами въ одно и то же время. Но исторія и наука совсѣмъ не знаютъ кочевыхъ Славянъ. Вѣдь не отрицаетъ же Д. И. Иловайскій, что Славяне принадлежатъ къ Индо-Европейскому племени? Вѣдь не отвергаетъ же онъ, что они достигли извѣстной степени культурнаго развитія, еще живя вмѣстѣ съ своими сородичами, еще до выдѣленія своего изъ общей массы арійской? Вѣдь есть же несомнѣнныя данныя, рисующія картину этого общеарійскаго періода. „Когда раздѣленные теперь Индо-Европейскіе народы составляли еще одноязычное племя, они достигли извѣстной степени культуры и пріобрѣли соотвѣтствующій ей запасъ словъ, который потомъ, въ видѣ общаго приданаго, въ условномъ, твердо опредѣленномъ значеніи получили отдѣльные народы, чтобы самостоятельно строить далѣе на данномъ основаніи. Такимъ образомъ мы имѣемъ свидѣтельства о развитіи пастушеской жизни въ ту отдаленную эпоху въ неизмѣнно установленныхъ названіяхъ ручныхъ животныхъ—быка, овцы, гуся, утки, свиньи. Итакъ, уже въ ту отдаленнѣйшую эпоху Индо-Европейское племя оставило позади себя низшую степень цивилизаціи, эпоху охоты и рыболовства, и до-

стигло извѣстной относительной прочности и постоянства жилищъ. Санскритское damas, латинское domus, греческое δόμος—домъ, санскритское dvaras, греческое θύρα, латинское fores—дверь, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что уже въ ту первобытную эпоху Индо-Европейцы научились строить постоянныя жилища извѣстнаго устройства съ дверями. Они знакомы были съ употребленіемъ огня для приготовленія пищи и соли для ея приправы. Нельзя говорить съ такою же увѣренностію объ индо-европейскомъ земледѣліи, хотя и тутъ есть данныя, свидѣтельствующія объ общихъ основахъ германскаго, греческаго, санскритскаго (необходимо прибавить: и славянскаго) земледѣлія". Вотъ нѣсколько строкъ, взятыхъ съ тѣхъ страницъ, въ которыя великій европейскій ученый сводитъ несомнѣнные результаты сравнительнаго языкознанія, сдѣлавшіяся общимъ достояніемъ науки (см. Римскую исторію Моммсена). Отсылая къ нимъ читателя, мы спрашиваемъ: соотвѣтствуетъ ли этимъ несомнѣннымъ даннымъ объ индо-европейскоймъ бытѣ слѣдующее описаніе гуннскаго образа жизни: „При человѣческомъ, хотя и непривлекательномъ образѣ, они остаются такъ грубыми, что не нуждаются ни въ огнѣ, ни въ приготовленной пищѣ; они питаются кореньями дикихъ травъ и полусырымъ мясомъ животныхъ, которое они дѣлаютъ теплымъ посредствомъ недолгаго согрѣванія между своими бедрами и спиною лошади. У нихъ нѣтъ никакихъ зданій, служащихъ кровомъ; они отвращаются ихъ, какъ гробницъ, отдѣленныхъ для общаго пользованія. У нихъ нельзя встрѣтить даже шалаша, покрытаго тростникомъ. Какъ кочевники, бродя по лѣсамъ, они съ колыбели привыкаютъ переносить холодъ, голодъ и жажду... Даже на пути они безъ крайней необходимости не входятъ въ попавшееся жилье, потому что не считаютъ себя безопасными подъ кровлею". Это—не приведенное Д. И. Иловайскимъ мѣсто изъ Амміана Марцеллина. Ясное дѣло, что тутъ не одна же реторика. Что Гунны были совершенные кочевники, это подтверждается всѣми источниками и не отрицается самимъ Д. И. Иловайскимъ. Онъ только забываетъ, что такой бытъ никогда не былъ принадлежностію Славянскаго племени, что Славяне никогда не были коннымъ народомъ, живущимъ въ кибиткахъ и на телегахъ. Выводы сравнительнаго языкознанія подкрѣпляются яснымъ свидѣтельствомъ исторіи. Д. И. Иловайскій рѣзко отзывается о томъ ученомъ, который сказалъ ему на диспутѣ, что уже Тацитъ ясно и точно указалъ мѣсто Славянъ въ Европѣ. Но, вѣдь, это же неоспоримая истина. Тацитъ зналъ Славянъ, какъ и другіе позднѣйшіе писатели, подъ общимъ

именемъ Венедовъ (Венетовъ, Вендовъ), и помѣщалъ ихъ между Финнами и Певкинами, жившими на нижнемъ Дунаѣ; Тацитъ прямо говоритъ, что они именно тѣмъ отличаются отъ своихъ сосѣдей-кочевниковъ, что строятъ постоянныя жилища... Съ другой стороны, Прокопій и Маврикій ручаются за то, что еще ранѣе своего распространенія на югъ за Дунай и на западъ, Славяне были знакомы съ земледѣліемъ, съ воздѣлываніемъ разныхъ хлѣбныхъ злаковъ; они занимались земледѣліемъ именно въ періодъ своего великаго переселенія. Согласимся, что указанія сравнительнаго языкознанія на индо-европейское земледѣліе сомнительны и неясны; допустимъ, что начатки его, пріобрѣтенныя Славянами вмѣстѣ со всѣми другими сородичами до выдѣленія изъ общей массы, были забыты и утрачены во время передвиженія на пути изъ Азіи въ Европу,—все-таки несомнѣнно, что Славяне до своего раздѣленія на разныя вѣтви въ періодъ времени отъ I вѣка до VI по Р. Х. были земледѣльческимъ народомъ. Они знали давно рожь, коноплю, овесъ (слова до-славянскія); они воздѣлывали просо, пшеницу и ячмень; они знали рало, плугъ и мотыку, а также ниву и лѣху. Иначе по какой же причинѣ названія этихъ предметовъ оказываются тожественными во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ? Отсылая за подробностями обще-славянскаго быта къ недавно вышедшей книгѣ А. С. Будиловича (Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Кіевъ. 1879), мы прибавимъ только, что замѣчаніе Д, И. Иловайскаго о несовмѣстимости земледѣльческаго быта съ народными переселеніями тоже совершенно неосновательно. По его мнѣнію, и Готы, сосѣди Гунновъ, а потомъ ихъ подданные, не вполнѣ вышли изъ кочеваго быта, чѣмъ и объясняются ихъ передвиженія изъ черноморскихъ степей на Балканскій полуостровъ (стр. 512). Д. И. Иловайскій сѣетъ недоразумѣніями. Онъ, пожалуй, могъ бы сказать свою отмѣченную нами фразу только въ такомъ случаѣ, если бы при этомъ сдѣлалъ нѣсколько оговорокъ и еслибы не сопоставлялъ ею готскаго быта съ гуннскимъ. Въ IV вѣкѣ, ранѣе своего переселенія за Дунай, Готы имѣли уже переводъ Священнаго Писанія на свой языкъ, и языкъ Вульфилы цѣлымъ рядомъ выраженій непререкаемо свидѣтельствуетъ о занятіяхъ говорившаго имъ народа земледѣліемъ. Нужно ли опять дѣлать ссылки и указанія на сочиненія, въ которыхъ возстановляется древне-готскій бытъ по даннымъ языка Вульфилы? Пусть Д. И. Иловайскій вспомнитъ, чего требовали Готы, сбираясь перебраться въ предѣлы имперіи. Они требовали земли для поселенія, для обработ-

ки, а не для пастбищъ. Въ настоящее время вопросъ о связи великаго германскаго переселенія съ земледѣльческимъ бытомъ, кажется, можно считать достаточно разъясненнымъ — именно въ томъ смыслѣ, что оно вовсе не означаетъ незнакомства съ земледѣліемъ или отказа отъ него. Одинъ нѣмецкій ученый (Данъ) весьма остроумно формулируетъ такое положеніе, что германское переселеніе было даже прямымъ послѣдствіемъ перехода къ осѣдлому земледѣлію и оказавшагося при этомъ съ теченіемъ времени недостатка въ землѣ. О Славянахъ тоже съ полнымъ правомъ можно сказать, что они занимались земледѣліемъ, какъ до своего переселенія, такъ и во время своего переселенія. Они распространялись на Балканскомъ полуостровѣ какъ земледѣльцы, а не какъ пастухи, не какъ презираемые ими влахи, тѣмъ менѣе—какъ дикіе кочевники. Нѣсколько удивительно и странно, что мы должны толковать о такихъ общеизвѣстныхъ вещахъ; но несомнѣнно, что Д. И. Иловайскій забываетъ о нихъ или даже отрицаетъ ихъ. Онъ утверждаетъ, что Гунны, кочевники и наѣздники, не умѣвшіе строить домовъ, все-таки принадлежали къ Славянскому племени, а между тѣмъ мы знаемъ, что Славянское племя еще ранѣе своего подраздѣленія на отдѣльные народы и даже ранѣе своего выдѣленія изъ среды индо-европейской семьи уже пріучилось строить дома и пріобрѣло привычки нѣкоторой осѣдлости, очевидно, не утраченныя и во время медленнаго передвиженія изъ Азіи въ Европу. Онъ утверждаетъ, что еще въ IV вѣкѣ по Р. Х. существовалъ Славянскій народъ, совершенно незнакомый съ земледѣліемъ; между тѣмъ мы знаемъ, что въ то самое время, какъ всѣ Славяне жили въ нынѣшней южной и западной Россіи, они всѣ стояли на степени земледѣльческой цивилизаціи, и никогда ни одинъ Славянскій народъ не измѣнялъ сообща достигнутому развитію. Если Славяне, перешедшіе за Дунай въ VI вѣкѣ, оказываются земледѣльческими, то очевидно, что они были такими въ V и IV вв. Что же за выродки такіе эти Гунны, которые сумѣли остаться въ то же самое время кочевниками и дикарями, будучи Славянами? Если это Славяне, то совсѣмъ особенные и еще неслыханные.

Самъ собою выступаетъ здѣсь вопросъ объ языкѣ. Д. И. Илоавайскій, понятное дѣло, придаетъ большое значеніе словамъ медъ и камъ (камосъ), которыя Византіецъ Прискъ слышалъ въ Панноніи на пути своемъ въ ставку Аттилы. По мнѣнію Д. И. Иловайскаго, „послѣднее слово есть, вѣроятно, не точно переданное слово квасъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, а никакъ не кумысъ, который при-

готовляется изъ кобыльяго молока, а не изъ ячменя". Итакъ, его кочевники воздѣлывали ячмень; но не въ этомъ дѣло. Кажется, что нашимъ изслѣдователямъ и ученымъ уже давно подобало бы отказаться отъ этого мнимо-славянскаго кваса, равно какъ и отъ объясненія кама, въ смыслѣ кумыса. Ни квасъ, на кумысъ! Нашимъ изслѣдователямъ почему-то остается неизвѣстнымъ, что слово камъ или камосъ встрѣчается не у одного Приска, а также у другихъ болѣе раннихъ писателей, притомъ съ прямымъ указаніемъ на принадлежность его извѣстному народу, только не Гуннамъ. Πίνουσι γοῦν ζῦθον Αἰγύπτιοι, κάμον Παίονες, Κέλτοι κερβησίαν, писалъ Юлій Африканъ въ самомъ началѣ III столѣтія по Р. Х. (κεστοί 25). Въ эдиктѣ императора Діоклетіана de pretiis, установившемъ таксу на всѣ жизненныя потребности, опредѣлялась цѣна и церевизіи, и кама (cerevisiae et cami). Сверхъ того, это слово было извѣстно Ульпіану, жившему въ царствованіе Септимія Севера: zythum et camum et caetera, quae pro hominum affectione atque usu vini numero habebuntur (Digest. XXXIII, 6, 9). Припомнимъ слова Діона Кассія (49, 36), который самъ былъ правителемъ въ придунайскихъ странахъ, что въ Панноніи ячмень и просо не только ѣдятъ, но и пьютъ; и намъ будетъ ясно, въ какомъ смыслѣ нужно понимать слово Пэоняне въ вышеприведенномъ мѣстѣ Юлія Африкана. Какъ у другихъ греческихъ писателей, оно обозначаетъ въ широкомъ смыслѣ жителей Панноніи. Отсюда слѣдуетъ, что и у Приска подъ варварами, которые называли свой ячменный напитокъ камомъ, слѣдуетъ разумѣть совсѣмъ не Гунновъ, а исконныхъ жителей страны, туземцевъ. Это, впрочемъ, и безъ того слѣдуетъ изъ самой связи рѣчи, изъ непосредственно рядомъ стоящаго выше замѣчанія относительно другаго напитка, которымъ угощали уже самыхъ членовъ посольства, а не ихъ прислугу: ἀντὶ δὲ οἴνου ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλούμενος — вмѣсто вина напитокъ, называемый на мѣстномъ языкѣ, у туземцевъ, медомъ. Гунны во время Приска не были въ Панноніи старожилами и туземцами. Туземное исконное населеніе Панноніи состояло изъ двухъ элементовъ — старо-иллирійскаго, родственнаго съ нынѣшнимъ Албанскимъ, и кельтскаго, утвердившагося здѣсь въ IV вѣкѣ до Р. Х. Которому изъ нихъ принадлежало собственно слово камъ—рѣшить трудно. То обстоятельство, что Африканъ говоритъ о кельтской церевизіи отдѣльно, заставляетъ думать о принадлежности его къ старо-иллирійскому нарѣчію. Что же касается меда, то его по всѣмъ правамъ слѣдуетъ уступить Кельтамъ, и

нѣтъ никакой нужды приписывать Славянамъ. Кельты не только пили медъ, но даже такъ и называли его медомъ. Слово mid и med (mid ирланд., med старо-камбр.) встрѣчается въ кельтскомъ словарѣ Кормака, относимомъ къ IX вѣку по Р. Х. Впрочемъ, очень возможно, что слово медъ было общею принадлежностью не только славянскаго и кельтскаго языковъ, но еще и другихъ индо-европейскихъ нарѣчій, напримѣръ, иллирійскаго или ѳракійскаго. Во всякомъ случаѣ очевидно, что 1) слова камъ и медъ не имѣютъ никакого отношенія къ Гуннамъ: первое изъ нихъ можно было слышать въ Панноніи, когда о Гуннахъ тамъ и слуху не было, и 2) что они не должны быть считаемы славянскими. Для доказательства славянства Гунновъ остается одна страва, слово, приведенное Іорданомъ въ описаніи похоронъ Аттилы. Увѣренность Русскихъ людей въ несомнѣнной принадлежности этого выраженія славянскому языку поддерживается опять-таки неполнымъ знакомствомъ съ дѣломъ. Правда, что у Іордана этому слову какъ-будто приданъ такой смыслъ, что оно соотвѣтствуетъ латинскому commessatio, и слѣдовательно, совпадаетъ съ обще-славянскою стравою, существованія которой отрицать, конечно, мы не думаемъ. Но нужно знать, что есть другой писатель, жившій, можетъ быть, ранѣе Іордана, которому это слово тоже было знакомо. Еще въ словарѣ Дюканжа подъ словомъ straba приведено было мѣсто изъ комментаріевъ Лактанція Плацида (Lactantius Placidus) къ стихамъ Ѳиваиды Стація, описывающимъ обрядъ греческаго погребенія, при которомъ для сожженія трупа воздвигался костеръ изъ непріятельскаго и своего оружія:

. . . . . . Hostiles super ipse it victor acervos.

Объясняя приведенный стихъ, Плацидъ пишетъ: „acervos, exuviarum hostilium moles. Exuviis enim hostium extruebatur regibus mortuis pyra: quem ritum sepulturae hodie quoque barbari servare dicuntur, quem strabas dicunt lingua sua“. По этому толкованію, страба означаетъ собственно костеръ (pyra), обрядъ сожженія, и это даетъ возможность нѣмецкимъ ученымъ (Я. Гриммъ, Мюлленгофъ) производить stravam Іордана отъ готскаго глагола straujan, στρωννύναι. Что готскій языкъ былъ очень употребителенъ у Гунновъ, это хорошо извѣстно и засвидѣтельствовано въ ясныхъ, прямыхъ выраженіяхъ самимъ Прискомъ. Нужно ли предполагать заимствованіе Славянами слова страва отъ Готовъ—мы не знаемъ. Не совсѣмъ неправдоподобно даже совпаденіе двухъ подобозвучныхъ словъ различнаго происхожденія и не одинаковаго кореннаго значенія. Во всякомъ слу-

чаѣ на одномъ словѣ страва нельзя утвердить славянства Гунновъ, тѣмъ болѣе, что тутъ возможно такое же недоразумѣніе, какъ и относительно пресловутаго камоса...

Перейдемъ теперь къ частностямъ и прослѣдимъ, какъ относится нашъ изслѣдователь къ каждому изъ своихъ источниковъ. На самомъ древнемъ и важномъ, Амміанѣ Марцеллинѣ, онъ останавливается всего менѣе, и совсѣмъ не счелъ нужнымъ привести его характеристику Гунновъ сполна и въ точномъ переводѣ... Самые важные вопросы объ источникахъ географическихъ свѣдѣній Амміана и особенно объ источникахъ его фразеологіи—совсѣмъ не затронуты; между тѣмъ, если бы Д. И. Иловайскій былъ знакомъ съ новѣйшими изслѣдованіями по этому послѣднему вопросу, то онъ могъ бы ими воспользоваться именно для своей главной цѣли. Амміанъ Марцеллинъ былъ Грекъ по происхожденію, и латинскій языкъ ему былъ не родной. Его литературная рѣчь оказывается чисто-искусственною и весьма несвободною; онъ заимствуетъ готовыя фразы и обороты у классическихъ прозаиковъ, Цицерона, Саллустія, Тита Ливія и Тацита, и не всегда употребляетъ ихъ кстати. Нельзя отрицать, что его литературная манера въ иныхъ случаяхъ могла имѣть вліяніе на самое матеріальное содержаніе его сочиненія. Когда фраза взята изъ Ливія и только ловко пріурочена къ данному пункту его риторической мозаики, то возникаетъ иногда подозрѣніе, не перенесенъ ли вмѣстѣ съ фразою на неподлежащее мѣсто и самый смыслъ, ею выражаемый. Въ изображеніи Гунновъ находится одна фраза, прямо выхваченная изъ Тита Ливія и употребленная первоначально для характеристики Африканцевъ [1]). Въ другой разъ копье феціаловъ дано въ руки азіатскому варвару, царю Хіонитовъ, можетъ быть, родственныхъ съ европейскими Гуннами (19, 2, 6). Нужно было бы разобрать съ этой точки зрѣнія всю главу, посвященную Амміаномъ Марцеллиномъ описанію гуннскаго быта и нравовъ. Впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что это отчасти сдѣлано уже другими, и результатъ оказывается въ концѣ концевъ благопріятнымъ для Амміана: за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, мысль его все-таки была независима отъ чужихъ фразъ и не слѣдовала за ними, а предшествовала имъ. Что же касается въ частности второй главы XXXI-й книги, то оказывается, вопреки Д. И.

---

[1]) Liv. 39, 3, 13: Ex Afris gente ad omnem *auram spei* mobili atque *infida*. Ср. Ammian. 31, 2, 11: (Hunni) per indutias *infidi* inconstantes ad *omnem auram* incidentis *spei* novae perquam *mobiles*.

Иловайскому, возможность предполагать наглядное знакомство писателя съ изображаемымъ предметомъ, отразившееся и въ большей литературной независимости его рѣчи въ данномъ случаѣ [1]). Не здѣсь, а въ другомъ случаѣ, оказалось вреднымъ для нашего русскаго изслѣдователя незнакомство съ изслѣдованіями объ источникахъ географическихъ отрывковъ, время отъ времени вставленныхъ Амміаномъ въ свое повѣствованіе. Въ вышеозначенной книгѣ мѣста, заимствованныя изъ другихъ, болѣе древнихъ писателей, касаются не самыхъ Гунновъ, а отчасти тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они появились во время Амміана, отчасти ихъ сосѣдей. Извѣстно, что эти заимствованныя описанія не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности VI вѣка п Р. Х. Но объ этомъ мы еще припомнимъ ниже [2]).

Особенно странно отношеніе Д. И. Иловайскаго къ Іордану, или какъ онъ его по старому называетъ Іорнанду, величая притомъ то готскимъ епископомъ въ Италіи, то даже—неизвѣстно на какомъ основаніи—Равеннскимъ епископомъ. 1) Его ходульное описаніе Гунновъ проникнуто—будто-бы—явнымъ противъ нихъ озлобленіемъ, такъ что удивляешься тому туману, въ которомъ историческая критика столь долго находилась по отношенію къ Гуннамъ. 2) Но въ этомъ описаніи все-таки нѣтъ никакого намека на черты собственно монгольской, татарской или чудской народности; выходитъ, что подъ именемъ Гунновъ онъ описывалъ Славянъ, и даже довольно вѣрно. 3) По всей вѣроятности, Іорданъ или Іорнандъ даже и считалъ Гунновъ Славянами: „Если Іорнандъ Гунновъ и Болгаръ еще не называетъ прямо Славянами, то я уже нѣсколько разъ указывалъ“, пишетъ Д. И. Иловайскій,—„что названіе это въ тѣ времена еще не было распространено на всѣ Славянскіе народы, и что подъ Славянами тогда разумѣлись преимущественно западно-балканскіе или западно-дунайскіе Славяне, а не восточные“ (стр. 514).

---

[1]) Объ особенностяхъ Амміанова стиля существуетъ нѣсколько изслѣдованій: *Hertz*, De Ammiani Marcellini studiis Sallustianis. Breslau 1874; *Michaeil*, De Ammiani Marcellini studiis ciceronianis. Vratisl. 1874 и др. Ср. *Mommsen*—въ нижеуказанной статьѣ.

[2]) О географическихъ источникахъ Амміана намъ извѣстны двѣ статьи: *Gardthausen*, Die geographischen Quellen Ammians (1873) въ Supplementband филологическаго журнала *Neue Jahrbücher für die Philologie*,—и *Mommsen*, Ammians Geographica, въ *Hermes*, XVI Band (1881). Гардтгаузену принадлежитъ и лучшее изданіе Амміана Марцеллина (Leipzig, 1874).

Къ сожалѣнію, изъ всѣхъ трехъ положеній, къ которымъ мы свели разсужденія Д. И. Иловайскаго о Іорданѣ—съ сохраненіемъ его собственныхъ выраженій, именно послѣднее всего менѣе идетъ къ Іордану. Іорданъ, или же его источникъ, Кассіодоръ, отлично знали, какъ существованіе нѣсколькихъ славянскихъ вѣтвей, такъ и общее ихъ сходство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенное отличіе ихъ отъ Гунновъ. Можно сказать, что сознаніемъ кореннаго отличія между Славянами и Гуннами проникнуто сочиненіе Іордана отъ начала до конца. Правда, что выраженіе Склавины не имѣетъ у него общаго значенія, но за то ему извѣстно другое названіе, имѣющее при своемъ болѣе тѣсномъ значеніи и общее. Д. И. Иловайскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „Слово Венды, сколько извѣстно, служитъ древнѣйшимъ названіемъ Славянъ вообще или значительной ихъ части“ (стр. 535). Послѣдняя оговорка, конечно, прибавлена только впослѣдствіе смутнаго опасенія, какъ бы не попасть въ противорѣчіе въ самимъ собою. Но кто же, кромѣ Тацита, употреблялъ слово Венды въ общемъ значеніи? Не былъ ли въ числѣ такихъ писателей нашъ Іорданъ? Не онъ ли говоритъ о многолюдной націи Венедовъ, хотя и извѣстной теперь подъ разными именами, сообразно различнымъ ея семьямъ и занимаемымъ мѣстамъ, но главнымъ образомъ именуемой Склавенами и Антами: Venetharum natio populosa... quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur? Не онъ ли въ другомъ мѣстѣ пишетъ: „Венеды.... происшедшіе отъ одного корня, теперь извѣстны подъ тремя названіями, то-есть, Венедовъ, Антовъ и Склавенъ“; Venethos..... hi—ab una stirpe exorti tria nunc nomina ediderunt, id est Venethi, Antes, Sclaveni? (гл. 5. 23). Итакъ, у Іордана было въ распоряженіи и общее наименованіе для обозначенія всей совокупности Славянскихъ народовъ. Отчего же онъ ни разу не причислилъ Гунновъ къ Вендамъ? И не только не причислилъ, но вездѣ сознательно и рѣзко имъ противопоставляетъ... Прослѣдивъ исторію Гунновъ, до распаденія Гуннской державы по смерти Аттилы, онъ замѣчаетъ: отступили, ушли назадъ Гунны, которымъ уступала вселенная (cesserunt Hunni, quibus cedere putabatur universitas). Послѣ пораженія, нанесеннаго сыну Аттилы Денгизиху Остъ-Готами, они были изгнаны изъ Панноніи, и съ того времени тѣ Гунны, которые остались, боятся оружія Готовъ (ut iam ex illo tempore, qui remanserunt Hunni et usque actenus Gothorum arma formident). Вотъ исторія Гунновъ; совершенно другая исторія Вендовъ или Славянъ. Они нѣкогда были подъ властію Готскаго короля Гер-

манариха; теперь же, говоритъ Іорданъ,—ради грѣховъ нашихъ вездѣ свирѣпствуютъ: Qui, quamvis nunc ita facientibus peccatis nostris ubique desaeviunt, tamen omnes Hermanarici imperiis servierunt (cap. 23). Къ чему бы ни относились послѣднія слова, на какія событія они ни указывали бы, смыслъ ихъ по отношенію къ вопросу о тожествѣ Славянъ и Гунновъ довольно ясенъ и нисколько не затемняется тѣмъ, что подобное же выраженіе употреблено писателемъ однажды и о Болгарахъ, отличаемыхъ у него отъ собственныхъ Гунновъ. Съ самаго начала и до конца одна была судьба Гунновъ и другая—Славянскаго племени. Іорданъ не даетъ никакого права смѣшивать два племени.

Д. И. Иловайскій утверждаетъ, что въ пристрастномъ и риторическомъ описаніи Гунновъ у Іордана все-таки не встрѣчается такихъ признаковъ, которые прямо указывали бы на ихъ турецкое или финское происхожденіе, и самъ тутъ же рядомъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое нѣсколько куріозно по своему смыслу и формѣ: „Я нахожу даже въ этихъ чертахъ (то-есть, сообщенныхъ Іорданомъ) замѣчательное сходство съ нашимъ собственнымъ велико-русскимъ типомъ, съ обиліемъ у насъ такъ-называемыхъ мордовскихъ физіономій". Но если Д. И. Иловайскій не производитъ лестнаго эпитета отъ браннаго слова „морда", то о чемъ же свидѣтельствуютъ эти физіономіи, если не о родствѣ съ Мордвой, о присутствіи финской крови? Но не въ томъ дѣло. Въ описаніи Іордана несомнѣнно есть черты, не идущія къ Славянамъ. Вопервыхъ, приводя характеристику Гунновъ изъ 24-й главы его сочиненія, Д. И. Иловайскій опустилъ нѣсколько словъ и довольно важныхъ, стоящихъ выше, хотя, конечно, и сдѣлалъ это безъ намѣренія: Genus hoc ferocissimum ediderunt, quae fuit primum inter paludes minutum tetrum atque exile. Жестокая порода, малорослая, черная и тощая... Затѣмъ слѣдуютъ и эти строки: „лицо у нихъ ужасающей черноты и похоже болѣе, если можно такъ выразиться, на безобразный кусокъ мяса съ двумя то́чками вмѣсто двухъ глазъ" (у г. Иловайскаго „съ двумя дырами", habens magis puncta, quam lumina). Что̀ же это значитъ, по толкованію Д. И. Иловайскаго? Это значитъ, по его мнѣнію, что Гунны были люди нечистоплотные и чумазые, съ загорѣлою, истрескавшеюся на вѣтру кожею (стр. 513). Мы можемъ-де предположить тутъ или искусственное черненіе своего лица, или обычное преувеличеніе Іорнанда по отношенію къ ненавистнымъ Гуннамъ (стр. 530). Вѣроятно, этихъ противорѣчущихъ взаимно предположеній требуетъ то, что̀ Д. И. Иловайскій

называетъ тщательнымъ критическимъ анализомъ источниковъ! Но этого еще мало. Тутъ же мы читаемъ, что и Славяне, по извѣстію греческихъ писателей той же эпохи, совсѣмъ не отличались бѣлизною лица. Объ этомъ прямо говоритъ Прокопій, который замѣчаетъ, что они были покрыты грязью и всякою нечистотою и вообще имѣли гуннскіе нравы. Но Прокопій говоритъ не только это, но еще нѣчто другое. Характеризуя Гунновъ Ефѳалитовъ, жителей нынѣшняго Туркестана, отношеніе которыхъ къ перешедшимъ въ Европу историческимъ Гуннамъ дѣйствительно остается не разъясненнымъ, Прокопій отмѣчаетъ черты, которыя отличали ихъ отъ всѣхъ предполагаемыхъ соплеменниковъ: 1) Ефѳалиты не ведутъ кочевой жизни, какъ ведутъ ее остальные Гуннскіе народы. Οὐ γὰρ νομάδες εἰσὶν ὥσπερ τὰ ἄλλα Οὐννικὰ ἔθνη. 2) Изъ всѣхъ Гунновъ они одни бѣлы тѣломъ и не безобразны лицомъ. Μόνοι δὲ Οὔννων οὗτοι λευκοί τε τὰ σώματα καὶ οὐκ ἄμορφοι τὰς ὄψεις εἰσίν. Итакъ, относительно Гунновъ Прокопій вполнѣ согласенъ съ Іорданомъ: Европейскіе Гунны были кочевники, они были безобразны и не были бѣлы. И о Славянскихъ народахъ этотъ безспорно наблюдательный и вполнѣ достовѣрный свидѣтель и очевидецъ показываетъ не совсѣмъ то, что̀ можно подумать по неполнымъ сообщеніямъ Д. И. Иловайскаго. О безобразіи Славянъ у него нѣтъ и помину. „Славяне всѣ высокаго роста и весьма сильны; цвѣтъ тѣла и волосъ у нихъ ни слишкомъ бѣлый, ни слишкомъ красный или рыжій, а также не переходитъ въ совершенно смуглый; но всѣ они русы и румяны“: ἀλλ' ὑπέρυθροί εἰσιν ἅπαντες. Полагаемъ, что тамъ и здѣсь есть значительные и важные оттѣнки: Гунны положительно не были бѣлы, Славяне были не совсѣмъ бѣлы; а выраженіе ὑπέρυθροι, относимое одинаково къ цвѣту тѣла и волосъ, едва ли можетъ быть переведено какъ-нибудь иначе, чѣмъ это мы сдѣлали. Во всякомъ случаѣ очевидно, что нѣтъ никакого основанія противопоставлять Прокопія Іордану, а скорѣе слѣдуетъ одного дополнять другимъ и понимать согласно обоихъ. Что же касается грязи, о которой дѣйствительно говорится у Прокопія, то вопервыхъ, извѣстно, что она бываетъ замѣтнѣе именно на бѣломъ, а вовторыхъ, при точномъ пониманіи текста, она должна быть относима къ образу жизни, а совсѣмъ не къ наружности. Точно также и въ самомъ ограниченномъ смыслѣ нужно принимать и слова Прокопія о сходствѣ славянскаго нрава съ гуннскимъ: „Всего менѣе они лукавы или злы, однако вмѣстѣ съ простодушіемъ они обнаруживаютъ и гуннскій нравъ“. Πονηροὶ μέντοι ἢ κακοῦργοι ὡς ἥκιστα τυγχάνουσιν ὄντες, ἀλλὰ κἀν τῷ

ἀφελεῖ διασώζουσι τὸ οὐννικὸν ἦθος (II, 335). Нельзя отсюда дѣлать заключеній ни о тожествѣ коренныхъ условій быта, какъ это склоненъ дѣлать Д. И. Иловайскій (стр. 538): иначе лишены были бы всякаго смысла замѣчанія Прокопія о кочевомъ образѣ жизни Гунновъ и о характерѣ славянской осѣдлости хотя бы и въ лачугахъ (ἐν καλύβαις), ни о племенномъ единствѣ ихъ; иначе утратило бы смыслъ самое сравненіе Славянъ съ Гуннами; значеніе его именно и состоитъ въ указаніи противорѣчія между природными, своими качествами Славянъ и какими-то проявленіями чуждаго имъ духа—вѣроятно, военной жестокости. Если бы мы рѣшились провести полную параллель между Славянами и Гуннами по Прокопію, то нашли бы и другіе существенные признаки племеннаго несходства. Гунны описываются какъ конники и отличные стрѣлки изъ лука (I, 359; II, 129, 146 и т. д.); о Славянахъ прямо сказано, что они сражаются пѣшіе — черта, отмѣченная Тацитомъ, еще сохранилась,—имѣя въ рукахъ щиты — другая черта, которой тоже не опустилъ изъ виду римскій историкъ,— но никогда не надѣвая панцыря (II, 35). Возвращаемся къ Іордану. Въ высшей етепени любопытно и важно сохранившееся въ его сочиненіи описаніе наружности Аттилы: „Имѣя малый ростъ, широкую грудь, большую голову, маленькіе глаза, рѣдкую бороду, волосы съ просѣдью, приплюснутый носъ, темное лицо, онъ отражалъ въ себѣ всѣ признаки своего племени“ [1]. Какъ мы уже замѣтили выше, это описаніе крайне не понравилось нашему ученому изслѣдователю — больше всего, конечно, по причинѣ, сдѣланной въ концѣ замѣтки о типичности описанной физіономіи. Чего только не наговорилъ по этому поводу Д. И. Иловайскій! 1) Іорнандъ основывается неизвѣстно на какихъ источникахъ. Но въ этой же самой главѣ, нѣсколькими строками ниже, Іорданъ ссылается на Приска; предположеніе, что отрывокъ, посвященный наружности Атиллы, взятъ изъ того же писателя, до того простъ и естественъ, что онъ уже и былъ высказываемъ другими, напримѣръ, Бэромъ, на статью котораго ссылается Д. И. Иловайскій; послѣ же замѣчаній, сдѣланныхъ знаменитымъ Моммсеномъ въ предисловіи къ новѣйшему изданію Іордана, заимствованіе изъ Приска нужно считать несомнѣннымъ фактомъ. 2) Едва ли это описаніе не есть плодъ воображенія, тенденціонно настроеннаго. Но почему же? Ужели Іорданъ

---

[1]) Forma brevis, lato pectore, capite grandiore, minutis oculis, rarus barba, canis aspersus, semo nasu, teter colore, originis suae signa restituens (cap. 35).

думалъ выразить свою ненависть къ Гуннамъ, приписавъ ихъ царю, умершему сто лѣтъ тому назадъ, рѣдкую бороду или носъ приплюснутый? Притомъ, если прочитать всю характеристику, то становится яснымъ, что она вовсе не была задумана въ неблагопріятномъ смыслѣ, а напротивъ, скорѣе въ лестномъ.... Erat namque superbus incessu; — — — bellorum quidem amator, sed ipse manu temperans, consilio validissimus, supplicantibus exorabilis, propitius autem in fidem semel susceptis; forma brevis и т. д. 3) Путаясь въ напрасныхъ оговоркахъ и околичностяхъ, нашъ изслѣдователь готовъ даже допустить, что описаніе, пожалуй, шло бы вообще къ Гуннамъ, но что оно напрасно перенесено на Аттилу; Іорнандъ намѣренно хотѣлъ совмѣстить въ немъ всѣ непривлекательныя стороны гуннской наружности. Но тогда онъ не расточалъ бы похвальныхъ эпитетовъ нравственнымъ качествамъ Аттилы, тѣмъ болѣе, что и для него непривлекательность Гунновъ состояла не столько въ ихъ наружности, сколько въ ихъ дикости и свирѣпости. 4) Далѣе: „при всей тенденціозности или предвзятости описанія, мы не видимъ тутъ никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ Туранской расы". Если бы это замѣчаніе было справедливо, то конечно, оно дѣлало бы излишними всѣ предыдущія разсужденія. Къ сожалѣнію, весьма авторитетные люди думали иначе. Прочитавъ характеристику Приска, знаменитый натуралистъ Бэръ написалъ: „Est ist kaum möglich die mongolische Gesichtsbildung prägnanter zu bezeichen". Кажется, никто не сочтетъ приплюснутый носъ, маленькіе глаза и рѣдкую бороду признаками собственно Славянскаго племени. 6) Наконецъ, Д. И. Иловайскій думалъ уничтожить Іордана Прискомъ: „Всѣ фразы Амміана Марцеллина и Іорнанда о крайнемъ безобразіи Гунновъ теряютъ свой острый характеръ, если сличить ихъ съ извѣстіями Византійца Приска. Сей послѣдній лично посѣтилъ столицу Гунновъ и видѣлъ самого Аттилу, слѣдовательно могъ бы въ точности описать ихъ безобразіе. Однако, онъ совсѣмъ не говоритъ о наружности Гунновъ вообще и Аттилы въ особенности, чего никакъ бы не случилось, еслибъ эта наружность его поразила" (стр. 516). Изъ памяти нашего изслѣдователя ускользнуло одно довольно важное обстоятельство: до насъ дошло не все сочиненіе Приска въ цѣлости, а только отрывки, случайно выхваченные изъ разныхъ мѣстъ его творенія. Въ тѣхъ частяхъ, которыя до насъ дошли, могло быть то и другое, и даже навѣрное было. Іорданъ, или его главный источникъ Кассіодоръ, несомнѣнно имѣли въ рукахъ сочиненіе Приска еще въ полномъ его видѣ, какъ въ этомъ легко

убѣдиться, сличивъ мѣста, въ которыхъ Іорданъ цитируетъ Приска, съ греческо-византійскими изъ него эксцерптами. Очень понятно, что Прискъ служилъ источникомъ для того или другаго писателя не только въ однихъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прямо названъ, но также и въ другихъ. Мы уже сказали, что самая характеристика Аттилы у Іордана ведетъ свое начало именно отъ Приска, который и названъ нѣсколько ниже въ той же самой 35-й главѣ. Любопытно, но за то и крайне непослѣдовательно, что Д. И. Иловайскій готовъ признать, что одна часть этой характеристики, именно относящаяся къ нравственной сторонѣ, дѣйствительно взята у Приска (см. стр. 516: „Говоритъ объ его умѣренности въ одеждѣ, пищѣ и питьѣ, о его серіозности... Послѣднія качества, очевидно, Іорнандъ почерпнулъ изъ Приска"). Прибавимъ еще одно замѣчаніе относительно Приска. Находятъ славянскія черты въ сообщаемыхъ имъ подробностяхъ придворнаго быта, окружавшаго Аттилу; указываютъ, напримѣръ, на дѣвушекъ, привѣтствующихъ родными пѣснями царя при его возвращеніи въ столицу, и т. п. Но намъ кажется, что нѣкоторые изъ описываемыхъ обычаевъ, явно противорѣчащія первоначальному кочевому быту Гунновъ, должны считаться заимствованными и перенятыми у покоренныхъ народовъ — пожалуй даже у самихъ Славянъ, если не у мѣстныхъ обитателей Панноніи Иллирійскаго (Албанскаго) племени; притомъ въ самыхъ сходныхъ со славянскими обычаяхъ есть частности совершенно своеобразныя: дѣвушки выходятъ подъ длинными покрывалами, поддерживаемыми по верхъ ихъ головъ другими женщинами; подносимое при встрѣчѣ вмѣстѣ съ пищею вино Аттила пьетъ сидя на лошади и т. д.

Во второй главѣ изслѣдованія, посвященнаго гуннскому вопросу, точкой отправленія служатъ свидѣтельства двухъ римскихъ поэтовъ V столѣтія — Клавдіана и Аполлинарія Сидонія. Разборомъ ихъ Д. И. Иловайскій особенно старается доказать то вышеупомянутое нами положеніе, что въ вопросѣ о наружности Гунновъ главную роль игралъ элементъ искусственнаго безобразія. Мы не будемъ долго останавливаться на Клавдіанѣ. Въ стихотвореніи на Руфина, писанномъ вскорѣ послѣ его убіенія, послѣдовавшаго въ ноябрѣ 396 года, находится отрывокъ, гдѣ идетъ рѣчь о Гуннахъ. Они представляются народомъ, чуждающимся земледѣлія, отвратительной наружности, „они считаютъ шуткою рѣзать себѣ лицо и прекраснымъ клясться убитыми родителями", живутъ постоянно на конѣ и т. д.

Praeda cibus, vitanda Ceres frontemeque secare
Lusus et occisos pulchrum jurare parentes.
(Claudiani carmina, rec. Jeep. I, 29).

Въ рѣзаніи себѣ лица Д. И. Иловайскій справедливо узнаетъ извѣстный — особенно изъ 49-й главы Іордана — обрядъ выраженія печали, и потому замѣчаетъ, что подобный обычай существовалъ еще у царскихъ Скиѳовъ; а эти Скиѳы, по всѣмъ даннымъ, были племя Арійское, а не Туранское. Вѣрное замѣчаніе, которое, однако, не можетъ служить той цѣли, ради которой оно приведено. Самъ же Д. И. Иловайскій твердитъ, что нельзя изъ сродства обычаевъ у разныхъ народовъ заключать къ ихъ тожеству или родству. Относительно даннаго случая — несомнѣнно, что погребальные обряды надъ трупомъ Аттилы, описанные Іорданомъ, очень близко напоминаютъ обычаи Туранскихъ народовъ, притомъ тѣхъ, которые считаются у новыхъ изслѣдователей состоящими въ ближайшемъ родствѣ съ Гуннами, именно у Хіонитовъ, конечно, ближе напоминающихъ китайскихъ Хіогну, чѣмъ собственно Гунны (см. Wietersheim—Dahn, Geschichte der Völkerwanderung, II, 17, 22 и сл.). Похороны сына Грумбата, сопровождавшіяся такими же церемоніями, описаны у Амміана Марцеллина въ началѣ девятнадцатой книги.

Кстати замѣтимъ, что едва ли вѣрно поняты Д. И. Иловайскимъ слова Клавдіана: „et occisos pulchrum jurare parentes". Все описаніе имѣетъ цѣлію представить Гунновъ въ ненавистномъ и отвратительномъ видѣ: но что̀ же гнуснаго и постыднаго въ томъ, что они клянутся умершими предками: такъ переводитъ Д. И. Иловайскій. Нѣтъ, occisos—значитъ убитыми, и на этомъ словѣ лежитъ удареніе. Тутъ заключается указаніе на то, что Гунны убивали своихъ родителей, а можетъ быть, на что-нибудь въ такой же степени ужасное. Д. И. Иловайскій основательно припомнилъ о Геродотѣ по поводу царапанія лица. Можетъ быть, Клавдіанъ даже прямо пользовался Геродотовымъ описаніемъ древнихъ Скиѳовъ, заимствуя оттуда черты для изображенія новыхъ Скиѳовъ. Иные считали Гунновъ потомками Массагетовъ, а у Геродота говорится о массагетскомъ обычаѣ убивать и затѣмъ съѣдать родителей, тогда какъ у Скиѳовъ хотя и было въ обыкновеніи послѣднее, но безъ предварительнаго насильственнаго умерщвленія (I, 216; IV, 26). Такимъ образомъ, если бы позволялъ размѣръ, то вмѣсто jurare можно было бы предложить чтеніе vŏrare.

Переходимъ теперь къ отрывку изъ Аполлинарія Сидонія, толкова-

нію котораго посвящена почти вся вторая глава изслѣдованія о Гуннахъ. Въ этомъ отрывкѣ дѣйствительно заключаются наиболѣе — не скажемъ отчетливыя, но подробныя указанія на разные пріемы деформаціи или уродованія лица, бывшіе въ употребленіи у Гунновъ. Съ этой точки зрѣнія важность нашего мѣста была вполнѣ оцѣнена знаменитымъ академикомъ Бэромъ въ изслѣдованіи, которое и ранѣе намъ приходилось вспоминать: Die Makrokephalen im Boden der Krym und Oesterreichs — въ Мемуарахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ за 1860 г.

Приводимъ прежде всего наиболѣе важную часть отрывка, написаннаго около 460 года по Р. X., тѣмъ болѣе, что переводъ Д. И. Иловайскаго не во всѣхъ отношеніяхъ кажется намъ удовлетворительнымъ: „Круглая масса кончается узкою головою [1]). Подо лбомъ въ двухъ впадинахъ находится зрѣніе, хотя и нѣтъ глазъ [2]). Свѣтъ, устремленный (введенный) въ полость (камеру) мозга, едва достигаетъ убѣгающихъ назадъ (впалыхъ) орбитъ, которыя однако не закрыты; напротивъ, чрезъ малое отверстіе они видятъ обширныя пространства; свѣтлыя точки въ глубокихъ отверстіяхъ замѣняютъ имъ пользованіе (настоящими) большей величины глазами [3]). Чтобы носъ не слишкомъ выдавался между щеками и не мѣшалъ шлему, круглая повязка придавливаетъ нѣжныя ноздри. Такимъ образомъ материнская любовь

---

[1]) C. Soll. Apollinaris Sidonii opera ed. *Baret* (Paris, 1879), pag. 604.

. . . . . Consurgit in arctum
Massa rotunda caput.....

Д. И. Иловайскій переводитъ: «Круглою массою возвышается его сдавленная голова». Но размѣръ показываетъ, что massa rotunda—именительный падежъ.

[2]) ...... Geminis sub fronte cavernis
Visus adest oculis absentibus.

[3]) ...... Acta cerebri
In cameram vix ad refugos lux pervenit orbes,
Non tamen et clausos; nam fornice non spatioso,
Magna vident spatia, et majoris luminis usum
Perspicua in puteis compensant puncta profundis:

Переводъ Д. И. Иловайскаго: «Свѣтъ, едва брошенный въ полость мозга, проникаетъ до *наружныхъ* (?) крайнихъ орбитъ, однако незакрытыхъ, такъ какъ чрезъ малое отверстіе они видятъ обширныя пространства, и недостатокъ *красоты возмѣщаютъ тѣмъ, что различаютъ малѣйшіе предметы на днѣ колодца*... Но perspicua puncta=puncta magis, quam lumina въ 24-й главѣ Іордана (Іорнанда), а *puteum* значитъ здѣсь углубленіе, а не колодецъ.

обезображиватъ рожденныхъ для битвъ, поелику при отсутствіи носа поверхность щекъ дѣлается еще шире. Остальная часть тѣла у мужчинъ красива: широкая грудь, большія плечи, подобранный (небольшой) подъ грудью животъ [1]). Пѣшіе они представляются средняго роста; но если видимъ ихъ на конѣ, то они кажутся статными; такими же часто являются, когда сидятъ. Едва ребенокъ покидаетъ лоно матери, какъ онъ уже на спинѣ коня. Можно подумать, что это члены одного тѣла, ибо всадникъ какъ бы прикованъ къ лошади; другіе народы ѣздятъ на конскомъ хребтѣ, а этотъ живетъ на немъ"— и т. д. Въ этомъ поэтическомъ, нѣсколько изысканномъ и надутомъ, а отъ того и не совсѣмъ вездѣ ясномъ описаніи внѣшняго вида Гунновъ, мы, вопервыхъ, отмѣчаемъ черты, извѣстныя намъ изъ другихъ писателей. Особенное вниманіе обращено на маленькіе, чуть замѣтные глубоколежащіе глаза, заставляющіе Аполлинарія сказать, что хотя у Гунновъ и есть зрѣніе, но собственно глазъ нѣтъ; эти маленькія прозрачныя точки свѣтятся изъ глубокихъ впадинъ сквозь узкія отверстія. Затѣмъ, Аполлинарій Сидоній нѣсколько иначе, чѣмъ другіе писатели, выражается о ростѣ Гунновъ; прочіе называютъ ихъ малорослыми, а онъ даетъ имъ средній ростъ; изъ дальнѣйшихъ подробностей можно заключить, что собственно они были коротконоги то-есть, длина ногъ не соотвѣтствовала формѣ туловища. Думаемъ что большаго разногласія между Аполлинаріемъ Сидоніемъ и Амміаносъ Марцеллиномъ—нѣтъ, и что бо̀льшую точность въ выраженіяхъ слѣдуетъ предполагать скорѣе у прозаика, чѣмъ у поэта, стѣсненнаго въ выборѣ словъ требованіями размѣра. Кочевыя привычки Гунна, коннаго наѣздника, были описаны подробно еще Амміаномъ. Новую подробность составляетъ сообщаемое Сидоніемъ указаніе на форму головы, къ сожалѣнію—довольно темное. Находя, вмѣстѣ съ Д. И. Иловайскимъ, толкованія Бэра и особенно предлагаемыя имъ исправленія текста, довольно сомнительными, мы воздерживаемся отъ всякихъ разсужденій. Яснымъ кажется намъ только одно, что Сидоній имѣлъ въ виду указать на суживающуюся къ верху, конусообразную голову; но у него нѣтъ никакого намека на то, чтобы такая форма достигалась искусственными средствами, какъ это предполагалъ

---

[1]) Cetera pars est pulchra viris. Stant pectora vasta,
Jnsignes humeri, succincta sub ilibus alvus.

О переводѣ Д. И. Иловайскаго: «широкая грудь, большія плечи, *подпоясанный ниже пупа животъ*»—скажемъ ниже.

Ам. Тьерри. Даже и прямое указаніе Сидонія на уродованіе посредствомъ повязокъ—главнымъ образомъ съ цѣлію достигнуть совершенно плоской формы носа—выражено такъ, что возбуждаетъ справедливыя сомнѣнія. Со времени одного французскаго ученаго натуралиста (Госса), занимавшагося вопросомъ о деформаціяхъ черепа, у Гунновъ, на основаніи словъ Сидонія, предполагаютъ монголоидную или носотемянную уродливость, свойственную теперь нѣкоторымъ Киргизамъ (см. Антропологію Топинара, переводъ Мечникова, стр. 174). Но другіе считаютъ совершенно неправоподобною описанную поэтомъ операцію надъ новорожденными дѣтьми, такъ какъ она препятствовала бы имъ не только кормиться грудью матери, но даже затрудняла бы дыханіе, а сверхъ того, не достигала бы и своей предполагаемой цѣли—искоренить всякіе признаки носа и сдѣлать лицо совершенно плоскимъ. Бэръ, котораго мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду, и который представляетъ, конечно, великій авторитетъ въ вопросахъ подобнаго рода, полагаетъ, что сообщеніе Аполлинарія Сидонія должно быть считаемо просто за неправильно придуманное объясненіе извѣстной черты въ физіономіи страшнаго народа. Можно допустить, что онъ видалъ взрослыхъ Гунновъ съ плоскимъ лицемъ, приплюснутымъ носомъ и выдающимися скулами: на это указываетъ отмѣченная имъ и уже сама по себѣ существующая широта щекъ; но у него не было никакого случая наблюдать надъ новорожденными сынами степей. Онъ, какъ и его предшественникъ, Амміанъ Марцеллинъ, конечно, не только никогда не стоялъ надъ колыбелью гуннскаго младенца, не слѣдилъ за пріемами гуннскихъ повитухъ, но конечно, никогда не бывалъ и въ кочевой ихъ кибиткѣ. Замѣчено было, что древніе, мало знакомые съ физіологіей и антропологіей, склонны были объяснять всякія явленія и черты, кажущіяся имъ необычайными, посредствомъ искусственныхъ операцій. Если имъ вполнѣ повѣрить, то-есть, принять не только фактическія ихъ сообщенія, но и толкованія ихъ, то удивительною и даже сверхестественною покажется намъ живучесть гуннскаго младенца. Едва только онъ явился на свѣтъ, ему, вопервыхъ, принимаются рѣзать лицо и наносятъ такія глубокія раны, что слѣды ихъ остаются на всю жизнь, и затѣмъ—сжимаютъ носовые хрящи такъ, что онъ можетъ дышать только ртомъ и долженъ отъ этого совершенно воздержаться, когда беретъ грудь матери. Какъ бы тамъ дѣло ни было, все-таки въ описаніи Аполлинарія Сидонія окажутся черты, которыя скорѣе всего указываютъ на монгольскую, или въ частности, на та-

тарскую породу и никакъ не могутъ быть объясняемы какою-либо деформаціей, напримѣръ, маленькіе глаза, короткія ноги.

Замѣчательны нѣкоторые пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ Д. И. Иловайскій съ цѣлью убѣдить насъ въ томъ, что описаніе Аполлинарія могло бы также идти и къ Славянамъ. У него выходитъ, что Сидоній, вопреки Іордану, положительно говоритъ о прекрасномъ сложеніи, среднемъ и даже болѣе чѣмъ среднемъ ростѣ (стр. 538) Гунновъ, и по этому поводу снова подвергается упрекамъ Іорданъ, который будто бы относился къ нимъ съ очевиднымъ пристрастіемъ и отъ того назвалъ ихъ малорослыми (стр. 532). Опущено изъ виду то немаловажное обстоятельство, что Гунны казались высокими, или лучше сказать, статными (procera), пока сидѣли на лошади или вообще не стояли на ногахъ. Желая сравнять ростомъ Гунновъ и Славянъ, Д. И. Иловайскій не довольствуется тѣмъ, что нѣсколько приподнялъ къ верху Гунновъ, но еще понижаетъ Славянъ. Для этой цѣли онъ приводитъ разказъ византійскаго историка Ѳеофана о смерти императора Валентиніана I, послѣдовавшей въ 375 году. Апоплексическій ударъ, поразившій императора, представляется здѣсь какъ послѣдствіе припадка гнѣва и ярости при видѣ ничтожныхъ, жалкихъ, малорослыхъ Савроматовъ, осмѣлившихся напасть на римскія границы. „Извѣстіе это", разсуждаетъ нашъ изслѣдователь,— „имѣетъ нѣсколько легендарный характеръ; но оно указываетъ на то, какъ свысока иногда смотрѣли Греки и Римляне на дунайскихъ Сарматовъ; а подъ дунайскими Сарматами несомнѣнно разумѣется одинъ изъ Славянскихъ народовъ" (стр. 532). Къ сожалѣнію, многое, что кажется несомнѣннымъ Д. И. Иловайскому, не таково на самомъ дѣлѣ. Зачѣмъ было не обратиться къ первоначальному источнику, изъ котораго непосредственно или посредственно идутъ всѣ наши извѣстія о кончинѣ Валентиніана I, то-есть, къ Аммiану Марцеллину (XXX cap. 10)? Отсюда видно, что народъ, съ которымъ Валентиніанъ воевалъ, и послы котораго были имъ приняты предъ смертью, назывались Квадами; а о Квадахъ мы имѣемъ несомнѣннѣйшія данныя, что это были Германцы.

Любопытно также толкованіе словъ Аполлинарія Сидонія „succincta sub ilibus alvus". Д. И. Иловайскій, должно быть, очень увѣренъ въ своемъ глубокомъ знаніи латинскаго средневѣковаго языка, если онъ считаетъ возможнымъ уличать французскихъ переводчиковъ и издателей Аполлинарія Сидонія въ плохомъ и неправильномъ пониманіи комментируемаго ими писателя. Старые Французы обыкновенно

бывали хорошими латинистами. Вмѣсто французскаго „une taille svelte“ или „ils n'ont presque point de ventre“, Д. И. Иловайскій предлагаетъ свой переводъ, изъ котораго обнаруживается, что Гунны—совершенно какъ наши православные мужички — подпоясывались низко по животу. Но бѣда въ томъ, что такое толкованіе совсѣмъ не идетъ къ контексту, въ какомъ слова стоятъ у Сидонія. Онъ хочетъ объяснить, что помимо головы остальная часть туловища Гунновъ отличается статностію, такъ что рѣчь идетъ вовсе не объ одеждѣ или костюмѣ. Грудь—широка, плеча—велики, а животъ—ужели подпоясанъ? Succinctus значитъ подтянутый, подобранный; оттуда—короткій, малый. Nervii, quibus succinctum est corpus—не значитъ, что этотъ галльскій народъ подпоясывался по животу или иначе. Succincti quae sint bona disce libelli (Martial.)—не значитъ: узнай, какія достоинства подпоясанной книжки, а короткой и т. д. Ilia не значитъ собственно пупъ, а ту часть брюшины, которая поднимается и сокращается при дыханіи и особенно при быстромъ бѣгѣ, промежутокъ между нижними ребрами съ обѣихъ сторонъ до нижней части живота. Succinctus sub ilibus alvus—подобранный подъ брюхомъ животъ—это значитъ, что Гунны были сухопары.

Для полноты мы должны отмѣтить, что Д. И. Иловайскій считаетъ за Гунновъ небольшой, очевидно, народъ, помѣщенный Птолемеемъ около Днѣпра между Бастарнами и Роксоланами и названный Хунами (Χοῦνοι). Не мы первые усумнимся въ основательности сопоставленія Унновъ, какъ всегда пишутъ Греки (Οὖννοι), съ Хунами, тѣмъ болѣе что цѣлый рядъ писателей, названныхъ тутъ же Д. И. Иловайскимъ (стр. 521), указываетъ древнія жилища Гунновъ совершенно въ другомъ мѣстѣ. Нашему изслѣдователю хотѣлось бы, между прочимъ, совершенно устранить историческое преданіе о приходѣ Гунновъ изъ глубины Азіи, съ востока. Для этого онъ привлекаетъ даже слова Амміана Марцеллина, что о нихъ уже упоминали старые писатели, хотя выраженіе этого автора имѣетъ нѣсколько иное намѣреніе: Hunorum gens monumentis veteribus leviter nota—народъ, мало извѣстный древнимъ памятникамъ. Свидѣтельство Птолемея, писателя II вѣка, конечно, годилось бы болѣе, если бы оно несомнѣнно относилось къ нашимъ Гуннамъ. Напрасно Д. И. Иловайскій опустилъ изъ виду Зосима, свидѣтеля тѣмъ болѣе важнаго, что, принадлежа самъ половинѣ V вѣка, онъ пользовался изслѣдованіями своего предшественника (въ самомъ началѣ V вѣка) Евнапія. Зосимъ сообщаетъ намъ два взгляда, подобно тому какъ и Евна-

пій, по его собственнымъ словамъ, измѣнилъ первоначальное свое мнѣніе, почерпнутое изъ древнихъ писателей, на другое, болѣе самостоятельное (см. Dindorf, Historici graeci minores, I, 236). По одному взгляду, Гунны — народъ прежде совсѣмъ неизвѣстный (πρότερον οὐκ ἐγνωσμένον), и тогда, то-есть, въ IV вѣкѣ, внезапно появившійся; по другому—они себѣ имѣли предшественниковъ въ тѣхъ Скиѳахъ (Зосимъ ошибочно называетъ ихъ Царскими), которые описаны Геродотомъ какъ курносые и слабые люди (σιμὸυς καὶ ἀσθενέας ἀνθρώπους, pag. 194. Сравн. Herod. IV, 23).

Что же еще остается за всѣмъ этимъ? Остаются позднѣйшіе писатели. „Если мы пойдемъ далѣе въ болѣе поздніе вѣка, то увидимъ, что Гунны въ источникахъ легко отожествляются со Славянами, напримѣръ, у Беды Достопочтеннаго, въ византійской Пасхальной хроникѣ, у Кедрина, въ нѣмецкихъ сказаніяхъ“ (стр. 535). Тутъ не все вѣрно; относительно Пасхальной хроники существуетъ какое-либо недоразумѣніе: она нигдѣ не отожествляетъ Гунновъ со Славянами и говоритъ о первыхъ только въ одномъ мѣстѣ. Беду мы тоже должны оставить на совѣсти Д. И. Иловайскаго, такъ какъ мы не находимъ того мѣста, въ которомъ англо-саксонскій историкъ называетъ Славянъ Гуннами. Если Д. И. Иловайскій разумѣетъ то мѣсто, которое было указываемо еще Шафарикомъ, то вѣдь это еще только догадка, что Гунны (Huni), помѣщенные между Ругами, Данами и Саксами, въ самомъ дѣлѣ въ представленіи писателя соотвѣтствовали Славянамъ. Кедринъ въ одномъ случаѣ выразился: Гунны или Склавины. Но даже и объяснять не стоитъ, какое малое значеніе имѣетъ эта случайная фраза компилятора, жившаго въ XII вѣкѣ и никогда не мечтавшаго быть авторитетомъ въ вопросѣ о Гуннахъ, къ его времени вездѣ позабытыхъ. Идетъ въ счетъ даже и подобное доказательство: одинъ славянскій князь просилъ у нѣмецкаго герцога, врага Славянъ, въ замужество его внучку или племянницу и услышалъ такой отвѣтъ, что мы не выдадимъ свою родственницу за собаку; послѣ, поднимая своихъ соплеменниковъ противъ Нѣмцевъ, славянскій князь, указывая имъ на свою обиду и нѣсколько обобщая ее, говорилъ, что вотъ Саксонцы называютъ Славянъ собаками: Intimavit eis illatam sibi contumeliam, et quia Saxonum voce Sclavi canes vocentur. (Helmoldi chron. Sclav. cap. 16). Наши почтенные историки-изслѣдователи умудрились тутъ найдти доказательство, что Гунны были Славяне. Здѣсь-де очевидное сближеніе названія Гунъ съ нѣмецкимъ словомъ Hund. Д. И. Иловайскій прибавилъ еще ни-

жеслѣдующее глубокомысленное и совсѣмъ непонятное замѣчаніе: „Для насъ важно въ этомъ мѣстѣ Гельмольда то, что рѣчь идетъ не объ отдѣльномъ какомъ-либо лѣтописцѣ (?), а вообще у Саксовъ Славяне назывались Гуннами“ (стр. 535). Русская былина заставляетъ Крымскаго хана держать такую рѣчь къ русскому плѣннику: „отрекись отъ бѣлаго царя, и поклонись мнѣ собакѣ Крымскому хану“. Мы не намѣрены заключать отсюда, что и Крымскіе Татары могутъ быть производимы отъ Гунновъ, а хотимъ только сказать, что бранное слово „собака“ употребляется у нѣкоторыхъ народахъ независимо отъ его созвучія или несозвучія съ названіемъ Гунновъ. Остается еще филологія Д. И. Иловайскаго, о которой, конечно, лучше умолчать, такъ какъ и самъ онъ не придаетъ серьезнаго значенія своимъ толкованіямъ гуннскихъ именъ изъ славянскаго языка — въ родѣ производства имени Аттилы отъ корня атя или батя=тятя. Онъ думаетъ, что такія его шуточныя этимологіи не хуже другихъ, дѣлаемыхъ совершенно серьезно серьезными людьми. Онъ приводитъ слѣдующія личныя имена: Валамiръ, Мундюхъ, Харатонъ, Руа, Оиварсій, Блѣдъ, Денгизихъ, Еллахъ, Ирникъ, Атакамъ, Мама, Верихъ, Васихъ, Курсихъ, Уто, Искальми — и спрашиваетъ, что же несомнѣннаго урало-алтайскаго въ этихъ именахъ? „Если филологія пока не умѣетъ раскрыть ихъ арійское значеніе, то еще менѣе она можетъ доказать ихъ татарское и чудское произношеніе“ (стр. 519). Это значитъ: „конечно, я не надѣюсь убѣдить васъ, что Аттила происходитъ отъ батя, но за то и вы не заставите меня признаться, что Мамай, Еллакъ и Ирникъ— имена монгольскія или турецкія“. Когда такое рѣшеніе принято заранѣе, то напрасно будетъ спорить.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе, и затѣмъ сведемъ результаты. Д. И. Иловайскій въ одномъ мѣстѣ выразился, что имя Гунновъ у писателей переносилось иногда и на другіе народы (стр. 543). Что оно переносилось на Славянскіе народы, на это нѣтъ безспорныхъ и важныхъ примѣровъ, указывающихъ на опредѣленное, постоянное и сознательное убѣжденіе. Но несомнѣнно, что оно систематически и правильно переносилось, притомъ лучшими и наиболѣе свѣдущими писателями, на совершенно другую семью народовъ, именно Туранскую. Кого, напримѣръ, именуетъ Гуннами Ѳеофилактъ Симокатта, описывающій современное ему царствованіе Маврикія? Вотъ его выраженія: „Гунны, живущіе на востокѣ, которые болѣе извѣстны подъ названіемъ Турокъ“ (pag. 47). „Гуннскіе народы, которые часто упоминаются въ исторіи подъ именемъ Турокъ“ (pag. 172). Эти вос-

точные Турки суть позднѣйшіе Хазары, которыхъ и Д. И. Иловайскій не намѣренъ дѣлать Славянами. Славяне Симокаттѣ очень хорошо извѣстны, но онъ не причисляетъ ихъ къ Гуннскимъ народамъ. Подобное же словоупотребленіе мы встрѣчаемъ у древнѣйшихъ и лучшихъ армянскихъ писателей, постоянно именующихъ Хазаръ Гуннами (см. напримѣръ, у Моисея Каганкатваци, стрр. 27, 73—78, 82—89, 108, 153). Еще яснѣе фамильное родство Гунновъ выясняется въ сочиненіи Маврикія о стратегическомъ искусствѣ, которое во всякомъ случаѣ есть наилучшій источникъ для изученія этнографическихъ отношеній на востокѣ конца VI вѣка, будетъ ли оно признано принадлежащимъ самому императору Маврикію или соименному только литератору, писавшему по его порученію. Здѣсь, между прочимъ, рекомендуются особые военные пріемы и средства сообразно съ особенными свойствами и привычками разнаго рода враговъ, окружавшихъ тогда Византію; всѣ эти враги сводятся къ тремъ группамъ согласно съ племеннымъ своимъ родствомъ и соотвѣтствующимъ ему тожествомъ нравовъ и обычаевъ. Сначала объясняется, какъ слѣдуетъ сражаться со Скиѳами, то-есть, Аварами, Турками и прочими схожими съ ними Гуннскими народами... Ἀβάροις καὶ Τούρκοις καὶ λοιποῖς ὁμοδιαίτοις αὐτοῖς οὐννικοῖς ἔθνεσιν (Mauric. Strategic. XI cap. 3, ed. Scheffer, pag. 260). Затѣмъ слѣдующая глава (cap. 4) трактуетъ о русыхъ народахъ (τὰ ξανθὰ ἔθνη), то-есть, о Франкахъ, Лонгобардахъ и подобныхъ имъ, и наконецъ, третья глава (cap. 5) озаглавлена, какъ нужно сражаться со Славянами, Антами и подобными имъ. Итакъ, Маврикій принимаетъ три совершенно отличныя, какъ это и обнаруживается изъ подробностей его характеристики, семьи или племенныя группы: Гуннскую, къ которой относятся наши Туранскіе народы, бѣлокурую Германскую и третью Славянскую [1]). Вотъ правильная классификація, сдѣланная знатокомъ дѣла: она одна въ состояніи ниспровергнуть цѣлую половину умствованій Д. И. Иловайскаго; къ сожалѣнію, онъ опустилъ Маврикія изъ виду, точно такъ, какъ и Зосима.

Въ доказательство того, что мы не опустили ничего важнаго въ изслѣдованіи Д. И. Иловайскаго о Гуннахъ, мы повторяемъ шесть положеній, къ которымъ онъ самъ свелъ всю свою аргументацію (еще два положенія касаются уже дальнѣйшихъ слѣдствій, проистекающихъ

---

[1]) Относительно словоупотребленія прилагательнаго *гуннскій* см. еще стр. 107, 109, 128, 137.

изъ рѣшенія вопроса въ данномъ смыслѣ), и присоединяемъ свои краткія замѣчанія, основанныя на всемъ предыдущемъ.

1) Представленіе о Гуннахъ, какъ о народѣ монгольскомъ и вообще туранскомъ, возникло въ европейской исторіографіи главнымъ образомъ на основаніи того описанія ихъ наружности, которое находится въ сочиненіяхъ Амміана Марцеллина и Іордана. Но эти описанія страдаютъ явными преувеличеніями; а Іорданъ крайне пристрастно относится къ Гуннамъ. Притомъ въ самомъ ихъ описаніи нѣтъ прямыхъ указаній на чисто-монгольскія черты, какъ узкіе глаза, выдающіяся скулы и острый подбородокъ.

На это мы отвѣчаемъ: Представленіе о Гуннахъ, какъ о народѣ, не принадлежащемъ къ европейской семьѣ, прежде всего основывается на совокупности историческихъ данныхъ, на общемъ голосѣ историческаго преданія. Амміанъ Марцеллинъ и Іорданъ прямо указывали, когда и откуда появился этотъ народъ; они рѣзко отличали его отъ Германцевъ, а также отъ Славянъ и отъ прочихъ старожиловъ въ Европѣ; послѣдній даетъ намъ возможность прослѣдить исторію Гунновъ на значительномъ пространствѣ времени, при чемъ оказывается, что Гунны не сливаются со Славянами, а сохраняютъ свою противоположность съ ними. Описаніе наружности не имѣетъ такого первостепеннаго значенія, хотя, конечно, не лишено смысла; въ совокупности съ другими признаками, оно говоритъ, что Гунны не принадлежали ни къ какой европейской семьѣ народовъ, ни къ Германской, ни къ Славянской, ибо эти послѣдніе описываются древними авторами совершенно иначе. Можно сказать только, что эти наружные признаки не довольно отчетливы и подробны, чтобы рѣшить вопросъ о принадлежности Гунновъ къ той или другой изъ большихъ не европейскихъ туранскихъ породъ — Угро-финнской или Турецко-татарской. Если у Амміана есть преувеличенія, то не тамъ, гдѣ находитъ ихъ Д. И. Иловайскій, не въ фактическихъ сообщеніяхъ объ отсутствіи бороды, маломъ ростѣ, кочевомъ образѣ жизни, а развѣ въ сообщеніяхъ объ уродованіи младенцевъ. Пристрастіе Іордана къ Гуннамъ тоже не доказано; если оно и существовало, то конечно, выразилось не въ томъ, въ чемъ его видитъ нашъ изслѣдователь, не въ признаніи наружности Аттилы народно-типическою. Отсутствіе бороды или же рѣдкая борода, темный цвѣтъ лица, приплюснутый носъ во всякомъ случаѣ идутъ больше къ Туранцамъ; а у Сидонія можно находить указаніе на узкіе глаза, и даже, пожалуй, на выдающіяся скулы.

2) Важныя свидѣтельства для даннаго вопроса мы находимъ у поэтовъ-панегиристовъ V вѣка, Клавдіана и особенно Сидонія Аполлинарія. Эти свидѣтельства указываютъ на то, что Гунны дѣлали нарѣзы на лицѣ, стягивали у младенцевъ голову и даже носъ, ради шлема. Слѣдовательно, безобразіе ихъ было не прирожденное, а искусственное, ради военныхъ цѣлей и ради устрашенія непріятелей. На это искусственное уродство намекаютъ также Амміанъ и Іорданъ, говоря о нарѣзахъ на щекахъ младенцевъ. Аналогію съ этимъ явленіемъ представляютъ обычаи у разныхъ другихъ народовъ. Такимъ образомъ описаніе гуннской наружности не даетъ серьезнаго основанія для туранской теоріи, тѣмъ болѣе, что Сидоній, вопреки Іордану, положительно говоритъ о ихъ прекрасномъ сложеніи, среднемъ и даже болѣе чѣмъ среднемъ ростѣ.

Свидѣтельство Клавдіана—дѣйствительно важно въ томъ отношеніи, что оно объясняетъ намъ происхожденіе тѣхъ нарѣзовъ и шрамовъ на лицѣ Гунновъ, которые Амміанъ Марцеллинъ, а вслѣдъ за нимъ и Іорданъ, приписывали невозможной операціи надъ новорожденными. Они происходили отъ добровольнаго уродованія себя при погребеніи родственниковъ. Д. И. Иловайскій поступаетъ правильно, сопоставляя оба извѣстія; но въ такомъ случаѣ нельзя говорить объ искусственномъ уродствѣ ради военныхъ цѣлей, ради устрашенія. Сидоній говоритъ о болѣе чѣмъ среднемъ ростѣ Гунновъ только тогда, когда они сидѣли на конѣ. Какъ уже выше сказано, другія черты, сообщаемыя Сидоніемъ, болѣе идутъ къ Туранцамъ, чѣмъ, напримѣръ, къ Славянамъ; а извѣстіе его объ уродованіи лица или собственно носа посредствомъ повязокъ еще недостаточно разъяснено и вызываетъ сомнѣнія. Говорятъ однако, что такой способъ въ употребленіи у Киргизовъ.

3) Византійскій писатель V вѣка Прискъ есть самый добросовѣстный и самый драгоцѣнный источникъ для Гунновъ, ибо онъ былъ у нихъ въ числѣ пословъ и довольно подробно ихъ описываетъ, не касаясь, впрочемъ, ихъ наружности. Всѣ черты быта и нравовъ, приводимыя имъ, нисколько не указываютъ на туранство Гунновъ и много говорятъ въ пользу ихъ славянства.

Прискъ совершенно правильно считается наилучшимъ источникомъ для изученія Гунновъ и быта ихъ во время Аттилы, то-есть, когда прошло болѣе двухъ поколѣній послѣ покоренія ими Ост-Готовъ и Славянъ, и когда многое должно было измѣниться подъ вліяніемъ новаго сосѣдства и сожительства. Впрочемъ, если мы не будемъ за-

бывать, что сочиненіе Приска не дошло до насъ въ цѣлости, и что оно служило источникомъ для Іордана, то мы найдемъ и принадлежащее ему описаніе гуннской наружности и свидѣтельства въ пользу туранства, отъ него идущія.

4) Кочевой бытъ и дикіе нравы не могутъ служить основаніемъ для той или другой теоріи, потому что указываютъ не на расу, а на извѣстную степень культуры, и находятся въ прямой зависимости отъ условій природы. Притомъ Прокопій, византійскій писатель VI вѣка, прямо свидѣтельствуетъ о сходствѣ гуннскихъ нравовъ съ нравами Склавиновъ и Антовъ.

Кочевой бытъ, какъ для настоящаго, такъ и для прошедшаго, фактически служитъ несомнѣннымъ признакомъ расы. Есть племена, которыя съ тѣхъ поръ, какъ ихъ знаетъ исторія, остаются на степени пастушескаго кочеваго быта, и вѣроятно, останутся такими, пока не исчезнутъ; таковы многіе народы турецко-монгольской расы. Что же касается индо-европейской расы, то она сдѣлала первые шаги къ высшей культурѣ, соединенной съ осѣдлостію и постройкою постоянныхъ жилищъ, еще до раздѣленія на отдѣльныя племена и до переселенія ихъ въ Европу. Въ частности о Славянахъ несомнѣнно, что они строили прочныя жилища еще во времена Тацита, и что они до раздѣленія на отдѣльныя вѣтви занимались земледѣліемъ. Прокопій самымъ своимъ сравненіемъ показываетъ, что онъ отличалъ Гунновъ отъ Славянъ, ибо не сравниваютъ совершенно тожественныхъ предметовъ самихъ съ собою; сверхъ того, онъ сообщаетъ довольно много положительныхъ и важныхъ признаковъ отличія.

5) Что касается до языка, то нѣтъ никакихъ серьезныхъ филологическихъ основаній отвергать славянство Гунновъ. Личныя имена, приводимыя источниками, очень разнообразны, и между прочимъ есть довольно именъ съ славянскими корнями или съ славянскимъ характеромъ. А приводимыя источниками славянскія слова медъ и въ особенности страва прямо указываютъ на славянскую народность.

Слова камосъ и медъ, считавшіяся доселѣ славянскими и въ то же время гуннскими, оказываются: первое — совсѣмъ не гуннскимъ и не славянскимъ, а второе общимъ для Славянъ, Германцевъ и Кельтовъ, изъ коихъ послѣдніе издавна жили въ той странѣ, гдѣ это слово было слышано Прискомъ. Самая страва сомнительна въ отношеніи своей исключительной принадлежности славянству; скорѣе всего это готское слово, если стеченіе согласныхъ уничтожаетъ всякую возможность считать его угро-финскимъ или даже турецкимъ,

то-есть, собственно гуннскимъ. Бо́льшая часть личныхъ именъ необъяснима арійскими языками, какъ сознается самъ изслѣдователь.

6) У средневѣковыхъ писателей византійскихъ, латинскихъ, армянскихъ и арабскихъ иногда Гунны прямо отожествляются съ Славянами, или тожество вытекаетъ у нихъ само собою изъ сопоставленія обстоятельствъ. Это тожество вытекаетъ также изъ нѣкоторыхъ древне-нѣмецкихъ поэмъ (напримѣръ, Эдда). При этомъ надобно замѣтить, что названіе Славяне распространилось постепенно и поздно на всѣ Славянскіе народы, и преимущественно путемъ книжнымъ.

Лучшіе и древнѣйшіе византійскіе, латинскіе и армянскіе писатели (объ арабскихъ въ изслѣдованіи не было рѣчи) не только отличаютъ Гунновъ отъ Славянъ, но даже противополагаютъ ихъ другъ другу, относя ихъ къ двумъ отдѣльнымъ группамъ: группа гуннская—Авары и Хозары (Турки), группа славянская —Анты и Славины. Легенды и народныя преданія, сохраняющія смутное воспоминаніе о пребываніи Гунновъ въ южной Россіи, не могутъ идти совсѣмъ въ разчетъ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи Гунновъ, а ссылки на второстепенныхъ историческихъ свидѣтелей, смѣшивающихъ Гунновъ со Славянами, отчасти совсѣмъ невѣрны, отчасти не имѣютъ важнаго значенія въ виду болѣе авторитетныхъ источниковъ. Общимъ, болѣе древнимъ обозначеніемъ Славянъ служило названіе Венды или Венеды, но оно тоже никогда не прилагается къ Гуннамъ въ этихъ послѣднихъ источникахъ.

Однимъ словомъ, если есть какая историческая истина, не подлежащая ни малѣйшему сомнѣнію, то это именно туранство Гунновъ и различіе между ними и Славянами. Разсуждать и спорить можно развѣ только о томъ, къ какой вѣтви Монгольскаго племени (принимая выраженіе въ широкомъ смыслѣ), угро-финнской, турецко-татарской или собственно монгольской — слѣдуетъ отнести народъ, отличіе котораго отъ всѣхъ европейскихъ жителей замѣчено было еще писателями IV и VI вѣковъ по Р. Хр. Но входить въ этотъ вопросъ мы здѣсь не имѣемъ побужденій, такъ какъ задача наша состояла только въ опроверженіи славянской теоріи Д. И. Иловайскаго. Преобладаніе среди Гунновъ турецкихъ элементовъ намъ кажется весьма вѣроятнымъ и почти несомнѣнно доказаннымъ (см. А. А. Куника, Томашка, Соколова).

Обращаемся теперь къ Болгарамъ. Мы уже видѣли, что въ настоящее время Д. И. Иловайскій не только не отрицаетъ родства Болгаръ съ Гуннами, но даже прямо называетъ Болгаръ потомками

Гунновъ (стр. 509). Такъ какъ ему никоимъ образомъ не удалось доказать славянства Гунновъ, то не предрѣшенъ ли уже въ главномъ своемъ основаніи и вопросъ о Болгарахъ? Нужно ли, другими словами, разбирать отдѣльно ту часть „Розысканій", которая посвящена разсмотрѣнію вопроса о Болгарахъ съ цѣлію доказать ихъ исконное славянство? Не довольно ли сказать, что и здѣсь господствуетъ тотъ же самый методъ изслѣдованія, и та же самая филологія, которая считала возможнымъ Аттилу производить отъ батя, объясняетъ тѣмъ же самымъ батя уже болгарскаго Батбая. До сихъ поръ г. Иловайскій не успѣлъ склонить къ своимъ взглядамъ ни одного спеціалиста — ни изъ среды старыхъ ученыхъ, ни изъ среды молодыхъ и начинающихъ; и это совершенно понятно. Въ „Розысканіяхъ" Д. И. Иловайскаго рѣшительно нѣтъ ничего новаго въ смыслѣ изученія, нѣтъ никакихъ новыхъ данныхъ; напротивъ, иногда опускаются изъ виду уже извѣстныя и указанныя; все, что составляетъ матеріальную часть аргументаціи, все, на чемъ онъ строитъ свои выводы, давно было извѣстно Шафарику, Гильфердингу, Дринову, Макушеву, Иречку, Кунику, Соколову и др. Развѣ только одна самонадѣянность могла внушить какому-либо ученому мысль, что онъ обладаетъ болѣе проницательнымъ умомъ и болѣе совершеннымъ методомъ, чѣмъ корифеи славянской науки, и потому способенъ изъ старыхъ, у нихъ заимствованныхъ данныхъ извлечь болѣе правильныя и убѣдительныя заключенія. Изъ чего состоитъ основная статья о Болгарахъ, если мы не будемъ касаться пока полемическихъ разъясненій? Первыя двѣ главы ея излагаютъ первоначальную исторію Болгаръ, когда они еще являются и дѣйствуютъ на сценѣ прямо въ качествѣ Гуннскихъ племенъ, подъ названіями Кутургуровъ и Утургуровъ. Никто не станетъ спорить противъ того, что всѣ извѣстія объ этихъ двухъ племенахъ, собранныя и пересказанныя Д. И. Иловайскимъ, дѣйствительно относятся къ Болгарамъ; никто не станетъ спорить противъ того, что эти племена — одни или въ сопровожденіи Славянъ — въ V и VI вѣкахъ часто появлялись за Дунаемъ. Важно только то, что они тамъ не успѣли прочно основаться ранѣе VII вѣка. Д. И. Иловайскій удивляется (стр. 172), что никто изъ славянскихъ ученыхъ не остановился надъ тою несообразностію, что Болгары, по извѣстіямъ византійской хроники Ѳеофана, являющіеся во Ѳракіи въ половинѣ V вѣка, утвердились въ ней только черезъ два вѣка. Но дѣло въ томъ, что ничего несообразнаго тутъ нѣтъ. Несообразность явится только тогда, когда мы будемъ

считать Гунно-Болгаръ Славянами. Іорданъ, писавшій во второй половинѣ VI вѣка, хорошо знаетъ, гдѣ были настоящія жилища Болгаръ. „Между Днѣпромъ и Дономъ жили Анты... Затѣмъ Видиваріи при устьяхъ Вислы... далѣе по берегу моря Эстіи, на востокъ отъ нихъ Акатциры, а за ними надъ Чернымъ моремъ разширяются поселенія Болгаръ, къ несчастію сдѣлавшихся слишкомъ извѣстными за грѣхи наши: ultra quos distenduntur supra mare Ponticum Bulgarum sedes, quos notissimos peccatorum nostrorum mala fecerunt. Итакъ, то, что Гунно-Болгары уже появлялись въ предѣлахъ Римской или даже Ост-Готской державы, конечно—за Дунаемъ, нисколько не мѣшаетъ Іордану говорить въ настоящемъ времени объ ихъ мѣстожительствѣ надъ Чернымъ моремъ. Народъ не всегда живетъ тамъ, куда дѣлаетъ набѣги... Сейчасъ приведенное мѣсто изъ Іордана заслуживаетъ вниманія еще потому, что оно представляетъ почти буквальное сходство съ другимъ, гдѣ рѣчь идетъ уже о Славянахъ (въ главѣ 23): „Венеты, Анты и Славяне, которые вездѣ свирѣпствуютъ по грѣхамъ нашимъ: qui—nunc ita facientibus peccatis nostris ubique deseviunt. Д. И. Иловайскій выводитъ отсюда заключеніе о тожествѣ тѣхъ и другихъ: „Ясно, что въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о враждѣ къ Готамъ и о тѣхъ вторженіяхъ Славянскихъ народовъ въ предѣлы Восточной имперіи—Кутургуровъ, Антовъ и Славянъ, которыя извѣстны намъ изъ писателей византійскихъ" (стр. 182). Но исторія знаетъ, кромѣ общихъ нападеній Болгаръ и Славянъ на имперію, и отдѣльныя ихъ враждебныя столкновенія съ Готами. (См. Дриновъ, Разселеніе, стр. 91, 92; Соколовъ, Изъ древней исторіи Болгаръ, стр. 41). Самъ Іорданъ заключаетъ свою римскую исторію, доведенную до 547 года по Р. Хр., замѣткой о постоянномъ напорѣ на имперію Болгаръ, Антовъ и Славянъ: Hi sunt casus Romanae reipublicae preter instantia cottidiana Bulgarum Antium et Sclavenorum. А выше была рѣчь о нападеніи на имперію Геруловъ, Гепидовъ и Болгаръ [1]). Кажется, отсюда не слѣдуетъ ничьего и никакого тожества, равно какъ и племеннаго родства между Герулами, несомнѣнными Германцами,—и Болгарами. Еще менѣе удачно и еще менѣе — при тожественности Утургуровъ и Болгаръ—было нужно отожествленіе, хотя бы только филологическое, Утургуровъ съ Антами. Д. И. Иловайскій рекомендуетъ отбросить окончаніе гу-

[1]) Jllyricum saepe ab Herulis Gipidisque et *Bulgaris* devastantibus per suos judices frequente obstitit viriliterque cecidit. Ср. Marcellin. ad ann. 530.

ры, потомъ въ мѣсто утур читать ути—или уты, затѣмъ, взявъ въ разчетъ древнее юсовое произношеніе (у кого?), въ мѣсто уты или виты попробовать сказать Онты или Анты, чтобы получить въ мѣсто Гунно-Болгаръ столь извѣстное названіе Славянъ (стр. 170). Конечно, такимъ способомъ можно получить все, что угодно. Кажется, самъ Д. И. Иловайскій чувствовалъ, что по настоящему принимая гуры за окончаніе, онъ долженъ былъ бы доказать: 1) что это въ самомъ дѣлѣ только суффиксъ, и 2) что это есть суффиксъ обычный именно въ индо-европейскихъ языкахъ, и въ особенности въ славянскомъ, не объяснимый изъ тюрскихъ или финскихъ нарѣчій. Развѣ это доказано? Котраги и Котрагиры, Садаги и Садагаріи, приводимые въ примѣръ, скорѣе доказываютъ, что важный звукъ *г* принадлежитъ къ корню слова; особенно же неловко сближеніе съ Гермун-дурами, ибо дуры здѣсь даже вовсе не окончаніе, не суффиксъ, а самостоятельное слово, удержавшееся въ названіи Тюринговъ.

Въ третьей главѣ основнаго изслѣдованія о Болгарахъ подвергается разбору свидѣтельство Ѳеофана и патріарха Никифора о передвиженій Болгарской орды Аспаруха за Дунай (578 г.) и о покореніи ею уже ранѣе здѣсь утвердившихся семи Славянскихъ племенъ—между Дунаемъ и Балканами. Понятно, что этотъ разказъ, передаваемый двумя византійскими писателями начала IX вѣка—хотя и не зависимо другъ отъ друга, но почти въ тожественныхъ выраженіяхъ—слѣдовательно, заимствованный обоими изъ третьяго болѣе древняго источника, долженъ былъ показаться нашему изслѣдователю совершенно легендарнымъ и баснословнымъ. Спорить съ нимъ мы не станемъ, потому что можемъ пока довольствоваться сущностію дѣла, а сущности разказа не отвергаетъ и Д. И. Иловайскій; даже болѣе, онъ кое-что къ ней прибавляетъ своего. Вотъ что онъ извлекаетъ изъ легенды: „(у Болгаръ) является сильный князь Кувратъ, которому и удалось свергнуть аварское иго. Вслѣдъ затѣмъ Болгаре возобновляютъ свое стремленіе за Дунай, и во второй половинѣ VII вѣка значительная ихъ часть поселяется въ Мизіи и Ѳракіи, гдѣ она находитъ нѣкоторыхъ своихъ соплеменниковъ, успѣвшихъ поселиться тамъ ранѣе, а также и нѣкоторые другіе славянскіе роды, очевидно слишкомъ слабые, чтобы противиться такому наплыву. Слѣдовательно, это была только эпоха окончательнаго утвержденія Болгарскаго народа на южной сторонѣ Дуная, послѣ того, какъ этотъ народъ уже долго жилъ на его сѣверной сторонѣ и высылалъ отъ себя дружины въ Мизію, Паннонію, Иллирикъ и даже за Адріатиче-

ское море“ (стр. 186). Мы принимаемъ тутъ все, кромѣ той прибавки, что Гунно-Болгары, помимо семи Славянскихъ (не-болгарскихъ) племенъ, нашли здѣсь и своихъ родичей Болгаръ, то-есть, по Д. И. Иловайскому, тоже Славянъ, но только другихъ. Кажется, что даже съ точки зрѣнія самаго автора „Разысканій“ такое удвоеніе первоначальнаго славянства не представлялось необходимымъ. Можно было обойдтись и семью Славянскими племенами, объявивъ ихъ за Гунно-Болгаръ, водворившихся здѣсь ранѣе. Болгаръ же въ общепринятомъ смыслѣ, то-есть, туранскихъ неславянскихъ завоевателей многочисленнаго славянскаго населенія, прежде распространившагося на Балканскомъ полуостровѣ, во всякомъ случаѣ у Д. И. Иловайскаго не предполагается. Д. И. Иловайскій думаетъ, что ему довольно будетъ отдѣлаться отъ Ѳеофана и Никифора, отличающихъ Болгаръ Аспаруха отъ Славянъ, ими покоренныхъ, и главная часть его задачи, на сколько дѣло касается историческихъ свидѣтельствъ, благополучно разрѣшена и покончена. Но онъ сильно ошибается; какъ и въ вопросѣ о Гуннахъ, онъ умолчалъ о другихъ весьма авторитетныхъ свидѣтельствахъ—не говоримъ, что намѣренно. Пропущенъ, вопервыхъ, Генесій, одинъ изъ лучшихъ Византійцевъ первой половины X вѣка. Онъ прямо даетъ намъ знать, что Болгаре одного происхожденія съ Аварами и Хазарами, а не Славяне: Ἀρχηγὸς Βουλγαρίας, οἷς τὸ γένος ἐξ Ἀβάρων τε καὶ Χαζάρων (pag. 85). Пропущенъ другой писатель X вѣка, извѣстный Левъ Діаконъ. Онъ пишетъ (pag. 103), что по извѣстнымъ ему преданіямъ, Мисы, то-есть, Болгаре, суть выселившаяся вѣтвь или колонія сѣверныхъ Котраговъ, Хазаръ и Хунавовъ: Λέγεται γὰρ Μυσοὺς ἀποίκους τῶν ὑπερβορέων Κοτράγων, Χαράων τε καὶ Χουνάβων [1]). Опущены тѣ мѣста въ византійскихъ хроникахъ и сказаніяхъ, гдѣ среди одной враждебной толпы, угрожающей Византіи, Болгары отличаются отъ Славянъ (уже не отъ Славиновъ), между тѣмъ какъ именно указаніе двойнаго состава въ государствѣ, основанномъ Аспарухомъ, особенно интересно по сравненію съ позднѣйшими временами; когда, вслѣдствіе совершившагося сліянія обоихъ элементовъ, различеніе сдѣлалось не нужнымъ, стали

---

[1]) Такъ читается въ рукописи; Газе поправилъ Хараровъ на Хазаръ, что можно принять въ виду вышеприведеннаго мѣста Генесія (хотя у насъ есть прилагательное харалужный), а Хунавовъ на Хумановъ, чего уже принять нельзя. Хунавы вѣроятно тожественны съ Вар—Хунни, то-есть, съ Аварами у Симокатты).)

всегда писать просто Болгаре вмѣсто прежняго: народъ Болгаро-Славянскій, λαὸν τῶν Βουλγάρων καὶ τῶν Σκλάβων (Theophan. pag. 573 подъ 697 г.; ср. pag. 667, 673 подъ 764, 756 г. и Nicephor. pag. 69, ed. de Boor). Опущены весьма важныя и знаменательныя мѣста изъ сказанія о дѣяніяхъ и чудесахъ св. Димитрія Солунскаго, происхожденіе котораго относится именно къ VIII вѣку. Здѣсь мы находимъ, что еще подъ аварскою властію различаются племена Славянскія отъ Болгарскихъ: πάντα βάρβαρα φῦλα συναθροίσας, ἅμα τε τῶν πάντων Σκλαβίνων καὶ Βουλγάρων (Tougard, De l'histoire profane dans les actes grecs, pag. 130); да и въ позднѣйшее время—уже въ VIII столѣтіи — языкъ славянскій отличается отъ болгарскаго (ibid., pag. 190: καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς ἐπιστάμενον γλῶσσαν καὶ τὴν Ῥωμαίων, Σκλάβων καὶ Βουλγάρων). Слѣдуетъ ли напомнить слова первоначальной Русской лѣтописи: „словянску языку... живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекомии болгаре, сѣдоша по Дунаеви, насилници словѣномъ быша?“—Итакъ, принимая въ разсчетъ: 1) родство Болгаръ съ Гуннами, неславянство которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія, 2) свидѣтельство Ѳеофана и Никифора, которое никакъ не можетъ быть считаемо совершенно легендарнымъ, и 3) опущенный рядъ другихъ свидѣтельствъ, мы должны съ точки зрѣнія историческихъ данныхъ отвергнуть всякую попытку ослабить и затемнить разными запутанными и произвольными умствованіями простой смыслъ историческаго преданія.

Затѣмъ слѣдуютъ доказательства этнографическія, которымъ посвящены четвертая, пятая и отчасти шестая главы основнаго изслѣдованія о Болгарахъ. Намъ нѣтъ нужды излагать содержаніе этихъ главъ; въ нихъ отчасти содержится повѣствованіе о событіяхъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ главной темѣ, къ вопросу о племенномъ родствѣ Болга̂ръ, отчасти опровергаются выводы, сдѣланныя прежними изслѣдователями въ пользу финскаго или турецкаго происхожденія Болгаръ изъ сопоставленія данныхъ о нравахъ и обычаяхъ. Пріемъ Д. И. Иловайскаго въ этихъ случаяхъ всегда одинъ и тотъ же. Если онъ найдетъ подходящую черту у другихъ народовъ, хотя бы Германскихъ, а тѣмъ болѣе Славянскихъ, то онъ съ торжествомъ это отмѣчаетъ, какъ указаніе на принадлежность Болгаръ къ Индо-Европейскому племени; если же нѣтъ, особенно если окажется что̀ противное, то онъ возвращается къ своему любимому, хотя въ основѣ и вѣрному, но отчасти даже злоупотребляемому положенію, что для рѣшенія этнографическихъ вопросовъ сход-

ство и различіе обычаевъ не представляетъ надежной основы. Въ самомъ лучшемъ случаѣ такимъ способомъ можно только поколебать чужую теорію, а не свою укрѣпить. Отмѣтимъ все-таки нѣкоторыя частности. Въ извѣстномъ уже намъ текстѣ Прокопія: Склавины и Анты имѣютъ гуннскій нравъ—на мѣсто Гунновъ подставляются Болгары, и отсюда уже извлекается нѣчто въ пользу племеннаго родства Болгаръ и Славянъ. Рядомъ сообщается замѣтка Свиды, что Болгаре перемѣнили свою одежду на аварскую, и является предразсужденіе уже въ другую сторону: самое-де это замѣчаніе показываетъ, что Болгаре и Аваре не считались однимъ и тѣмъ же племенемъ (почему не народомъ?). Но вѣдь и о замѣчаніи Прокопія можно было сказать то же самое. Жаль, что изслѣдователь опять опустилъ изъ виду одно важное сочиненіе по военному искусству, въ которомъ, какъ у Маврикія, и даже съ заимствованіями у послѣдняго, описываются племенныя отличительныя качества различныхъ народовъ. Разумѣемъ Тактику Льва Мудраго. То, что прежде Маврикій говорилъ о Гуннскихъ народахъ, это теперь прилагается къ Болгарамъ. Припомнимъ что Гуннскіе народы Маврикія представляютъ группу отличную отъ Славянскихъ; такъ это и теперь остается, ибо съ кѣмъ объединяются Болгаре въ одинъ отдѣлъ? Съ Турками, подъ которыми у Льва разумѣются Мадьяры: „Привычки и военный строй Турокъ мало чѣмъ или даже ни чѣмъ не отличаются отъ Болгарскихъ“ (Constitut. XVIII § 45, Migne, Patrolog. graeca CVII, 957). Болгары и Турки у Льва входятъ въ одинъ разрядъ, обозначаемый выраженіемъ „Скиѳскіе народы“; Славянскіе народы опять представляютъ нѣчто отдѣльное, и рѣчь о нихъ идетъ ниже (§ 99—107). Важны при этомъ подробности, которыхъ мы не можемъ здѣсь приводить, потому что это было бы слишкомъ длинно; въ нихъ въ самомъ дѣлѣ выступаютъ наружу, какъ и до сихъ поръ въ военной организаціи каждаго отдѣльнаго народа, самыя основныя черты племеннаго характера, темперамента, а вмѣстѣ съ тѣмъ быта и культуры.

Затѣмъ слѣдуютъ филологическія доказательства (стр. 203), состоящія изъ разбора собственныхъ именъ болгарскихъ, сохранившихся въ источникахъ, и отчасти техническихъ выраженій, означающихъ чины и званія. Что сказать объ этихъ доказательствахъ—мы затрудняемся. Проф. Макушевъ, извѣстный спеціалистъ славянскихъ нарѣчій, выразился о словопроизводствахъ автора „Разысканій“ кратко, что онѣ не состоятельны и произвольны (Разысканія, стр. 425); таково же мнѣніе, сколько мы знаемъ, и всѣхъ

другихъ спеціалистовъ. Самъ Д. И. Иловайскій, по видимому, не приписываетъ этимъ своимъ доказательствамъ достоинства несомнѣнности и обязательности; онъ только хочетъ подорвать нашу вѣру въ непреложность общепринятой системы объяснять не славянскими языками такія слова, какъ тарханъ, кавканъ, аулъ, и такія собственныя имена, какъ Кормисошъ, Тохта, Аспарухъ и т. д., и для этой цѣли онъ внушаетъ намъ, что если постараться, то тѣ же слова съ равнымъ успѣхомъ можно будетъ протолковать и по-славянски. Къ сожалѣнію, первый опытъ, сдѣланный самимъ авторомъ, оказывается весьма мало поощрительнымъ. Вѣроятному и отчасти даже несомнѣнному онъ вынужденъ былъ противопоставлять невозможное, иногда почти нелѣпое, хотя, конечно, въ видѣ примѣра. Отвѣчая г. Макушеву, Д. И. Иловайскій пишетъ: „По его словамъ. выходитъ, будто я положительно объясняю Куврата коловратомъ, Батбая—батюшкой и т, д.; а между тѣмъ, я предлагаю только примѣрныя сближенія. Какія изъ нихъ окажутся удачны, какія неудачны, пусть рѣшитъ безпристрастная филологическая наука; можетъ быть, нѣкоторыя она приметъ къ свѣдѣнію. Но пока никто не далъ равно никакихъ объясненій для этихъ именъ; мы встрѣчаемъ только голое заявленіе, что онѣ якобы не славянскія и не могутъ быть славянскими. Возьмемъ хоть имя Кормисошъ. Спрашиваю: почему бы оно не могло быть славянскимъ? почему, напримѣръ, оно не можетъ быть одного корня съ словами кормило или кормчій, или кормъ и кормилецъ? Въ самомъ дѣлѣ, пусть г. Макушевъ по всѣмъ правиламъ филологическаго искусства попытается доказать, что этого не можетъ быть на основаніи такихъ-то и такихъ-то лингвистическихъ законовъ. Голословно то отрицать можетъ всякій; для этого не нужно быть ученымъ спеціалистомъ“ (стр. 425). Г. Макушевъ не отвѣчалъ, и вѣроятно, не отвѣтитъ. Дѣло въ томъ, что есть вопросы, съ которыми не слѣдуетъ обращаться къ спеціалистамъ, на которые имъ отвѣчать совѣстно, которые имъ задавать стыдно. И не будучи спеціалистомъ филологіи, авторъ „Разысканій“ самъ могъ разсудить, что если онъ производитъ собственное имя Кормисошъ отъ корма или кормъ, то значитъ, разлагаетъ его на двѣ части: корми—сошъ; и если онъ сравниваетъ его съ кормилецъ, то значитъ, считаетъ сошъ за простой суффиксъ но гдѣ же виданъ и слыханъ такой славянскій суффиксъ? Гдѣ другія собственныя имена, составленныя такимъ же способомъ? Такой же вопросъ возбуждаетъ и предполагаемый въ имени Телериха суф-

фиксъ рик. Шафарикъ, не признававшій Телериха славянскимъ словомъ, конечно, не забывалъ о собственномъ своемъ имени, но только не зналъ секрета, указаннаго Д. И. Иловайскимъ, что можно добывать всякіе суффиксы, по произволу отсѣкая въ концѣ слова кусочекъ то побольше, то поменьше. Послѣ изученія филологическихъ доказательствъ Д. И. Иловайскаго сильнѣе убѣждаешься, что не только слова тарханъ и аулъ, но и собственныя имена лучше объясняются изъ тюркскаго, чѣмъ изъ финскаго, и что они совсѣмъ не объяснимы изъ славянскаго.

Въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ полемическаго характера Д. И. Иловайскій дополнилъ свои доводы въ пользу славянства Болгаръ еще другими соображеніями, которыя мы передаемъ его собственными словами (Разысканія, стр. 432—443):

„Я счелъ нужнымъ разсмотрѣть критически всѣ три стороны: историческую, этнографическую и филологическую. А между тѣмъ, строго говоря, эта полнота для меня не была обязательною въ данномъ случаѣ. Всѣмъ толкамъ и умствованіямъ о неславянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ историкъ можетъ противопоставить свое veto единственно на томъ основаніи, что быстрое и радикальное превращеніе народности завоевателей и основателей государства въ народность, ею покоренную и очевидно ея слабѣйшую, такое превращеніе возможно только въ сказкѣ, а не въ исторіи; въ послѣдней примѣровъ ему нѣтъ и быть не можетъ. Только при недостаточномъ сознаніи этого неизмѣннаго историческаго закона, то-есть, при недостаточной зрѣлости нѣкоторыхъ отдѣловъ исторической науки, и могла явиться помянутая теорія. Правда, это неестественное превращеніе уже бросалось въ глаза и указывалось прежде; но противники славянства Болгаръ какъ-то легко обходили его или прибѣгали къ разнымъ искусственнымъ и произвольнымъ домысламъ въ родѣ предполагаемой воспріимчивости и благодушія дикихъ Угро-Финновъ. А если имъ указывали на сосѣднюю Венгрію, представляющую совершенно противоположный примѣръ, то сочиняли невѣроятную малочисленность завоевателей или измышляли огромное вліяніе различныхъ географическихъ условій и т. п. Если и приводились какія аналогіи въ подкрѣпленіе этой теоріи, то обыкновенно самыя неподходящія. Напримѣръ, можно ли ссылаться на обрусеніе нашихъ финскихъ инородцевъ, которые болѣе всего и показываютъ, какъ туго, медленно, постепенно въ теченіе многихъ столѣтій претворяются они въ господствующую народность, и замѣтьте—

въ господствующую, а не въ подчиненную, какъ это выходитъ въ данномъ случаѣ. Финское племя (равно и Татарское), безспорно, есть одно изъ самыхъ неподатливыхъ на превращенія; а если оно получило въ свои руки правительственную, политическую силу, то для нашего поколѣнія ученыхъ наивно было бы и говорить о подобномъ превращеніи. Далѣе, существуетъ ли хотя какая-нибудь аналогія между Болгарами Дунайскими и германскими завоевателями на романской почвѣ? Франки завоевали Галлію и слились съ покореннымъ населеніемъ. Сочтите однако, сколько вѣковъ происходило это постепенное сліяніе. Хлодвигъ былъ Германецъ; но и Карлъ Великій, царствовавшій три вѣка спустя, тоже былъ Германецъ. Франки мало по малу уступали только силѣ высоко развитой римской гражданственности и при своемъ сліяніи все-таки не перешли ни въ Галловъ, ни въ Римлянъ, а образовали съ ними новую романскую національность и внесли въ лексиконъ языка свою значительную стихію. Сочтите также, сколько вѣковъ Лангобарды сливались съ туземнымъ населеніемъ Италіи и точно также не просто обратились въ этихъ туземцевъ, а образовали съ ними новую романскую народность и выработали особый романскій языкъ. Не забудьте также при этомъ могущественное объединительное вліяніе латинской іерархіи. Подобные примѣры не допускаютъ и мысли о быстромъ и совершенномъ превращеніи финской орды завоевателей въ покоренную ею славянскую народность. Исторія не только не представляетъ намъ примѣровъ подобнаго превращенія, а наоборотъ постоянно являетъ примѣры противоположнаго свойства, то-есть, живучести роднаго языка и племенныхъ особенностей при тѣсномъ сожительствѣ различныхъ расъ".

Отдавая съ своей стороны полную справедливость этимъ двумъ страницамъ, считая ихъ прекрасными въ литературномъ отношеніи, мы все-таки не находимъ тутъ достаточно убѣдительнаго отвѣта на соображенія противниковъ. Даемъ читателю возможность самому выслушать alteram partem. Заимствуемъ изъ сочиненія г. Матвѣя Соколова соотвѣтствующія двѣ страницы (93—94):

„Слѣдуетъ коснуться одного возраженія, которое дѣлается противъ тюрскаго (или по старой терминологіи: тюрко-финскаго) происхожденія Болгаръ, такъ какъ оно связано съ вопросомъ объ отношеніи ихъ къ Славянамъ. Обыкновенно указываютъ на невѣроятную быстроту исчезновенія болгарскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ: Болгаре-де являются чистыми Славянами уже въ срединѣ IX вѣка—какъ же они успѣли переродиться въ Славянъ менѣе, чѣмъ

въ два столѣтія? Въ этомъ возраженіи нужно сдѣлать два ограниченія: вопервыхъ, нельзя утверждать, что болгарскій элементъ совсѣмъ исчезъ къ половинѣ IX вѣка, вовторыхъ, вліяніе Славянъ на Болгаръ началось не съ переселенія ихъ за Дунай, а гораздо раньше. Болгаре появляются въ придунайскихъ краяхъ и дѣлаютъ нападенія на имперію вмѣстѣ съ появленіемъ Славянъ подъ ихъ собственнымъ именемъ. Должно согласиться съ мнѣніемъ, что Болгаре разошлись изъ своего первоначальнаго мѣстопребыванія въ Европѣ, именно изъ степей между Кубанью, Волгой и Дономъ, ранѣе VII вѣка, ранѣе смерти Куврата, но при этомъ они неизбѣжно должны были сталкиваться со Славянами. Если уже между Гуннами и Славянами предполагаютъ близость отношеній и извѣстное вліяніе послѣднихъ на первыхъ, то тѣмъ болѣе это нужно допустить относительно Болгаръ. Очень можетъ быть, что и въ Аспаруховой ордѣ былъ элементъ славянскій.

„Что касается до продолжительности существованія болгарскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ, то несомнѣнно, что онъ держался и послѣ крещенія Болгаръ. Сами противники тюрко-финской теоріи говорятъ, что исключительный случай былъ бы, если бы цѣлое племя совершенно и быстро исчезло. Возможность сохраненія болгарскаго элемента видна изъ самаго положенія Аспаруховой орды, которое она заняла на Балканскомъ полуостровѣ. Болгары заняли главнымъ образомъ Добруджу, страну удобную для пастбищъ коней. Мѣстныхъ жителей они выселили на границы занятой ими земли, чтобы очистить мѣсто для пастбищъ своихъ табуновъ. Земледѣліемъ они конечно не занимались и жили военнымъ грабежемъ и данью, которую по временамъ получали отъ Византіи, а также трудомъ обращеннаго въ зависимость мѣстнаго и сосѣдняго съ ихъ жилищами населенія. Положеніе ихъ въ сѣверо-восточномъ углу Болгаріи такимъ образомъ было изолированнымъ, и здѣсь-то всего долѣе могъ сохраниться ихъ первоначальный характеръ. Здѣсь же въ позднѣйшее время всего легче утверждались и другіе азіатскіе народы, какъ напримѣръ, Половцы, Татары; очень можетъ быть, что это объясняется не однимъ только степнымъ характеромъ страны, но и тѣмъ, что они находили здѣсь сходные элементы въ жителяхъ. Но въ этомъ положеніи орды Аспаруха отчасти заключается и причина того, что въ государствѣ, основанномъ на Балканскомъ полуостровѣ, возобладалъ мѣстный славянскій элементъ. Орда Аспаруха была не очень многочислена, и въ борьбѣ съ Греками Болгары не могли довольствоваться одними соб-

ственными силами; они огранизовали для этой цѣли покоренныхъ Славянъ, которые вмѣстѣ съ ними и участвуютъ въ походахъ. Участіе славянскаго элемента въ военныхъ дѣлахъ вело, конечно, къ возвышенію Славянъ, открывало свободный доступъ славянскому вліянію на болгарскія дѣла. Въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какъ Византія, нужно было пользоваться именно этимъ славянскимъ элементомъ, такъ какъ Славяне были уже хорошо знакомы съ Ромеями, испытали ихъ вліяніе и могли служить не только своимъ искусствомъ въ дѣлѣ осады крѣпостей и городовъ,—искусство, которымъ они отличались еще ранѣе при своихъ нападеніяхъ на греческіе города вмѣстѣ съ Аварами, отъ которыхъ вѣроятно многому и научились,—но главнымъ образомъ въ дѣлахъ, требовавшихъ сравнительно высшаго развитія въ смыслѣ византійскомъ. Поэтому мы и видимъ, при Крумѣ, напримѣръ, славянскихъ совѣтниковъ и пословъ (Драговитъ). Эти покоренные Славяне служили конечно переводчиками, зная мѣстные языки славянскій, ромейскій и болгарскій (какъ это видимъ при послѣднемъ нападеніи на Солунь, когда совѣтники болгарскаго предводителя называются знатоками этихъ мѣстныхъ языковъ)".

Къ этому намъ не нужно многаго прибавлять. Напрасно Д. И. Иловайскій, нападая на эти страницы (Разысканія, стр. 503), снова наговорилъ цѣлый рядъ запугивающихъ словъ о наивныхъ пріемахъ исторической критики, о неосновательныхъ гаданіяхъ, представляющихъ верхъ совершенства въ пріемахъ антиславистовъ, и т. п. Развѣ въ самомъ дѣлѣ сожительство Славянъ съ Болгарами не составляетъ несомнѣннаго историческаго и географическаго факта? Развѣ они не дѣлали набѣговъ на Византійскую имперію въ одно время и сообща еще въ VI вѣкѣ? Развѣ они не служили рядомъ въ Аварскихъ ополченіяхъ, осаждавшихъ Солунь въ VII вѣкѣ? Что же касается до предположенія о малочисленности Болгаръ, составлявшихъ орду Аспаруха, то развѣ не слѣдуетъ она изъ самаго историческаго преданія, по которому эта орда является только седьмою частью всего народа, состоявшаго подъ властію отцевъ? И развѣ самъ Д. И. Иловайскій, иронизирующій надъ молодымъ славистомъ за это его предположеніе, не считалъ нужнымъ, кромѣ собственно славянскихъ семи родовъ за Дунаемъ, покоренныхъ Аспарухомъ, отыскивать тамъ еще другихъ Славянъ Болгарскихъ, встрѣтившихъ, конечно, новыхъ завоевателей какъ союзниковъ? Наконецъ, развѣ такъ непреложны историческія аналогіи, возводимыя Д. И. Иловайскимъ въ законъ, но предварительно нѣсколько перетолковываемыя въ ложную сторону?

Вѣрно то, что Хлодвигъ былъ Германецъ, какъ и Карлъ Великій былъ Германецъ. Но развѣ романскій языкъ, на которомъ говорили сыновья и внуки Карла Великаго и его народы, населявшіе по крайней мѣрѣ цѣлую половину Галліи, образовался только въ теченіе тридцати лѣтъ, протекшихъ отъ его смерти до Вердёнскаго договора? Развѣ съ воцареніемъ Каролинговъ не соединяется представленія о новомъ приливѣ германскаго элемента въ области, уже давно сдѣлавшіяся романскими? Франки, Вест-Готы и Бургунды несомнѣнно романизовались въ гораздо болѣе короткое время, чѣмъ это ради потребностей своей теоріи представляетъ Д. И. Иловайскій; то же слѣдуетъ сказать и о Лонгобардахъ. Чистое заблужденіе объяснять происхожденіе романскихъ языковъ вліяніемъ германскихъ варваровъ; они въ этомъ весьма мало участвовали. Значительная стихія, внесенная ими въ лексиконъ языка, едва ли много превосходитъ чуждую—тюркскую—стихію въ языкѣ болгарскомъ.

Переходимъ къ Роксоланамъ и къ ихъ тожеству со Славянскою Русью, которое играетъ такую важную роль въ воззрѣніяхъ нашего историка на первоначальный періодъ нашего государственнаго развитія.

„Это тожество есть одно изъ самыхъ главныхъ основаній моей теоріи; противъ него я не встрѣтилъ доселѣ ни единаго серьезнаго возраженія“ (стр. 379). Говоря объ одной статьѣ Н. И. Костомарова, Д. И. Иловайскій пишетъ: „Онъ, по видимому, сомнѣвается относительно филологическаго тожества Роксоланъ и Руси. Но это тожество мы считаемъ несомнѣннымъ.... Тожество самой страны, въ которой являются и Роксолане, и Русь, не допускаетъ предположенія, чтобы въ ихъ именахъ могло быть только случайное созвучіе“ (стр. 418) „Что касается собственно моей системы, то ее по справедливости называютъ роксаланскою“ (стр. 470) и т. п.

На чемъ основано это причисленіе Роксоланъ къ Славянскому племени? Если мы обратимся къ источникамъ, то найдемъ слѣдующее: Тацитъ прямо называетъ Роксоланъ Сарматскимъ народомъ (Sarmatica gens). Это, конечно, немного значитъ для Д. И. Иловайскаго, ибо онъ и всѣхъ Сарматовъ не затруднится причислить къ Славянамъ (см. стр. 519: Сарматы—это западные Славяне); но это много значитъ для современной науки, которая Сарматовъ и главныхъ представителей племени, Аланъ, считаетъ иранскою вѣтвію Индо-Европейскаго племени; это много значило для Тацита, въ глазахъ котораго противоположность между Славянами и Сарматами была вполнѣ сознанымъ фактомъ, убѣж-

деніемъ, основаннымъ на внимательной провѣркѣ всѣхъ данныхъ. „Я колеблюсь, слѣдуетъ ли Певкиновъ, Венетовъ (=Славянъ) и Фенновъ причислить къ Германцамъ или же къ Сарматамъ.... Венеты въ своихъ нравахъ многое заимствовали у послѣднихъ; ибо они въ видѣ разбойниковъ бродятъ по лѣсамъ и горамъ, наполняющимъ пространство между Певкинами и Феннами; однако ихъ лучше отнести къ Германцамъ, ибо они строятъ дома, носятъ щиты, имѣютъ навыкъ и ловкость въ пѣшеходствѣ: все это отличаетъ ихъ отъ Сарматовъ, живущихъ въ повозкѣ и на конѣ". Итакъ: 1) Роксолане—Сарматы, а Венеды (Славяне) должны быть отличаемы отъ Сарматовъ. 2) Венеды (Славяне) имѣютъ постоянныя жилища, а Роксолане—кочевники, живущіе въ кибиткахъ. 3) Венеды (Славяне) — народъ пѣхотинецъ, а Роксолане—прирожденные конники, и къ пѣшему бою совсѣмъ не способны: Namque mirum dictu, ut sit omnis Sarmatarum virtus velut extra ipsos. Nihil ad pedestrem pugnam tam ignavum; ubi per turmas advenere vix ulla acies obstitit. Удивительно, какъ вся (военная) доблесть Сарматовъ заключается какъ бы внѣ ихъ самихъ. Въ пѣшемъ сраженіи—нѣтъ ничего болѣе слабаго; а когда они явятся (конными) эскадронами, то едва какой строй устоитъ передъ ними. Это сказано именно по поводу вторженія Роксоланъ въ Мёзію въ количествѣ девяти тысячъ всадниковъ. Что же касается привязанности Славянъ къ пѣшему хожденію, то эта черта не изчезла и въ послѣдствіи долго послѣ Тацита. Прокопій писалъ объ Антахъ и Славянахъ: „они ходятъ на врага пѣшіе"; πεζῇ εἰς τοὺς πολεμίους ἴασιν. Описаніе ихъ военныхъ пріемовъ и обычаевъ у Маврикія совсѣмъ не предполагаетъ конницы. Левъ Діаконъ, говоря о русской рати Святослава, нѣсколько разъ повторяетъ, что эти Скиѳы, въ противоположность древнимъ, есть, народъ „сражающійся пѣшкомъ и совсѣмъ не умѣющій ѣздить на конѣ" (pag. 140; ср. 134, 150). Кажется, достаточно основаній считать признакъ серьезнымъ и прочнымъ. 4) Венеды (Славяне) употребляютъ оборонительное оружіе—щиты; послѣ Тацита это было отмѣчено о Славянахъ и Антахъ Прокопіемъ и Маврикіемъ. Роксолане, какъ кочевники и наѣздники, знаютъ только легкое вооруженіе и щитовъ не употребляютъ: послѣднее прямо сказано Тацитомъ, какъ будто онъ нарочно хотѣлъ опровергнуть какую-нибудь роксоланскую теорію: Neque enim scuto defendi mos est. (Histor. I, 79).

Повторяемъ вопросъ: на чемъ же основывается причисленіе Роксоланъ къ Славянамъ? Способъ доказательства выходитъ слѣдующій: Роксолане должны быть считаемы Славянами, потому что они на нихъ

ни въ чемъ не похожи. Когда такіе аргументы будутъ признаваться убѣдительными, тогда и мы будемъ считать роксоланскую теорію Д. И. Иловайскаго серіозною.

Ради своихъ цѣлей автору „Разысканій“ нужно было показать, что Роксолане непрерывно существовали до самаго появленія Руси и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ послѣ образовалось Русское государство. Онъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ должно слѣдовать то и другое, но безъ всякой критики и разбора. Если же мы захотимъ добраться правды, то вотъ основныя данныя, которыхъ слѣдуетъ держаться: 1) Во времена Страбона Роксолане жили между Дономъ и Днѣпромъ (ср. Разысканія, стр. 273); но уже при Неронѣ они двигаются къ Дунаю и вторгаются въ предѣлы Римской имперіи, въ Мёзію; здѣсь, близъ Дуная, они остаются во второмъ и въ третьемъ вѣкахъ, какъ показываютъ всѣ извѣстія такъ-называемыхъ „писателей исторіи Августовъ“ (Scriptores historiae Augustae), приведенныя въ „Разысканіяхъ“; они считаются въ числѣ Понтійскихъ народовъ, угнетавшихъ Римлянъ на нижнемъ Дунаѣ; иногда они переходили на южную его сторону и вступали въ римскую службу, ибо они принимаютъ участіе въ солдатскихъ римскихъ переворотахъ... Желая показать, что Роксолане не оставляли и своихъ старыхъ жилищъ даже до IV вѣка и долѣе, Д. И. Иловайскій ссылается на Певтингеровы таблицы и на Амміана Марцеллина: „Певтингеровы таблицы и Амміанъ Марцеллинъ помѣщаютъ Роксоланъ вблизи Меотиды“. Но дѣло въ томъ, что Д. И. Иловайскій нигдѣ не сообщилъ читателю яснаго представленія, что̀ такое были Певтингеровы таблицы, и какую эпоху они изображаютъ. „Певтингеровы таблицы обнимаютъ время отъ Августа до Юстиніана включительно“, сказано въ одномъ мѣстѣ „Разысканій“ (стр. 380) со ссылкою на Дежардэна, новѣйшаго издателя ихъ и толкователя. Какъ, однако, можетъ одна и та же географическая или дорожная карта заразъ изображать столь различныя географическія положенія и столь далеко отстоящіе одинъ отъ другаго періоды, какъ время Августа и царствованіе Юстиніана—это остается совершенно темнымъ. Римскій путеуказатель, на одинадцати пергаментныхъ листахъ изображающій графически—хотя и безъ соблюденія проекціи и маштаба, но за то съ численными цифровыми обозначеніями—разстоянія между станціями на военныхъ дорогахъ и названный по имени стариннаго владѣльца единственнаго отысканнаго въ XVI вѣкѣ экземпляра Пейтингеровымъ (Conrad Peutinger),—считался до послѣдняго времени средневѣковою копіею (XIII вѣка) съ римскаго подлинника, принадлежавшаго

III вѣку или началу IV, представляющимъ положеніе именно за это время. Результатъ изслѣдованія Дежардэна заключается въ томъ, что карта оказалась составленною не вдругъ, не за одинъ разъ, а элементы, изъ которыхъ она образовалась, принадлежащими различнымъ эпохамъ—времени Августа, царствованію Траяна, половинѣ IV вѣка, правленію Юстиніана, наконецъ кое-что прибавленнымъ по домыслу монаха-копіиста XIII вѣка; Италія, напримѣръ, изображена такъ, какъ она дѣлилась при Августѣ, Дакія—такою, какъ она была при Траянѣ. Именно полное отсутствіе именъ, сдѣлавшихся извѣстными въ вѣкъ Юстиніана (хотя бы Антовъ и Склавиновъ, Гунновъ или Болгаръ,—такъ какъ и народныя имена обозначаются поверхъ дорожныхъ линій), доказываетъ, что при-Дунайскія области изображены на картѣ не въ томъ видѣ, какъ онѣ представлялись въ VI вѣкѣ, а соотвѣтственно гораздо болѣе ранней эпохѣ, именно началу II вѣка. Другими словами, Певтингерова карта, помѣщая Роксоланъ за Днѣпромъ и Бугомъ, говоритъ о той же самой эпохѣ пребыванія Роксоланъ на Мэотидѣ, которая извѣстна намъ по Страбону (и Птолемею), и которая предшествовала ихъ передвиженію къ римскимъ границамъ на Дунай. Д. И. Иловайскій, конечно, ссылается и на Амміана Марцелина, помѣщающаго Роксоланъ около Мэотійскаго озера, но вотъ именно здѣсь-то и отмстило за себя незнакомство съ вышеупомянутыми изслѣдованіями новыхъ ученыхъ—въ числѣ ихъ такой знаменитости, какъ Т. Моммсенъ—о географическихъ отрывкахъ Амміана Марцеллина. Моммсенъ весьма убѣдительно и наглядно показалъ, что Амміанъ заимствовалъ свои эпизодическія вставки географическаго характера изъ одной компиляціи II вѣка, представлявшей извлеченіе изъ Плинія и Мелы. Теперь, когда истинное положеніе дѣла указано, и безъ чужой помощи легко убѣдиться, что по отношенію къ IV вѣку географическое описаніе южной Россіи у Амміана Марцеллина сплошь наполнено анахронизмами.—Обращаемся къ Іордану. Если послушать Д. И. Иловайскаго, то окажется, что у этого писателя можно найдти цѣлый рядъ извѣстій о Роксоланахъ въ желанномъ смыслѣ и на желанномъ мѣстѣ:

„Іорнандъ, писатель VI вѣка, въ числѣ народовъ, подвластныхъ Готскому царю Германриху, приводитъ Рокасовъ (Rocas), которыхъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ихъ сложнымъ именемъ Роксаланъ и изображаетъ ихъ народомъ вѣроломнымъ, погубившимъ Германриха. Послѣдній за измѣну одного знатнаго Роксаланина (по видимому, передавшагося на сторону Гунновъ) велѣлъ жену его Санелгу привязать

къ дикимъ конямъ и размыкать по полю; тогда два ея брата, Сарусъ и Амміусъ, мстя за смерть сестры, нанесли тяжкую рану Германриху, такъ что онъ послѣ того не могъ сражаться съ Гуннами и вскорѣ умеръ (Сар. 24). Изъ этого извѣстія съ полною вѣроятностію можно заключить, что движеніе Гунновъ произошло въ связи съ возстаніемъ Роксаланъ противъ готскаго владычества.... Іорнандъ сообщаетъ и о дальнѣйшей враждѣ Готовъ и Роксаланъ; только послѣднихъ онъ въ этомъ случаѣ называетъ Антами.. Преемникъ Германриха Винитаръ напалъ на Антовъ и былъ сначала побѣжденъ, но потомъ взялъ ихъ князя Бокса и распялъ на крестѣ съ его сыновьями.... Очевидно, онъ мстилъ Антамъ-Роксоланамъ за ихъ возстаніе противъ готскаго владычества и за союзъ съ Гуннами" и т. д. (стр. 275 прим.).

„Послѣ удаленія Готовъ и Гунновъ на западъ, Роксолане, по видимому, снова заняли прежнее первенствующее положеніе въ странахъ къ сѣверу отъ Понта; судя по словамъ того же Іорнанда, въ его время Дакія (называвшаяся тогда и Гепидія) опять граничила съ Роксоланами".

Сколько въ этомъ правды? Весьма мало. Вѣрно только то, что Іорданъ помѣщаетъ Роксоланъ и за свое время, и за прошедшее на востокъ отъ Днѣпра или даже Прута, въ нынѣшней Трансильваніи и Валахіи: „Готія, которую предки называли Дакіею, и которая нынѣ именуется Гепидіею, съ востока граничила съ Роксоланами, съ запада — съ Язигами.... Иба Язиги отдѣляются отъ Роксоланъ только рѣкою Алютою" (Ольтою). Nam Iazyges ab Aroxolanis Aluta tamen fluvio segregantur (cap. 12). Вотъ и все, что есть у Іордана о Роксоланахъ. Съ какой стати къ Роксоланамъ причислены и Рокасы, или какъ читается въ важнѣйшихъ рукописяхъ и новѣйшихъ лучшихъ изданіяхъ, Рогасы (Rogas у Моммзена, Rogans у Голдера),—мы не понимаемъ. Они стоятъ въ извѣстномъ перечисленіи Финнскихъ племенъ, подвластныхъ Германариху: Merens, Mordens, Imniscaris (вмѣсто прежняго Rimniscans), Rogas, Tadzans. Въ порядкѣ перечисленія видна нѣкоторая систематичность; за Весью и Мерею слѣдуетъ Мордва, Черемисы: ужели же вдругъ Іорданъ перескочилъ съ сѣвера на крайній югъ? Притомъ о покореніи Германарихомъ Славянъ (Венедовъ) рѣчь идетъ ниже и особенно. То же самое и относительно знатнаго Роксоланина, мужа Санелги: онъ явился на свѣтъ Божій по недоразумѣнію. Племя и родъ, къ кото-

рому принадлежалъ мужъ Сунильды [1]), названо у Іордана Росомонскимъ, а не Роксоланскимъ: Rosomonorum gens infida, quae tunc inter alias illi famulatum exhibebat (cap. 24). Ни въ одной рукописи нѣтъ варіанта, который сколько-нибудь оправдывалъ бы превращеніе Росомоновъ въ Роксоланъ [2]), которые, притомъ, въ спискахъ наиболѣе надежныхъ и древнихъ именуются собственно Ароксоланами. Конечно, довольно трудно угадать, кто были эти Росомоны. Мы видимъ, что Мюлленгофъ считаетъ это имя эпическимъ или даже миѳическимъ, прибавляя, что тутъ нелѣпо думать о Роксоланахъ. Мы съ своей стороны скорѣе предложили бы отожествленіе съ Оромусхами Менандра, живущими гдѣ-то около Кубани, и Росмосоками, кавказскимъ Гуннскимъ народомъ, упоминаемымъ у армянскаго писателя X вѣка, Моисея Каганкатваци [3]). Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ своихъ произвольныхъ дѣйствій, уже безъ всякой хотя бы тѣни основанія Д. И. Иловайскій вздумалъ насъ увѣрять, что Іорданъ ни съ того, ни съ сего назвалъ Роксоланъ Антами. Предъ этимъ умолкаетъ всякая критика.

Послѣдній козырь, которымъ авторъ „Разысканій“ хочетъ выиграть дѣло Роксоланъ, есть Равеннскій географъ: „Однако названіе Роксалане (вопреки мнѣнію норманистовъ) не исчезло изъ исторіи послѣдующихъ вѣковъ. Мы его встрѣчаемъ въ IX вѣкѣ, и опять у латинскаго писателя, именно у географа Равеннскаго. Онъ два раза упоминаетъ въ восточной Европѣ страну Роксоланъ, за которую далеко къ океану лежитъ великій островъ Скиѳія или Скандза, то-есть, Скандинавія (L. I. c. 12 и L. IV. c. 4)“. Но у Равеннскаго географа упоминается очень много такого, что̀ уже совсѣмъ отжило къ IX вѣку. На ряду съ Роксоланами у него фигурируютъ и Амазонки; Роксолане у него такой же отголосокъ старыхъ традицій древней географіи, какъ и Амазонское царство. Мы имѣемъ полное право сказать,

---

[1]) По другому чтенію Сванигильды; *Санелга*—чтеніе совсѣмъ почти неоправдываемое рукописями; только въ одной изъ менѣе важныхъ читается Sunielh.

[2]) Варіанты, вполнѣ приведенные у Моммзена, суть слѣдующіе; Rosomanorum, Rosomorum, Rosimanorum. Въ прежнихъ изданіяхъ читалось тоже Rosomanorum.

[3]) Исторія Агванъ. Переводъ *К. П. Патканова* стр. 73: «Въ то время царь Росмосоковъ съ своими войсками и полчищами Ѳовельскими собралъ также всѣ войска Гунновъ, перешелъ рѣку Куръ и приказалъ нашествовать на Агванію, Арменію и Иверію». Стр. 76: «Самъ великій царь Росмосоковъ». Ср. Menandri Fragm. Historici graeci minores, ed. *Dindorf*, II, 55: τὸ φῦλον τῶν Ὀρομουσχῶν.

что со времени Готовъ или Іордана, ихъ историка, прекращаются живыя свѣдѣнія о Роксоланскомъ народѣ, принадлежавшемъ къ Сарматскому племени. Ни къ славянству, ни къ Руси онъ не имѣетъ никакого отношенія. Таковъ исходный пунктъ роксоланской теоріи происхожденія Русскаго государства. Роксолане вовсе не принадлежали къ тому племени, къ которому требовалось ихъ причислить, жили не тамъ, гдѣ имъ слѣдовало бы оставаться для потребностей теоріи, и наконецъ, не дожили до того времени, до котораго имъ было бы нужно дожить, чтобы превратиться изъ Роксоланъ въ Русь—хотя бы при помощи легкаго насилія со стороны русскаго изслѣдователя, по тихоньку пишущаго Росс-алины въ мѣсто Рокс-аланы. Слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ этой теоріи, придуманной не для того чтобы объяснить, а для того чтобы устранить преданіе русской лѣтописи о началѣ Русскаго государства, не входитъ теперь въ нашу задачу. Скажемъ только, что въ этомъ отношеніи прежнее наше мнѣніе, высказанное подъ впечатлѣніемъ перваго ближайшаго ознакомленія съ вопросомъ (см. Розысканія, стр. 367), нисколько не измѣнилось,—какъ, съ другой стороны, не измѣнилось наше совершенно искреннее уваженіе къ другимъ трудамъ Д. И. Иловайскаго по русской исторіи. Онъ, конечно, не посѣтуетъ на насъ, что мы высказали свое мнѣніе объ его взглядахъ на Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ съ полною рѣшительностію и откровенностію. Эти его взгляды именно тѣмъ больше способны сбивать многихъ съ толку, тѣмъ болѣе вредны, чѣмъ выше и безспорнѣе авторитетъ лица, ихъ распространяющаго.

В. Васильевскій.

ПО ВОПРОСУ О ШКОЛЬНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ИНОРОДЦЕВЪ-МУСУЛЬМАНЪ.

Ни одинъ, кажется, вопросъ нашей внутренней жизни не подвергался столькимъ усложненіямъ и всевозможнымъ манипуляціямъ, какъ вопросъ народнаго образованія: и матеріальныя средства на учрежденіе и поддержку разныхъ видовъ школъ, и выборъ предметовъ обученія, и методъ преподаванія, и нравственное направленіе учащихся, все это въ совокупности до сихъ поръ не приведено въ полную ясность.

Къ числу такихъ немаловажныхъ усложненій школьнаго вопроса надобно отнести, безъ сомнѣнія, существованіе въ Россіи значительной массы инородческаго населенія. Еще та часть послѣдняго, которая до сихъ поръ остается въ первобытномъ невѣжествѣ, не представляетъ собою особенныхъ затрудненій: это — пустопорожняя новь, которая пребываетъ въ спокойствіи, пока не дойдетъ и до нея очередь хоть какого-нибудь образовательнаго воздѣлыванія. Возьмемъ, напримѣръ, наиболѣе подвижную часть инородческаго элемента—Калмыковъ. Это — народъ, правда дикій, но здоровый физически, работящій, не испорченный нравственно, чуждый всякаго фанатизма и весьма удобно сживающійся съ русскимъ человѣкомъ. Духовенство калмыцкое не особенно ревниво заботится о цѣлости своей паствы, да и сами адепты ламайской вѣры мало помышляютъ о предметахъ религіозной жизни: они отдаютъ извѣстную дань своимъ богомольцамъ-гелюнгамъ въ видѣ барана или иного какого приношенія и предоставляютъ имъ вѣдаться съ богами на счетъ спасенія своей души.

Заведутъ для нихъ школу, и калмыцкія ребята весьма скоро освоиваются съ новымъ для нихъ бытомъ, скоро овладѣваютъ въ совершенствѣ русскимъ языкомъ и учатся не хуже природныхъ Русскихъ.

Другое дѣло та часть инородцевъ, которая порабощена исламу, располагающему сильнымъ орудіемъ для упроченія своего нравственнаго вліянія на своихъ послѣдователей — грамотностью. Эта грамотность, притомъ, такого свойства, что она, при своеобразности своего строя и исключительности направленія, не только не можетъ служить подспорьемъ къ распространенію образованія въ общегосударственномъ смыслѣ, но еще сама въ себѣ заключаетъ огромную для того помѣху. Общегосударственное школьное образованіе среди мусульманскаго инородчества должно выдерживать сопротивленіе со стороны не первобытной закоснѣлости, а своего рода образованія, чисто мусульманскаго. Тутъ ужъ приходится имѣть дѣло не съ пассивнымъ матеріаломъ, а проявляющимъ свою дѣятельность въ духѣ пропаганды, свойственной вообще мусульманству, и въ частности присущей нашимъ татарскимъ мулламъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя не пожалѣть о той неосторожности, съ какою относились у насъ къ религіозной пропагандѣ ислама, допустивъ распространеніе его среди языческаго инородчества. Бѣда, когда къ вопросамъ чисто-практическимъ прилагаются воззрѣнія отвлеченной доктрины: мухамеданство, какъ религія единобожная, считается высшею формою предъ язычествомъ, а потому думаютъ, что и въ практикѣ обращеніе язычника въ мусульманство, такъ-сказать, придвинетъ его ближе одною ступенью къ истинной вѣрѣ христіанской, тогда какъ въ сущности, на оборотъ, омусульманеніе окончательно заграждаетъ ему путь для перехода въ христіанство, сообщая чуждый ему дотолѣ духъ религіознаго фанатизма.

Въ виду этого всякое вчинаніе, касающееся образованія русскихъ мусульманъ, имѣетъ важное значеніе; всякія по этому вопросу новыя соображенія, новые проекты обязываютъ всѣхъ, сколько-нибудь интересующихся отечественнымъ благомъ, по мѣрѣ своихъ средствъ отнестись къ нимъ критически и высказать свое мнѣніе, разумѣется, съ цѣлью только способствовать разъясненію дѣла и къ установленію наиболѣе правильнаго на него взгляда. Въ этомъ отношеніи нельзя не выразить признательности управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ, которое, заботясь между прочимъ объ устройствѣ школъ для тамошнихъ мусульманъ, по видимому, держится того же воззрѣнія. Такъ, въ 1880 году попечитель Кавказскаго учебнаго округа выхлопо-

талъ директору Закавказской учительской семинаріи Д. Д. Семенову командировку въ города Казань и Симферополь для осмотра тамошнихъ татарскихъ училищъ съ цѣлію ознакомиться съ организаціей ихъ, дабы добытые результаты могли быть примѣнены съ пользою къ Закавказской учительской семинаріи, особенно въ татарскомъ ея отдѣленіи, а въ приложеніи къ циркуляру по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1881 г., № 8, напечатанъ и самый отчетъ г. Семенова. Послѣднее обстоятельство убѣждаетъ насъ, что управленіе готово благосклонно выслушать и постороннія замѣчанія по поводу означеннаго отчета.

Мы вовсе не имѣемъ въ виду разбирать по пунктамъ весь отчетъ, напримѣръ, входить въ разсмотрѣніе замѣчаній г. Семенова по поводу тѣхъ или другихъ деталей школьнаго устройства и преподавательскаго метода: это съ большимъ усердіемъ, и кстати замѣтить, съ надлежащею основательностію сдѣлано тѣми, кого ближе всего касались отзывы г. Семенова—учителями Казанской учительской семинаріи. Это весьма утѣшительное доказательство того, что нѣкоторыя изъ нашихъ школъ располагаютъ весьма недюжинными педагогическими силами, съ яснымъ сознаніемъ своего призванія, съ достаточною образовательною подготовкою, выработаннымъ методомъ, и главное, съ добросовѣстнымъ и даже страстнымъ отношеніемъ къ тому дѣлу, знамя котораго они держатъ. Любопытствующіе могутъ найти эти „Замѣчанія наставниковъ", какъ они озаглавлены, въ циркулярѣ по Казанскому учебному округу № 10 за 1881 годъ.

Насъ отчетъ г. Семенова собственно интересуетъ своею положительною стороною, тѣми заключительными выводами, къ которымъ г. Семеновъ пришелъ послѣ сдѣланныхъ имъ во время командировки наблюденій надъ постановкою школьнаго дѣла въ осмотрѣнныхъ имъ инородческихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Сколько можно судить по всему содержанію отчета, г. Семеновъ не знакомъ ни съ однимъ изъ нарѣчій, на которыхъ говорятъ наши мусульмане, ни, тѣмъ болѣе, съ мусульманскою, главнымъ образомъ арабскою, литературою, ни съ мусульманскимъ вѣроученіемъ, ни съ духомъ теперешняго умственно-нравственнаго состоянія нашего мусульманства. Будучи педагогомъ-спеціалистомъ по географіи, если не ошибаемся, г. Семеновъ однако же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ могъ бы опираться на нѣкоторую свою компетентность, ограничивается весьма поверхностными, хотя зачастую колкими замѣчаніями, насчетъ пріемовъ преподаванія тѣхъ или другихъ учителей; напротивъ того, раз-

сужденія о предметахъ, которые мало доступны ему, ведутся имъ съ особенною охотой и даже увлеченіемъ. Вмѣсто того, чтобы держаться строго-объективнаго изложенія своихъ наблюденій, онъ съ ѣдкостью отзывается о тѣхъ или другихъ педагогахъ, которые ему почему-либо не понравились, и съ восторгомъ, безъ малѣйшей критики, повторяетъ мнѣнія другихъ, почему-то сразу завоевавшихъ его симпатіи. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на него г. Р—въ, о которомъ онъ выражается, что это—„иностранецъ по происхожденію, получившій высшее образованіе въ заграничныхъ университетахъ, извѣстный оріенталистъ, изучившій на мѣстѣ до 12 (шутка ли!) татарскихъ нарѣчій, ознакомившійся съ организаціей прусскихъ и саксонскихъ учительскихъ семинарій, видѣвшій двухъязычныя школы въ Шлезвигъ-Голштиніи, Бельгіи, Швейцаріи и Австріи“ (отчетъ, стр. 2).

„Г. Р—въ“, читаемъ мы въ отчетѣ,—„какъ Европеецъ (?) и какъ педагогъ, придаетъ инородческимъ семинаріямъ весьма важное значеніе не только въ отношеніи просвѣтительномъ, но и государственномъ. Учитель, окончившій курсъ въ татарской школѣ, по мнѣнію его, долженъ быть не только простымъ учителемъ грамоты, но и сѣятелемъ добра и истины, проводникомъ въ темныя фанатическія массы правильныхъ воззрѣній на окружающія явленія природы, на отношеніе людей между собою и къ государству“ (стр. 3). Не правда ли, какъ все это неслыханно-ново?

Г. Р—въ разказалъ г. Семенову, какъ онъ, „организовавши Уфимскую и Казанскую учительскія школы, сдѣлалъ первый пріемъ въ эти школы изъ взрослыхъ молодыхъ людей 20—25 лѣтъ, обучавшихся въ магометанскихъ медресе, достаточно ознакомившихся съ магометанскимъ вѣроученіемъ и арабскимъ языкомъ и получившихъ уже званіе мудеррисовъ, то-есть, учителей; какъ на первыхъ порахъ такимъ молодымъ людямъ было затруднительно усвоеніе русскаго языка, въ особенности разговорнаго, но, благодаря знанію арабской грамматики (sic!), достаточному умственному развитію и пріобрѣтеннымъ (гдѣ?) нѣкоторымъ научнымъ знаніямъ, бывшіе мудеррисы, въ теченіе 4-лѣтняго своего пребыванія въ школѣ, основательно (!) изучили русскую грамматику, достаточно освоились съ письменною и разговорною рѣчью и пріобрѣли такія серьезныя научныя (!) знанія и общее умственное развитіе, что могутъ вполнѣ конкуррировать съ муллами на поприщѣ воздѣйствія на умы фанатическаго населенія“.

Такъ разказывалъ г. педагогъ, а г. Семеновъ умилялся и поспѣшилъ все это въ точности записать для своего отчета. Какъ же было

не умилиться услыхавъ, что взрослые Татаре, въ четыре года и русскій языкъ изучаютъ основательно, и пріобрѣтаютъ общее умственное развитіе, и серьезныя научныя знанія! А чтобы видѣть, что̀ это за серьезныя научныя знанія, г. педагогъ показалъ г. Семенову Казанскую учительскую школу, въ которой имѣются: а) обширная химическая лабораторія; б) достаточно полный физическій кабинетъ; в) небольшая астрономическая обсерваторія; г) полная коллекція историческихъ картинъ Лангля; д) собраніе чучелъ и моделей животныхъ и большихъ рисунковъ растеній; е) полное собраніе всевозможныхъ географическихъ картъ и картинъ, и проч. Химическая лабораторія вывезена изъ Лейпцига и стоитъ 1,200 руб. Съ помощью этой лабораторіи, вся элементарная физика и химія проходится въ 92 опытахъ по руководству Арента, переведенному на русскій языкъ г. Радловымъ (ибо гдѣ же взять учебниковъ по химіи на русскомъ языкѣ?). Въ мезонинѣ устроено помѣщеніе для телескопа, „выписаннаго изъ Майнца за 250 р.“ (Отчетъ, стр. 4—5). Дѣйствительно, такому обзаведенію татарской учительской семинаріи можно только позавидовать. Вся эта учебная арматура потому, изволите видѣть, необходима въ инородческихъ семинаріяхъ—что „вопервыхъ, на невѣрные, но глубоко укоренившіеся взгляды восточныхъ народовъ на явленія природы можно подѣйствовать только путемъ опыта и личнаго наблюденія; вовторыхъ, при недостаточномъ знакомствѣ инородцевъ съ русскимъ языкомъ, на которомъ идетъ преподаваніе въ семинаріи всѣхъ предметовъ, наглядное пособіе служитъ иногда единственнымъ средствомъ для учителя выяснить преподанное“ (Отчетъ, стр. 5). За то г. Р—въ не придаетъ большого значенія введенію ремеслъ при учительскихъ семинаріяхъ: „Когда надо въ 4 года развить достаточно голову, то о развитіи рукъ думать некогда“, гласитъ приведенное въ ковычкахъ у г. Семенова изреченіе его (стр. 7). Допустивъ, что все это правда, вы затѣмъ ожидаете, что и окончательный выводъ объ основной постановкѣ татарскихъ учительскихъ семинарій будетъ согласоваться съ тѣми теоретическими положеніями и практическими пріемами, съ которыми, г. Р—въ познакомилъ г. Семенова. Ничуть не бывало: выводъ, сдѣланный г. Р—вымъ и принятый такъ близко къ сердцу г. Семеновымъ, самаго неожиданнаго свойства, а между тѣмъ онъ въ глазахъ г. Семенова составляетъ главнѣйшее откровеніе, передъ которымъ все прочее сущіе пустяки. Вотъ въ чемъ дѣло: „Г. Р—въ считаетъ крупною ошибкою, что во всѣхъ трехъ татарскихъ учительскихъ школахъ, въ Казани, Оренбургѣ и Симферополѣ, магометан-

ское вѣроученіе поставлено ниже, нежели въ магометанскихъ духовныхъ медресе... и съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ отъ меня (то-есть, отъ г. Семенова), что въ Закавказской учительской семинаріи магометанское вѣроученіе поставлено на должную высоту" (Отчетъ, стр. 3). А мотивировано это положеніе слѣдующими соображеніями г. Р—ва: „Можетъ ли", говоритъ онъ,— „малообразованный учитель парализовать дѣйствіе муллы, который забросаетъ учителя, малосвѣдующаго въ магометанскомъ вѣроученіи, текстами изъ Корана и свѣдѣніями изъ медицины и астрономіи, заимствованными изъ нѣкогда богатой арабской литературы?" (Отчетъ, стр. 3). Само собою разумѣется, что для проникновенія въ эту сокровищницу всѣхъ знаній, необходимо, по мнѣнію г. Р—ва, и изученіе арабскаго языка, тѣмъ болѣе, что „благодаря знанію арабской грамматики" ученики его учительской школы „основательно изучили русскую грамматику и достаточно освоились съ письменною и разговорною рѣчью", русскою конечно. (Ibid., стр. 3 и 4). Вотъ тѣ капитальныя соображенія г. Р—ва, за которыя горячо ухватился г. Семеновъ, выставляя ихъ альфою и омегою всѣхъ послѣдующихъ своихъ разсужденій о наилучшемъ устройствѣ татарскихъ учительскихъ семинарій, при чемъ справочною книгою ему послужила, при составленіи отчета, брошюра г. Гаспринскаго [1]). И такъ, самое главное въ образованіи нашихъ Татаръ и при томъ „не только въ отношеніи просвѣтительномъ, но и государственномъ" есть высота магометанскаго вѣроученія и арабская грамматика; а такъ какъ то и другое составляетъ достояніе существующихъ мусульманскихъ медресе, то, слѣдовательно, логически выходитъ, что намъ надобно заводить не учительскія семинаріи, а тоже мусульманскія медресе. Г. Семеновъ и договорился до этого въ своемъ отчетѣ, заявивъ, что уже предполагается въ Тифлисѣ открыть такое медресе, или какъ оно у него названо: высшее духовное мусульманское училище.

Неужели однако въ этихъ новыхъ медресе будутъ преподаваться и физика, и химія, и астрономія, и медицина, и алгебра, и ботаника? Непремѣнно: будутъ преподаваться всѣ тѣ науки, которыя перечислены въ брошюрѣ г. Гаспринскаго и воспроизведены г. Семеновымъ въ его отчетѣ, даже, для пущей важности, съ приведеніемъ соотвѣтственныхъ арабскихъ названій означенныхъ наукъ, только, разумѣется, въ искаженномъ видѣ (Отчетъ, стр. 15).

---

[1]) Русское мусульманство. Симферополь. 1881.

Когда прочитаешь всю эту премудрость, то невольно приходятъ на мысль стихи Грибоѣдова:

Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цвѣты...

Съ одной стороны чучелы, химическая лабораторія съ обсерваторіею, съ другой—должная высота магометанскаго вѣроученія; съ одной стороны русская письменная и разговорная рѣчь, съ другой—арабская грамматика; съ одной стороны заурядный мулла, съ другой—нѣкогда богатая арабская литература, которую будто бы каждый такой мулла также основательно знаетъ, какъ свое исповѣданіе: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Мухаммедъ пророкъ его?"

Что же, спросимъ мы гг. просвѣтителей-педагоговъ, если они, вооружившись всевозможными заграничными учебными аппаратами—лабораторіями, обсерваторіями, въ то же время разложатъ передъ учащимся юношествомъ фоліанты арабщины, въ видахъ достиженія должной высоты мусульманскаго вѣроученія, то неужели дѣло пойдетъ какъ по маслу? Будетъ ли это подспорьемъ къ вящшему умственному развитію учениковъ, достигаемому школьною наукой, или молотомъ, притупляющимъ ихъ способности?

Затрудниться категорическимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ только тотъ, кто не имѣетъ яснаго понятія о томъ, что̀ такое мусульманское вѣроученіе, не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что̀ значитъ поставить на должную высоту это вѣроученіе, кто не имѣетъ понятія о духѣ мусульманскихъ медресе.

Мусульманское вѣроученіе, какъ извѣстно, обнимаетъ собою всю внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка, не ограничиваясь одною чисто религіозною областью, а вторгаясь и въ мелочи обиходнаго быта. Значитъ, высота этого вѣроученія можетъ быть понимаема только въ смыслѣ количественномъ: чѣмъ больше дано будетъ простора для компетенціи этого вѣроученія, тѣмъ у̌же должна оказываться сфера вліянія прочихъ, добытыхъ наукой, истинъ. Поэтому и въ научномъ смыслѣ эта высота сводится къ количественному объему возможныхъ толкованій коранической мудрости, не довольствуясь ознакомленіемъ татарскаго учащагося юношества съ основами отеческой вѣры и съ необходимыми для религіозной практики молитвами, въ размѣрахъ краткаго катихизиса и молитвослова, какъ это водится обыкновенно въ программахъ закона Божія всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій. Въ силу этого, поставить въ татарскихъ учительскихъ семинаріяхъ на должную высоту преподаваніе мухаммеданскаго вѣроученія и араб-

скаго языка — значитъ поглотить все учебное время зубреніемъ арабскихъ вокабулъ и долбленіемъ толстыхъ волюмовъ всякой книжной мусульманской безтолочи, и сказать прости надлежащему ознакомленію учащихся съ собственно образовательными предметами, которыхъ г. Семеновъ насчиталъ даже больше, чѣмъ сколько надобно, выписавъ ихъ цѣликомъ изъ брошюры г. Гаспринскаго (Отчетъ, стр. 15). Мы положительно того мнѣнія, что заводить какія-то высшія мусульманскія медресе наподобіе такихъ же существующихъ у Татаръ въ изобиліи учебныхъ мельницъ, есть праздная фантазія, долженствующая въ корнѣ испортить благое дѣло—образованія нашихъ Татаръ.

Мы считаемъ излишнимъ доказывать несовмѣстимость задачъ современной европейской школы съ духомъ мусульманскихъ медресе, мудрость которыхъ доселѣ покоится на исламскихъ авторитетахъ X—XVI столѣтій. Достаточно въ этомъ отношеніи сослаться на примѣръ Турковъ. Ужь чего другого въ Стамбулѣ, столицѣ калифа всѣхъ вѣрующихъ, а медресе всѣхъ видовъ и качествъ тьма-тьмущая, и ужь въ нихъ ли магометанское вѣроученіе не на должной высотѣ, однако турецкое правительство, сознавъ необходимость настоящаго образованія для своего народа, не обратилось къ этимъ ветхозавѣтнымъ синагогамъ, а предпочло завести у себя на европейскій манеръ совершенно новыя школы—лицеи, спеціальныя училища, какъ мужскія, такъ, въ послѣднее время, и женскія. Не угодно ли послушать, какъ сами Турки отзываются о медресе: они ихъ считаютъ положительнымъ тормазомъ въ дѣлѣ просвѣщенія турецкой націи и находятъ своевременнымъ закрыть ихъ, какъ утратившія свое raison d'être, ибо они плодятъ только толпу праздныхъ міроѣдовъ въ лицѣ софтъ, ходжей и муллъ, которые цѣлые десятки лѣтъ, лежа на боку въ келліяхъ этихъ quasi-ученыхъ монастырей и питаясь на счетъ такъ-называемыхъ вакуфовъ, то-есть, пожертвованныхъ въ свое время благочестивыми людьми капиталовъ и доходныхъ угодій, долбятъ разные тефсиры (богословско-юридическіе и др. комментаріи) и ментыки (первобытно-схоластическіе трактаты по sui generis философіи), навѣки притупляя свои природныя способности логическаго мышленія и пытливаго разума. Возраженія же, напечатанныя по поводу такого взгляда на медресе, цѣлымъ кагаломъ ополчившихся улемовъ, не только не опровергаютъ вышеозначеннаго взгляда, а еще болѣе убѣждаютъ въ его справедливости: такъ дики и нелѣпы доводы улемовъ, опирающихся на авторитеты разныхъ Ибнъ-Сина,

Али-Кушчи и прочихъ, по ихъ мнѣнію, великихъ свѣтилъ истиннаго знанія. Эти любопытныя pro и contra недавно помѣщены были въ весьма распространенной и пользующейся большимъ вліяніемъ стамбульской газетѣ Тарджумани-Хакыкатъ (№№ 1005—1013).

А что противники медресе не суть легкомысленные фантазеры, желающіе только порисоваться новаторскимъ либерализмомъ, это подтверждается біографіей не такъ давно умершаго нѣкоего Тахсина-эфенди, которая была напечатана въ турецкомъ журналѣ Гэфтэ и съ комментаріями и добавленіями перепечатана въ той же газетѣ Тарджумани-Хакыкатъ (№ 976). Изъ нея мы узнаемъ, какимъ подвергался этотъ въ своемъ родѣ османскій Ломоносовъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ со стороны фанатической толпы улемовъ, присяжныхъ блюстителей „должной высоты магометанскаго вѣроученія", за свою любовь къ занятіямъ естественными науками. Мы думаемъ, что несчастная участь этого мусульманскаго новатора и вызвала открытый протестъ противъ зловредности существованія медресе, которыя держатся эксплоатаціей всеобщаго невѣжества правовѣрнаго люда, находящагося подъ умственно-нравственнымъ гнетомъ улемства.

Наконецъ укажемъ еще на одинъ примѣръ, прямо уже относящійся къ кавказскому мусульманству. Едва ли кто заподозритъ проживающаго теперь въ Стамбулѣ Казы-Мухаммада Шамиля, сына знаменитаго имама Шамиля, въ религіозномъ вольнодумствѣ и измѣнѣ вѣрѣ своихъ предковъ, ибо онъ самъ ходилъ сражаться въ послѣднюю войну съ невѣрными христіанами. Однако же этотъ фанатикъ не отдалъ своего племянника учиться въ какое-нибудь стамбульское медресе, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ „должная высота магометанскаго вѣроученія и арабская грамота", а помѣстилъ его въ Мектеби-Султани, то-есть, въ Султанскій Лицей.

Итакъ Турки, эти правовѣрные мусульмане, открещиваются отъ медресе, убѣдившись непосредственнымъ вѣковымъ опытомъ въ непригодности ихъ для распространенія истиннаго просвѣщенія, а мы будемъ заводить эти вертепы невѣжества и мракобѣсія и класть ихъ мудрость краеугольнымъ камнемъ нашихъ татарскихъ школъ.

Ну, а какъ же, въ самомъ дѣлѣ быть, съ тѣмъ, что, по словамъ г. Р—ва, „малообразованный учитель не можетъ парализовать дѣйствіе муллы, который забросаетъ учителя, малосвѣдущаго въ магометанскомъ вѣроученіи, текстами изъ Корана и свѣдѣніями изъ медицины и астрономіи, заимствованными изъ нѣкогда богатой арабской литературы?" Да, ужасное положеніе! Для тѣхъ, кто не знаетъ, что̀

такое богатая арабская литература и заключающіяся въ ней свѣдѣнія по медицинѣ и астрономіи, и что̀ за мудрецы татарскіе муллы, это заявленіе можетъ и впрямь показаться поразительнымъ доводомъ въ пользу необходимости „должной высоты магометанскаго вѣроученія и арабскаго языка“ въ татарскихъ учительскихъ семинаріяхъ. Постараемся отвѣтить на него.

Вопервыхъ, мы тутъ не совсѣмъ понимаемъ смыслъ эпитета малообразованный: если имъ обозначены люди, малосвѣдущія въ магометанскомъ вѣроученіи, то къ чему же тогда нужны всякія лабораторіи, обсерваторіи и прочіе заграничные снаряды, если не ими достигается образованіе? А главное вотъ что̀: неужели, въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь мулла, кое-какъ выучившій 3—5 суръ изъ Корана съ пониманіемъ значенія текста ихъ и выдрессировавшійся въ механическомъ чтеніи арабской грамоты безъ пониманія значенія словъ, да вызубрившій нѣсколько отрывочныхъ мусульманскихъ хадисовъ (преданій), есть такой уже ученый, который въ состояніи самъ непосредственно доставать камни изъ пропасти „нѣкогда богатой арабской литературы“, чтобы побивать ими малосвѣдущаго въ магометанскомъ вѣроученіи, но мало-мальски образованнаго въ истинномъ смыслѣ, да еще толковаго по природѣ учителя? Эти муллы [1]) въ массѣ суть невѣжды, образованность которыхъ не можетъ быть поставлена въ уровень съ знаніями и умственнымъ развитіемъ нашихъ сельскихъ дьячковъ, даже въ спеціальной области религіи. А если въ томъ или другомъ центрѣ нашего мусульманскаго населенія найдется человѣкъ пять или десять такихъ, которые, вызубривъ впродолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ арабскую грамматику, да толкованіе на Куръанъ Бейзави, да каноническое сочененіе Викайѐ, да комментарій на Кяфью муллы Джами, знаютъ гораздо больше сотенъ или даже тысячъ заурядныхъ муллъ, то нельзя же такихъ исключеній возводить въ общее правило. Мы знавали лично прекрасныхъ хафизовъ (чтецовъ Куръана), нарочно ѣздившихъ въ Стамбулъ доучиваться своему декламаторскому искусству и ни слова не понимавшихъ въ прекрасно-читаемыхъ ими куръаническихъ сурахъ. Но всего очевиднѣе обнаруживается невѣжество теперешнихъ татарскихъ муллъ на ихъ произведеніяхъ, печатаемыхъ десятками тысячъ экземпля-

---

[1]) Просимъ не смѣшивать съ ними кавказскихъ эфенди, въ числѣ которыхъ есть довольно образованные и очень умные люди, каковъ, напримѣръ, бывшій конвойный эфенди Мухаммедъ Османовъ.

ровъ въ Казани. Посмотрите, что̀ это за умственное убожество или гнусное шарлатанство! Это обыкновенно наборъ словъ въ религіозно-нравоучительномъ тонѣ, съ полнымъ отсутствіемъ логическаго смысла и грамматическаго склада. Но больше всего муллы пользуются своею грамотностью, какъ средствомъ къ самой безсовѣстной эксплуатаціи темнаго мусульманскаго люда. Развѣ гг. педагогамъ, превозносящимъ небывалыя знанія муллъ въ медицинѣ и астрономіи, неизвѣстно, что эти шарлатаны, главнымъ образомъ, издаютъ такъ называемыя нусхаларъ (оттиски), то-есть, отрывки молитвеннаго содержанія, а то и просто какія-то каракули, съ наставленіями пользоваться ими, какъ чудодѣйственными или симпатическими средствами въ разныхъ случаяхъ? Такъ, напримѣръ, стоитъ только прочитать такой-то отрывокъ — и можно получить исцѣленіе отъ такой-то немочи; стоитъ написать одну изъ каракуль и проглотить бумажку — и она спасетъ изъ тюремнаго заключенія и т. д. И всѣ эти продукты глубокихъ познаній муллъ въ богатой арабской литературѣ обыкновенно подкрѣпляются у нихъ одною стереотипною угрозою: „А кто этому не вѣритъ, тотъ будетъ гяуръ, и жена его будетъ разведена съ нимъ!"

Наконецъ, самъ г. Семеновъ констатируетъ фактъ невѣжества татарскихъ муллъ, только по другому поводу (Отчетъ, стр. 10).

Спрашивается теперь: развѣ есть какая либо возможность и разумная цѣль даже многознающему и образованному человѣку вступать въ пренія съ такими лицами; а тѣмъ болѣе развѣ стоитъ, учреждая для Татаръ учительскія семинаріи, задаваться приготовленіемъ какихъ-то соперниковъ мулламъ въ знаніи мухаммеданскаго вѣроученія и арабской грамоты? Развѣ распространеніе общечеловѣческаго образованія среди Татаръ слѣдуетъ начинать съ муллъ? Нѣтъ ничего фальшивѣе и нецѣлесообразнѣе такого плана. Если татарскія семинаріи будутъ преслѣдовать только чисто отрицательныя цѣли — соперничество съ муллами, то всѣ матеріальныя траты и нравственныя усилія положительно не будутъ стоить ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ.

Теперь обращаемся къ арабскому языку, на необходимости обученія которому настаиваетъ г. Р—въ, а за нимъ г. Семеновъ. Что знаніе арабской грамматики будто бы помогаетъ изученію русскаго языка, это можно говорить лишь въ шутку. Но можетъ быть, это знаніе необходимо для усвоенія нашими Татарами грамматическихъ правилъ своего роднаго языка? То же нѣтъ. Грамматическій строй

тюркскихъ языковъ — совершенно иной, чѣмъ арабскаго; а если, чрезъ посредство религіозныхъ книгъ и проникли арабскія и персидскія слова и нѣсколько грамматическихъ оборотовъ въ тюркскую рѣчь, то почти исключительно въ рѣчь письменную, а не въ разговорную. Притомъ больше всѣхъ подверглось арабской порчѣ изъ тюркскихъ нарѣчій османское; тогда какъ нарѣчія нашихъ Тюрковъ сохранили бо̀льшую въ этомъ отношеніи чистоту и первобытность своего кореннаго характера: а что̀ пишутъ татарскіе муллы, всѐ это въ лингвистическомъ отношеніи такая смѣсь, что трудно почти разобрать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на какомъ нарѣчіи составлена та или другая книжка. Итакъ, мы сказали, что османское нарѣчіе болѣе, чѣмъ какое другое, восприняло въ себя арабскихъ и персидскихъ элементовъ. Посмотрите же, что̀ теперь Турки-османлы говорятъ по вопросу о необходимости изученія ими арабскаго языка: они тоже считаютъ это изученіе не только не необходимымъ, но даже вреднымъ, какъ мѣшающимъ самобытному развитію своей природной рѣчи. Теперь въ печати идутъ весьма горячіе по этому поводу споры. Есть и тамъ ревнители арабщины; но благоразумные пуристы совершенно основательно возражаютъ имъ, что въ такомъ случаѣ скоро понадобится изучать на равныхъ съ арабскимъ языкомъ основаніяхъ и языкъ французскій, и нѣмецкій, такъ какъ изъ того и другаго много въ послѣднее время стало заимствоваться разныхъ терминовъ Турками. Споръ этотъ возникъ по поводу появленія въ свѣтъ брошюры Белягэти османійè („Османское краснорѣчіе") Джевдета-паши, министра юстиціи, автора „Исторіи Турціи" и образцоваго въ новѣйшее время писателя. Споръ этотъ ведется на страницахъ Тарджумани-Хакыкатъ, газеты крайне національной и довольно фанатической. Редакція давала мѣсто всѣмъ статьямъ pro и contra. Участниковъ въ спорѣ оказалось очень много; подъ конецъ, выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей нѣкто Эльхаджъ-Ибрагимъ эфенди, котораго величаютъ устадъ, „учитель", „коривей", и который, судя по деликатному отношенію къ нему его противниковъ, должно быть, вліятельное и авторитетное лицо въ стамбульскомъ интеллигентномъ кругу. Этотъ Ибрагимъ-эфенди, вооружась всѣми снарядами своей логики и эрудиціи, силится отстоять арабскій языкъ для османской школы и литературы, не преминувъ привлечь въ число аргументовъ и религіозное значеніе арабской грамоты для Османлы, какъ мусульманъ. Давъ ему высказаться, редакція, въ лицѣ главнаго своего сотрудника, плодовитаго и пользующагося большою извѣстностью литера-

тора-романиста Мидхата-эфенди, помѣстила статью въ №№ 1130 и 1131, въ которой весьма дѣльно разбиваются всѣ положенія Ибрагима и его единомышленниковъ. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ этой статьи. Выходя изъ того главнаго положенія, признаваемаго и противниками, что „слогъ рѣчи каждаго народа сообразенъ самому языку того народа, а не другому какому", Мидхатъ утверждаетъ, что и чтеніе турецкое, не смотря на тождество турецкаго алфавита съ арабскимъ, совершенно иное. „Среди 10- или 12-лѣтнихъ дѣвочекъ рѣдко бываютъ хафизы (арабскіе чтецы), но не рѣдкость, что дѣвочки семи и восьми лѣтъ правильно читаютъ все что угодно по-турецки и правильно пишутъ продиктованное. А что изъ 30 дѣтей, навѣрное болѣе 25 обладаютъ этою способностью, это мы готовы доказать во всякое время". Когда дошла рѣчь до стихотвореній, для пониманія которыхъ въ особенности, по мнѣнію Ибрагима-эфенди, необходимо знаніе арабскаго языка, Мидхатъ-эфенди говоритъ слѣдующее: „То, что́ называется стихотвореніемъ, есть самая тонкая, самая милая, самая пріятная форма рѣчи; она до того ласкаетъ слухъ и мозгъ, что, по впечатлѣнію своему на натуру человѣческую, стихотвореніе можетъ считаться очарованіемъ (тутъ непередаваемая по-русски игра словъ шиъръ — стихотвореніе и сихръ — чары). Если же стихи только „желѣзный горохъ" (собственное выраженіе Ибрагима-эфенди), который надо еще жевать, то какой же смыслъ ломать намъ объ него свои зубы? Если такое свойство арабскихъ стиховъ обязываетъ къ этому (ломанію зубовъ) Арабовъ, то намъ-то, Османамъ, нѣтъ до этого никакого дѣла. Если, насъ, Османовъ, хотятъ заставить читать арабскіе стихи, чтобы подвергать насъ мученію, которое равняется жеванію желѣзнаго гороха, то ради Бога, умоляемъ, избавьте насъ отъ этого мученія!" О значеніи арабскаго (и, надо прибавить, персидскаго) языка для турецкой грамматики читаемъ такой отзывъ: „Изъ грамматическихъ правилъ вся нужда наша ограничивается лишь изафетомъ, прилагательнымъ, обстоятельственнымъ словомъ, приложеніемъ и дополненіемъ, а все остальное можно отбросить какъ излишнее". (№ 1130). Коснувшись неудачнаго сопоставленія, сдѣланнаго Ибрагимомъ между арабскимъ языкомъ для Турокъ и латинскимъ и греческимъ для Французовъ, Мидхатъ говоритъ, что едва-ли для ученика Мектеби-Султани (императорскаго лицея), понимающаго по французски, понять страницу латинскаго текста въ той же степени трудно, какъ прочитать главу изъ „Гюлистана" (Собраніе стихотвореній персидскаго поэта Саади), не говоря уже о разныхъ

нахвахъ, сарфахъ и ментыкахъ арабскихъ. Доказавъ дальше на примѣрахъ, что изученіе арабской грамматики не помогаетъ угадывать значеніе производныхъ словъ отъ одного и того же арабскаго корня, употребляемыхъ въ турецкомъ языкѣ, Мидхатъ распространяется о томъ страшномъ вредѣ, который причиненъ коренной османской рѣчи наплывомъ арабскаго элемента. Какъ на убійственный примѣръ тлетворнаго вліянія арабщины на турецкій литературный языкъ, Мидхатъ-эфенди указываетъ на одно историческое сочиненіе прошлаго столѣтія, Шефикъ-намэ. Онъ утверждаетъ, что изъ 1,000 человѣкъ, владѣющихъ арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ языками, не найдется и двухъ, которые бы въ состояніи были не только понять, но даже правильно прочитать одну страницу этого сочиненія; что изъ 300,000 жителей Стамбула и 600 не найдется могущихъ сдѣлать то же. Мало того, Мидхатъ говоритъ, что, благодаря вліянію арабскаго языка, „языкъ нашей печати тоже нельзя считать османскимъ", и видитъ спасеніе лишь въ постепенномъ освобожденіи отъ дальнѣйшаго вліянія.

Но главное, что любопытно въ этой статьѣ, это то, что Мидхатъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ религію въ вопросѣ чисто научномъ и ставитъ это Ибрагиму-эфенди непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшихъ дебатовъ, отказываясь въ противномъ случаѣ разговаривать съ нимъ на будущее время, „хотя", говоритъ онъ, „въ то время какъ писалась эта статья, къ намъ въ редакцію пришелъ одинъ изъ улемовъ и, на нашъ спросъ, припомнилъ, что лицу, не могущему прочитать по арабски суры „Фатиха" (первой суры куръана) хансфитскій толкъ разрѣшаетъ читать персидскій переводъ ея, а шафититскій толкъ дозволяетъ чтеніе перевода куръана на какой угодно языкъ во время молитвы" (№ 1131). Этимъ Мидхатъ хотѣлъ только дать понять своему противнику, что даже и съ религіозной точки зрѣнія арабскій языкъ не имѣетъ какихъ либо непреложныхъ правъ на свою обязательность для неарабовъ, хотя бы и мусульманъ по религіи.

Чего же еще яснѣе вышеприведенныхъ аргументовъ?!

Туркамъ оказывается не нуженъ арабскій языкъ, кромѣ присяжно обреченныхъ на изученіе его муллъ и прочихъ членовъ sui generis ученой корпораціи, а нашимъ татарамъ нуженъ—дивная вещь!

Одновременно съ обозрѣніемъ лабораторіи, обсерваторіи и разныхъ заграничныхъ инструментовъ для просвѣщенія татаръ, г. Семеновъ кстати ознакомился и съ результатами примѣненія всего этого къ дѣлу. „Трое выпущенныхъ въ настоящемъ году молодыхъ людей изъ

Казанской школы", говоритъ онъ, „въ интимной бесѣдѣ съ которыми я провелъ цѣлый вечеръ, произвели на меня совсѣмъ неожиданное впечатлѣніе: до того они поразили меня и своею порядочностью, и своими твердыми, сформировавшимися убѣжденіями, и своими серьозными знаніями, въ особенности по русскому языку, естествовѣдѣнію и политической исторіи. Однимъ словомъ, я видѣлъ предъ собою солидно образованныхъ народныхъ учителей, оставшихся вѣрными магометанами, но безъ узкихъ религіозныхъ и національныхъ стремленій, искренно благодарныхъ притомъ Россіи за дарованное имъ образованіе" (Отчетъ, стр. 4).

Далѣе мы читаемъ: „выпускные воспитанники (все той же школы) даютъ пробные уроки въ сосѣдней одноклассной татарской школѣ и всегда въ присутствіи руководителя (то-есть, г. Р—ва), который тутъ же разбираетъ урокъ, нерѣдко вмѣшивается въ преподаваніе и, при полной неудачѣ урока, самъ беретъ бразды правленія (sic!) въ свои руки". — Видно, что эта картина изображена г. Семеновымъ съ натуры, то-есть, что онъ присутствовалъ на такомъ урокѣ. Но что̀ же онъ замѣтилъ? Увы, даже г. Семенову „практическая педагогическая подготовка выпущенныхъ молодыхъ людей показалась довольно слабою" (стр. 6). Стало быть, выходитъ, что воспитанники учительской семинаріи усвоили всѣ науки—и химію, и физику, и астрономію, пріобрѣли сформировавшіяся убѣжденія, остались вѣрными мусульманами и пр., но только имъ не хватаетъ подготовки къ учительству! Но г. Семеновъ простеръ свое благодушіе до того, что, кажется, совершенно удовлетворенъ тѣмъ объясненіемъ такого поистинѣ печальнаго результата, которое представилъ г. Р—овъ. „Это", говоритъ онъ, „происходитъ отъ того, что заведеніе еще не имѣетъ образцовой школы, и что руководитель еще до сихъ поръ не могъ найти такого образцоваго элементарнаго учителя, который бы могъ быть примѣромъ подражанія для семинаристовъ". По мнѣнію г. Р—ова, „лучше совсѣмъ не имѣть никакой школы при семинаріи, чѣмъ имѣть элементарную школу, носящую только громкое названіе образцовой, а на самомъ дѣлѣ далеко не удовлетворяющую своему назначенію" (стр. 6). Намъ, признаться сказать, не совсѣмъ это понятно. Учительская семинарія не имѣетъ для практики будущихъ учителей никакой школы, потому что, будто бы, для этого непремѣнно нужна школа съ громкимъ названіемъ образцовой. Откуда же взять ту или другую? Кто же долженъ создать ее, какъ не учительская семинарія? — Затѣмъ, будущіе учителя выходятъ неумѣющими учить

потому, что руководитель не нашелъ до сихъ поръ образцоваго учителя. А на что же самъ руководитель?

Г. Семеновъ слегка только касается общей постановки учебнаго дѣла въ Симферопольской школѣ, и хотя не очень одобрительно отзывается о ней, но, кромѣ вышеприведенныхъ причинъ, не пытается даже и предполагать другихъ какихъ-нибудь. Школою руководитъ въ Симферополѣ инспекторъ, „Армянинъ по происхожденію, знающій татарскій языкъ, который, по окончаніи курса въ Лазаревскомъ институтѣ въ Москвѣ, пробылъ два года за границею, гдѣ основательно ознакомился съ учительскими семинаріями въ Лейпцигѣ и Іенѣ, имѣющими своими руководителями извѣстныхъ педагоговъ Цейдлера и Стоя". „Проникнутый идеями нѣмецкихъ педагоговъ, онъ составилъ по нѣмецкимъ источникамъ весьма подробныя и основательныя программы по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса..." и все-таки дѣло идетъ плохо, даже по наблюденію г. Семенова, для котораго Лейпцигъ, Іена, Майнцъ, нѣмецкія семинаріи имѣютъ необычайное значеніе, хотя рѣчь идетъ только объ обученіи Татаръ русскому языку.

А не въ этихъ ли, нахватанныхъ изъ заграницы верхахъ нѣмецкой педагогіи, не кстати прилаживаемыхъ къ Татарамъ для обученія ихъ русской грамотѣ, и заключается причина той „злобы, свѣтящейся во взглядахъ" учениковъ, о которой говоритъ г. Семеновъ?

Мы бы могли еще многое сказать о тѣхъ ухищреніяхъ, которымъ изобрѣтатели ихъ приписываютъ магическую силу, но должны быть кратки, и любопытствующихъ отсылаемъ для непосредственнаго ознакомленія съ ними къ такимъ произведеніямъ, какъ „Первая книга для чтенія, составленная для Татаръ восточной Россіи", вышедшая уже третьимъ изданіемъ, и „Учебная книга географіи", на русскомъ и татарскомъ языкахъ. Послѣдняя вся съ мудренѣйшими выкладками и таблицами, на которыхъ направленія движенія небесныхъ свѣтилъ обозначены по нѣмецки: „Bahn des Venus 1877", и т. д. Но особенно хороша первая. Она, по видимому, имѣетъ всѣ претензіи соперничать съ „Роднымъ Словомъ" Ушинскаго; изъ перловъ, которыми изобилуетъ она, можно на выдержку привести хоть слѣдующую вещицу. „Загадка: приходитъ съ поля въ овинъ, изъ подъ цѣпа между камни, изъ воды въ жаръ и тогда вкусно". — А вотъ еще: „Ссоры. Одинъ разъ два мужика ѣхали на встрѣчу и зацѣпились са̀нями (удареніе въ подлинникѣ). Одинъ кричитъ: „посторонись, мнѣ скорѣе въ городъ надо!" а другой говоритъ: „ты посторонись, мнѣ скорѣе до-

мой надо!“. Они долго спорили. Третій мужикъ увидалъ ихъ и сказалъ: „если вамъ скоро надо, то оба осадите назадъ!“.

Татары не называютъ себя мужиками, слѣдовательно рѣчь идетъ о русскихъ мужикахъ—единственное въ цѣлой книгѣ упоминаніе о Русскихъ, и въ такомъ безграмотномъ анекдотѣ, весьма плоскомъ въ отношеніи остроумія.

Для тѣхъ лицъ, у которыхъ пониманіе настоящихъ задачъ образованія нашихъ инородцевъ только европейское въ обширномъ смыслѣ этого слова, такъ сказать международное, можетъ быть, все равно, что̀ ни завести въ инородческихъ школахъ—астрономію или арабскій языкъ, химію или магометанское вѣроученіе: мы же думаемъ, что ясность и опредѣленность цѣли и ожидаемыхъ результатовъ должны служить исходнымъ пунктомъ въ постановкѣ инородческо-учебнаго дѣла, въ выборѣ предметовъ и установкѣ точной или приблизительной програмы обученія. Чего намъ желательно отъ нашихъ мусульманъ? Чтобы они стали менѣе суевѣрны и невѣжественны; чтобы они тѣснѣе сближались съ коренным русскимъ населеніемъ и раздѣляли съ нимъ интересы въ качествѣ гражданъ одного и того же государства. Въ первомъ случаѣ выборъ и объемъ образовательныхъ предметовъ, способствующихъ поднятію умственнаго развитія народа, полагаемъ, долженъ быть тотъ же самый, что и для русскаго народа: не думаемъ, чтобы, напримѣръ, астрономія или медицина были болѣе необходимы для разсѣянія суевѣрныхъ воззрѣній на явленія природы у Татаръ, чѣмъ у русскихъ простолюдиновъ. Если же эти предметы не входятъ въ кругъ преподаванія русскихъ школъ, то нѣтъ основанія вводить ихъ и въ школы инородческія. Програмы начальныхъ и среднихъ школъ должны быть одинаковы какъ для Русскихъ, такъ и для Татаръ; преподаваніе также должно идти на русскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ начиная съ среднихъ учебныхъ заведеній. А потому ознакомленіе татарскихъ дѣтей съ русскимъ языкомъ въ начальныхъ школахъ есть главное, къ чему должны быть приложены всѣ усилія.

Начальныхъ школъ существуетъ много у Татаръ: почти каждый приходскій мулла имѣетъ такую школу. Въ такомъ случаѣ едва ли нужно заводить вновь начальныя школы, помимо этихъ приходскихъ, тѣмъ болѣе, что ихъ невозможно совершенно уничтожить. Г. Семеновъ говоритъ въ отчетѣ, что „закавказскіе мусульмане, а въ особенности горожане, уже сознаютъ необходимость знанія русскаго языка, и сами муллы не будутъ противъ того, чтобы ихъ ученики ходили учиться въ сосѣдній классъ, устроенный для 3 медресе, только

русскому языку и ариѳметикѣ и притомъ къ учителю магометанину. Такая мѣра въ особенности привьется въ томъ случаѣ, если содержателямъ медресе за привлеченіе ихъ учениковъ въ русскіе классы будетъ обѣщано денежное вознагражденіе или какое-нибудь служебное отличіе" (стр. 9). Это, намъ кажется, самая лучшая мѣра; но только ее слѣдовало бы нѣсколько порасширить. Если вѣрно, что сами мусульмане сознаютъ необходимость знанія русскаго языка, то слѣдовало бы придти на помощь этому сознанію. Въ мусульманствѣ нашемъ, какъ и въ еврействѣ, существуетъ нѣчто въ родѣ кагала, замѣняющаго настоящее общественное мнѣніе, тонъ которому даютъ, конечно, муллы въ своихъ проповѣдяхъ. Благоразумные люди могутъ сознавать всю нелѣпость тѣхъ или другихъ традицій и готовы были бы съ радостью стряхнуть ихъ, лишь бы данъ былъ благовидный, такъ-сказать легальный, предлогъ для этого. Въ данномъ случаѣ, мы полагаемъ, можно бы было, вмѣсто какихъ-либо особенныхъ вознагражденій и отличій мулламъ за привлеченіе своихъ учениковъ къ изученію русскаго языка, просто на просто сдѣлать обязательнымъ преподаваніе русскаго языка и ариѳметики въ каждой приходской школѣ. Для этой цѣли слѣдовало бы право открытія школъ муллами на будущее время обусловить знаніемъ ими русскаго языка, по крайней мѣрѣ въ городахъ. Если существуетъ конкурренція при замѣщеніи мѣстъ муллъ, то слѣдовало бы прямымъ или косвеннымъ образомъ отдавать предпочтеніе лицамъ, знающимъ русскій языкъ. Преподаваніе же могло бы быть поручаемо не непремѣнно учителямъ изъ мусульманъ, а пока и изъ немусульманъ; а чтобы устранить подозрительность въ какомъ-либо посягательствѣ на религіозныя понятія учащихся, достаточно было бы, чтобы руководства на русскомъ языкѣ въ этомъ отношеніи были одобряемы мѣстнымъ муфтіемъ.

Это на первыхъ порахъ; а затѣмъ необходимо употребить всѣ усилія къ тому, чтобы размножить первоначальныхъ учителей съ знаніемъ русскаго языка, которые бы потомъ, наравнѣ съ муллами, могли заниматься обученіемъ дѣтей въ низшихъ школахъ.

Для выработки этого рода учителей необходимы учительскія семинаріи, но не съ болѣе широкою программою, чѣмъ программа русскихъ семинарій, съ присоединеніемъ грамматическаго курса татарскаго языка и мусульманскаго закона Божія въ размѣрахъ обыкновеннаго катехизиса и молитвослова. Никакой особенной „высоты мусульманскаго вѣроученія", а тѣмъ болѣе арабскаго языка тутъ быть

не должно, ибо то и другое лишь поглощало бы бо̀льшую часть учебнаго времени безъ всякой видимой или даже подозрѣваемой практической пользы. Вышедшій изъ такой семинаріи учитель не можетъ соперничать съ муллою въ знаніи мусульманской премудрости, но это ничего не значитъ: его профессія будетъ—первоначальное обученіе русскому языку, своей татарской грамотѣ и ариѳметикѣ, а не имамство и проповѣдничество,—это въ состояніи понять даже и мусульманскіе простолюдины. Если же задаться, какъ полагаетъ г. Р—овъ, сразу двумя цѣлями—приготовлять и опытныхъ учителей. и кандидатовъ въ муллы, то это значило бы гнаться сразу за двумя зайцами, изъ коихъ одинъ-то ужь навѣрное ускачетъ, какъ оно, кажется, и выходитъ въ школѣ г. Р—ова: у него учителя окончили курсъ, по словамъ г. Семенова, съ серьезными научными знаніями, но съ довольно слабою подготовкою къ учительству, то-есть, говоря проще, безъ умѣнья учить, что̀ вполнѣ и естественно.

Дальше первональныхъ школъ и учительскихъ семинарій правительственныя хлопоты объ образованіи нашихъ инородцевъ и не должны простираться даже въ цѣляхъ государственныхъ: заводить какія-то высшія духовныя мусульманскія училища, для которыхъ даже начертана г. Семеновымъ программа, со словъ брошюры г. Гаспринскаго, было бы непроизводительно и безцѣльно. Кого стали бы готовить подобныя заведенія? Г. Семеновъ, вслѣдъ за г. Гаспринскимъ, полагаетъ, что окончившіе курсъ въ высшихъ медресе „могли бы быть муллами и учителями—обязанности, по мнѣнію мусульманъ, нераздѣлимыя“ (стр. 15). Но учителей могутъ и должны готовить учительскія семинаріи. Муллъ же такія медресе готовить не въ состояніи, по вышеизъясненнымъ причинамъ: та широкая, шире гимназической, программа, которая предполагается для подобныхъ учебныхъ заведеній, будетъ только существовать на бумагѣ, никогда не осуществляясь на практикѣ, если обращено будетъ слишкомъ серьезное вниманіе на преподаваніе арабскаго языка и мусульманскаго вѣроученія, т. е. медресе ничѣмъ не будутъ розниться отъ теперешнихъ, содержимыхъ самимъ татарскимъ духовенствомъ. Если же главное вниманіе будетъ обращено на общеобразовательныя науки, въ ущербъ арабской грамотѣ и мусульманскому вѣроученію, то воспитанники этихъ школъ все равно не попадутъ въ муллы: духовенство татарское, хотя само и невѣжественное, съумѣетъ дискредитовать правительственныя медресе въ мнѣніи благочестивыхъ прихожанъ

своихъ. Если г. Р—въ говорилъ г. Семенову, что „два учителя изъ Уфимской школы избраны жителями въ муллы“ (стр. 4), то, вѣдь они были, по словамъ того же г. Р—ва, приняты въ учительскую семинарію уже 25-лѣтними парнями, прошедшими курсъ мусульманскихъ медресе и получившими право на занятіе должности муллъ. Въ данномъ случаѣ трудно судить, что̀ именно увеличило ихъ шансы на избраніе жителями въ муллы — пріобрѣтеніе ли ими въ четырехлѣтнее пребываніе въ семинаріи г. Р—ва „серьезныхъ научныхъ знаній“, въ родѣ химіи и астрономіи, какъ думаетъ самъ г. Р—въ, или же то, что они пройдя семинарскій искусъ, остались тѣмъ, чѣмъ были и до поступленія въ семинарію, и, значитъ, фактически доказали свою мусульманскую стойкость. Это надо еще подвергнуть очень тщательной провѣркѣ.

Вопросъ не въ учрежденіи тѣхъ или другихъ школъ для мусульманъ, а въ томъ, какъ привлечь мусульманъ въ школы немусульманскія. Тутъ до нѣкоторой степени circulus in probando: путемъ школы мы думаемъ сблизить мусульманско-татарское населеніе съ христіанско-русскимъ; но и привлеченіе въ школу Татаръ предполагаетъ нѣкоторое расположеніе ихъ къ этому сближенію. Самая щекотливая сторона тутъ, конечно, религіозная. Надо добиться того, чтобы мусульмане поняли, что школа, давая имъ съ знаніемъ русскаго языка общее образованіе, не имѣетъ въ виду какихъ бы то ни было посягательствъ на религіозныя ихъ вѣрованія и понятія. Убѣдить же можно только путемъ опыта, который на первыхъ порахъ, конечно, долженъ встрѣтить немалыя затрудненія какъ въ закоснѣлости массы мусульманскаго люда, такъ и въ фанатизмѣ руководящаго имъ духовенства. Но для этихъ опытовъ совершенно достаточно однихъ низшихъ школъ да учительскихъ семинарій, которыя должны подготовлять учителей для означенныхъ школъ. Никакихъ затѣмъ ни среднихъ ни, тѣмъ паче, высшихъ школъ заводить спеціально для мусульманъ нѣтъ надобности. Если мусульманскій ребенокъ пойдетъ въ первоначальную школу и въ ней достаточно выучится русскому языку, то для него уже открытъ путь къ среднему образованію въ общихъ гимназіяхъ, какъ и бывали примѣры этого на нашихъ глазахъ. Привезенный въ Петербургъ кумыкскій мальчикъ, ни одного слова не понимавшій по-русски, въ два-три года, посѣщая маленькую приготовительную школу гдѣ-то на Сергіевской или на Шпалерной улицѣ, отлично выучился говорить, читать и писать по русски и теперь продолжаетъ съ успѣхомъ учиться

во Владикавказской гимназіи. Мало ли есть мусульманъ, обучавшихся въ гимназіяхъ еще въ прежнее время, когда національная вражда была гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь. Мы лично знаемъ такихъ образованныхъ людей, оставшихся мусульманами, но не воздыхающихъ ни о какой „высотѣ мусульманскаго вѣроученія", ни объ „арабскомъ языкѣ", а только заботящихся о томъ, чтобы и дѣтямъ своимъ дать надлежащее образованіе, но отнюдь не то, какое дается въ мусульманскихъ медресе.

Если же учредить, напримѣръ, высшее духовное мусульманское училище, то это значитъ прямо показать мусульманамъ, что имѣется въ виду приготовлять будущихъ ихъ руководителей въ дѣлѣ религіи. Будь эти руководители вдесятеро знающѣе и умнѣе ихъ полуобразованныхъ теперешнихъ муллъ, никогда они не пріобрѣтутъ авторитета послѣднихъ; хлопоты будутъ напрасны. Пускай муллы остаются муллами и производятъ себѣ подобныхъ муллъ, которые будутъ отчитывать своихъ прихожанъ кораническими сурами да молитвами на непонятномъ ихъ прихожанамъ, а иногда и имъ самимъ, арабскомъ языкѣ. Съ распространеніемъ образованія среди мусульманъ авторитетъ муллъ ослабѣетъ самъ собою. Трудно это, потребуетъ много времени, но все же не невозможно.

Думать же, что парализовать вліяніе мусульманскаго духовенства на массу можно, создавая школы на манеръ тѣхъ, изъ которыхъ теперь пополняется контингентъ этого сословія, съ арабскимъ языкомъ и обширнымъ изученіемъ мусульманскаго вѣроученія—чистая фантазія. Вотъ, еслибы, напримѣръ, само мусульманское общество захотѣло устроить нѣчто въ родѣ духовной мусульманской семинаріи на нѣсколько болѣе раціональныхъ основахъ и съ болѣе толковою и правильною постановкою обученія, то это было бы весьма хорошо. Намъ доподлинно извѣстно, что между симбирскими мусульманами-капиталистами, года два тому назадъ, шли серьезные толки объ открытіи такого медресе съ общеобразовательною программою. Главное его достоинство было бы то, что, созданное самими мусульманами, оно не возбуждало бы никакихъ подозрѣній относительно религіозной пропаганды, а вмѣстѣ съ тѣмъ служило бы противовѣсомъ для существующихъ противныхъ всякому здравому смыслу, медресе, поддерживаемыхъ муллами. Будучи по преимуществу духовнымъ училищемъ, такое заведеніе, можетъ быть, не давало бы образованія равнаго гимназическому, но все-таки изъ него выходили бы вѣроучители менѣе невѣжественные и суевѣрные, чѣмъ теперешніе муллы.

Видѣть же въ арабскихъ каракуляхъ средство привлеченія мусульманъ въ заводимыя правительствомъ школы есть чистое ребячество. Г. Р—въ, особенно ратующій за эти каракули, до того, что готовъ, кажется, учить Татаръ и по русски-то писать арабскими буквами, положительно преувеличиваетъ то суевѣрное отвращеніе, которое будто бы (какъ это намъ доводилось слышать отъ него) всякій Татаринъ питаетъ къ буквамъ русскаго алфавита. Въ опроверженіе этого мы укажемъ на слѣдующій фактъ, сообщенный намъ однимъ муллою обучавшимся въ Казанскомъ медресе. Во всѣхъ медресе, говоритъ онъ,—ученики не понимаютъ по русски и не учатся русскому языку; но всѣ ученики старшаго возраста отлично умѣютъ писать по татарски русскими буквами. Мы нарочно подчеркнули слова старшаго возраста, ибо русскій алфавитъ у взрослыхъ учениковъ медресе имѣетъ свое спеціальное назначеніе. Какъ во всѣхъ школахъ, и въ мусульманскихъ медресе взрослые ученики не чужды крупныхъ шалостей, въ родѣ выпивокъ, картежничества и волокитства. Продѣлки подобнаго рода служатъ имъ матеріаломъ для обмѣна мыслей въ рекреаціонное время, а иногда даже и за уроками. Сообщая другъ другу о своихъ похожденіяхъ и въ то же время не желая дѣлать своихъ секретовъ извѣстными маловозрастнымъ ученикамъ, парни эти обыкновенно и прибѣгаютъ къ перепискѣ, только не арабскими, а русскими буквами, которыхъ маленькіе школьники до поры до времени еще не знаютъ.

Для насъ этотъ фактъ важенъ въ другомъ отношеніи: онъ ясно доказываетъ удобопримѣнимость русскаго алфавита къ транскрипціи татарской рѣчи, что̀ отрицается поклонниками арабской грамоты. Между нашими мусульманскими инородческими племенами есть такія, которыя пока еще не имѣютъ никакой письменности, хотя, разумѣется, муллы стараются пропагандировать среди нихъ грамоту арабскаго письма. Пока эта грамота не успѣла еще пустить глубокихъ корней и упрочиться, слѣдовало бы, не теряя времени, распространять между ними русскую письменность, примѣняя русскій алфавитъ и въ школьномъ обученіи и печатая на ихъ природныхъ нарѣчіяхъ русскими буквами книги для чтенія. Это было бы громаднымъ подспорьемъ.

Недавно мы прочитали извѣстіе, что въ Тифлисѣ намѣреваются открыть женскій институтъ для мусульманскихъ дѣвочекъ съ педагогическими при немъ курсами. Эта мѣра можетъ быть признана вполнѣ цѣлесообразною. Женщина въ мусульманской средѣ находится пока въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, и эта исключитель-

ность не сразу можетъ быть уничтожена. Необходимость, по мусульманскимъ понятіямъ, обособленности женскаго пола отъ мужскаго въ общежитіи, до поры до времени будетъ служить преградою къ посѣщенію мусульманскими дѣвочками нашихъ женскихъ гимназій, хотя бывали и эти примѣры: въ Петербургѣ окончила гимназическій курсъ дочь бывшаго университетскаго лектора, муллы Фейзъ-Ханова. Теперь мусульманки обучаются у тѣхъ же муллъ, что̀ крайне вредно, ибо вліяніе матерей даже и въ мусульманскихъ семьяхъ не маловажно. А между тѣмъ образованные мусульмане сознаютъ потребность иного воспитанія для своихъ дочерей. Теперь для нихъ это остается неосуществимою мечтою. Мы знаемъ одного образованнаго кумыка, который хотѣлъ бы взять въ свой домъ гувернантку, но встрѣтилъ непреодолимыя препятствія. По необычайности такого явленія трудно найдти порядочную особу изъ русскихъ, которая пошла бы въ мусульманскій домъ въ качествѣ воспитательницы, совершенно не зная условій и обстановки домашняго быта мусульманъ, которые въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ прекрасному полу пользуются не особенно лестной для нихъ репутаціей. Въ подобныхъ этому обстоятельствахъ Тифлисскій женскій институтъ, если онъ осуществится, будетъ чистымъ благодѣяніемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ будетъ готовить образованныхъ женъ для образованныхъ мусульманъ, которые теперь принуждены жениться на простыхъ татаркахъ; онъ будетъ давать воспитательницъ для мусульманскихъ семействъ, теперь лишенныхъ возможности удовлетворять сознаваемой ими потребности лучшаго образованія для дѣвочекъ.

Конечно, нельзя сразу рѣзко идти противъ вѣковыхъ предразсудковъ цѣлаго народонаселенія, поддерживаемыхъ плотною корпораціею мусульманскаго духовенства; но не слѣдуетъ тоже поступать слишкомъ робко, черезчуръ деликатничать тамъ, гдѣ эта робость, это деликатничанье можетъ только придать смѣлости и силы враждебной сторонѣ. Не вездѣ одинаково наши мусульмане фанатичны и закоснѣлы, не вездѣ одинаково невѣжественны и вліятельны муллы. Поэтому общей мѣры для обученія Татаръ путемъ школы существовать не можетъ: для каждой отдѣльной мѣстности съ татарско-мусульманскимъ населеніемъ должны быть примѣняемы свои особые способы. Но для этого прежде всего требуется отъ завѣдующихъ и руководящихъ дѣломъ инородческихъ школъ близкое и точное знаніе мѣстныхъ условій, характера и нравовъ населенія извѣстнаго округа и умѣнье пользоваться ими съ педагогическими цѣлями, а

также ясное, отчетливое представленіе ближайшихъ задачъ той или другой инородческой школы, для достиженія впослѣдствіи общей просвѣтительно-государственной цѣли, и не на словахъ только, но на дѣлѣ. Одно, что̀ желательно и необходимо во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ одинаково условіяхъ—поменьше экспериментовъ и мудрованія, побольше искренности и патріотической преданности столь важному дѣлу со стороны тѣхъ, кто берется за него.

Довольно съ насъ разныхъ странностей, творившихся въ прежнее время, ставшее теперь историческимъ. Въ царствованіе императрицы Екатерины II строили въ Киргизскихъ степяхъ мечети, въ видахъ привитія и утвержденія ислама среди Киргизовъ, которые по натурѣ своей не очень-то ревностные мусульмане, чая этимъ путемъ возвести кочевниковъ на высшую культурную степень—осѣдлости. Теперь намъ рекомендуютъ заводить высшія мусульманскія медресе и обучать въ нихъ ни къ чему ненужному арабскому языку. Неужели необходимо создавать собственными руками, на собственныя средства, такія учрежденія, которыя ничего не обѣщаютъ, кромѣ расходовъ и хлопотъ въ настоящемъ и затрудненій въ будущемъ?

В. Смирновъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРАЗДНОВАНІЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ РУМЯНЦЕВСКАГО МУЗЕЯ.

Въ 1881 году на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (майская книжка) помѣщенъ былъ историческій очеркъ Румянцевскаго музея, основаннаго пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ силу завѣщанія государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева, пожелавшаго передать свою библіотеку и другія свои ученыя коллекціи въ общественную собственность.

Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея Румянцевскаго музея состоялось 28-го мая текущаго года, въ Румянцевской залѣ Московскаго публичнаго музея, въ присутствіи Московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова и многихъ другихъ почетныхъ лицъ древней столицы.

Засѣданіе было открыто рѣчью директора музея, при чемъ дѣйствительный тайный совѣтникъ В. А. Дашковъ, между прочимъ сообщилъ, что Высочайшее повелѣніе въ Бозѣ почивающаго Государя Николая Павловича объ окончательномъ принятіи завѣщаннаго графомъ Н. П. Румянцовымъ, на благое просвѣщеніе, богатаго книжнаго и рукописнаго собранія, вмѣстѣ съ нумизматическими и другими отдѣлами, въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія послѣдовало 28-го мая 1831 года, и что, слѣдовательно, юбилей долженъ былъ праздноваться музеемъ въ 1881 году, но ужасное событіе 1-го марта прошлаго года заставило въ то время отложить мысль о ка-

комъ бы то ни было празднествѣ и перенести его на настоящій годъ. Затѣмъ въ своей рѣчи директоръ музея перечислилъ слѣдующія юбилейныя изданія: 1) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцевскаго музея, составленный изъ статей хранителей музея; 2) Историческое описаніе Румянцевскаго музеума—бывшаго библіотекаря музея К. Кестнера; 3) Описаніе рукописей П. И. Севастьянова—А. Викторова; Описаніе рукописей профессора И. Д. Бѣляева—А. Викторова: 4) Описаніе собранія историко-юридическихъ актовъ профессора Бѣляева—Д. Лебедева; 5) собраніе фотографическихъ снимковъ съ наружныхъ и внутреннихъ помѣщеній Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, а также съ замѣчательнѣйшихъ, хранящихся въ музеяхъ памятниковъ.

По окончаніи рѣчи В. А. Дашковъ прочелъ слѣдующую депешу, полученную имъ отъ Его Императорскаго Высочества великаго Князя Владиміра Александровича:

„Директору Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.

„Привѣтствуя Румянцевскій музей съ пятидесятилѣтнимъ его юбилеемъ, отъ души желаю этому полезному учрежденію долгаго процвѣтанія на пользу науки и общества. Сожалѣю, что лично не могу принять участія въ торжествѣ“.

„Владиміръ.“.

Затѣмъ, послѣ рѣчей и привѣтствій, принесенныхъ музею представителями различныхъ ученыхъ обществъ, академій и университетовъ, директоръ музея сообщилъ собранію слѣдующую телеграмму отъ министра народнаго просвѣщенія.

„Директору Румянцевскаго музея:

„Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ поздравить ваше высокопревосходительство, какъ представителя Румянцевскаго музея, по случаю совершившагося пятидесятилѣтія его существованія, и пожелать дальнѣйшаго процвѣтанія этому полезному учрежденію“.

Осчастливленные милостивымъ вниманіемъ Его Императорскаго Величества, присутствовавшіе продолжали приношеніе дальнѣйшихъ поздравленій. Послѣ засѣданія почетные посѣтители осматривали рѣдкости музеевъ, новую читальную залу, и въ особенности, портретную галлерею русскихъ великихъ дѣятелей, портреты которыхъ собирались директоромъ музея В. А. Дашковымъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ и затѣмъ подарены музею.

ОБЩЕСТВО АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ въ 1881 году.

18-го марта текущаго года состоялось третье годичное собраніе Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ П. Д. Шестакова, и въ этомъ засѣданіи секретаремъ Н. П. Загоскинымъ прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности названнаго учрежденія вь теченіе четвертаго года его существованія. Извлекаемъ изъ этого отчета важнѣйшія данныя касательно внутренней жизни Казанскаго археологическаго общества въ продолженіе означеннаго періода.

Одною изъ главнѣйшихъ заботъ Общества, съ самаго его основанія, было охраненіе развалинъ древняго города Булгара, находящагося въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Лѣтомъ 1881 года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на передачу этихъ развалинъ въ завѣдываніе Общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ, 20-го іюня минувшаго года Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Н. П. Игнатьева, всемилостивѣйше соизволилъ ежегодно отпускать изъ суммъ государственнаго казначейства въ распоряженіе Общества по триста рублей на поддержку и храненіе булгарскихъ развалинъ.

Ограниченность матеріальныхъ средствъ служитъ весьма существеннымъ препятствіемъ къ развитію ученыхъ предпріятій Общества по изслѣдованію древностей Волжско-Камскаго края. Тѣмъ не менѣе, въ минувшемъ году Обществу удалось на средства, пожертвованныя г. Унжeнинымъ, снарядить небольшую ученую экспедицію для изслѣ-

дованія, въ археологическомъ отношеніи, прикамской части Вятской губерніи. Проектъ этой экспедиціи былъ выработанъ членомъ Общества П. А. Пономаревымъ, а исполненіе предпріятія было возложено на то же лицо при содѣйствіи нѣсколькихъ другихъ членовъ Общества. Главные результаты этихъ изысканій заключаются въ слѣдующемъ:

1) На границахъ Мамадышскаго и Малмыжскаго уѣздовъ П. А. Пономаревымъ и А. А. Штукенбергомъ обслѣдованы заброшенныя копи, которыя по преданію приписывались древней Чуди; тщательный осмотръ этой мѣстности показалъ однако, что тутъ не имѣется никакихъ слѣдовъ первобытной выработки и обработки металловъ. Въ ту же поѣздку осмотрѣно было Жукотинское городище, снята надпись съ надгробнаго мусульманскаго памятника въ с. Жукотинѣ, а также осмотрѣны и сняты на планъ городища близъ д. Березовки и с. Байтерякова, Чистопольскаго уѣзда, и такъ-называемое „старое жилище" близъ д. Котяка въ Малмыжскомъ уѣздѣ.

2) Произведена была П. А. Пономаревымъ и Н. П. Лихачевымъ обширная, продолжавшаяся двѣ недѣли, раскопка знаменитаго Ананьинскаго могильника близъ г. Елабуги, при чемъ открыты были такіе памятники и вещи, подобныхъ которымъ не попадалось прежнимъ изслѣдователямъ этой мѣстности (склепъ, серебряный шейный обручъ, серебряныя спирали и пр.).

3) Тѣми же лицами сдѣланы развѣдки на Чертовомъ городищѣ близъ Елабуги, при чемъ удалось напасть на слѣды до-булгарской культуры; раскопанъ могильникъ близъ с. Пьянаго Бора на Камѣ, при чемъ найдены вещи, которыя, подобно находимымъ въ Ананьинскомъ могильникѣ, относятся къ переходной эпохѣ отъ бронзы къ желѣзу; открыты и обслѣдованы три городища въ окрестностяхъ с. Пьянаго Бора и одно близъ с. Тихихъ Горъ, а также произведены раскопки на городищѣ близъ Воткинскаго завода, при чемъ также найдены предметы, относящіеся къ до-булгарской культурѣ.

4) Произведены П. А. Пономаревымъ же изысканія близъ с. Шурана и д. Сорочьихъ Горъ, Лаишевскаго уѣзда, имѣвшія цѣлью дополнить прежнія изслѣдованія того же лица въ этихъ мѣстностяхъ. Обширныя раскопки на городищахъ у Сорочьихъ Горъ и Гремячаго Оврага, кромѣ массы черепковъ и расколотыхъ костей различныхъ животныхъ, дали множество костяныхъ издѣлій (молотки, иглы, лопатки, ложки, шилья, гарпуны, стрѣлы, удочки, пронизки изъ медвѣжьихъ клыковъ и пр.) и нѣкоторое количество каменныхъ орудій.

Такимъ образомъ здѣсь констатированы были стоянки людей позднѣйшаго каменнаго періода.

Къ этимъ археологическимъ работамъ примыкаютъ нѣкоторыя произведенныя по иниціативѣ Общества этнографическія изслѣдованія: Г. Н. Потанинъ собралъ богатые этнографическіе матеріалы у Вотяковъ Елабужскаго уѣзда, а С. К. Кузнецовъ — у Черемисовъ Малмыжскаго и Уржумскаго уѣздовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оба эти лица не упускали также случаевъ производить и археологическія разысканія: г. Потанинъ производилъ раскопки близъ дд. Варзи-Ярчи и Утчанъ, а г. Кузнецовъ—у Ройскаго Истока въ Уржумскомъ уѣздѣ; во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ найдены вещи, которыя должно относить къ періоду до-булгарской культуры.

О результатахъ всѣхъ поименованныхъ изысканій было докладываемо въ засѣданіяхъ Общества, на которыхъ, кромѣ того, было предложено еще нѣсколько другихъ соображеній, касательно древностей и этнографіи исторіи Волжско-Камскаго края.

Издательская дѣятельность Общества въ теченіе отчетнаго періода ограничивалась печатаніемъ годоваго отчета и третьяго тома Извѣстій Общества, который однако еще не вышелъ въ свѣтъ. Причина этой медленности заключается, въ недостаткѣ средствъ на изданіе. За то ученыя коллекціи Общества, его музей и библіотеки, продолжаютъ быстро обогащаться важными приношеніями, и это обстоятельство несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ сочувстніи, которымъ пользуется Общество среди мѣстныхъ жителей.

Что касается пріобрѣтеній собственно библіотеки печатныхъ книгъ, то въ ряду ихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ поступившая въ Общество богатая коллекція мѣстныхъ казанскихъ изданій прежняго времени, то-есть, журналовъ и отдѣльныхъ книгъ и брошюръ, печатавшихся въ Казани.

Въ числѣ важнѣйшихъ вкладовъ, поступившихъ въ принадлежащее Обществу собраніе рукописей, должно упомянуть: а) пожертвованные Г. И. Мѣшковымъ двадцать два автографа въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, относящіеся къ 1840 годамъ, и оффиціально засвидѣтельствованную копію съ формулярнаго списка о службѣ покойнаго Государя въ званіи командующаго гвардейскимъ корпусомъ; б) значительное количество актовъ XVII и XVIII вѣковъ, въ томъ числѣ выписи изъ писцовыхъ и отказныхъ книгъ Алатырской приказной избы; в) нѣсколько рукописей XVII и XVIII вѣковъ,

какъ-то: святцы, лѣчебникъ, наказъ отъ купечества города Чебоксаръ въ коммиссію сочиненія проекта новаго уложенія, и пр.

Музей Общества обогатился множествомъ предметовъ древнѣйшей культуры, найденныхъ при вышеупомянутыхъ раскопкахъ гг. Пономарева, Лихачева и др.; здѣсь въ особенности замѣчательны вещи, извлеченныя изъ Ананьинскаго могильника, количествомъ до 350, и костяные предметы съ Сорочьихъ Горъ и Гремячаго Оврага. Кромѣ того, музей обогатился обширною коллекціей (до 1,500 предметовъ) билярскихъ древностей. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что и минцъ-кабинетъ Общества не остался безъ значительныхъ и интересныхъ пріобрѣтеній; изъ нихъ самое видное мѣсто составляетъ богатое собраніе серебряныхъ копѣекъ времени царей Ивана IV, Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрія Самозванца и Василія Шуйскаго.

Такимъ образомъ, молодое Казанское археологическое общество, самое юное изъ существующихъ въ Россіи подобныхъ учрежденій, при всей ограниченности тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми оно располагаетъ, продолжаетъ по возможности дѣятельно работать для изученія остатковъ мѣстной древности и старины; и хотя существованіе этого Общества еще весьма непродолжительно, нельзя не признать, что усиліями его, съ одной стороны, уже подвинуто разъясненіе нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ древней культуры Волжско-Камскаго края, уцѣлѣвшей въ многочисленныхъ тамошнихъ курганахъ и городищахъ, а съ другой—возбуждено въ мѣстномъ населеніи почтенное чувство уваженія къ памятникамъ древности.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета въ 1881 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; преподаваніе по этимъ каѳедрамъ; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе наградъ за сочиненія на заданныя темы; присужденіе премій; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ при университетѣ лицъ; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; командировки съ ученою цѣлью; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; Общество естествоиспытателей.

Въ Новороссійскомъ университетѣ къ 1-му января 1882 года состояло на лицо штатныхъ преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 6, доцентовъ 3; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 5, астрономъ-наблюдатель 1, лаборантовъ 4; на юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 7, доцентовъ 2. Сверхъ того при университетѣ состояли непричисляемые ни къ какому факультету три лица: профессоръ православнаго богословія и 3 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Такимъ образомъ общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей къ началу 1882 года было: профессоръ православнаго богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 24, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 10, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ 3, лаборантовъ 4, всего—46 лицъ. Сверхштатныхъ преподавателей было 5, всѣ на физико-ма-

тематическомъ факультетѣ, именно: одинъ ординарный профессоръ по каѳедрѣ механики и 4 лаборанта. Сверхъ того, по приглашенію совѣта, читали лекціи по найму 6 стороннихъ преподавателей, по два на каждомъ изъ трехъ, составляющихъ университетъ факультетовъ. Приватъ-доцентъ былъ 1—на историко-филологическомъ факультетѣ. Сравнительно съ 1880 годомъ число преподавателей увеличилось двумя доцентами. Незамѣщенными оставались слѣдующія каѳедры: на историко-филологическомъ факультетѣ — философіи съ октября 1876 года, римской словесности съ января 1877 года, сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ съ октября 1874 года и исторіи всеобщей литературы съ мая 1865 года; на физико-математическомъ—агрономической химіи съ марта 1879 года; на юридическомъ—энциклопедіи права съ октября 1872 года, международнаго права съ мая 1865 года, государственнаго права съ іюня 1875 года и церковнаго законовѣдѣнія съ того же времени. Общее число преподавательскихъ вакансій къ 1-му января 1882 года было относительно временнаго штата университета 1 ординарнаго профессора, 8 экстраординарныхъ профессоровъ, 1 лектора, а всего 10; въ сравненіи же съ постояннымъ университетскимъ штатомъ 4 ординарныхъ профессоровъ, 10 экстраординарныхъ, 6 доцентовъ, 1 лектора, а всего 21.

Въ 1881 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій 17, изъ коихъ одно происходило въ присутствіи совѣта; физико-математическій—21, въ томъ числѣ одно публичное и одно въ присутствіи совѣта; юридическій—16, изъ коихъ одно въ присутствіи совѣта. Историко-филологическій факультетъ проектировалъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ существующемъ распредѣленіи предметовъ преподаванія на факультетѣ, которыя приняты совѣтомъ и представлены на утвержденіе министерства народнаго просвѣщенія. Въ видахъ восполненія преподаванія факультетскихъ предметовъ приглашены были, въ качествѣ стороннихъ преподавателей, для чтенія лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ римской словесности заслуженный профессоръ Новороссійскаго университета Юргевичъ и кандидатъ Московскаго университета Сперанскій; доценту Воеводскому поручено было чтеніе лекцій по исторіи греческой философіи, и ординарному профессору Кочубинскому—по сравнительному языкознанію. На физико-математическомъ факультетѣ приглашенъ, въ качествѣ сторонняго преподавателя, для чтенія лекцій по астрономіи бывшій ординарный профессоръ Беркевичъ. На юридическомъ факультетѣ преподаваніе

по вакантнымъ каѳедрамъ было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: чтеніе лекцій по энциклопедіи права было поручено приглашенному по найму въ качествѣ сторонняго преподавателя приватъ-доценту Чижову, по международному праву—ординарному профессору полицейскаго права Шипилевскому, каноническаго права—профессору богословія Кудрявцеву, уголовнаго права—приглашенному въ качествѣ сторонняго преподавателя заслуженному профессору Богдановскому. Такимъ образомъ, вовсе не читались въ теченіе года лекціи только по тремъ каѳедрамъ, именно исторіи всеобщей литературы, агрономической химіи и исторіи славянскихъ законодательствъ, послѣдней—по случаю заграничной командировки занимающаго эту каѳедру ординарнаго профессора Богишича. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ, историко-филологическій факультетъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, требовалъ отъ студентовъ, вмѣсто контрольныхъ устныхъ испытаній, годичныя письменныя работы на темы, одобренныя факультетомъ. Точно также и юридическій факультетъ требовалъ отъ всѣхъ студентовъ годичныхъ письменныхъ работъ. Кромѣ того профессоры Леонтовичъ, Малининъ и Посниковъ вели практическія занятія со студентами, каждый по предмету своей каѳедры. Физико-математическій факультетъ сохранилъ форму контроля въ видѣ устныхъ испытаній и практическихъ занятій въ кабинетахъ и лабораторіяхъ.

За представленныя на предложенныя факультетами темы сочиненія удостоены награжденія медалями: золотою—студентъ III курса математическаго отдѣленія Рубановичъ, и серебряными—студентъ IV курса историко-филологическаго факультета Трауцкій и студентъ II курса юридическаго факультета Турчаниновъ. Ими были представлены слѣдующія сочиненія: первымъ—„Опытное изслѣдованіе законовъ отраженія свѣта отъ тѣлъ съ поверхностнымъ цвѣтомъ (Oberflächenfarbe)", вторымъ—„Біографія Гоголя въ связи съ его сочиненіями„ послѣднимъ—„Институтъ родовыхъ имуществъ по русскому праву". На 1882 годъ съ тою же цѣлію предложены слѣдующія темы: на историко-филологическомъ факультетѣ—„Ліудпранда Кремонскаго Legatio Constantinopolitana, на физико-математическомъ—„О геологическомъ строеніи юго-западной части Россіи", и „Опредѣленіе направленной къ землѣ слагающей собственнаго движенія звѣздъ изъ наблюденій надъ ихъ спектромъ", на юридическомъ „О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи", „О правѣ мировыхъ судей, согласно ст. 129 уст. гражд. суд., разсматривать и рѣшать гражданскія дѣла по совѣсти", „Народное продовольствіе въ Россіи„ и „Международ-

ные пути и средства сообщеній".—Въ историко-филологическій факультетъ на соисканіе премій И. М. Вучины представлено было 8 драматическихъ піесъ. Историко-филологическій факультетъ, выслушавъ мнѣніе назначенной для разсмотрѣнія этихъ піесъ коммиссіи, составленной изъ двухъ профессоровъ и одного доцента, постановилъ: комедію „На новыхъ началахъ„ и драму „Ненужная жизнь„ признать заслуживающими полныхъ премій, въ 500 руб. каждую, комедію же „Перекрестный огонь„ удостоить половинной премiи въ 250 руб. Приговоръ этотъ, согласно опредѣленію совѣта, объявленъ на университетскомъ актѣ. Авторами названныхъ піесъ оказались: первой—Ге, второй—Шпажинскій, послѣдней—Воскресенскій.

Профессоры, преподаватели и другія состоящія въ вѣдомствѣ Новороссійскаго университета лица издали въ 1881 году въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: Трачевскій помѣстилъ статьи: въ Revue Historique—„Vergennes et ses apologistes", въ Extrait de la Revue Historique—„La France et l'Allemagne sous Louis XVI. Avec un appendix contenant des lettres et des mémoires inedits de Vergennes", въ Одесскомъ Вѣстникѣ—„Витторино-да-Фельтре. Очеркъ изъ исторіи гуманизма"; Кондаковъ напечаталъ въ Памятн. Общ. любит. древ. письмен. статью „Иконографія св. Софіи"; Кочубинскій помѣстилъ: въ Историческомъ Вѣстникѣ—„Наши двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ", въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Итоги славянской и русской филологіи", въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ—„Славянскія рукописи Пештскаго музея"; Успенскій напечаталъ статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Цари Алексѣй II и Андроникъ Комнины", въ Русской Исторической Библіотекѣ—„Документы, относящіеся къ русской исторіи", въ Запискахъ Новоросійскаго университета—„Филиппъ Карловичъ Брунъ"; Войткевичъ помѣстилъ въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ: Слово въ день восшествія на престолъ Государя Императора Александра Александровича,—о царствѣ Божіемъ благодатномъ и о его отношеніи къ царствамъ земнымъ, и Слово на воспоминаніе страданій и смерти Господа Іисуса Христа, сказанное въ двадцатый день послѣ мученической кончины Государя Императора Александра Николаевича; свящ. Кудрявцевъ напечаталъ: въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ—двѣ рѣчи, произнесенныя въ великій пятокъ „Іисусъ Христосъ какъ истинный Богъ и истинный человѣкъ„ и рѣчь на юбилеѣ протоіерея Соколова„ Объ обязанностяхъ пасомыхъ въ

отношеніи къ своимъ пастырямъ", въ Протоколахъ засѣданій юридическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ—„Краткій очеркъ наиболѣе выдающихся трудовъ по церковному праву за пятилѣтіе 1875—1880 г.", и въ разныхъ изданіяхъ семь рѣчей по случаю происходившихъ событій; Шведовъ помѣстилъ статьи: въ запискахъ Новороссійскаго Общества естествоиспытателей—„Théorie mathématique des formes cométaires" и въ Запискахъ С.-Петербургскаго физическаго Общества—„Что такое градъ?". Лигинъ напечаталъ: въ Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques „Sur les airs des courbes anallagmatiques", въ Запискахъ Новороссійскаго Общества естествоиспытателей—„Научная дѣятельность Мишеля Шаля и „О машинахъ для собиранія хлѣбнаго жука"; Мечниковъ помѣстилъ: въ Zeitschrift für wissensch. Zoologie—„Untersuchungen über Orthonectiden", въ Zoolog. Anzeiger—„Ueber die systematische stellung des Balanoglossus"; Ярошенко напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Курсъ проективной геометріи"; Умовъ помѣстилъ: въ Wiedemann's Annalen—Ableitung der electrodynamischen inductionsgesetze„ и въ Журналѣ русскаго химическаго и физическаго Общества—„Выводъ законовъ электродинамической индукціи"; Малининъ напечаталъ: въ Протоколахъ юридическаго Общества—„Мотивированный проектъ закона объ участіи земства въ контролѣ подъ эксплоатаціей паровыхъ желѣзныхъ дорогъ„ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета—„Теорія гражданскаго судопроизводства"; Сабининъ помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета двѣ статьи: „О началахъ наименьшаго дѣйствія", и „Къ двумъ вопросамъ о maximum и minimum многократныхъ интеграловъ" и актовую рѣчь „Михаилъ Васильевичъ Остроградскій". Доценты: Воеводскій, Перетятковичъ и Палаузовъ напечатали въ томъ же изданіи статьи: первый—„Введеніе въ миѳологію Одиссеи", второй—„Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣк.", послѣдній—„Вступительная лекція въ курсъ уголовнаго судопроизводства". Сторонній преподаватель Кожевниковъ помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго Общества естествоиспытателей статью „Объ анатомическомъ строеніи лепестковидныхъ цвѣтковыхъ покрововъ".—Профессоръ Лигинъ прочелъ публичную лекцію „о происхожденіи града".

Совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ въ 1881 году 25 засѣданій, изъ коихъ два, по безотлагательности дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію,—въ вакаціонное время. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: въ степени магистра, кандидаты: Меликовъ—

химіи, Кононовичъ—астрономіи и Репяховъ—зоологіи; въ степени кандидата—23, въ томъ числѣ 4 по историко-филологическому факультету, 8 по физико-математическому и 11 по юридическому; въ званіи дѣйствительнаго студента—61, именно: по историко-филологическому факультету 22, по физико-математическому 26, по юридическому 15; изъ нихъ 50-ти предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертаціи на степень кандидата. Для приготовленія къ профессорской дѣятельности командированы за границу магистры: Гохманъ—по механикѣ и Волынцевичъ—по астрономіи. Съ тою же цѣлію оставлены при университетѣ кандидаты: Елисафовъ—по химіи, Гріельскій—по международному праву, съ откомандированіемъ для занятій въ С.-Петербургскій и Кіевскій университеты подъ руководствомъ профессоровъ Мартенса и Незабитовскаго.

Изъ числа профессоровъ и другихъ состоящихъ при университетѣ лицъ командированы были съ ученою цѣлію: а) за границу: профессоры Шведовъ, Кондаковъ, Успенскій и лаборантъ Меликовъ; профессору Трачевскому срокъ заграничной командировки продолженъ; б) въ Россіи—профессоръ Синцовъ для геологическихъ изслѣдованій въ Саратовскую, Астраханскую и Бессарабскую губерніи.

Въ теченіе 1881 года, по поводу проявившихся въ зданіяхъ Новороссійскаго университета студенческихъ безпорядковъ, университетомъ разсмотрѣно было три дѣла. Одно изъ этихъ дѣлъ обсуждалось въ правленіи, по поводу нанесенія оскорбленія одному студенту другимъ, и постановлено было: студента, оскорбившаго товарища, уволить изъ университета съ правомъ немедленнаго поступленія въ другой университетъ, при аттестаціи поведенія хорошаго. Остальныя два дѣла разсматривались университетскимъ судомъ; по одному изъ нихъ привлечены были къ отвѣтственности два студента, изъ коихъ одному объявленъ выговоръ съ отобраніемъ подписки, что виновный въ случаѣ новаго проступка будетъ уволенъ изъ университета, а другому сдѣлано простое замѣчаніе. По другому дѣлу, въ которомъ привлечено къ отвѣтственности 20 студентовъ, университетскій судъ, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, постановилъ: а) уволить двухъ студентовъ изъ университета безъ прошенія на годъ и безъ права когда-либо поступить въ Новороссійскій университетъ; б) тремъ студентамъ предложить уволиться изъ университета; в) шести студентамъ объявить съ подпиской, что виновные, въ случаѣ новаго проступка, будутъ удалены изъ университета; г) тремъ студентамъ объявить выговоръ; д) одному студенту сдѣлать простое замѣчаніе безъ вне-

сенія въ общую штрафную книгу; е) остальныхъ пять студентовъ признать невиновными.

Денежныя средства Новороссійскаго университета находились въ 1881 году въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: въ 1881 г. отпущено изъ государственнаго казначейства 223,423 руб. 33 коп., именно: на содержаніе личнаго состава 138,010 руб., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 49,400 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 18,000 руб., на пособіе Обществу естествоиспытателей 2,500 руб., на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и научныя командировки 3,419 руб. 50 коп., на біологическую станцію въ Севастополѣ 1,500 руб.; б) сумма сбора эа слушаніе лекцій: оставалось отъ 1880 года 198 р. 80½ к., въ 1881 г. поступило 6,880 руб. 50 к., въ теченіе года израсходовано 6,598 р. 48 коп., затѣмъ остатка къ 1882 году имѣлось 480 руб. 82½ коп., в) суммы сбора за матрикулы: остатка отъ 1880 года было 157 руб. 19½ коп., поступило въ 1881 году 658 р., израсходовано въ тотъ же срокъ 795 р., къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо 20 р. 19½ коп.; г) пожертвованныхъ на учрежденіе стипендій суммъ: отъ 1880 года оставалось 155,681 руб. 5¼ коп., въ теченіе 1881 года поступило 17,168 р. 14 к., въ теченіе года израсходовано 7,287 р. 89 коп., затѣмъ къ 1882 году было въ остаткѣ 165,561 р. 30¼ к.; д) депозитовъ: къ 1-му января 1881 года имѣлось 19,334 р. 24 коп., въ 1881 году поступило 16,416 р. 71 к., израсходовано 14,823 руб. 97 коп., къ 1-му января 1882 года оставалось 20,926 руб. 98 коп. Главнѣйшія статьи расхода изъ спеціальныхъ средствъ университета (сбора за слушаніе лекцій и сбора за матрикулы) были слѣдующіе: уплачено за выписанныя для университета иностранныя періодическія изданія 2,134 р. 44 коп., уплачено частной типографіи за печатаніе Университетскихъ Записокъ и другія типографскія работы 2,112 р. 19 коп, выдано въ пособія служащимъ въ университетѣ 1,250 руб., уплачено за книги и періодическія изданія для студенческой читальни 792 руб., выдано въ вознагражденіе редактору Университетскихъ Записокъ 300 руб.

Студентовъ состояло къ 1-му января 1881 года 327; въ 1881 году вновь поступило 168, въ томъ числѣ: изъ гимназій 92, домашняго воспитанія по свидѣтельствамъ зрѣлости 10, изъ университетовъ 54, изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и Болгарскаго центральнаго училища 12; въ теченіе года выбыло 121, въ томъ числѣ до окончанія курса 47, по окончаніи курса 74, затѣмъ къ

1-му января 1882 года оставалось на лицо 374, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 53, на юридическомъ 141, на физико-математическомъ 180 (по отдѣленію математическихъ наукъ 64, по отдѣленію естественныхъ наукъ 116); б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 254, армяно-григоріанъ 2, римско-католиковъ 27, лютеранъ 4, евреевъ и караимовъ 87; в) по происхожденію: сыновей дворянъ и чиновниковъ 115, духовнаго званія 105, почетныхъ гражданъ и купцовъ 38, мѣщанъ и разночинцевъ 80, крестьянъ 7, иностранныхъ подданныхъ 29; г) по предварительному образованію: гимназистовъ 205, семинаристовъ 83, изъ другихъ учебныхъ заведеній (Новороссійскаго и другихъ университетовъ, медико-хирургической академіи, историко-филологическаго института и Демидовскаго юридическаго лицея) 86; д) по учебнымъ округамъ, въ которыхъ состоятъ заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго округа 17, Московскаго 24, Казанскаго 1, Оренбургскаго 1, Харьковскаго 32, Одесскаго 215, Кіевскаго 76, Варшавскаго 5, Дерптскаго 3. Постороннихъ слушателей было: къ 1-му января 1871 года—17, къ 1-му января 1882 года — 48. Изъ числа состоявшихъ къ 1-му января 1882 года 374 студентовъ стипендіями пользовались 123 на сумму 27,932 руб. 66 коп.; размѣръ стипендій—отъ 120 руб. до 400 руб. включительно; изъ этихъ 123 стипендіатовъ 114, сверхъ того, пользовались освобожденіемъ отъ платы; стипендій въ теченіе года лишены были 2 студента. Пособія единовременныя выданы были 78 студентамъ, въ размѣрѣ отъ 3 до 50 руб., всего на сумму 1,779 руб. 79 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета къ 1-му января 1882 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библіотекѣ состояло: книгъ 44,188 сочиненій 75,750 томовъ, періодическихъ изданій 758 названій 15,895 томовъ, рукописей 133 названія 155 тетрадей, картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей 604 названія 654 тома, всего въ библіотекѣ на сумму 205,514 руб.; въ студентской библіотекѣ: книгъ 5,059 названій 8,265 томовъ, періодическихъ изданій 151 названіе 1,660 томовъ и тетрадей, рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ 47 названій 57 томовъ и листовъ, всего въ библіотекѣ на 7,774 руб.; въ астрономической обсерваторіи: разныхъ инструментовъ, моделей, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 168 нумеровъ на 16,370 рублей, книгъ и періодическихъ изданій 1 названіе

21 томъ на 302 рублей; въ кабинетѣ практической механики: книгъ 28 названій на 181 руб., моделей, подвижной утвари и проч. 282 нумера на 12,212 рублей; въ физическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и атласовъ 59 названій 135 томовъ на 524 руб.- инструментовъ, приборовъ, посуды и мебели 508 нумеровъ 563 экземпляра на сумму 18,571 руб.; въ химической лабораторіи съ кабинетомъ: препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей 1,410 нумеровъ 2,013 экземпляровъ на сумму 29,761 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: минераловъ, картъ, подвижной утвари и проч. 871 нумеръ на 12,988 руб.; въ кабинетѣ физической географіи: книгъ и атласовъ 93 нумера 109 экземпляровъ на 1,139 руб., инструментовъ 26 нумеровъ 31 экземпляръ на 2,447 руб.; въ метеорологической обсерваторіи: книгъ и атласовъ 8 нумеровъ на 1,972 руб.; въ кабинетѣ геологическомъ и палеонтологическомъ: книгъ и другихъ изданій на 2,260 руб., моделей, окаменѣлостей, утвари и другихъ принадлежностей на 6,560 руб.; въ ботаническомъ кабинетѣ: книгъ 529 названій 547 томовъ на 1,866 руб., сухихъ растеній, моделей, препаратовъ и проч. 18,634 нумера 21,982 экземпляра на 5,338 руб.; въ ботаническомъ саду: растеній, кустарниковъ, травъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 1,192 нумера 1,355 экземпляровъ на 2,715 руб.; въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ 287 названій 685 томовъ, чучелъ, препаратовъ, инструментовъ и другихъ принадлежностей 3,948 нумеровъ, всего на сумму 20,945 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій 91 названіе 122 тома, скелетовъ, препаратовъ, инструментовъ и другихъ принадлежностей 671 нумеръ, всего на 8,057 руб.; въ физіологическомъ кабинетѣ: приборовъ, мебели, реактивовъ и препаратовъ 175 нумеровъ на 4,224 руб.; въ техническомъ кабинетѣ съ лабораторіей: техническихъ издѣлій, принадлежностей химическихъ, препаратовъ, реактивовъ и проч. 4,795 экземпляровъ на 9,831 руб.; въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій 34 названія, приборовъ, посуды, инструментовъ и другихъ принадлежностей 623 нумера 1,430 экземпляровъ, всего на сумму 12,312 руб.; въ минцъ-кабинетѣ: монетъ, моделей и утвари 5,062 нумера на 2,131 руб.

При Новороссійскомъ университетѣ состоитъ Общество естествоиспытателей, дѣятельность котораго въ 1881 году, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, выразилась главнымъ образомъ: а) въ научныхъ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ членами Общества въ его засѣданіяхъ, б) въ

изданіи спеціальныхъ работъ по естественнымъ и математическимъ наукамъ, и в) въ снаряженіи экскурсій. Научныя сообщенія, имѣвшія мѣсто въ семи засѣданіяхъ, были слѣдующія: Бучинскаго—о развитіи гидры, Габбе—теорія экваполленцій, Лигина—а) о научной дѣятельности Мишеля Шаля, скончавшагося въ Парижѣ въ декабрѣ 1880 года, б) о площадяхъ аналлагматическихъ кривыхъ, и в) объ отношеніи скоростей въ механизмахъ Поселье, Гарта и Кемпе; Пренделя—о Кривомъ Рогѣ и о его рудахъ, Старкова—объ обверткахъ движущихся сферъ перемѣннаго радіуса, Шапира—два сообщенія: а) основаніе теоріи самыхъ общихъ кофункцій и б) обобщеніе алгебраическаго закона, что уравненіе n—ой степени имѣетъ n корней для n дробнаго.—Общество выпустило въ свѣтъ III томъ Записокъ математическаго отдѣленія своего и 2-й выпускъ VII тома Записокъ Общества по естественнымъ наукамъ. Третій томъ математическихъ Записокъ содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: Ф. Шведова—Théorie mathématique des formes cométaires (suite)", А. Старкова—о сложныхъ процентахъ и текущихъ счетахъ, В. Лигина — научная дѣятельность Мишеля Шаля, Г. Шапира—основаніе для теоріи самыхъ общихъ кофункцій. Въ томъ же томѣ помѣщены протоколы засѣдавій математическаго отдѣленія Общества за время съ 20-го ноября 1876 г. по 13-е февраля 1881 г., часть коихъ была уже напечатана съ протоколами общихъ собраній. Второй выпускъ VII тома Записокъ состоитъ изъ работъ; Л. Ришави—матеріалы для лихенологической флоры Крыма, П. Бучинскаго—къ вопросу о развитіи дождеваго червяка, и Р. Пренделя—матеріалы для геологіи сѣверо-восточной части Херсонской губерніи. Въ 1881 году Общество дало возможность осуществиться слѣдующимъ экскурсіямъ съ научными цѣлями: Р. А. Прендель занимался изученіемъ кристаллическихъ породъ въ восточной части Херсонской губерніи и въ прилегающихъ мѣстностяхъ Екатеринославской губерніи. Изслѣдованіе захватило бассейнъ р. Базавлука и верховьевъ р. Саксагани. Изъ представленной г. Пренделемъ статьи видно, что онъ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на микроструктуру развитыхъ въ названныхъ мѣстностяхъ кристаллическихъ породъ, на ихъ взаимныя отношенія и ихъ генетическое сродство. Л. В. Рейнгардъ экскурсивалъ съ альгологическою цѣлію въ окрестностяхъ Одессы, именно на университетской дачѣ. Экскурсіи, предпринятыя И. М. Видгальмомъ тоже въ окрестностяхъ Одессы, имѣли главною цѣлію рѣшеніе вопроса о появленіи филоксеры, изслѣдованіе нѣкоторыхъ, недавно появившихся вредныхъ двухкрылыхъ.

опредѣленіе насѣкомыхъ, истребляющихъ табачныя плантаціи, и собираніе данныхъ относительно распространенія грибныхъ эпидемій между италіянскою саранчею и другими вредными насѣкомыми. Собираніе коллекціи засушенныхъ насѣкомыхъ пришлось отложить до нынѣшняго лѣта, такъ какъ постоянные переѣзды съ мѣста на мѣсто не позволяли заняться тщательнымъ препарированіемъ и составленіемъ систематической коллекціи. В. М. Репяховъ, представившій Обществу краткій письменный отчетъ о своихъ экскурсіяхъ и напечатавшій о полученныхъ имъ результатахъ небольшую предварительную замѣтку въ Zoologischer Anzeiger, воспользовался полученною имъ отъ Общества субсидіей для того, чтобы изслѣдовать въ Крыму, именно въ Севастополѣ и Ялтѣ, раннія стадіи развитія двухъ аннелидъ—Polygordius flavocapitatus и Saccocirus papillocercus. Подробное описаніе этихъ наблюденій необходимо, къ сожалѣнію, до времени отложить, въ виду того, что весьма важно было бы основательно изучить всю исторію развитія названныхъ червей, а эта работа требуетъ для своего добросовѣстнаго исполненія довольно долгаго времени.—Въ 1881 году прибавилось шесть ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею, съ которыми Общество производитъ обмѣнъ своими изданіями.—Совѣтъ Общества состоялъ изъ президента (профессоръ Мечниковъ), трехъ вице-президентовъ, трехъ членовъ, казначея и секретаря. Въ дѣйствительные члены Общества избрано пять лицъ, въ томъ числѣ одинъ докторъ Гейдельбергскаго университета. Смѣта расходовъ Общества въ 1881 году представляется въ слѣдующемъ видѣ: на печатаніе Записокъ естественно-историческаго содержанія и математической секціи ассигновано 2.874 руб., на экскурсіи—1.000 руб., жалованье секретарю и служителю 360 руб., на выписку книгъ и канцелярскіе расходы 120 руб.

С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ въ 1881 году.

С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ, учрежденный въ царствованіе Императора Николая Павловича, въ 1828 году, по мысли бывшаго тогда министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкрина, находился съ того времени въ вѣдомствѣ министерства финансовъ; а 1-го августа 1881 года, въ исполненіе Высочайшихъ повелѣній 17-го апрѣля и 10-го іюля того же года, переданъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Институтъ отнесенъ къ спеціальнымъ высшаго разряда учебнымъ заведеніямъ и руководствуется нынѣ

въ дѣйствіяхъ своихъ Высочайше утвержденнымъ 30-го января 1867 года положеніемъ и послѣдовавшими въ 1872, 1876, 1877 и 1878 годахъ перемѣнами и дополненіями въ немъ. Курсъ ученія въ институтѣ пятилѣтній съ распредѣленіемъ его на два спеціальныя отдѣленія: механическое и химическое.

Въ 1881 году преподаваемы были слѣдующіе предметы: Въ I общемъ курсѣ: богословіе (историческій обзоръ христіанскихъ вѣроисповѣданій), высшая математика (аналитическая геометрія, дифференціальное исчисленіе и начало интегральнаго), начертательная геометрія, физика (дополнительный курсъ общей физики), химія неорганическая (металлоиды), элементарная механика (введеніе въ теоретическую механику), иностранные языки: французскій, нѣмецкій и англійскій (чтеніе, переводъ, разборъ съ грамматическими объясненіями отрывковъ изъ замѣчательныхъ сочиненій иностранныхъ писателей), черченіе линейное, рисованіе (орнаментовъ съ гипсовыхъ фигуръ). Во II курсѣ: интегральное исчисленіе и теоретическая механика—на механическомъ отдѣленіи, физика (о теплотѣ) на обоихъ отдѣленіяхъ, химія неорганическая (металлы)—на обоихъ отдѣленіяхъ, минералогія и геогнозія—на химическомъ отдѣленіи, сопротивленіе металловъ и построеніе деталей машинъ—на обоихъ отдѣленіяхъ, прикладная механика (общій курсъ)—на обоихъ отдѣленіяхъ, строительное искусство—на обоихъ отдѣленіяхъ, архитектура — на обоихъ отдѣленіяхъ, иностранные языки—на обоихъ отдѣленіяхъ, черченіе частей механизмовъ—на обоихъ отдѣленіяхъ, съ раздѣленіемъ всѣхъ слушателей на четыре группы, черченіе архитектурное—на обоихъ отдѣленіяхъ, съ раздѣленіемъ слушателей на двѣ группы. Въ III курсѣ: а) на обоихъ отдѣленіяхъ: механическая теорія тепла, геодезія (низшая), технологія металловъ (свойства и ручная обработка металловъ); б) на механическомъ отдѣленіи: теорія вѣроятностей (необязательно для слушателей), устройство подъемныхъ машинъ, устройство паровыхъ котловъ, гидравлика и устройство гидравлическихъ двигателей, теорія и устройство паровыхъ машинъ, металлургія, проектированіе деталей машинъ и подъемныхъ механизмовъ, проектированіе частей зданій и цѣлыхъ зданій (преподаватель въ началѣ учебнаго года производилъ съ слушателями осмотръ нѣкоторыхъ изъ строющихся въ Петербургѣ зданій); в) на химическомъ отдѣленіи: химія аналитическая, химія органическая, технологія минеральныхъ веществъ (преподаватель съ слушателями производилъ неоднократно осмотръ нѣкоторыхъ изъ химическихъ, а также Императорскихъ стекляннаго и фарфороваго заво-

довъ близъ Петербурга), технологія органическихъ веществъ (производство бумаги), анатомія и физіологія растеній (подъ руководствомъ преподавателя, слушатели, съ распредѣленіемъ ихъ на двѣ группы, занимались упражненіями въ микроскопическихъ наблюденіяхъ), проектированіе частей зданій и цѣлыхъ зданій, практическія занятія въ химической лабораторіи по качественному анализу. Въ IV курсѣ: а) на обоихъ отдѣленіяхъ: электротехника (необязательно для слушателей; подъ руководствомъ и при помощи двухъ преподавателей, происходили практическія занятія слушателей въ физическомъ кабинетѣ), отопленіе и вентиляція, механическая технологія волокнистыхъ веществъ (необязательно для слушателей механическаго отдѣленія желѣзнодорожнаго отдѣла; преподаватель со слушателями производилъ неоднократно осмотръ нѣкоторыхъ изъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ въ Петербургѣ), устройство мукомольныхъ мельницъ; б) на механическомъ отдѣленіи: теорія упругости (необязательно для слушателей), строительная механика, механическая технологія (литейное дѣло и машинная обработка металловъ), механическая технологія (устройство заводскихъ машинъ и обработка дерева; преподаватель со слушателями производилъ неоднократно осмотръ нѣкоторыхъ изъ механическихъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ въ Петербургѣ и внѣ онаго), теорія и устройство паровозовъ (необязательно для слушателей техническаго отдѣленія фабрично-заводскаго отдѣла), проектированіе гидравлическихъ и паровыхъ двигателей; практическія лѣтнія занятія переведенныхъ въ V курсъ слушателей, на механическихъ, желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводахъ происходили на вагонномъ и паровозномъ заводѣ; кромѣ того, нѣкоторые слушашатели фабрично-заводскаго отдѣла отправляемы были, для практическихъ занятій, въ теченіе лѣта, на прядильныя и ткацкія фабрики, лѣсопильни и мукомольныя мельницы, а желѣзнодорожнаго отдѣла— на Рыбинско-Бологовскую, Николаевскую и другія желѣзныя дороги; в) на химическомъ отдѣленіи: технологія органическихъ веществъ (преподаватель со слушателями производилъ неоднократно осмотръ стеариноваго, масляннаго, клееваренныхъ, мыловаренныхъ, кожевенныхъ, газовыхъ заводовъ, писчебумажной фабрики въ Петербургѣ и внѣ его), технологія питательныхъ веществъ (преподаватель съ слушателями производилъ осмотръ сахарнаго, пивоваренныхъ и дрожжевыхъ заводовъ), технологія красильныхъ веществъ (преподаватель со слушателями производилъ осмотръ ситцевой фабрики), составленіе проектовъ заводовъ химическихъ, стеклянныхъ, керамическихъ, практиче-

скія занятія въ химической лабораторіи по количественному анализу; практическія лѣтнія занятія переведенныхъ въ V курсъ слушателей на заводахъ газовыхъ, кожевенныхъ, мыловаренныхъ, клееваренныхъ, на писчебумажной, ситцевыхъ фабрикахъ. Въ V курсѣ: а) на фабрично-заводскомъ отдѣлѣ механическаго отдѣленія: составленіе проектовъ заводовъ механическихъ и желѣзодѣлательныхъ, водопроводовъ, мукомольныхъ мельницъ, прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ; б) на желѣзнодорожномъ отдѣленіи механическаго отдѣленія: составленіе проектовъ паровозовъ; в) на обоихъ отдѣлахъ механическаго отдѣленія: составленіе проектовъ по строительной механикѣ, изученіе систематическаго курса слесарно-токарныхъ, кузнечныхъ и литейныхъ работъ и исполненіе цѣльныхъ механизмовъ въ механическихъ мастерскихъ института; г) на химическомъ отдѣленіи: составленіе проектовъ заводовъ газовыхъ, смологонныхъ, керасинныхъ, кожевенныхъ и пивоваренныхъ, винокуренныхъ, песочносахарныхъ, крахмальныхъ, красочныхъ, и фабрикъ писчебумажныхъ, ситцевыхъ и отбѣльныхъ; практическое изученіе нѣкоторыхъ производствъ въ технической лабораторіи, винокурнѣ и красильнѣ.

Важнѣйшія улучшенія въ преподаваніи, приведенныя въ исполненіе въ 1881 году, были слѣдующія: а) число лекцій, назначавшихся въ IV курсѣ химическаго отдѣленія по технологіи питательныхъ веществъ, увеличено на одну, такъ какъ при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю, вслѣдствіе ежегодно вводимыхъ, особенно въ технику свеклосахарнаго производства, важныхъ усовершенствованій, оказалось невозможнымъ изложеніе съ надлежащею полнотою производствъ, относящихся къ этому отдѣлу химической технологіи. б) Преподаваніе теоріи и устройства паровыхъ машинъ перенесено съ IV курса механическаго отдѣленія на III, каковое измѣненіе представитъ большую пользу въ томъ отношеніи, что слушатели механическаго отдѣленія, занимающіеся на IV курсѣ составленіемъ проектовъ паровыхъ машинъ, будутъ приступать къ этому занятію по выдержаніи экзамена по курсу паровыхъ машинъ, и вслѣдствіе сего, достоинства проектовъ паровыхъ машинъ несомнѣнно повысятся. в) Къ числу различныхъ фабрикъ и заводовъ, проекты которыхъ составляются слушателями V курса, прибавлены фабрики для механической обработки волокнистыхъ веществъ (прядильныя и ткацкія), такъ какъ знакомство съ устройствомъ ихъ признано весьма полезнымъ для будущей технической дѣятельности слушателей института, и въ связи съ этимъ для переведенныхъ на V курсъ механическаго отдѣленія слушателей

установлены лѣтнія практическія занятія на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ и выработана программа этихъ занятій. г) Для лучшаго ознакомленія слушателей съ строительнымъ искусствомъ принято, чтобы слушатели, подъ руководствомъ преподавателей, осенью производили осмотръ вновь возводимыхъ въ Петербургѣ зданій. д) Вслѣдствіе невозможности при томъ числѣ слушателей, которые въ V курсѣ занимаются составленіемъ проектовъ паровозовъ, одному лицу надлежащимъ образомъ руководить этими занятіями и наблюдать за ними, назначены были два преподавателя въ помощь профессору теоріи и устройства паровозовъ, для наблюденія за составленіемъ проектовъ паровозовъ.

По штату института и послѣдовавшимъ затѣмъ постановленіямъ положено: профессоровъ 13, законоучитель 1, инспекторъ работъ механическихъ мастерскихъ 1, преподавателей неопредѣленное число, механикъ 1, химикъ 1, лаборантъ 1, библіотекарей и хранителей музея 2, наблюдателей 5. Къ 1-му января 1882 года состояло на лицо: профессоровъ 12, законоучитель 1, инспекторъ работъ механическихъ мастерскихъ 1, преподавателей 38, механикъ 1, химикъ 1, лаборантъ 1, библіотекарей и хранителей музея 2, наблюдателей 4. Сверхъ того состояло лаборантовъ и мастеровъ механическихъ мастерскихъ по найму 11. Вакантныхъ должностей было 4, именно: 1 профессора, 2 преподавателей и 1 наблюдателя. Незамѣщенными оставались должности преподавателей по двумъ предметамъ: политической экономіи и промышленной статистики Россіи и гидротехническихъ сооруженій. Старанія учебнаго комитета института пріискать въ Петербургѣ лицо, которое было бы спеціально, практически и теоретически, знакомо съ гидротехническими постройками и могло бы принять на себя преподаваніе этого предмета, не увѣнчались успѣхомъ. Для замѣщенія же каѳедры по политической экономіи и промышленной статистики предположено объявить конкурсъ.

Профессоры, преподаватели и другія служащія въ институтѣ лица издали въ свѣтъ слѣдующіе ученые труды: профессоры: П. А. Афанасьевъ подготовилъ къ печати и началъ печатать 2-е изданіе своего сочиненія „Курсъ мукомольныхъ мельницъ“; Ѳ. Ѳ. Бейльштейнъ напечаталъ: въ Handbuch der Organischen Chemie—8 выпусковъ (2—9) полнаго руководства органической химіи, въ Vierteljahrsschrift für öffentliche Gesundheitspflege—объ опредѣленіи достоинства дезинфицирующихъ средствъ, въ Журналѣ русскаго физико-химическаго Общества—„Изслѣдованіе кавказской нефти“, „О нѣко-

торыхъ производныхъ нафталина", „О дѣйствіи хлористаго ацетила на ацетонъ и о дѣйствіи окиси серебра на бромистый этиленъ" и „Объ опредѣленіи и отдѣленіи нѣкоторыхъ металловъ"; И. А. Вышнеградскій производилъ опытное изслѣдованіе пріемовъ для оцѣнки полезнаго дѣйствія паровыхъ машинъ; Б. Т. Вылежинскій приготовлялъ къ печати статью по кожевенному производству; А. В. Гадолинъ представилъ въ академію наукъ и въ минералогическое Общество нѣсколько рецензій сочиненій, относящихся къ физикѣ и кристаллографіи и занимался разработкой теоріи расширенія кристаллизованныхъ тѣлъ отъ нагрѣванія; И. А. Евневичъ подготовилъ къ печати курсъ прикладной механики; Н. П. Ильинъ представлялъ въ министерство финансовъ заключеніе по нѣкоторымъ вопросамъ фабрично-заводской промышленности въ Россіи, находившимся въ связи съ тарифомъ, представилъ отчетъ по командировкѣ для изслѣдованія вопроса о порчѣ воды въ р. Волгѣ, вслѣдствіе существованія на берегу ея завода смазочныхъ маслъ изъ нефтяныхъ остатковъ, и занимался редакціею статей Техническаго Словаря, издаваемаго русскимъ техническимъ Обществомъ; В. Л. Кирпичевъ участвовалъ въ составленіи Техническаго Словаря и вмѣстѣ съ проф. Вышнеградскимъ, производилъ опытное изслѣдованіе пріемовъ для оцѣнки полезнаго дѣйствія паровыхъ машинъ; М. А. Красновскій подготовлялъ къ печати курсъ интегральнаго исчисленія; А. К. Крупскій подготовилъ къ печати: „О нефти въ Россіи", „Объ ископаемомъ топливѣ" и „Исторіи фотогеннаго производства въ Россіи"; печаталъ въ Извѣстіяхъ технологическаго института изслѣдованіе по предмету выщелачиванія шерсти; составилъ, по порученію частнаго лица, проектъ завода для добыванія поташа изъ овечьей шерсти и занимался опытами надъ сопротивленіемъ фильтрующихъ слоевъ протоку воды; Р. Э. Ленцъ произвелъ три научныя изслѣдованія: „О гальваническомъ сопротивленіи спиртовыхъ растворовъ", „О газахъ, заключенныхъ въ кварцахъ" и „О расширеніи морской воды"; преподаватель В. В. Бекъ занимался изслѣдованіемъ минераловъ русскихъ мѣсторожденій; химикъ Э. А. Вроблевскій помѣстилъ въ J. Liebig's Annalen der Chemie статью „Ueber isomere Xylidine"; Х. С. Головинъ печаталъ въ Извѣстіяхъ технологическаго института статью „Одинъ изъ вопросовъ статики упругаго тѣла"; А. В. Григорьевъ напечаталъ нѣсколько рецензій и рефератовъ въ Извѣстіяхъ русскаго географическаго Общества; С. М. Гуржеевъ напечаталъ учебникъ механики для реальныхъ училищъ; Э. А. Коверскій напечаталъ

нѣсколько статей по астрономіи и геодезіи въ Извѣстіяхъ русскаго географическаго Общества и въ Русскомъ Инвалидѣ; П. В. Котурницкій подготовилъ къ печати свое изслѣдованіе о законахъ листорасположенія и, вмѣстѣ съ проф. Вышнеградскимъ, занимался изслѣдованіемъ пріемовъ для опредѣленія полезнаго дѣйствія паровыхъ машинъ; Н. В. Султановъ напечаталъ: въ журналѣ Зодчій—спеціальное изслѣдованіе „Русское зодчество въ западной оцѣнкѣ", въ Памятникахъ древней письменности—„Образцы древне-русскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ" и сдѣлалъ въ Обществѣ архитекторовъ и въ Обществѣ любителей древней письменности пять сообщеній, касающихся различныхъ вопросовъ архитектуры и археологіи; Н. А. Щукинъ подготовилъ къ печати переводъ сочиненія Рейхе „Dampfmaschinen Constructeur".

Постоянныхъ слушателей въ институтѣ къ 1-му января 1881 года состояло 501, въ теченіе года вновь поступило 154, въ тотъ же срокъ выбыло 114 (до окончанія курса 66, по окончаніи полнаго курса 48); затѣмъ къ 1-му января 1882 года оставалось 541, т. е. на 40 человѣкъ болѣе предъидущаго года. Эти 541 слушатель распредѣлены были: а) по курсамъ: въ I-мъ курсѣ—129, во II-мъ—115 (механич. отдѣл. 84, химич. 31), въ III-мъ—120 (механич. отдѣл. 86, химич. 34), въ IV-мъ—93 (механич. отд. 71, химич. 22), въ V-мъ—84 (механич. отд. 64, химич. 20); б) по отдѣленіямъ: въ химическомъ—107, въ механическомъ—305, въ I-мъ (общемъ курсѣ)—129; в) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 283, единовѣрецъ 1, армяно-григоріанскаго 7, римско-католическаго 151, лютеранскаго 25, реформатскаго 3, іудейскаго 70, магометанскаго 1; г) по сословіямъ: дворянъ 190, штабъ-и оберъ-офицерскихъ дѣтей 80, потомственныхъ почетныхъ гражданъ 19, почетныхъ гражданъ 14, сыновей священно-и церковнослужителей 28, купеческихъ дѣтей 51, мѣщанъ 109, крестьянъ 11, иностранцевъ 9, разночинцевъ 30; д) по предварительному образованію: окончившихъ курсъ: въ университетахъ 7, въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 1, въ гимназіяхъ съ аттестатами зрѣлости 48, въ реальныхъ училищахъ съ дополнительнымъ классомъ 391, въ духовныхъ семинаріяхъ 8, въ реальныхъ гимназіяхъ и училищахъ безъ дополнительнаго класса 10, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ 23, въ коммерческихъ училищахъ 12, въ прочихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 28, представившихъ свидѣтельства гимназій о знаніи гимназическаго курса безъ древнихъ языковъ 11, съ свидѣтельствами реальныхъ гимназій и училищъ о знаніи гимнази-

ческаго курса 2. Изъ числа окончившихъ курсъ удостоены: степени инженеръ-технолога 29, званія технолога 19, сверхъ того, степени инженеръ-технолога удостоены 23 лица выпуска прежнихъ лѣтъ по представленнымъ ими диссертаціямъ и отчетамъ о технической дѣятельности. Изъ состоявшихъ къ 1-му января 1882 года слушателей было: стипендіатовъ казенныхъ 120, неплатящихъ 17, безплатныхъ постоянныхъ слушателей 73, платящихъ стипендіатовъ разныхъ вѣдомствъ 25, платящихъ постоянныхъ слушателей 306; освобождены отъ платы 23, лишены этой льготы 8, зачислены въ стипендіаты 52, исключены изъ стипендіатовъ 13, единовременныя пособія выданы 73 слушателямъ на сумму 2.139 руб. Удостоенныхъ перевода въ высшіе курсы было 361, именно: изъ I курса во II—99, изъ II въ III—106, изъ III въ IV—83, изъ IV въ V—73. Многіе изъ слушателей не отличались исправнымъ посѣщеніемъ лекцій, но работы графическія и практическія въ лабораторіи и мастерскихъ значительное большинство слушателей производило съ надлежащимъ усердіемъ и исправностію. За исключеніемъ замѣчаній по поводу недостаточно исправнаго исполненія слушателями обязательныхъ занятій, не приходилось налагать какія либо взысканія на слушателей.

Денежныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: къ 1-му января 1881 года состояло на лицо: неприкосновеннаго капитала, составившагося изъ суммъ, пожертвованныхъ разными лицами на учрежденіе стипендій, 110.950 руб., оборотнаго капитала 16.005 руб. 15 коп.; въ 1881 году поступило: изъ государственнаго казначейства 251.355 руб., процентовъ съ капиталовъ, составляющихъ собственность института 6.157 руб. 50 коп., платы за слушаніе лекцій съ постоянныхъ слушателей 14.830 руб., пожертвованій на учрежденіе стипендій 7.300 руб., прислано отъ разныхъ учрежденій на стипендіи и пособія слушателямъ института 4.009 руб. 57 коп., всего 410.606 руб. 65 коп.; въ теченіи года израсходовано: на содержаніе личнаго состава преподавателей и служащихъ 101.050 руб. 44 коп., на стипендіи и пособія 46.720 руб., на содержаніе мастерскихъ, лабораторій и физическаго кабинета 38.300 руб. 89 коп., на учебныя пособія, на пополненіе библіотеки, на пріумноженіе музея и проч. 8.621 руб. 15 коп., на отопленіе, освѣщеніе, содержаніе опрятности и архитектурный ремонтъ 43.112 руб. 76 коп., на выдачу стипендій изъ пожертвованныхъ капиталовъ 3.422 руб. 24 коп., на выдачу стипендій изъ капиталовъ, присланныхъ разными вѣдомствами 2.756 руб. 57 коп., всего 256.478 руб. 85 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1882

года оставалось: неприкосновеннаго капитала 122.550 руб., оборотнаго капитала 11.515 руб. 82 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ находилось разныхъ сочиненій, преимущественно техническаго содержанія, на сумму приблизительно до 39.500 руб., книжныхъ шкафовъ на сумму 3.700 руб.; въ музеѣ: коллекціи машинъ, моделей и проч. около 14.000 нумеровъ на сумму до 54.500 руб.; въ аудиторіи и чертежной залѣ разнаго имущества, какъ-то инструментовъ, приборовъ, чертежей и проч. на сумму около 18.500 руб.; въ механическихъ мастерскихъ (столярно-модельная, слесарно-токарная, ручная и механическая, кузница): паровая машина въ 20 силъ съ паровымъ котломъ и прочими принадлежностями, локомобилемъ въ 5 силъ, паровымъ насосомъ, станками и верстаками въ числѣ 204 предметовъ, 8-ю кузнечными горнами, 2-мя вагранками, плавильною печью, инструментами и разными мелкими предметами, съ запасомъ на 100 человѣкъ и матеріалами, всего на сумму до 96.800 руб.; въ механической лабораторіи: паровая машина, калорическій двигатель, станки, приборы, всего на 16.800 руб.; въ физическомъ кабинетѣ: измѣрительныхъ и другихъ приборовъ и прочаго имущества 709 нумеровъ на 26.300 руб.; въ химической лабораторіи: справочныхъ книгъ и журналовъ 522 названія, приборовъ, коллекцій, препаратовъ и проч. 410 нумеровъ, всего на сумму до 22.500 руб.; въ технической лабораторіи: пламенныхъ печей, генераторъ, приборовъ, машинъ, станковъ, ретортъ, разныхъ кубовъ и проч. на сумму до 5.500 руб.; въ винокурнѣ и красильнѣ: машинъ, аппаратовъ, посуды, приборовъ, всего на 14.000 руб. Общая стоимость всего движимаго имущества, принадлежащаго институту, со включеніемъ церковнаго имущества, а равно имущества по пріемному лазаретному покою, канцеляріи и находящагося въ завѣдываніи смотрителя зданій, составляла въ 1881 году 342.736 руб. $39^{3}/_{4}$ коп.; опредѣленіе же стоимости недвижимаго имущества, за недостаточностію имѣющихся въ распоряженіи института свѣдѣній, оказалось невозможнымъ.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

IV.

Надписи изъ города Нарѳакія.

Въ разстояніи 3-хъ часовъ ѣзды къ с.-в. отъ города Ламіи, близъ прежней пограничной черты между Греціей и Турціей, лежитъ небольшая деревенька Лимогарди и помѣстье того же имени, принадлежащее г. Епаминонду Димолулія (Δημολούλιας). Въ 20 минутахъ разстоянія къ ю.-з. отъ деревни, влѣво отъ дороги въ Ламію, возвышается надъ окрестными холмами довольно крутая и высокая гора, увѣнчанная развалинами стѣнъ прекрасной эллинской постройки, изъ большихъ правильно обтесанныхъ плитъ мѣстнаго сѣраго камня, не скрѣпленныхъ цементомъ. На с.-в. сторонѣ вершины горы, на протяженіи саженей, приблизительно, 15-ти [1]), еще хорошо сохранились на мѣстахъ 2 или 3 ряда плитъ съ остатками двухъ четыреугольныхъ башенъ и просторныхъ воротъ, тогда какъ съ остальныхъ сторонъ лишь кое-гдѣ между кустарниками виднѣются отдѣльныя плиты, или же сохранился только нижній рядъ ихъ. Ни въ одномъ изъ важнѣйшихъ описаній путешествій по Ѳессаліи не встрѣтилось мнѣ упоминаніе

[1]) Къ сожалѣнію, неблагопріятное состояніе погоды помѣшало мнѣ произвести измѣреніе и подробное изслѣдованіе развалинъ.

объ этихъ развалинахъ [1]), хотя онѣ отмѣчены на большой картѣ Греціи, изданной французскимъ генеральнымъ штабомъ, и на новѣйшей картѣ Эпира и Ѳессаліи, изданной Кипертомъ [2]).

Въ долинѣ, близъ сѣверной подошвы горы, по направленію къ деревнѣ Лимогарди, стояла нѣкогда византійская церковь св. Іоанна, отъ которой теперь сохранилось на мѣстѣ лишь нѣсколько камней (въ томъ числѣ капитель колонны, грубой работы, и большая плита съ рельефнымъ крестомъ). Землевладѣлецъ г. Димолуліа, производя, года четыре тому назадъ, какія-то раскопки на мѣстѣ, гдѣ стояла церковь, нашелъ, между прочимъ, два большіе камня съ древне-греческими надписями, которые нѣкогда были употреблены въ качествѣ строительнаго матеріала при постройкѣ церкви, и по этой причинѣ, какъ мы увидимъ, были значительно попорчены. Вслѣдствіе трудности чтенія, надписи до сихъ поръ не были изданы. Въ бытность мою въ Ламіи въ декабрѣ прошлаго года, г. Димолуліа любезно обратилъ на нихъ мое вниманіе. Одна изъ нихъ оказалась принадлежащею къ числу рѣдко встрѣчающихся эпиграфическихъ памятниковъ, именно представляетъ собою рѣшеніе римскаго сената (Senatus consultum) о поземельномъ спорѣ между жителями ѳіотидскихъ городовъ Мелитэи и Нарѳакія и о сохраненіи въ силѣ учрежденій, данныхъ Ѳессаліи въ 196 г. до Р. Хр. освободителемъ Эллады Титомъ Квинкціемъ Фламининомъ послѣ разгрома Македоніи при Киноскефалахъ. Счастливый случай вскорѣ послѣ извѣстнаго Лампсакскаго декрета [3]) далъ намъ новый документъ съ именемъ этого знаменитаго римскаго политическаго дѣятеля.

Прежде чѣмъ заняться ближайшимъ разсмотрѣніемъ новыхъ документовъ, интересныхъ во многихъ отношеніяхъ, необходимо остановить вниманіе на мѣстѣ ихъ находки, которое представитъ важную

---

[1]) Только *Pouqueville* (Voyage de la Grèce, 2-ème édit., t. IV p. 82) упоминаетъ Лимогарди при перечисленіи деревень Зитунскаго (Ламійскаго) воеводства (vaïvodilick).

[2]) Carte de l' Epire et de la Thessalie dr. par *H. Kiepert*, 1-е изд. 1871, 2-е изд. 1880 года. Для удобства лицъ, не имѣющихъ подъ руками означенныхъ картъ, я считаю нелишнимъ приложить маленькую карту мѣстностей, упоминаемыхъ въ настоящей статьѣ (по Киперту).

[3]) Ἀθήναιον т. IX стр. 312 и 364 сл.=Mittheil. d. Deutsch. Arch. Inst. VI (1881), стр. 95: сл. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1882 г. № 2, отд. классич. филологіи.

данную для малоизвѣстной еще топографіи древней Фѳіотиды и такимъ образомъ послужитъ прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ топографическихъ соображеній. Рѣшеніе сената, какъ мы сказали, относится къ поземельному спору фѳіотидскихъ городовъ Мелитэи и Нарѳакія. Мѣстоположеніе перваго изъ этихъ городовъ, достаточно извѣстнаго изъ древнихъ авторовъ, опредѣлено на основаніи документа объ установленіи границъ городовъ Мелитэи и Періи, находящагося понынѣ въ монастырѣ близь деревни Аварицы, въ $2^1/_2$ часахъ разстоянія къ с.-з. отъ Лимогарди, по дорогѣ въ Домоко (др. Θαυμακοί) [1]. Подлѣ Аварицы сохранились значительные остатки стѣнъ эллинской постройки, которыя послѣ находки сказаннаго документа принимаются за развалины Мелитэи всѣми учеными [2], кромѣ Рангависа, который въ своемъ топографическомъ этюдѣ (въ комментаріи къ надписи, Ant. Hellén. II p. 280), написанномъ, правда, весьма подробно и обстоятельно, но безъ личнаго знакомства съ мѣстностью и на основаніи свѣдѣній подозрительной точности, пришелъ къ выводу, согласному съ старымъ мнѣніемъ Лика [3]), что Мелитэя находилась выше къ с.-в., при нынѣшней деревнѣ Кизларъ, а что при Аварицѣ лежала Перія. Этотъ выводъ, какъ противный прямому показанію надписи о томъ, что одинъ экземпляръ рѣшенія, вырѣзанный на камнѣ, долженъ былъ быть выставленъ въ Мелитэѣ,—отвергнутъ другими учеными, и какъ мы увидимъ ниже, косвенно опровергается и нашимъ новымъ документомъ [4].

Мѣстоположеніе городка Ναρθάκιον и одноименной ему горы (Ν. ὄρος) до сихъ поръ не было извѣстно съ достаточною точностью: эпиграфическихъ памятниковъ изъ этого города еще не попадалось, а въ немногихъ мѣстахъ древнихъ авторовъ, гдѣ онъ упоминается, нѣтъ подробныхъ топографическихъ данныхъ. Главнымъ основаніемъ для топографическихъ соображеній новыхъ географовъ и археоло-

---

[1]) Документъ изданъ впервые *Уссингомъ* въ его Inscript. Graecae ineditae. (1847), № 2, потомъ *Рангависомъ* въ Ant. Hell. II, № 692, *Ле-Ба*, Voyage arch. II, Thessalie, № 1179, и *Кауеромъ*, Delectus inscr. gr. № 104.

[2]) *Ussing*, l. c. и Griech. Reisen стр. 119; *Bursian*, въ Neue Jahrbuch. LXXIX (1859) стр. 230 и Geographie von Griechenland, т. I стр. 85; *Forbiger*, Handbuch d. alten Geogr., стр. 596 (изд. 1877 г.); Νικ. Γεωργιάδης, Θεσσαλία (ἐν Ἀθήναις, 1880) стр. 328 сл.

[3]) *W. M. Leake* Travels in North. Greece, t. IV p. 470.

[4]) Сохранившіяся при Кизларѣ развалины приписываются теперь городу Коронеѣ. См. *Bursian*, Geogr. I, стр. 79, *Forbiger* III стр. 596.

говъ служилъ до сихъ поръ слѣдующій разказъ Ксенофонта [1]): Когда Агесилай, возвращаясь лѣтомъ 394 г. изъ Малой Азіи, вступилъ съ войскомъ въ Өессалію, жители Ларисы, Краннона, Скотуссы и Фарсала и всѣ вообще Өессалійцы, держась стороны Беотійцевъ, встрѣтили его враждебно и постоянно тревожили нападеніями. Наконецъ Агесилай выслалъ противъ нихъ всадниковъ своей свиты, приказавъ имъ преслѣдовать Өессалійцевъ какъ можно быстрѣе и не допустить возможности новыхъ нападеній. Въ происшедшей горячей схваткѣ смерть фарсалійскаго гиппарха послужила сигналомъ къ всеобщему бѣгству Өессалійцевъ, которое продолжалось до самой Нарөакійской горы. Тогда Агесилай поставилъ трофей между Прантомъ и Нарөакіемъ и остановился тутъ (на ночлегъ), чрезвычайно довольный тѣмъ, что съ собранными имъ самимъ всадниками побѣдилъ народъ, болѣе всего гордившійся своею кавалеріей. На другой день, перейдя чрезъ Ахейскія горы Фөіотиды (τὰ Ἀχαϊκὰ τῆς Φθίας ὄρη), Агесилай шелъ уже безъ помѣхи до самой Беотіи [2]). У Страбона перечислены слѣдующіе города Фөіотиды: Өивы фөіотидскія, Эхинъ, Ламія, [Нарөак]іонъ, Эринеосъ, Коронея, Мелитэя, Өавмаки и др. [3]). Птолемэй (III, 13, 46) называетъ Нарөакій (подъ 59° 10′ долг. и 38° 45′ шир.), Коронею, Мелитэю, Эретрію, Ламію, Гераклію. Эти данныя, очевидно, чрезвычайно скудны для болѣе или менѣе точнаго опредѣленія мѣстоположенія Нарөакія. Новые изслѣдователи помѣщали его далеко къ сѣверу отъ Ламіи, близъ Фарсала, и именно или къ ю.-в. отъ него у нынѣшней деревни Верхняго-Тьятерли (а Прантъ у Нижняго Тьятерли [4]), или къ югу у деревни Чатма́ [5]). За Ναρθάκιον ὄρος древнихъ принимается обыкновенно возвышенность къ югу отъ Фарсала,

---

1) Греч. исторія, IV, 3, 3 сл. и (почти буквальное повтореніе) Агес. II, 5.

2) Плутархъ въ двухъ мѣстахъ (V. Ages. XVI и Apophth. Lac. Ages. 46) говоритъ, что на Агесилая напали одни Фарсалійцы, что онъ разбилъ ихъ съ 500 всадниками и поставилъ трофей ὑπὸ τῷ Ναρθακίῳ.

3) Strab. IX, 5, 10 (p. 434). Названіе [Ναρθάκ]ιον, отъ котораго въ рукописяхъ сохранилось только окончаніе, возстановлено Du Theil'емъ. Въ изданіи *Крамера* (Берлинъ, 1844—1852 г.) догадка Du Theil'я названа весьма вѣроятною, но не принята еще въ текстъ. Новѣйшіе издатели, какъ напримѣръ, *Мейнеке*, принимаютъ ее въ текстъ.

4) *Leake*, Trav. in North. Greece IV, стр. 471. Мнѣніе Лика принято *Кипертомъ* (Atlas v. Griech. u. seinen Kolonien, Bl. XVI) и *Форбигеромъ* (Geogr. III, 595, 2-te Aufl.). *Бурзіанъ* (Geogr. v. Griech. I, 76) не пріурочиваетъ Нарөакій и Прантъ къ какой-нибудь опредѣленной мѣстности.

5) *Heuzey* et *Daumet*, Mission arch. en Macédoine (Paris, 1876), стр. 411.

называемая нынѣ Хассидьяри. Особое, оригинальное мнѣніе высказалъ Маннертъ [1]): онъ думаетъ, что упомянуемый Птолемэемъ городокъ Ναρϑάκιον къ ю.-в. отъ Мелитэи едва ли тожественъ съ τὰ Ναρϑάκια (?), приводимыми Плутархомъ, такъ какъ трофей, поставленный Агесилаемъ послѣ побѣды надъ Фарсалійцами, находился-де, безъ сомнѣнія, гдѣ-нибудь вблизи Фарсала. Г. Вейссенборнъ, назвавъ неосновательнымъ предположеніе Маннерта о различіи Ναρϑάκιον отъ τὰ Ναρϑάκια, присоединился къ мнѣнію Лика, а для соглашенія его съ градусомъ широты, показаннымъ у Птолемэя, прибѣгнулъ къ самому легкому способу,—заподозрилъ вѣрность числовой данной Птолемэя и предложилъ измѣнить ее въ 39° 45′, потому что Птолемэйде (если бы была вѣрна стоящая въ его рукописяхъ цифра) назвалъ бы Нарѳакій не первымъ (самымъ сѣвернымъ) въ Фѳіотидѣ, а только передъ Ламіей [2]).

Изъ новыхъ документовъ, найденныхъ близъ Лимогарди, оказывается, что Нарѳакій находился вовсе не тамъ, гдѣ его до сихъ поръ ставили, а именно въ мѣстности Лимогарди, такъ что развалины, описанныя въ началѣ статьи, безъ сомнѣнія, принадлежатъ его акрополю: найденный экземпляръ сенатусконсульта былъ выставленъ именно въ Нарѳакіѣ, какъ явствуетъ изъ предшествующаго ему заголовка, въ которомъ годъ вырѣзки документа на камнѣ отмѣченъ, рядомъ съ именемъ ѳессалійскаго стратега, именами нарѳакійскихъ архонтовъ. Въ другой найденной надписи упоминается отецъ одного изъ этихъ архонтовъ, а въ третьей — двое изъ числа архонтовъ, и кромѣ того, нѣсколько лицъ общи 2-й и 3-й надписямъ, такъ что и онѣ несомнѣнно происходятъ изъ Нарѳакія. Я не считаю возможнымъ предположить, чтобы два большіе и тяжелые камня съ надписями могли быть перевезены (для постройки церкви) откуда-нибудь издалека въ гористой мѣстности, изобилующей строительнымъ матеріаломъ и даже теперь не имѣющей порядочныхъ дорогъ. Кругомъ горы, увѣнчанной развалинами, находятъ не мало черепковъ глиняной посуды, иногда,

---

[1]) *Konr. Mannert*, Geographie d. Griechen u. Römer (Landshut, 1812), VII, стр. 614.

[2]) «Ptolemaeus Zahlenangabe (38° 45′) ist höchstwahrscheinlich corrupt und in 39° 45′ zu ändern, weil er die Stadt sonst nicht als die erste (nördlichste) von Phthiotis, sondern erst vor Lamia genannt haben würde». *H. Weissenborn* in Pauly's Real Encyclop. s. v. Narthacium.

по словамъ мѣстныхъ жителей, попадаются и монеты [1]). Недалеко отъ Лимогарди открытъ былъ г. Димолуліа древній, заброшенный мѣдный рудникъ, разработка котораго и теперь, по его словамъ, могла бы принести хорошіе результаты и была даже начата, но оставлена за недостаткомъ хорошихъ орудій и удобныхъ средствъ сообщенія съ Ламіею и моремъ. Другихъ слѣдовъ существованія древняго города, на сколько мнѣ извѣстно, не осталось. По видимому, городъ расположенъ былъ у сѣверной подошвы горы, на которой находился акрополь. Церковь св. Іоанна стояла, быть можетъ, на мѣстѣ какого-нибудь древняго храма, служившаго вмѣстѣ съ тѣмъ и городскимъ архивомъ; существованіе въ византійскую эпоху обычая обращать въ церкви древніе языческіе храмы или строить ихъ на мѣстѣ таковыхъ общеизвѣстно.

Вышеприведенныя свидѣтельства древнихъ писателей ничуть не препятствуютъ принять, что Нарѳакій находился близъ нынѣшняго Лимогарди; напротивъ, это будетъ даже болѣе согласно съ ними, нежели предположеніе, что онъ стоялъ въ мѣстности Тьятерли или Чатма́. Стычка конницы Агесилая съ Ѳессалійцами, о которой повѣствуютъ Ксенофонтъ и Плутархъ, произошла, очевидно, къ югу отъ Фарсала; на другой день послѣ стычки Агесилай, по словамъ Ксенофонта, началъ дальнѣйшій путь переходомъ черезъ горы Ѳѳіотиды, а между тѣмъ отъ Тьятерли не менѣе 5-ти и отъ Чатма́ не менѣе 4-хъ часовъ пути до горъ, и Ксенофонтъ, вѣроятно, упомянулъ бы объ этомъ или назвалъ бы мѣстности, по которымъ Агесилай шелъ до горъ. Изъ словъ Ксенофонта необходимо, кажется, заключить, что Нарѳакій находился у самыхъ горъ Ѳѳіотиды, стало быть южнѣе, нежели его до сихъ поръ помѣщали. Страбонъ называетъ Нарѳакій непосредственно за Ламіей, затѣмъ перечисляетъ лежавшіе далѣе къ сѣверу города Эринеосъ и Коронею, потомъ спускается снова къ югу, именуетъ Мелитэю и идетъ далѣе къ западу. Почти въ томъ же порядкѣ перечислены города Ѳѳіотиды и у Птолемэя; только Ламія и Гераклія, какъ самые южные и не находившіеся въ собственной Ѳѳіотидѣ города, поставлены на концѣ. Птолемэевъ порядокъ перечисленія не даетъ, мнѣ кажется, основанія заключать вмѣстѣ съ Вейссенборномъ, что Нарѳакій былъ самый сѣверный городъ Ѳѳіо-

---

[1]) Мнѣ однако не удалось найти у крестьянъ ни одной монеты; это тѣмъ болѣе жаль, что нарѳакійскія монеты до сихъ поръ неизвѣстны въ нумизматикѣ.

тиды. Данная Птолемэемъ широта Нареакія (38° 45′) также оказывается теперь почти совершенно вѣрною.

Земли города Мелитэи должны были быть смежны съ землями Нареакія, такъ какъ Нареакійцы, какъ мы увидимъ изъ документа присвоили себѣ участокъ мелитэйской земли. Стало быть, Мелитэя могла находиться только у нынѣшней Аварицы, а никакъ не у Кизлара, гдѣ ее помѣщали Ликъ и Рангависъ: между Кизларомъ и Лимогарди по крайней мѣрѣ часовъ семь разстоянія, такъ что земли Нареакія и Мелитэи, если бы послѣдняя находилась у Кизлара, едва ли могли бы быть смежными, тѣмъ болѣе, что эта мѣстность Фѳіотиды, какъ можно судить даже по сохранившимся многочисленнымъ развалинамъ, была въ древности довольно плотно населена. Замѣчаніе Маннерта (основанное, безъ сомнѣнія, на показанныхъ Птолемэемъ градусахъ долготы и широты, о чемъ не догадался Вейссенборнъ), что Нареакій приходился къ ю.-в. отъ Мелитэи, оказывается теперь вполнѣ справедливымъ.

Если же городъ Нареакій стоялъ близъ Лимогарди, то за Ναρθάκιον ὄρος древнихъ должна быть принята или гора, извѣстная нынѣ подъ названіемъ Андиницы (въ 2-хъ часахъ разстоянія къ с.-з. отъ Лимогарди, южнѣе дер. Аварицы, на прежней границѣ Греціи и Турціи), или — такъ какъ эта гора лежитъ довольно далеко отъ Лимогарди—горная цѣпь къ сѣверу отъ этой деревни, между Андиницею и горою св. Иліи. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ весьма вѣроятно, что развалины, находящіяся къ ю.-в. отъ Андиницы и къ востоку отъ нынѣшней деревни Диври, у прежней пограничной черты, принадлежатъ городу Пранту [1]).

Итакъ, рѣшеніе небезынтереснаго вопроса, относящагося къ топографіи древней Ѳессаліи, въ которой понынѣ остается еще много темныхъ пунктовъ,—вотъ первый результатъ, получаемый изъ вновь найденныхъ нареакійскихъ документовъ. Обратимся теперь къ ихъ ближайшему разсмотрѣнію.

---

[1]) Развалины отмѣчены на картахъ франц. генер. штаба и Киперта. Стефанъ Византійскій (п. сл. Πρᾶς) называетъ Прантъ перрэбскимъ городомъ, но или это показаніе ошибочно, или въ Перрэбіи находился другой городъ того же имени.

1. Рѣшеніе римскаго сената о спорѣ Мелитэйцевъ съ Нарѳакійцами.

Документъ вырѣзанъ на двухъ сторонахъ большаго сѣраго камня, имѣющаго форму параллелепипеда. Передняя сторона, то-есть, та, съ которой начинается надпись, украшена сверху карнизомъ; при употребленіи камня въ постройку она была немного обломана слѣва и имѣетъ теперь 0,67 м. въ высоту и 0,345 въ ширину. Сверху второй стороны, сохранившейся почти въ цѣлости и имѣющей 0,68 м. высоты и 0,425 ширины, было сдѣлано Византійцами рельефное украшеніе въ видѣ полукруга (0,18 высоты), вслѣдствіе чего 6 или 7 верхнихъ строкъ надписи совершенно уничтожены, а отъ 9-ти слѣдующихъ строкъ сохранилось только по нѣскольку буквъ внутри полукруга. Задняя сторона камня только слегка, грубо обтесана, на верхней сторонѣ виднѣется небольшое четырехугольное углубленіе. Снизу камень обломанъ по угламъ, такъ однако, что части послѣднихъ строкъ съ обѣихъ сторонъ сохранились. Надпись на передней сторонѣ читается еще хорошо, тогда какъ съ другой стороны внутри упомянутаго полукруга и подъ нимъ почти совершенно изгладилась, за исключеніемъ послѣднихъ 15-ти строкъ, которыя разбираются безъ особеннаго труда.

Начертаніе надписи не представляетъ какихъ-нибудь выдающихся, характеристическихъ особенностей сравнительно съ другими документами одной съ нею эпохи. Буквы (около 0,01 м. высоты) врѣзаны довольно глубоко и аккуратно; О и Ω имѣютъ вообще одинаковую величину съ прочими буквами, только кое-гдѣ въ концѣ строкъ О сдѣланъ поменьше или имѣетъ продолговатую форму; поперечная черта въ А—то прямая, то изогнутая, то ломанная.

Предлагаемая копія документа (эпиграфическій текстъ см. въ приложеніи № 1, А и Б) снята на мѣстѣ и провѣрена по эстампажамъ, сдѣланнымъ мною самимъ или обязательно доставленнымъ мнѣ впослѣдствіи г. Іоанномъ Мигьясомъ [1]).

---

[1]) Верхнія строки стороны Б, до стр. 22-й, лучше разбираются на эстампажѣ, нежели на камнѣ. Однако и при помощи эстампажа лишь съ большими усиліями удалось мнѣ прочитать слова и буквы, данныя въ эпиграфической копіи.

А. [Στρατα]γέοντος τῶν Θεσσαλῶν Λέοντο[ς . .
τοῦ Ἀγ]ησίππου Λαρισαίου, ἐν δὲ Ναρθακί[ωι
ἀρχόντ]ων Κρίτωνος τοῦ Ἀμεινία, Πολυκλέο[ς
τοῦ Κυ]δίππου, Γλαυκέτα τοῦ Ἀγελάου, ἀν[ε-
γράφη] δόγμα τὸ γενόμενον ὑπὸ συγκ[λή-
του ἐπὶ σ]τρατηγοῦ τῶν Θεσσαλῶν Θεσσα-
[λοῦ τοῦ] Θρασυμήδεος Φεραίου.
[Γάϊος Ὁσ]τίλιος Αὔλου υἱὸς Μανκῖνος στρα-
[τηγὸς τ]ῆι συγκλήτωι συνεβουλεύσατο προ-
[τέραι νω]νῶν Κοϊντιλίων ἐγ κομετίωι· γραφο-
[μένωι π]αρῆσαν· Κόϊντος Τατιλιηνὸς Κοΐντο[υ
υἱὸς Κορ]νηλία, Γναῖος Λοτάτιος Γναίου υἱ-
[ος Ἀ..ήν]ση, Αὖλος Σεμπρώνιος Αὔλου υἱὸς Φα-
[λέρνα.] Περὶ ὧν Θεσσαλοὶ Μελιταιεῖς Ἁρμό-
[ξενος Λυ]σάνδρου, Λαμπρόμαχος Πολίτα
[πρεσβευ]ταὶ λόγους ἐποιήσαντο, ἄνδρες κα-
[λοὶ κἀγα]θοὶ καὶ φίλοι παρὰ δήμου καλοῦ
[κἀγαθο]ῦ καὶ φίλου συμμάχου, χάριτα,
[φιλίαν, σ]υμμαχίαν τε ἀνενεώσαντο, πε-
[ρὶ χώρας] δημοσίας καὶ περὶ χωρίου ἐρήμου
[διελέγησαν], μεθ᾽ἧς χώρας εἰς τὴμ φιλίαν τοῦ
[δήμου τ]οῦ Ῥωμαίων παρεγένοντο, ἣγ χώ-
[ραν Ναρθα]κιεῖς μετὰ ταῦτα ἑαυτῶν ἀδίκως
[ἀφείλοντ]ο, περὶ τούτου τοῦ πράγματος ὅπως
[τὴν διάνοι]αν πρός(σ)χωσιν ὅπως τοῦτο τὸ πρᾶ-
[γμα ὑπὸ Ῥωμαί?]ων αὐτοῖς ἀποκατασταθῆ οὕτω
[καθὼς πρότερο]ν ἐπὶ Μηδείωι καὶ ἐπὶ Θεσσαλῶν
[αὐτονομουμένω]ν καὶ ἐπὶ τῶν περὶ Πόλλον Μακ[ε-
δόνων κεκρι?]μένον αὐτοῖς ἦν, ταῦτά τε τὰ κ[ρί-
ματα κύρια αὐτοῖ?]ς ἦ περὶ τούτου τοῦ πράγμα-
[τος . . . .]ησεν ἡμῖν καὶ Ναρθακιεῦσιν
. . . . κατ?]ὰ τὸν παρόντα κρίνη εμ. . . .
— — — — — ἐ]ν ταύτη τῆι χώρα[ι — —
— — — — — τῶν δήμων. . — — — —
— — — — — εστιν ὧι ρα. . . .

Б. Въ 15-ти верхнихъ строкахъ можно разобрать только по нѣскольку отдѣльныхъ словъ или буквъ; однако контекстъ рѣчи съ большою вѣроятностью можетъ быть возстановленъ слѣдующимъ образомъ:

... η.. νη... [Καὶ περὶ ὧν Θεσσαλοὶ Ναρθακιεῖς, Ν]ικάτας Τα.... [,ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος πρεσβε]υταὶ λόγο[υς] ἐ[ποιήσαντο κατὰ πρόσωπον ἐν τῆι] συγκλήτ[ωι? — — ἄνδρες καλοὶ κἀγα]θοὶ καὶ φίλοι παρὰ δήμο[υ καλοῦ κἀγαθοῦ κα]ὶ φίλ[ου συμμάχου τε ἡμετέρου(?), χάριτα, φιλ]ίαν, συ[μμαχίαν τε ἀνενεώσαντο...

Стр. 8: [πραγ]μάτω[ν?...; стр. 8—9: [διελέγ]ησαν περὶ χώρας...; стр. 10 нач. φέρη...

Стр. 10—11:... ἀρχῆς [Να]ρθακιε[ῖς?...

....μετὰ τ[αύτης] τ[ῆ]ς χώρας εἰς τὴ[μ φ]ιλία[ν] τ[οῦ δή]μου [τοῦ Ῥωμ]αίω[ν] Ναρθακιεῖς παραγ[ενέσθ]αι [κα]ὶ περὶ τῆς χώρας καὶ τ[ῶν] ἱερῶν κ.. τ.. [νεν]ικη[κέ]ναι κατὰ νόμους τοὺς Θεσ[σ]α[λῶ]ν, οἷς [νό]μοις ἕως τ[ὰ νῦν] χρῶν[τ]αι, ο[ὓ]ς ν[όμ]ους Τίτος Κοΐγκτιος ὕ[πα]τος ἀπὸ τῆς τ[ῶν] δέκα πρεσ[β]ευτῶν γνώ[μ]ης ἔδωκ[εν, κ]αὶ κατὰ δόγμα συγκλήτου, περί τε τούτ[ων] τ[ῶν] π[ρ]α[γ]μά[τω]ν ἔτει ἀνώτερον τρί[τωι ἐ]πὶ τρι[ῶν] δ[ι]κασ[τη]ρίων νενικηκέν[α]ι, ἐπὶ Σ[α]μίων, Κολο[φ]ων[ίων], Μαγνήτων, κεκ[ριμ]ένα εἶναι κατ[ὰ] νόμου[ς], ὅπως ταῦτα κύρια ᾖ οὕτω καθὼς καὶ [ἄ]λλοις γεγονός ἐστιν. Περὶ τούτου τοῦ πράγματος οὕτως ἔδοξεν· χάριτα, φιλίαν, συμμαχίαν [ἀ]νανεώσασθαι τούτοις τε φιλανθρώπως ἀ[π]οκριθῆναι, ἄνδρας καλοὺς κἀγαθοὺς προσαγορεῦσαι· ὅσα κεκριμένα ἐστὶν κατὰ νόμους οὓς Τίτος Κοΐγκτιος ὕπατος ἔδωκεν, ταῦτα καθὼς κεκριμένα ἐστίν, οὕτω δοκεῖ κύρια εἶναι δεῖν· τοῦτό τε μὴ εὐχερὲς εἶναι, ὅσα κατὰ νόμους κεκριμένα ἐστίν, ἄκ[υ]ρα ποιεῖν. Ξένιά τε ἑκατέροις Γάϊος Ὁστίλιος στρατηγὸς τὸν ταμίαν δοῦναι κε[λ]εύσῃ ἀπὸ σηστερτίων νόμων ἑκατὸν εἴκοσι [πέν]τε εἰς ἑκάστην πρεσβείαν οὕτω καθὼς ἂν [αὐτῶι ἐκ] τῶν δημοσίων πραγμάτων πίστε[ώς τε τῆς] ἰδίας φαίνηται. Ἔδοξεν.

Приведенный документъ является, на сколько мнѣ извѣстно, девятымъ изъ сенатусконсультовъ временъ Римской республики, которые сохранились въ подлинномъ видѣ на камнѣ или на мѣди, а не въ передачѣ или въ извлеченіи авторовъ [1]). Мы имѣемъ передъ собою, правда, не латинскій подлинникъ сенатусконсульта, а греческій переводъ его, но значеніе документа ничуть отъ этого не умаляется, такъ какъ теперь считается не подлежащимъ сомнѣнію тотъ фактъ, что рѣшенія сената, имѣвшія отношенія къ греческимъ и восточнымъ народамъ, уже во II вѣкѣ до Р. Хр. были посылаемы къ нимъ не на латинскомъ только языкѣ, а вмѣстѣ съ греческимъ переводомъ, сдѣланнымъ въ самомъ Римѣ оффиціальными лицами, которыя, конечно, строго придерживались буквы подлинника [2]). Кромѣ извѣстнаго показанія Іосифа Флавія, что Цезарь приказалъ выставить въ Капитоліи и въ нѣсколькихъ городахъ Сиріи и Финикіи бронзовыя доски съ вырѣзанными на нихъ рѣшеніями его относительно Іудеевъ [3]), — этотъ фактъ доказывается: а) тѣмъ, что въ самомъ Римѣ найденъ былъ на бронзовой доскѣ греческій переводъ одного сенатусконсульта (объ Асклепіадѣ Клазоменскомъ и двухъ другихъ лицахъ, 78 г. до Р. Хр., C. I. Lat. I, № 203) вмѣстѣ съ концомъ латинскаго оригинала; б) тѣмъ, что всѣ до сихъ поръ извѣстные греческіе переводы сенатусконсультовъ, къ какимъ бы временамъ и народамъ они ни относились, изложены на обще-греческомъ языкѣ (κοινή), а не на мѣстномъ нарѣчіи города или народа, къ которому былъ адресованъ тотъ или другой документъ. Поразительнѣйшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ S. C. объ Астипалейцахъ [4]): онъ изложенъ на общегреческомъ языкѣ, а за нимъ непосредственно слѣдуетъ народное по-

---

[1]) Шесть S. C—товъ, которые были извѣстны до 1872 года, перечислены г. *Фукаромъ* на стр. 6-й его брошюры «Sénatus-consulte inédit de l'année 170 avant notre ère» (Paris 1872). Изданный имъ въ этой брошюрѣ (потомъ Теод. Моммзеномъ въ Ephem. epigr. I, стр. 278—298, ср. II, 102—104) S. C. о Өисбейцахъ былъ седьмымъ; восьмымъ оказался S. C. адрамиттійскій, изданный сначала *Еариномъ* въ смирнскихъ газетахъ и журналахъ, потомъ *Омоллемъ* въ Bull. de corr. hell. II (1878) стр. 128, наконецъ *Моммзеномъ* въ Ephem. epigr. IV, стр. 213—222. (Нѣсколько замѣчаній о спорныхъ чтеніяхъ этого документа сдѣлали еще гг. *Поттье* и *Оветъ-Бено* въ Bull. de corr. hell. IV, стр. 376).

[2]) См. объ этомъ *Foucart,* Sénatus-cons. inéd. стр. 7; сл. *Mommsen* in Ephem. epigr. I, стр. 283.

[3]) I. Flav. Ant. Iud. XIV, 10, 3. Ср. также Liv. XLV, 29.

[4]) C. I. Gr. № 2485.

становленіе Астипалейцевъ на дорическомъ діалектѣ. Новымъ примѣромъ является издаваемый нами документъ: въ предшествующемъ ему заголовкѣ (А стр. 1—7) встрѣчаются формы мѣстнаго діалекта, какъ [Στρατα]γέοντος, Θρασυμήδεος, Πολυκλέο[ς], а въ самомъ рѣшеніи сената ихъ нѣтъ, за исключеніемъ только формы род. падежа имени собственнаго Πολίτα. в) Еще доказательство сказаннаго факта, и притомъ весьма вѣское, видятъ въ томъ, что нѣкоторыя, такъ-сказать стереотипныя, формулы оффиціальнаго латинскаго языка подлинниковъ во всѣхъ извѣстныхъ переводахъ (не исключая и нашего), найденныхъ въ разныхъ концахъ греческаго міра, переданы совершенно одинаково и притомъ подчасъ не соотвѣтственно духу греческаго языка, хотя бы ихъ можно было перевести разными способами или подобрать выраженія болѣе удачныя [1]). г) Заботясь о возможно точнѣйшей передачѣ не только смысла, но даже оборотовъ рѣчи латинскаго оригинала, переводчики не обращали вниманія на удачный подборъ выраженій и даже на грамматику греческаго языка, вслѣдствіе чего переводы сенатусконсультовъ изобилуютъ латинизмами; между ними можно отмѣтить, напр., употребленіе ὅπως cum coniunct. для перевода ut finale, coniunctivus для перевода coni. orationis obliquae, замѣняющаго imperat. orat. rectae, и многіе другіе обороты, которые могли быть употреблены только Римлянами при переводѣ на иностранный, но никакъ не Греками при переводѣ съ иностраннаго на родной языкъ. Въ нашемъ новомъ документѣ, какъ замѣтятъ читатели, греческій языкъ особенно неуклюжъ и преисполненъ латинизмами.

Первоначальная латинская форма сенатусконсульта, за исключеніемъ его заголовка и тѣхъ строкъ, въ которыхъ контекстъ рѣчи не можетъ быть вполнѣ возстановленъ, была приблизительно слѣдующая:

A, v. 7—10. [C. Hos]tilius A. f. Mancinus praetor senatum consuluit pridie Nonas Quintiles in comitio.

---

[1]) Въ видѣ примѣра приводимъ тѣ изъ общихъ разнымъ S. C. формулъ, которыя встрѣчаются въ нарѳакійскомъ документѣ: τῆι συγκλήτωι συνεβουλεύσατο = senatum consuluit; προ[τέραι νω]νῶν = pridie Nonas; γραφομένωι παρῆσαν = scribundo adfuerunt; περὶ ὧν λόγους ἐποιήσαντο = quod verba fecerunt; περὶ τούτου τοῦ πράγματος οὕτως ἔδοξεν = de ea re ita censuerunt; οὕτω καθὼς ἂν ἐκ τῶν δημοσίων πραγμάτων πίστεώς τε τῆς ἰδίας φαίνηται = ita uti e re publica fideque sua esse videbitur. Сюда же можно прибавить противное греческому обыкновенію употребленіе слова υἱός при отчествахъ Римлянъ (см. объ этомъ замѣчанія *Моммзена* въ Ephem. epigr. I, стр. 288 и *Диттенбергера* въ журн. Hermes VI, стр. 140).

10—14. Scribundo adfuerunt Q. Tatilienus Q. f. [Cor]nelia, Cn. Lutatius Cn. f. [A..en]si, A. Sempronius A. f. Fa[lerna].

14—3. Quod Thessali Melitaeenses Harmo[xenus Ly]sandri f., Lampromachus Politae f. legati verba fecerunt, viri boni probique et amici a populo bono [honestoque] et amico socio, gratiam [amicitiam] societatemque renovaverunt, de agro publico et de loco deserto [egerunt], quocum agro in amicitiam [populi] Romani venerant, quem agrum Narthacienses postea ipsis iniuria [ademerunt], de ea re uti [animum] adverterent ut haec res [a Romanis?] ipsis restitueretur ita [uti prius] sub Medio et Thessalis [suis legibus usis] et — — — Mace[donibus iudicatum?] ipsis erat, eaque [iudicia ipsis valerent?] de ea re...

Б, v. 1—7. ....Et quod Thessali Narthacienses N]icata Ta[.... f.,— — — — f. lega]ti verba [fecerunt coram in] senatu [? — — viri boni probique] et amici a populo [bono honestoque et] amico [socioque nostro, gratiam amiciti]am so[cietatemque renovaverunt... (v. 8—9) egerunt de agro...

11—24. ...cum hoc agro in amicitiam populi Romani Narthacienses venisse et de agro et sacris... vicisse e legibus Thessalorum, quibus legibus etiamtum uterentur, quas leges T. Quinctius cos. e decem legatorum sententia dedisset, et ex senatus consulto, de hisque rebus anno antea tertio in tribus iudiciis vicisse, apud Samios Colophonios Magnetas, e legibus iudicata esse,— ut haec valerent ita uti aliis quoque factum est.

24—37. De ea re ita censuerunt: benevolentiam amicitiam societatem renovari hisque benigne responderi, viros bonos probosque appelari: quae iudicata sunt e legibus quas T. Quinctius cos. dederat, ea uti iudicata sunt, ita placet valere oportere; idque haud facile esse, quae e legibus iudicata essent, irrita facere. Muneraque utrisque C. Hostilius praetor quaestorem dare iuberet sestertium nummum CXXV in utramque legationem ita uti ipsi e republica fideque sua esse videbitur. Censuerunt.

При изученіи всякаго рода древнихъ памятниковъ, въ особенности же эпиграфическихъ, вопросъ о времени ихъ происхожденія съ полнымъ правомъ ставится на первомъ планѣ. Въ нашемъ документѣ есть нѣсколько данныхъ для рѣшенія этого вопроса, но къ сожалѣнію,

онѣ не достаточны для того, чтобы можно было сразу и безошибочно опредѣлить годъ изданія документа: годы, въ которые были въ должностяхъ названные въ немъ эпонимы—ѳессалійскіе стратеги Ѳессалъ и Леонтъ и римскій преторъ Манцинъ—по настоящее время неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе, приблизительное опредѣленіе времени документа не затруднительно; сразу же могутъ быть поставлены границы небольшаго, сравнительно, промежутка времени, ни раньше, ни позже котораго документъ нашъ не могъ быть изданъ. Съ одной стороны, въ Евсевіевомъ спискѣ стратеговъ, стоявшихъ во главѣ Ѳессалійскаго союза, начиная со времени освобожденія Ѳессаліи изъ-подъ власти Македоніи по 179-й годъ [1]), нѣтъ ни одного изъ двухъ стратеговъ, названныхъ въ заголовкѣ нашего документа. Можно, впрочемъ, спуститься еще на 12 лѣтъ ниже, такъ какъ у Тита Ливія сохранились имена римскихъ преторовъ до 167 г., и между ними нѣтъ Гая Манцина. Съ другой стороны, не можетъ быть сомнѣнія, что преторъ C. Hostilius A. f. (L. n.) Mancinus — то самое лицо, которое въ бытность консуломъ въ 617 г. отъ осн. Рима (137 до Р. Хр.) получило печальную извѣстность въ исторіи своимъ неудачнымъ веденіемъ войны съ Нумантинцами и заключеніемъ съ ними постыднаго договора [2]). Предварительная служебная карьера Манцина неизвѣстна. Принимая во вниманіе, что на римской служебной лѣстницѣ претура была послѣднею ступенью предъ консульствомъ, и допуская, что Манцинъ могъ быть избранъ въ консулы suo anno, крайнимъ срокомъ изданія нашего сенатусконсульта можно было бы поставить 139 г. до Р. Хр.; но три мѣста его (А, стр. 17—19, Б, с. 5—7 и 25—28) заставляютъ, на мой взглядъ, поставить его нѣсколькими годами выше, раньше 146 года, когда Македонія и Греція были обращены въ римскую провинцію: Мелитейцы и Нарѳакійцы являются въ документѣ друзьями и союзниками Рима, ихъ послы въ началѣ своихъ рѣчей „возобновляютъ“ эту дружбу и союзъ, т. е. свидѣтельствуютъ о существованіи ихъ, также какъ и сенатъ въ своемъ отвѣтѣ; между

---

[1]) Euseb. Chron. I p. 340 ed. Aucher. Списокъ Евсевія былъ отчасти пополненъ по надписямъ и монетамъ *Р. Вейлемъ* въ A. von Sallet's Zeitschr. für Numismatik I (1874), стр. 182.

[2]) Имена отца и дѣда консула Г. Манцина сдѣлались извѣстны лишь недавно изъ обломка Капитолійскихъ консульскихъ фастовъ, изданнаго *Генценомъ* въ Ephem. epigr. II (1874) стр. 210. Оказалось, что онъ былъ сынъ консула 170 г. и братъ Л. Манцина, консула 145 г., какъ предполагали, впрочемъ, и раньше (см. напр. C. I. Lat. I стр. 446).

тѣмъ послѣ 146 года, когда Θессалія сдѣлалась составною частью римской провинціи, и вѣроятно, была даже обложена податью [1]), о подобныхъ отношеніяхъ къ ней Рима, конечно, не могло быть уже рѣчи. Совершенно также называются друзьями и союзниками Рима Пріенцы и Самосцы въ сенатскомъ рѣшеніи о поземельномъ спорѣ между ними, изданномъ въ 136 г. до Р. Хр., т. е. также до обращенія Азіи въ римскую провинцію [2]). Такимъ образомъ вѣрнѣе всего отнести нашъ документъ приблизительно къ промежутку времени отъ 150 до 146 года. Что Манцинъ достигъ консульства только лѣтъ 10 спустя послѣ претуры,—это было очень обыкновенно въ Римѣ; напр., отецъ его Авлъ Манцинъ также былъ консуломъ ровно черезъ 10 лѣтъ послѣ претуры. Ничего нѣтъ удивительнаго также и въ томъ, что θессалійскіе города обратились къ Риму за разрѣшеніемъ своихъ споровъ раньше окончательнаго подчиненія ему: Римъ, какъ мы увидимъ ниже, весьма рано уже являлся судьею въ спорахъ между греческими государствами, находившимися подъ его вліяніемъ; въ смутное время, предшествовавшее 146-му году, Θессалія, какъ извѣстно, крѣпко держалась Рима и не приняла участія ни въ возстаніи Андриска, ни въ послѣдней борьбѣ Ахейскаго союза съ Римомъ [3]).

Если мы обратимъ теперь наше вниманіе на редакцію сенатусконсульта, на способъ обозначенія его даты и поименованія упоминаемыхъ въ немъ римскихъ магистратовъ и сенаторовъ, на количество членовъ редакціоннаго комитета и проч., то замѣтимъ, что всѣ эти внѣшніе его признаки вполнѣ почти согласны съ тѣми, которыми гг. Фукаръ и Т. Моммзенъ [4]), путемъ сравнительнаго изученія сохранившихся сенатскихъ рѣшеній различныхъ эпохъ, охарактеризовали рѣшенія II вѣка до Р. Хр., и что между этими послѣдними наибольшее сходство съ нашимъ документомъ имѣетъ S. C. о Пріенцахъ и Самосцахъ.

1) Годъ изданія не обозначенъ еще въ нашемъ документѣ именами консуловъ, подобно тому какъ и во всѣхъ другихъ сен. рѣшеніяхъ II вѣка. Первымъ изъ извѣстныхъ намъ документовъ съ такимъ обо-

---

[1]) См. *G. F. Hertzberg*, Geschichte Griech. unter d. Herrsch. d. Römer, т. I стр. 282.

[2]) *Le Bas-Waddington*, Asie Mineure, № 195—198.

[3]) *Hertzberg*, указ. соч. т. I стр. 248; сл. *Th. Mommsen*, Histoire romaine trad. par *A. C. Alexandre*, t. IV p. 337 sv.

[4]) *Foucart*, Sénatus-cons. inéd. p. 22 sv.; *Mommsen* in Ephem. epigr. I, p. 284 sq.

значеніемъ является S. C. объ Астипалейцахъ 105 года до Р. Хр. [1]). Ранѣе для обозначенія года изданія сенатскаго рѣшенія считалось достаточнымъ поименованіе магистрата, по предложенію котораго оно было издано [2]).

2) За обозначеніемъ мѣсяца, дня и мѣста засѣданія сената (все это отмѣчено во всѣхъ сохранившихся документахъ) и магистрата, внесшаго предложеніе на его обсужденіе, слѣдуетъ запись именъ сенаторовъ, присутствовавшихъ при письменномъ изложеніи сенатскаго рѣшенія (scribundo adfuerunt), составлявшихъ, такъ-сказать, редакціонный комитетъ. Какъ видно изъ перваго сенатусконсульта о Ѳисбейцахъ и двухъ приведенныхъ у Іосифа Флавія [3]), присутствіе двухъ свидѣтелей было достаточно для удостовѣренія подлинности документа, но обыкновенно въ документахъ II вѣка ихъ записано по трое (какъ и въ нашемъ), а въ позднѣйшія времена, приблизительно съ половины послѣдняго вѣка до Р. Хр., значительно больше, отъ 7 до 12 [4]).

3) Въ нашемъ документѣ сенаторы-свидѣтели названы личными и родовыми именами (praenomina и nomina gentilicia), съ прибавленіемъ

---

[1]) C. I. Graec. № 2485.

[2]) Нашъ документъ вполнѣ подтверждаетъ справедливость слѣдующаго замѣчанія Фукара (l. c.): «Dans les deux monuments de 186 et de 136, ce sont les deux consuls ou l'un des consuls qui prennent la parole; on pourrait donc croire, que cette mention a paru suffisante pour fixer la date et qu'on n'a pas cru nécessaire de répéter leurs noms. Mais le sénatus-consulte de Thisbe fait voir qu'il n'en est pas ainsi, et qu'à cette époque l'usage d'inscrire le nom des consuls en tête de l'acte n'était pas encore établi. En effet, le magistrat qui consulte le sénat est un préteur, et si l'un des consuls, Aulus Hostilius, est nommé, c'est seulement d'une manière incidente et à la ligne 43». Въ нашемъ документѣ ни одинъ изъ консуловъ года его изданія, къ сожалѣнію, не названъ даже случайнымъ образомъ.

[3]) Ant. Iud. XIII, 9, 2. XIV, 8, 5. Ср. Mommsen, Ephem. epigr. I, 284.

[4]) По 7 свидѣтелей названо въ S. C. de nundinis saltus Beguensis (Ephem. epigr. II, 271) и de Cyzicenis (ibid. III, 156), II в. по Р. Хр. Другіе примѣры см. у Фукара цит. с. стр. 23. Необыкновенно большое количество (не менѣе 33) лицъ, записанныхъ въ S. C. адрамиттійскомъ (времени Гая Гракха или немного болѣе поздняго по мнѣнію Моммзена, Ephem. epigr. IV, 217), до сихъ поръ остается не вполнѣ объясненнымъ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что на основаніи A стр. 5 нашего документа строку 5-ю адрамиттійскаго S. C. съ полною вѣроятностью можно возстановить такъ: ....ἐ]πεγνωκότα δό[γμα τὸ γενόμενον ὑπὸ συγκλή]του и т. д. Это возстановленіе вполнѣ наполняетъ лакуну и потому позволяетъ судить и о количествѣ не сохранившихся буквъ въ ближайшихъ предшествующихъ и послѣдующихъ строкахъ, что̀ необходимо для правильнаго ихъ возстановленія.

именъ отцовъ и названій трибъ, но безъ прозвищъ (cognomina). Изучая формулы прежде извѣстныхъ сенатскихъ рѣшеній, Фукаръ замѣтилъ (ц. с. стр. 24), что обозначеніе трибъ и прозвищъ при именахъ свидѣтелей вводимо было съ строгою постепенностью (a suivi une marche très regulière): въ древнѣйшихъ актахъ ни триба, ни прозвище не были отмѣчаемы (напр., S. C. о вакханаліяхъ, 186 г., и о Өисбейцахъ, послѣдній за исключеніемъ одного случая обозначенія трибы), потомъ стали обозначаться трибы (S. C. 136 и 78 гг.), наконецъ и cognomina (S. C. 56 года до Р. Хр.). Что касается до поименованія магистратовъ, то Фукаръ согласно съ Ваддингтономъ думаетъ, что въ документѣ 136 года къ имени консула прибавлено названіе трибы (Σέρουιος Φόλουιος Κοΐντου υἱὸς Στ[ελλατίνα ὕ]πατος), а Моммзенъ, напротивъ, утверждаетъ что названіе трибы никогда не прибавлялось къ именамъ магистратовъ, такъ какъ ихъ личности достаточно обозначались уже названіемъ должности, и что въ S. C. 136 г. надо читать στ[ρατηγὸς ὕ]πατος [1]). Нашъ новый документъ, какъ близкій по времени къ 136 г., можетъ служить важнымъ подтвержденіемъ мнѣнія почтеннаго знатока римской исторіи и жизни: названіе трибы и въ немъ не поставлено при имени претора [2]).

4) За то другому мнѣнію того же ученаго нашимъ документомъ нанесенъ окончательный ударъ. Въ своихъ „Römische Forschungen" (т. I, стр. 47), говоря о времени введенія прозвищъ, Моммзенъ высказалъ, что „въ законахъ и сенатскихъ рѣшеніяхъ, гдѣ первоначальная строгая форма дольше всего сохранилась въ чистотѣ, cognomen и триба не встрѣчается раньше Суллы". Впослѣдствіи, комментируя S. C. о Өисбейцахъ, онъ, на основаніи очевидныхъ фактовъ, отказался отъ этого мнѣнія относительно трибы, но удержалъ его относительно прозвищъ: „adhuc verum est quod olim posui in instrumentis publicis quae habemus cognomen non inveniri ante a. 676 (то-есть ab u. c.), quo factum est s. c. de Asclepiade" (Eph. epigr. I,

---

[1]) Ephem. epigr. I, стр. 156 и 189; ср. стр. 223 сл.

[2]) Съ другой стороны, противъ возстановленія στ[ρατηγὸς ὕ]πατος говоритъ то, что въ другомъ мѣстѣ того же документа, какъ и въ нашемъ новомъ, консулъ названъ просто ὕπατος. Въ виду того, что эпиграфическая копія документа, данная въ изданіи Le Bas-Waddington, не можетъ быть названа безукоризненною, и что въ нашемъ новомъ документѣ, болѣе раннемъ по времени, уже поставлено cognomen при имени претора, нельзя ли предположить, что и буквы ΣΤ передъ лакуной прочитаны невѣрно, и что на камнѣ стояло Σ. Φ. Κοΐντου υἱὸς [Φλάκκος ὕ]πατος?

289). Прозвище Mancinus при имени претора въ новомъ s.-c.-тѣ служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что даже въ оффиціальныхъ актахъ, начиная со второй половины II в. до Р. Хр., ставились уже cognomina, хотя лишь изрѣдка. Употребленіе же ихъ на монетахъ и въ неоффиціальныхъ эпиграфическихъ памятникахъ II вѣка доказалъ уже Фукаръ (ук. с. стр. 24—25) многими примѣрами [1]).

5) Для перевода латинскаго названія consul въ греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, не было вполнѣ соотвѣтствующаго выраженія; въ первой половинѣ II вѣка для этого употреблялось сложное выраженіе στρατηγὸς ὕπατος, потомъ уступившее мѣсто болѣе краткому ὕπατος, съ которымъ мы встрѣчаемся и въ новомъ нарѳакійскомъ документѣ. Древнѣйшимъ примѣромъ употребленія выраженія ὕπατος до сихъ поръ является S. C. о Ѳисбейцахъ, 170-го года [2]).

Относительно орѳографіи новаго S. C. вообще и транскрипціи въ немъ латинскихъ словъ въ частности ограничимся двумя-тремя краткими замѣчаніями, такъ какъ интересныхъ особенностей въ этомъ отношеніи встрѣчается въ немъ мало, и притомъ всѣ извѣстные способы транскрипціи латинскихъ словъ и именъ по гречески прекрасно разобраны уже проф. Диттенбергеромъ [3]). Слогъ qui въ нашемъ документѣ, какъ и въ другихъ надписяхъ и у писателей до временъ Аппіана, передается посредствомъ κοϊ (Κοϊντιλίων, Κόϊντος, Κοΐγκτιος, см. у Диттенбергера цит. с. стр. 301); транскрипція κομέτιον=comitium и νόμος=nummus также давно уже извѣстны (см. о κομέτιον у Диттенбергера стр. 142, о νόμος ср. стр. 289). Впервые, если не ошибаюсь, встрѣчается въ документѣ хорошаго времени форма Λοτάτιος=Lūtatius [4]), хотя въ другихъ словахъ употребленіе ο для

---

[1]) Къ нимъ можно прибавить теперь вновь изданный Омоллемъ (Bulletin de corr. hell. VI, 1882, стр. 1—167) громадный и великолѣпный инвентарь Делосскаго храма ок. 180 г. до Р. Хр., въ которомъ, на ряду съ обозначеніемъ Римлянъ только личными именами или личными и родовыми, встрѣчаются и прозвища, напр. Λεύκιος Κορνήλιος Σκιπίων.

[2]) Объ употребленіи и значеніи выраженія στρατηγὸς ὕπατος см. замѣтку Т. Моммзена въ Ephem. epigr. I, стр. 223—226.

[3]) Въ статьяхъ «Römische Namen in griech. Inschriften u. Literaturwerken» въ VI т. журнала Hermes (1872 г.), стр. 129 сл. и 280 сл.

[4]) Ср. объ этомъ имени замѣчаніе Диттенбергера (стр. 295): «Das polybianische Λυτάτιος findet gerade für die ältere Zeit eine Stütze in dem Senatus-consult C. I. Gr. 5789. C. I. L. vol. I nr. 203 (78 v. Chr.); später kommt die Form nicht mehr vor (Λουτάτιος z. B. Plut. Mar. 14. 44. Cato 16. Appian. Civ. I. 74»).

передачи латинскаго ĭ было уже извѣстно (см. нѣсколько примѣровъ у Диттенбергера стр. 295). Съ формою [Ἀ..ήν]ση = A..ensi (ablat.) можно сравнить Ἀνιήνσης=Aniensis и Ἀρνήνσης=Arnensis (въ nomin.) въ S. C. адрамиттійскомъ. Диттенбергеръ, собравшій нѣсколько другихъ подобныхъ примѣровъ (стр. 148), справедливо называетъ употребленіе въ нихъ η вмѣсто ι только кажущимся: „Nicht sowohl ein lautlicher Uebergang von i in e hat (hier) stattgefunden, говоритъ онъ, als vielmehr eine grammatische Umgestaltung der Endung zu dem Zwecke, dem Namen ein griechischeres Ansehen zu geben und ihn bequemer declinirbar zu machen“. Приписная ι поставлена въ нашей надписи далеко не вездѣ; можно замѣтить однако, что переводчикъ (или рѣзчикъ?) ставилъ ее не какъ вздумается, а слѣдуя опредѣленному правилу, которое можно формулировать слѣдующимъ образомъ: приписная ι поставлена при дат. падежѣ именъ и отсутствуетъ при 3 л. ед. ч. сосл. накл. глаголовъ. Единственное исключеніе ταύτῃ въ А стр. 33 подвержено нѣкоторому сомнѣнію: между Н и слѣдующей буквой Т на камнѣ находится промежутокъ бо́льшій, чѣмъ между другими буквами, хотя I незамѣтна въ немъ ни на камнѣ, ни на эстампажѣ. Названія римскихъ трибъ—у насъ [Κορ]νηλία въ А стр. 12—по гречески ставились, какъ извѣстно, безъ ι приписной, въ формѣ латинскаго ablativus. Въ S. C. о Өисбейцахъ есть два случая опущенія приписной ι, оба при сослаг. накл. глаголовъ. Можно подумать, что причиною этого былъ не произволъ рѣзчиковъ и не вліяніе мѣстныхъ діалектовъ, а что такова была орѳографія въ Римѣ, и что она начала входить въ употребленіе именно съ 70-хъ годовъ II вѣка. Въ сенатусконсультахъ пріенскомъ и адрамиттійскомъ, слѣдующихъ по времени за нашимъ, хотя и близкихъ къ нему, встрѣчаются уже примѣры отсутствія приписной ι и при дат. п. именъ [1]).

Анкирская надпись C. I. Gr. № 4060 съ именемъ Λοτατί[ᾳ]—очень позднихъ временъ и по видимому плохо списана.

[1]) Въ аттическихъ оффиціальныхъ документахъ приписная ι стала выходить изъ употребленія съ послѣдней четверти II в. до Р. Хр. (*Köhler* ad C. I. A tt. II, № 465; ср. однако замѣчаніе въ ст. «Одна изъ вновь найденныхъ аѳинскихъ надписей» въ ноябрьской книгѣ Журнала М. Н. Пр. 1880 г., отд. класс. филол. стр. 470); но въ надписяхъ изъ другихъ мѣстностей Эллады отсутствіе ι встрѣчается и раньше; особенно въ Беотіи опущеніе ея можно встрѣтить даже въ документахъ III в., безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ мѣстнаго діалекта (я разумѣю, конечно, только надписи, изложенныя на обще-греческомъ діалектѣ).

Разсматриваемое нами рѣшеніе сената, какъ уже замѣчено выше, было вызвано поземельнымъ споромъ смежныхъ ѳеіотидскихъ городовъ Мелитэи и Нарѳакія. Оба города, чтобы положить конецъ своимъ долговременнымъ распрямъ, обратились посредствомъ посольствъ къ посредничеству римскаго сената. Получивъ у сената аудіенцію, послы того и другаго города произнесли рѣчи, въ которыхъ старались подтвердить права или оправдать притязанія своего роднаго города. Въ сохранившемся документѣ, прежде изложенія самаго рѣшенія сената, резюмированы обѣ рѣчи пословъ, такъ что мы можемъ уяснить себѣ, изъ-за чего собственно возникли споры между городами, и прослѣдить разныя фазы ихъ развитія и прежнія попытки окончить ихъ мирнымъ путемъ. Здѣсь нельзя не припомнить съ сожалѣніемъ, что значительная часть рѣчи мелитэйскихъ пословъ совершенно пропала (въ концѣ А четыре строки за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ въ серединѣ ихъ, а въ началѣ Б строкъ 6—7 цѣликомъ), такъ что мы лишены возможности познакомиться съ доводами, которые были ими приведены въ защиту притязаній своей родины; тѣмъ не менѣе, того, что̀ сохранилось на камнѣ, достаточно для ознакомленія съ сутью дѣла. Яблокомъ раздора между сосѣдями послужили общественная земля и пустопорожній участокъ (χώρα δημοσία καὶ χωρίον ἔρημον), съ давнихъ временъ принадлежавшіе Мелитэйцамъ. Что̀ это за χώρα δημοσία, изъ документа не видно; нельзя, конечно, думать, чтобы Нарѳакійцы захватили себѣ всю землю мелитэйской общины; по всей вѣроятности, это былъ одинъ какой-нибудь участокъ; изъ Б стр. 14 видно, что на немъ находились какія-то святилища (τὰ ἱερά). Безъ сомнѣнія, мелитэйскіе послы въ своей рѣчи подробно объяснили, изъ-за какой именно земли враждовалъ ихъ родной городъ съ сосѣднимъ; но при письменномъ изложеніи рѣшенія сената найдено было излишнимъ въ resumé ихъ рѣчи повторять эти подробныя объясненія, тѣмъ болѣе, что они не были нужны для сдѣланнаго сенатомъ постановленія. Земля, о которой идетъ рѣчь, издавна находилась во владѣніи Мелитэйцевъ; по крайней мѣрѣ послы этого города, въ своихъ аргументахъ выставляя на первомъ планѣ право давности, восходили въ своихъ историческихъ воспоминаніяхъ до начала IV вѣка до Р. Хр. (А стр. 27—29, см. ниже). Заявленія сторонъ о времени перехода спорной земли во владѣніе Нарѳакійцевъ были разнорѣчивы: по словамъ мелитэйскихъ пословъ, Нарѳакійцы отняли ее уже послѣ вступленія ихъ въ дружбу съ Римомъ, т. е. послѣ 196 года (А стр. 21—24), а по показанію

пословъ нарѳакійскихъ, ихъ городъ уже владѣлъ въ то время землею, и его права на нее были утверждены „по законамъ, которые далъ Ѳессалійцамъ (про)консулъ Т. Квинкцій на основаніи мнѣнія 10 легатовъ, и по рѣшенію сената“ (Б, стр. 14—19). Это послѣднее прибавленіе было сдѣлано Нарѳакійцами очевидно съ цѣлью тонко польстить Римлянамъ (признавая данные ими законы выше всякихъ правъ давности) и подѣйствовать на ихъ чувство легальности—и они не ошиблись въ своемъ разчетѣ: сенатъ утвердилъ землю за Нарѳакійцами. Заявленіе Мелитэйцевъ о томъ, что Нарѳакійцы несправедливо отняли у нихъ землю послѣ ихъ вступленія въ дружбу съ Римомъ, можно, мнѣ кажется, согласить съ показаніемъ пословъ нарѳакійскихъ такимъ образомъ, что Нарѳакійцы не сразу, а лишь нѣсколько времени спустя вступили во владѣніе землею, утвержденною за ними Фламининомъ.

Законодательная дѣятельность Т. Квинкція Фламинина въ Ѳессаліи послѣ битвы при Киноскефалахъ въ общихъ чертахъ извѣстна. Ѳессалійцы съ сосѣдними мелкими племенами Перрэбовъ, Долоповъ и Магнетовъ были признаны свободными и къ Ѳессаліи были присоединены Ахейцы-Фѳіоты, за исключеніемъ городовъ Ѳивъ-Фѳійскихъ и Фарсала [1]). Торжественное провозглашеніе свободы Эллады было сдѣлано на Исѳмійскихъ играхъ весною 196 года [2]). Дальнѣйшее устройство Ѳессаліи было отложено за другими болѣе спѣшными дѣлами, такъ что только два года спустя, по окончаніи войны съ лакедэмонскимъ тиранномъ Набидомъ, передъ самымъ возвращеніемъ въ Италію, Фламининъ посвятилъ нѣкоторое время приведенію въ порядокъ дѣлъ въ Ѳессаліи [3]). Титъ Ливій (XXXVI, 51) яркими красками рисуетъ печальное состояніе страны въ это время: „Pergit ire (Flamininus) in Thessaliam, ubi non liberandae modo civitates erant, sed ex omni colluvione et confusione in aliquam tolerabilem formam redigendae, nec enim temporum modo vitiis ac violentia et licentia regia turbati erant, sed inquieto etiam ingenio gentis, nec comitia, nec conventum, nec concilium

---

[1]) Полиб. XVIII, 47 (30). Т. Лив. XXXIII, 34.

[2]) О времени празднованія Исѳмійскихъ игръ см. ст. *Унгера* «Der Isthmientag u. die Hyakinthien» въ *Philologus* XXXVII (1877), стр. 1—42.

[3]) По показанію Евсевія (Chron. I p. 340 ed. *Aucher*) въ первый годъ по освобожденіи въ возобновленномъ Ѳессалійскомъ союзѣ не было даже стратега. О положеніи Ѳессаліи и дѣятельности Фламинина ср. *G. F. Hertzberg*, Gesch. Griechenl. unter d. Herrsch. d. Römer, т. I, стр. 108.

ullum non per seditionem ac tumultum iam inde a principio ad nostram usque aetatem traducentis. a censu maxime et senatum et iudices legit potentioremque eam partem civitatium fecit, cui salva et tranquilla omnia esse magis expediebat". Изъ извѣстнаго письма Фламинина къ властямъ и народу города Киретій [1]) историческая наука познакомилась съ однимъ характеристическимъ случаемъ изъ его дѣятельности въ Θессаліи, отчасти и съ его взглядами и стремленіями. Новый нарθакійскій документъ, хотя и не принадлежащій самому Фламинину и даже не современный ему, даетъ небезынтересную иллюстрацію его реформаторской дѣятельности и прибавляетъ новую подробность къ нарисованной Ливіемъ картинѣ жалкаго положенія Θессаліи въ то время: мы видимъ, что Фламининъ входилъ во всѣ частности относительно устройства взаимныхъ отношеній городовъ и государствъ, улаживалъ ихъ территоріальные споры и пр. Данные имъ законы послужили прочными нормами жизни Θессалійцевъ подъ покровительствомъ Римлянъ и сохранялись, какъ извѣстно, еще во времена Римскихъ императоровъ.

Какое именно рѣшеніе сената упомянуто нарθакійскими послами послѣ законовъ Фламинина (Б, стр. 18)—неизвѣстно. Едва ли можно разумѣть здѣсь тотъ S. C., которымъ была назначена коммиссія изъ 10 легатовъ для выработки вмѣстѣ съ Фламининомъ условій мира съ Филиппомъ и устройства дѣлъ Эллады (Лив. XXXIII, 24),—потому что въ такомъ случаѣ упоминаніе о немъ было бы поставлено непосредственно за [νεν]ικη[κέ]ναι, передъ словами κατὰ νόμους τοὺς Θεσ[σ]α[λῶ]ν [2]). Съ другой стороны, разумѣть здѣсь какой-нибудь специальный S. C., изданный когда-нибудь послѣ 196 г. именно по поводу спора Мелитэйцевъ съ Нарθакійцами, не позволяетъ то обстоятельство, что, какъ мы видимъ далѣе изъ нашего документа, спорящія стороны обращались къ третейскому суду греческихъ городовъ прежде чѣмъ представить свое дѣло на рѣшеніе сената. Наконецъ, конструкція фразы (. . . κατὰ δόγμα συγκλήτου, περί τε τούτων τῶν πραγμάτων — — νενικηκέναι) не допускаетъ возможности такого толкованія, что стороны обратились за рѣшеніемъ спора сначала къ римскому сенату,

---

[1]) C. I. Gr. № 1770 (=*Le Bas*, V. A. II, Thessalie, № 1303).

[2]) На этомъ же основаніи я ставлю слова κατὰ δόγμα συγκλήτου въ зависимости отъ [νεν]ικη[κέ]ναι стр. 14-й (νενικηκέναι κατὰ νόμους — — — καὶ κατὰ δόγμα συγκλήτου), а не отъ ἔδωκεν.

а потомъ уже, ex senatus consulto, къ третейскому суду упомянутыхъ въ документѣ городовъ [1]).

Какъ бы то ни было, Мелитэйцы если и подчинялись въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ неблагопріятному для нихъ рѣшенію Фламинина, то лишь скрѣпя сердце и не будучи въ состояніи забыть о своихъ прежнихъ владѣніяхъ. Наконецъ, они не выдержали и возобновили свои притязанія. На этотъ разъ стороны, по извѣстному обычаю древнихъ Грековъ, согласились представить дѣло на рѣшеніе третейскаго суда какого-нибудь города, не заинтересованнаго въ спорѣ, и за 3 года до изданія нашего сенатусконсульта обратились сначала къ Самосцамъ, потомъ къ Колофонцамъ, наконецъ къ Магнетамъ [2]),—но результатъ вездѣ былъ одинъ и тотъ же: всѣ три суда рѣшили, что Нарѳакійцы владѣютъ землею на законномъ основаніи (Б, стр. 19—22). Неудовлетворенные Мелитэйцы не успокоились и перенесли дѣло въ римскій сенатъ (что это было сдѣлано по почину Мелитэйцевъ, и что они явились истцами, видно изъ того, что ихъ послы были выслушаны въ сенатѣ первыми),—но и тутъ ждала ихъ неудача: выслушавъ рѣчи пословъ обоихъ городовъ, сенатъ постановилъ рѣшеніе въ пользу Нарѳакійцевъ на томъ основаніи, что они владѣли землею по законамъ, даннымъ Ѳессаліи Фламининомъ, „а рѣшенное по законамъ отмѣнять нелегко" (Б, стр. 28—32).

Изъ авторовъ и эпиграфическихъ документовъ давно извѣстно широкое распространеніе въ древне-греческомъ мірѣ обычая, въ случаѣ если какіе-нибудь споры между двумя городами или между раз-

---

[1]) Такіе случаи извѣстны, напр., изъ Павс. VII, 11, 2 (извѣстное дѣло Аѳинянъ съ Оропцами передано было сенатомъ на рѣшеніе Сикіонцевъ), изъ найденнаго при послѣднихъ раскопкахъ въ Олимпіи документа о рѣшеніи Милетцами стариннаго спора Лакедэмонянъ съ Мессенцами изъ-за Денѳелійской земли (изд. *Нейбауеромъ* въ *Archäol. Zeit. N. F.* IX, 1876, стр. 128, № 16) и пр.

[2]) Были ли это ѳессалійскіе Магнеты, или жители одной изъ малоазіатскихъ Магнесій, рѣшить трудно. О сношеніяхъ Нарѳакійцевъ съ жителями Магнесіи что при Мэандрѣ, можно заключить изъ приводимаго ниже, подъ № 2, списка проксеновъ, въ которомъ названъ проксенъ [Μαγνήτων] τῶν ἀπὸ Μαιάνδρο[υ]. Однако отсутствіе подобнаго обособляющаго признака при имени Магнетовъ въ сенатусконсультѣ заставляетъ скорѣе разумѣть въ немъ Магнетовъ ѳессалійскихъ. Какъ видно изъ Т. Лив. XXXV, 31 и 39 и эпиграфическихъ документовъ (*A. Mézières*, Mémoire sur l'Ossa et le Pelion, Paris 1853, стр. 117, и особенно Mitth. d. D. Arch. Inst. VI, Beil. 1 zu S. 304 и VII, стр. 71 сл.), эти послѣдніе составляли особый союзъ, къ суду котораго и могли обратиться Мелитэйцы и Нарѳакійцы.

личными партіями въ одномъ и томъ же городѣ не могли быть разрѣшены домашнимъ образомъ, по полюбовному соглашенію, и въ то же время если спорящія стороны не желали прибѣгать къ силѣ оружія,— обращаться къ третейскому суду какого-нибудь города (или народа), незаинтересованнаго въ дѣлѣ и потому могшаго рѣшить его вполнѣ безпристрастно (ἔκκλητος πόλις). Приглашенный городъ или народъ посылалъ судей (δικασταί), которые послѣ успѣшнаго окончанія дѣла обыкновенно вмѣстѣ съ своимъ отечествомъ получали въ награду отъ пригласившихъ городовъ тѣ или другія почести. Большое количество примѣровъ подобнаго третейскаго суда собрано изъ писателей и эпиграфическихъ документовъ (изъ C. I. Graec.) уже М. Г. Э. Мейеромъ въ его спеціальномъ изслѣдованіи о мировомъ и третейскомъ судахъ у древнихъ Грековъ [1]). Не мало такихъ примѣровъ можно найдти и въ надписяхъ, изданныхъ въ послѣднія десятилѣтія, послѣ изслѣдованія Мейера [2]). Римъ уже очень рано сталъ принимать на себя роль третейскаго судьи въ распряхъ между греческими государствами, которыя находились подъ его вліяніемъ. Древнѣйшій изъ примѣровъ такого суда, приведенныхъ Мейеромъ (ц. с. стр. 34), относится еще къ 148-й олимпіадѣ (именно рѣшеніе Кв. Цэцилія Метелла о спорѣ Филиппа Македонскаго съ Θессалійцами и Перрэбами, а потомъ съ Евменомъ и маронейскими бѣглецами, извѣстное изъ Полибія, XXIII, 4 (XXII, 1 ed. Hultsch) и Павс. VII, 8, 6). Распри были рѣшаемы или сенатомъ, или посылавшимися на мѣсто споровъ сенатскими коммиссіями, или по порученію сената какимъ-нибудь не заинтересованнымъ въ спорахъ городомъ, впослѣдствіи же, со времени обращенія Македоніи и Греціи въ римскую провинцію, обыкновенно—ея правителями. Мы имѣемъ въ нашемъ документѣ случай совершенно аналогичный съ давно извѣстнымъ изъ s. c. о Пріенцахъ и Самосцахъ: между Пріеною и Самосомъ также издавна существовали поземельные

---

[1]) *M. H. E. Meier*, Die Privatschiedsrichter und die öffentlichen Diäteten Athens, sowie die Austrägalgerichte in den griech. Staaten des Alterthums (Halle, 1846) стр. 31 сл. Ср. *Bétant*, An fuerint apud Graecos iudices certi litibus inter civitates componendis (Berlin, 1862); *Egger*, Etudes sur les traités publics chez les Grecs et les Romains (Paris, 1867).

[2]) Интереснѣйшимъ изъ вновь найденныхъ документовъ подобнаго рода является упомянутое уже рѣшеніе Милетцевъ о спорѣ между Лакедэмонянами и Мессенцами. Ср. также рѣшеніе аргосцевъ о спорѣ Мелосцевъ съ Кимолійцами (*Le Bas* et *Waddington*, Asie Mineure, № 1), надписи изъ Гипаты въ Mitth. d. Deutsch. Arch. Inst. VI (1879), стр. 209 и пр.

споры, которые были улажены римскимъ главнокомандующимъ Гн. Манліемъ Вульсономъ съ коммиссіей изъ 10 легатовъ послѣ войны съ Антіохомъ III Сирійскимъ; точно также спорящія стороны не удовлетворились этимъ рѣшеніемъ и обратились впослѣдствіи къ третейскому суду родосцевъ, а потомъ въ Римъ къ сенату; разница только въ томъ, что тамъ сенатъ утвердилъ рѣшеніе Родосцевъ, а не Вульсона, и даже выразилъ неудовольствіе по поводу того, что стороны не остались при рѣшеніи, которое дано было Родосцами по ихъ собственному желанію [1]).

Послѣ вышеизложенныхъ общихъ замѣчаній обратимся къ разсмотрѣнію частностей документа и къ предложеннымъ мною возстановленіямъ не сохранившихся частей его текста.

А, стр. 1—7. Въ этихъ строкахъ отмѣченъ именами эпонимовъ—стратеговъ Өессалійскаго союза и мѣстныхъ городскихъ властей — годъ изданія s. c. и годъ вырѣзки его на камнѣ (я предпочитаю въ стр. 4—5 возстановленіе ἀν[εγράφη] другому возможному ἀν[εγνώσθη]); по всей вѣроятности документъ былъ вырѣзанъ на камнѣ не позже, чѣмъ въ слѣдующемъ году послѣ изданія, такъ что стратеги Θεσσα[λὸς] Θρασυμήδεος Φεραῖος, и Λέων [Ἀγ]ησίππου Λαρισαῖος [2]) слѣдовали непосредственно другъ за другомъ. Кромѣ этихъ двухъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ президентовъ Өессалійскаго союза, мы узнаемъ еще изъ заголовка, что форма правленія въ Нарөакіи была та же, что въ другихъ өессалійскихъ городахъ въ эту эпоху [3]),—что во главѣ правленія стояли три ежегодно смѣнявшіеся архонта. Цѣль прибавленія этого заголовка не нуждается въ комментаріяхъ: на рѣшеніе сената Нар-

---

[1]) *Le Bas* et *Waddington*, Inscr. d'Asie Mineure, № *195—198*, съ комментаріемъ Ваддингтона. Замѣтимъ здѣсь кстати, что нашъ документъ, сохранившійся, сравнительно, лучше пріенскаго и астипалэйскаго (C. I. Gr. № 2485) и изобилующій формулами оффиціальнаго языка сенатусконсультовъ, представляетъ богатый матеріалъ для возстановленія текста обоихъ названныхъ документовъ.

[2]) Возстановленіе имени отца послѣдняго стратега, также какъ и отчества втораго изъ нарөакійскихъ архонтовъ въ стр. 4, дано лишь примѣрное. Стратегъ Λέων (съ несохранившимся отчествомъ и названіемъ родины) упоминается въ Ламійской надписи *Rang*. Ant. Hell. II, № 949 (=*Le Bas* № 1148), но конечно, нельзя сказать съ увѣренностью, что онъ тожественъ съ упоминаемымъ въ нашемъ документѣ.

[3]) Напр. въ Ламіи—*Le Bas*, №№ 1142, 1143, 1145; въ Өавмакахъ—*Le Bas*, №№ 1182, 1183; въ Гипатѣ—Mitth. d. Deutsch. Inst. IV, стр. 213; Мелитэѣ—Bull. de corr. Hell. V. (1881) стр. 423, № 37.

ѳакійцы могли съ полнымъ правомъ опираться въ случаѣ возобновленія Мелитэйцами притязаній на землю; стало быть, для нихъ было весьма важно не только сохранить его въ подлинномъ видѣ, но и знать съ точностью время его изданія, а для этого имя римскаго должностнаго лица, притомъ даже не консула, а только претора, было, конечно, недостаточно, особенно для послѣдующихъ поколѣній.

Стр. 8—14. Обычный заголовокъ сенатскаго рѣшенія и перечисленіе сенаторовъ, присутствовавшихъ при письменномъ изложеніи его. Относительно личности претора мы уже говорили выше. Изъ того, что онъ имѣлъ право referre ad senatum, прямо вытекаетъ, что онъ былъ praetor urbanus: извѣстно, что не всякій преторъ, а только городской, имѣлъ это право въ случаѣ отсутствія обоихъ консуловъ изъ Рима. Моммзенъ [1]) доказалъ вполнѣ ясно, что и преторъ 170 года Q. Maenius, упоминаемый у Т. Ливія и въ сенатусконсультѣ о Ѳисбейцахъ, былъ urbanus, а не peregrinus, какъ думали Фукаръ [2]) и другіе ученые. Возстановленіе дня засѣданія сената въ стр. 10-й я считаю не подлежащимъ сомнѣнію. Въ началѣ строки пропало буквъ 6—7, не больше, какъ можно судить по ближайшимъ предшествующимъ и послѣдующимъ строкамъ; стало быть, если предположить возстановленіе πρὸ [ἡμερῶν] = ante diem, то для слѣдующаго числительнаго не будетъ уже мѣста; предположить же выпущеніе или сокращеніе слова ἡμερῶν не позволяютъ другіе сохранившіеся на греческомъ языкѣ s. c. временъ республики, въ которыхъ это слово всегда поставлено впереди числительнаго и притомъ безъ сокращенія. Примѣры перевода латинскаго pridie словомъ προτέραι съ род. пад. уже извѣстны [3]). День наканунѣ іюльскихъ нонъ обозначенъ въ фастахъ знакомъ N, т. е. былъ non comitialis, а въ такіе дни преимущественно и происходили засѣданія сената [4]).

Мѣстомъ засѣданія было κομέτιον, т. е. Гостиліева курія подлѣ комиція, какъ и во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось иностранцевъ [5]).

---

[1]) Ephem. epigr. I, стр. 287.

[2]) Sénatus-cons. inéd. стр. 16.

[3]) S. C. о Ѳисбейцахъ стр. 14: προτέραι εἰδυῶν Ὀκτωμβρίων по сличенію *Людерса* (Ephem. epigr. II, 103) и *Шмидта* (Mitth. d. D. Arch. Inst. IV, 248).

[4]) О дняхъ сенатскихъ засѣданій см. статью *Бардта* въ журн. Hermes VII, с. 14 слл.

[5]) См. замѣчанія *Т. Моммзена* въ C. I. Lat. I стр. 113, Ephem. epigr. I, 284 и II, 282 (scholia къ изданному *Вилльмансомъ* S. C. de nundinis saltus Beguensis:

Изъ нѣскольких мѣстъ Т. Ливія, сопоставленныхъ Фукаромъ (Sénatusc. inéd. стр. 17), видно, что иностранные послы являлись въ comitium для переговоровъ съ магистратами и испрошенія аудіенціи у сената и тамъ же ожидали окончанія совѣщанія сената и отвѣта его на свою просьбу; когда рѣшеніе сената было готово, то или магистратъ читалъ его посламъ въ комиціи, или они были приглашаемы для выслушанія его въ курію.

При письменномъ изложеніи акта присутствовали три сенатора: Q. Tatilienus Q. f. [Cor]nelia—личность совершенно неизвѣстная. На сколько я знаю, самое имя (nomen gentilicium) Tatilienus не встрѣчалось еще ни у авторовъ, ни въ эпиграфическихъ памятникахъ. По изслѣдованіямъ Т. Моммзена, Генцена и Гюбнера [1]), многочисленныя родовыя имена съ окончаніемъ enus не произведены отъ названій мѣстностей или отъ другихъ родовыхъ именъ для обозначенія усыновленій (подобно именамъ съ окончаніемъ anus), а отличаются только формою отъ родовыхъ прилагательныхъ, оканчивающихся на ius, и чаще всего встрѣчались въ Пиценумѣ (названіе котораго и само образовано съ помощью этого окончанія) и сосѣднихъ съ нимъ мѣстностяхъ средней Италіи.

Cn. Lutatius Cn. f. [A. en]si Cerco (?)—можетъ быть, сынъ того Гн. Лутація Церкона, который въ 173 г. былъ въ числѣ пяти легатовъ, посланныхъ въ Македонію для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ этомъ государствѣ и въ Александрію къ царю Птолемэю VI Филометору для возобновленія съ нимъ дружбы (Т. Лив. XLII, 6). Изъ нашего документа впервые, кажется [2]), дѣлается извѣстною триба этой вѣтви рода Лутаціевъ, да и то не вполнѣ: нельзя рѣшить, принадлежала ли она къ tribus Arnensis или Aniensis. По замѣчанію

«quod olim monui senatus consulta ubi dicuntur facta esse *in comitio*, ibi intellegi curiam Hostiliam in ipso comitio positam, hac indicatione *in comitio in curia* denuo confirmatur»), также Фукара въ Sénatusc. inéd. стр. 17.

[1]) *Mommsen*, Die Unterital. Dialecte, стр. 362; *Henzen* въ Orelli-Henzen, Inscriptionum Lat. sel. ampl. collectio, т. III прим. къ № 6247 (ср. его же прим. къ Oeuvres compl. de Barth. Borghesi t. I p. 246); *Hübner*, Quaest. onomatol. latinae въ Ephem. epigr. II, стр. 27.

[2]) По крайней мѣрѣ въ составленномъ Т. Моммзеномъ (Ephemer. epigr. IV, p. 218 sq.) спискѣ лицъ сенаторскаго сословія временъ республики, трибы которыхъ извѣстны, Лутаціи не приведены. О правописаніи Arnensis см. у *Моммзена* тамъ же с. 220 пр. 2.

Моммзена [1]), въ тѣ времена, къ которымъ относится нашъ документъ, трибы не были опредѣленными или наслѣдственными, а зависѣли отъ имѣній, т. е. граждане подавали голоса въ тѣхъ трибахъ, въ которыхъ находились ихъ имѣнія. Поэтому легко могло случиться, что члены одного и того же рода принадлежали къ разнымъ трибамъ (примѣры см. у Моммзена l. c.).

A. Sempronius A. f. Fa[lerna] —вѣроятно, одинъ изъ членовъ фамиліи Атратиновъ или Азелліоновъ, такъ какъ въ другихъ отрасляхъ обширнаго gens Sempronia личное имя Aulus не было въ употребленіи. Названіе трибы возстановлено на основаніи сенатусконтовъ адрамиттійскаго и другаго, приведеннаго у I. Флавія (Ant. Iud. XIII, 9, 2).

Стр. 14—18. Имена мелитэйскихъ пословъ и почетное наименованіе ихъ и пославшаго ихъ народа. Послы названы Θεσσαλοὶ Μελιταιεῖς очевидно потому, что съ 196 года Ахейцы-Ѳіоты, присоединенные къ Ѳессалійскому союзу, составляли съ нимъ одно политическое цѣлое, а племенное различіе ихъ отъ Ѳессалійцевъ не имѣло никакого значенія въ настоящемъ случаѣ. Однако въ Дельфійской амфиктіоніи, гдѣ голоса подавались по племенамъ, независимо отъ политическихъ отношеній, Ахейцы-Ѳіоты и послѣ присоединенія своего къ Ѳессаліи продолжали участвовать отдѣльно отъ Ѳессалійцевъ [2]). Между прочимъ, въ одномъ декретѣ Дельфійской амфиктіоніи (C. I. A. II, № 551, строки 52—94, — о сохраненіи за аѳинскою артелью театральныхъ артистовъ прежнихъ привилегій и дарованіи новыхъ), весьма близкомъ по времени къ нашему документу (137—125 до Р. Хр., по мнѣнію Кёлера), упомянутъ въ качествѣ одного изъ двухъ іеромнемоновъ Ахейцевъ-Ѳіотовъ тотъ самый Лампромахъ, который въ нашемъ S. C. названъ въ качествѣ посла въ Римъ. Правда, его имя не вполнѣ сохранилось въ дельфійскомъ декретѣ, но возстановленіе [Λαμπρο]μάχου τοῦ Πολίτου Μελιταιέως нельзя не назвать весьма вѣроятнымъ въ особенности, когда документы отстоятъ одинъ отъ другаго на очень незначительное количество лѣтъ [3]). Очевидно, что Лампромахъ былъ

---

[1]) Röm. Staatsrecht II² p. 356, 387; Ephem. epigr. IV, 122.

[2]) См. напр. C. *Wescher*, Étude sur le monum. bil. de Delphes (Paris, 1868), стр. 56 и др.

[3]) Данное Вешеромъ (цит. с. стр. 203) возстановленіе [Καλλι]μάχου—только примѣрное и ни на чемъ не основанное. Мелитэйскій архонтъ Πολυσάων Πολίτα, извѣстный изъ одной дельфійской надписи, относящейся приблизительно къ по-

въ свое время выдающеюся, влiятельною личностью въ Мелитэѣ и отличался дипломатическими способностями. Имя и отчество перваго изъ мелитэйскихъ пословъ возстановлены лишь примѣрно; другихъ упоминаній объ этой личности мнѣ встрѣчать не приходилось.

Стр. 18—35. Изложеніе содержанія рѣчи мелитэйскихъ пословъ. Въ началѣ ея они по обычному пріему греческихъ посольствъ, засвидѣтельствованному множествомъ эпиграфическихъ памятниковъ, „возобновили“ дружественныя и союзныя отношенія съ Римомъ, т. е. напомнили объ ихъ существованіи, потомъ принесли жалобу на незаконный захватъ у нихъ Нареакійцами общественной земли и пустопорожняго участка, бывшихъ якобы въ ихъ, Мелитэйцевъ, владѣніи въ то время, когда они вступили въ дружбу съ Римомъ, и просили сенатъ обратить вниманіе (т. е. постановить рѣшеніе), чтобы спорныя земли были утверждены за ними попрежнему [1]). Къ сожалѣнію, начиная съ стр. 21 камень обломанъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше, такъ что предложенныя мною возстановленія текста не имѣютъ уже характера несомнѣнности, какъ въ предыдущихъ строкахъ, и могутъ быть названы только возможными; послѣднія 6 строкъ мнѣ совершенно не удалось возстановить, да едва ли удастся и кому-нибудь другому. На сколько можно судить по сохранившимся фразамъ, Мелитэйцы старались подтвердить свои притязанія правомъ давности, ссылаясь на то, что что спорная земля находилась въ ихъ владѣніи начиная со временъ Медія и кончая македонскими. Какого Медія разумѣли они въ своей рѣчи—нельзя сказать навѣрное. Странно прежде всего то, что это имя поставлено въ дат. падежѣ при предлогѣ ἐπί, между тѣмъ какъ далѣе въ зависимости отъ того же предлога стоятъ два род. падежа; въ виду того, что эти послѣдніе соединены съ предыдущимъ дат. пад. посредствомъ καί, и стало быть, являются однородными съ нимъ членами предложенія, нужно принять ἐπί съ дат. пад. также во временномъ значеніи [2]). Упоминаніе о Медіи предше-

ловинѣ II вѣка (Bull. de corr. hell. V (1881), стр. 423 № 37), былъ, можетъ быть, братъ Лампромаха.

[1]) Выраженіе τὴν διάνοιαν προσέχειν встрѣчается, напр., у Плутарха (Нума, гл. 14), τῆι διανοίαι προσέχειν περί τινος — въ S. C. о Өисбейцахъ стр. 43 сл. по сличенію Шмидта (Mittheil. d. D. Arch. Inst. IV, 241) и моему.

[2]) Примѣры такого употребленія предл. ἐπί попадаются въ надписяхъ, напр., въ беотійскомъ спискѣ побѣдителей на состязаніяхъ въ праздникахъ Музъ C. I. Gr. № 1585: Ἐνείκων ἐπὶ Φλαουίῳ Παυλείνῳ ἀγωνοθετοῦντι Μουσῶν, ἐ[π'] ἄρχοντι Μητροδώρῳ τῷ Ὀν[η]σιφόρου.

ствуетъ въ документѣ двумъ періодамъ времени, изъ которыхъ первый охарактеризованъ выраженіемъ ἐπὶ Θεσσαλῶν съ слѣдующимъ род. падежемъ, а второй, по видимому, именемъ Македонянъ. Можно было бы думать, что этимъ послѣднимъ именемъ обозначено то время, когда Θессалія входила въ составъ Македонскаго государства, начиная съ покоренія ея Филиппомъ до освобожденія Т. Фламининомъ (352—197 до Р. Х.), — но мы не знаемъ въ исторіи Македоніи ни одной личности, которая носила бы имя Πόλλος (а между тѣмъ въ словахъ περὶ Πόλλον нѣтъ ни одной сомнительной буквы). Если, не останавливаясь предъ этимъ затрудненіемъ, принять сейчасъ высказанное предположеніе, то въ такомъ случаѣ раньше (стр. 27—28) былъ названъ періодъ самостоятельнаго существованія Θессаліи въ первой половинѣ IV в., а стало быть, именемъ Медія было обозначено время еще болѣе раннее. При этомъ предположеніи съ упоминаемымъ у насъ Медіемъ можетъ быть съ вѣроятностью отожествлена одна историческая личность, именно извѣстный изъ Діодора (XIV, 82) владѣтель Ларисы Медій, враждовавшій съ Ликофрономъ Ферскимъ и въ 395 г. участвовавшій въ Коринѳскомъ союзѣ противъ Спарты. Быть можетъ, что онъ имѣлъ въ своей власти также Мелитэю и Нарѳакій и произвелъ размежеваніе ихъ земель, которое осталось въ силѣ на долгое время. Правда, въ изданіяхъ Діодора ларисейскій династъ называется Μήδιος, но есть нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, что Μήδειος и Μήδιος—одно и то же имя [1]). Таковы предположенія, которыя можно привести для объясненія строкъ 25—30, но особенно настаивать на ихъ вѣрности не возможно, въ виду того, что въ каждой строкѣ не сохранилась почти треть текста.

Сторона Б заключаетъ въ себѣ résumé рѣчи нарѳакійскихъ пословъ (стр. 1—24) и рѣшеніе сената (24—37). Въ стр. 1—7 названы были имена пословъ и записано начало ихъ рѣчи, формулированное совершенно также, какъ и начало рѣчи Мелитэйцевъ въ А стр. 14—19, кромѣ нѣсколькихъ фразъ въ стр. 3—4, которыхъ нѣтъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ стороны А; примѣрное возстановленіе ихъ предложено на основаніи сенатусконсульта о Пріенцахъ и Самосцахъ. Стр. 8—11 пропали безвозвратно за исключеніемъ нѣсколькихъ обрывковъ фразъ, по которымъ можно составить лишь самое общее понятіе о ихъ со-

---

[1]) См. *Pape-Benseler*, Wörterbuch d. griech. Eigennamen (3 Aufl. 1875) s. v. Μήδειος и Μήδιος. О Ларисейскомъ династѣ Медіи ср. *E. Curtius*, Griech. Geschichte III[1], стр. 175 (=III, стр. 170 русск. пер. М. Корсакъ).

держаніи: послѣ обычнаго вступленія Нарѳакійцы, можетъ быть, говорили что-то о своихъ дѣлахъ (πραγ]μάτω[ν, стр. 8), потомъ перешли къ опроверженію доводовъ своихъ противниковъ о владѣніи спорною землею (διελέγγησαν περὶ χώρας; въ зависимости отъ этого-то глагола стоитъ далѣе въ стр. 13 винит. п. Ναρθακιεῖς съ неопредѣленными παραγ[ενέσθ]αι въ стр. 13 и νενικηκέναι въ стр. 14 и 21). Начиная съ стр. 11 оказалось возможнымъ возстановить текстъ документа во всей полнотѣ. Такъ какъ сущность рѣчи Нарѳакійцевъ и рѣшеніе сената были уже разсмотрѣны выше, то здѣсь мы ограничимся только замѣчаніемъ, что употребленіе предлога ἐπί съ род. пад. въ значеніи „предъ, въ присутствіи" (ἐπὶ τριῶν δικαστηρίων νενικηκέναι стр. 20 сл.) было свойственно языку позднихъ временъ и встрѣчается, какъ у писателей, такъ и въ эпиграфическихъ памятникахъ [1]). Оба посольства, какъ дружественныя и союзныя, получили отъ сената подарки, выдача которыхъ поручена черезъ претора квестору (стр. 32—37); упоминанія о подаркахъ посламъ цѣнностью въ 125 сестерціевъ уже встрѣчались [2]), хотя, конечно, подарки эти могли быть и гораздо болѣе цѣнными.

2. Списокъ проксеновъ.

Рядомъ съ камнемъ, на которомъ вырѣзанъ сенатусконсультъ, на мѣстѣ церкви св. Іоанна находится другой большой камень сѣрожелтаго цвѣта, нѣкогда также сослужившій службу при постройкѣ церкви; для этого онъ былъ обрѣзанъ слѣва по прямой линіи сверху внизъ, а справа—какъ бы въ видѣ лука съ удлиненными и заостренными концами. Въ настоящее время камень имѣетъ 0, 72 м. высоты, около 0, 32 наиб. шир. и 0, 43 толщины. Находящаяся на немъ надпись сильно пострадала отъ этой трансформаціи: сверху пропало начало ея (сколько строкъ, конечно неизвѣстно), слѣва—отъ 7 до 10 буквъ въ началѣ строкъ, справа—концы нѣкоторыхъ изъ нихъ, гдѣ больше, гдѣ меньше, смотря по ихъ длинѣ и по изгибу лукообразной линіи.

---

[1]) См. нѣсколько примѣровъ изъ Лукіана въ Thesaurus linguae Graecae *Генр. Стефана*, а также вышеупомянутое рѣшеніе Милетцевъ о спорѣ Лакедэмонянъ съ Мессенцами (Arch. Zeit. 1876 стр. 128, № 16: τὰγ κρίσιν τὰγ γεγενημέναν.. περὶ τᾶς χώρας ἐπὶ τοῦ δάμου τοῦ Μιλησίων).

[2]) Ср. *Le Bas* et *Waddington*, Asie Mineure № 199. Это же число вѣроятно нужно возстановить и въ часто цитированномъ нами s. c. о Пріенцахъ и Самосцахъ (тамъ же № 195—198, строка 13).

Конецъ надписи сохранился; ниже его остается еще свободное пространство въ 0,24 м. высоты. Теперь камень разбитъ еще на 2 части въ поперечномъ направленіи, между строками 24 и 25, но отъ этого лишь немного пострадали нѣкоторыя буквы въ этихъ строкахъ.

Начертаніе надписи неодинаково: буквы вырѣзаны гдѣ болѣе, гдѣ менѣе тщательно, то крупнѣе то мельче, и разставлены то тѣснѣе, то шире; можно даже подумать, что надпись вырѣзана не сразу и не однимъ рѣзчикомъ (что весьма возможно и по содержанію документа); вообще однако разница въ начертаніяхъ не очень велика, и по характеру письма документъ можетъ быть отнесенъ приблизительно къ срединѣ II вѣка до нашей эры. Разбирается надпись легко, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ въ срединѣ (стр. 19—22); предлагаемая копія провѣрена по эстампажу. (Эпиграф. текстъ см. въ приложеніи подъ № 2).

. . . . θ . . .
. . . . νπ . . . .
. . . . ων τ]ῶν ἀπ[ὸ . . . ?
ὁ δεῖνα . . . . . .]ου.
. . . . . ων· 'Α]ρ[ισ]τίων Κλε[άνδρου?
Δελφῶν· 'Απ]ολλωνίδας 'Αλ[αθέα.
. . . . ων·] Εὔνικος Εὐνίκ[ου.
Μαγνήτων] τῶν ἀπὸ Μαιάνδρ[ου· ὁ δεῖ-
να. . . . . . [ρου.
. . . . . ων· Νι]κόλαος Δικαιάρχο[υ.
. . . . . . ων· 'Α]γέλαος Γλαυκέτα.
. . . . ω]ν· Μένης Νικάτα 'Ο αὐτ[ὸς.
. . . .].ων· 'Ο αὐτὸς 'Αθηναίων.
. . . . . . ων·] Ξενόκριτος 'Αγάθωνος.
. . . . .ω]ν· Θρασύμαχος, Τηλέας οἱ 'Α. . . .
. . . . ων· Εὐ]αίνετος Κλεοστράτου,
['Απολλωνίδα?]ς 'Αλαθέα.
'Αχαιῶν τῶν ἐ]ν Αἰγίωι· Σιμμίας Νικάρχου.
. . . . .ω]ν· Στράτων Νικοστράτου.
. . . . ω]ν· Εὔπολις Σωτέλεο[ς.
. . . .]τᾶν· Μίκκων 'Αντιπ[ά]τρου.
. . . . . . ων· Φάλ]αικος καὶ Σώτιμος [οἱ 'Αν]τιγένεο[ς.
. . . . ᾶ]ν· Φιλέταιρος Φιλωνίδα.

. . . . ων· Εὐάν]θιος Εὐβουλίδα.
. . . . ων· Ἀρ]ιστομένης Θε[σ]σία [1]).
. . . . . . ω]ν· Ἀνδρομένης Θεοτίμου.
. . . . ων· Εὐ]ώνυμος Ἀντιπάτρου.
. . . . ων· Εὔ]ξενος καὶ Ἀλαθέας οἱ Κρατίνου.
. . . .]έων καὶ Μιλησίων· Αἰσχίνας Ταυρ[ίσκου?
. . . . . . ων·Εὐπ]όλεμος Δαμαινέτου.

Мы видимъ, что на камнѣ были вырѣзаны имена разныхъ лицъ съ отчествами и съ предшествующими родит. падежами множ. числа, отъ которыхъ въ большинствѣ строкъ сохранились только окончанія, за исключеніемъ строкъ 13-й и 19-й, гдѣ родит. падежи читаются цѣликомъ; изъ этихъ строкъ мы узнаемъ, что въ род. пад. поставлены были имена жителей различныхъ городовъ собственной Эллады и Малой Азіи; кромѣ того, въ стр. 8-й читается названіе извѣстной малоазіатской рѣки Мэандра въ род. пад. съ предлогомъ ἀπὸ и съ предшествующимъ членомъ τῶν; очевидно, что это выраженіе съ предлогомъ стояло какъ обособляющій признакъ при имени жителей какого-то города при рѣкѣ Мэандрѣ, по всей вѣроятности, Магнесіи, для отличія отъ ѳессалійскаго племени Магнетовъ и жителей одноименнаго города при г. Сипилѣ [2]). Какъ надо понимать поставленное въ стр. 18-й названіе ахэйскаго города Αἴγιον въ дат. пад. съ предлогомъ ἐν, видно изъ транскрипціи текста. Итакъ очевидно, что названныя въ документѣ лица имѣли какія-то отношенія къ жителямъ различныхъ эллинскихъ городовъ; въ большинствѣ случаевъ за названіемъ города поставлено имя одного только лица, иногда двухъ братьевъ (стр. 15, 22, 28) или двухъ различныхъ лицъ (вѣроятно въ стр. 16 и 17); изъ строкъ 12 и 13 видно, что одно и то же лицо могло имѣть такія отношенія къ жителямъ нѣсколькихъ городовъ: въ этихъ строкахъ послѣ имени Μένης Νικάτα два раза повторено мѣстоименіе ὁ αὐτός съ послѣдующими (а не предшествующими, это ясно изъ транскрипціи) род. падежами; также въ стр. 29 поставлены два названія жителей городовъ, соединенныя союзомъ καί.

Является самъ собою вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ стояли названныя въ спискѣ лица къ жителямъ городовъ, названія которыхъ

---

[1]) Имя Θεσσίας, кажется, еще не встрѣчалось. Происходитъ оно, очевидно, отъ одного корня съ глаголомъ θέσσασθαι=εὔξασθαι.

[2]) Возстановленіе [Ἀντιοχέων] менѣе подходитъ по количеству буквъ.

поставлены передъ ними? Отвѣтъ не затруднителенъ. Уже изъ сравненія строки 11-й этого списка съ стр. 4-ю стороны А вышеприведеннаго S. C. видно, что въ строкѣ 11-й записано имя нарѳакійскаго гражданина, принадлежавшаго къ одному роду съ архонтомъ Главкетомъ, сыномъ Агелая; по крайней мѣрѣ такое совпаденіе именъ, притомъ не принадлежащихъ къ числу очень употребительныхъ въ древности, слишкомъ поразительно для того, чтобы можно было признать его только случайнымъ. Въ небольшомъ обломкѣ списка собственныхъ именъ, который будетъ данъ ниже подъ № 3, намъ опять встрѣтится то же имя; можно даже сказать съ увѣренностію, что тамъ названо именно то лицо, которое записано въ качествѣ архонта въ S. C., такъ какъ, судя по характеру письма, обломокъ несомнѣнно относится къ одному времени съ этимъ документомъ и, кромѣ того, въ обломкѣ съ вѣроятностію можетъ быть возстановлено имя другаго архонта—Поликла, сына [Ки]диппа; стало быть, въ обломкѣ № 3 были записаны именно нарѳакійскіе граждане; между тѣмъ изъ числа сохранившихся въ немъ именъ съ отчествами не менѣе шести повторяются и въ занимающемъ насъ теперь спискѣ въ томъ же или обратномъ порядкѣ, то-есть, такъ, что имя, принадлежащее въ нашемъ спискѣ сыну, является въ обломкѣ № 3 именемъ отца и на оборотъ. Имена эти слѣдующія: а) одни и тѣ же въ обоихъ спискахъ:

Φιλέταιρος Φιλωνίδ[α], ср. стр. 23 нашего списка.
[Μίκκ]ων [᾽Αντι]πάτρου, ср. стр. 21.
[Νικόλα]ος [Δικαιά]ρχου, ср. стр. 10.

б) въ обратномъ порядкѣ:

Γλαυκέτα[ς] ᾽Αγελάου, ср. стр. 11.
Κρατῖνος Εὐξ[ένου], ср. стр. 28.
[Κλεόστ]ρατος [Εὐαι]νέτου, ср. стр. 16.

Странное, но очень пригодное для насъ совпаденіе! Оно даетъ намъ право сказать съ полною увѣренностію, что въ нашемъ спискѣ перечислены также нарѳакійскіе граждане. Поставленный вопросъ уже теперь можно было бы назвать рѣшеннымъ: у гражданъ Нарѳакія не могло быть иныхъ постоянныхъ, опредѣленныхъ отношеній къ гражданамъ другихъ городовъ, иногда очень отдаленныхъ, кромѣ отношеній проксеніи. Есть однако еще одинъ доводъ, который имѣлъ бы рѣшающее значеніе, еслибы нашъ списокъ сохранился въ болѣе

цѣльномъ видѣ; при теперешнемъ же его состояніи этотъ доводъ можетъ быть названъ не болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ. Именно, бывшій членъ французской школы въ Аѳинахъ г. Haussoullier при своихъ раскопкахъ въ Дельфахъ лѣтомъ 1880 года [1]) нашелъ, между прочимъ, три обломка списка дельфійскихъ проксеновъ, расположеннаго по городамъ и относящагося, по соображеніямъ названнаго ученаго, ко времени между 176 и 171 годами до Р. Хр. Въ этомъ еще не изданномъ спискѣ, съ которымъ я имѣлъ возможность познакомиться благодаря любезности директора школы г. Фукара, встрѣчается слѣдующая запись: 'Ε[ν Ν]αρθ[α]κίωι· 'Αλαθέας 'Απολλω[ν]ίδα. Она-то и послужила основаніемъ для возстановленія строки 6-й нашего списка, которое врядъ ли можетъ быть названо очень рискованнымъ: судя по количеству несохранившихся съ лѣвой стороны буквъ видно, что названіе города въ началѣ 6-й строки не могло быть длиннымъ, а въ концѣ строки, послѣ довольно ясно видной Λ, замѣтна еще часть наклонной черты, которая могла принадлежать только одной изъ слѣдующихъ буквъ греческаго алфавита: Α, Λ или Μ. Если же это возстановленіе вѣрно, то въ нашемъ спискѣ названъ одинъ изъ членовъ рода (по восходящей или нисходящей линіи) того лица, которое записано въ дельфійскомъ спискѣ проксеновъ, и стало быть, въ томъ, что и въ разбираемомъ нами документѣ также были записаны проксены, уже не будетъ сомнѣнія: званіе проксена, какъ извѣстно, было потомственно [2]).

Отмѣченные выше признаки, которыми характеризуется нашъ документъ, отнюдь не препятствуютъ признать его спискомъ проксеновъ нарѳакійскихъ. Сношенія другихъ городовъ съ такимъ отдаленнымъ уголкомъ, какимъ былъ Нарѳакій, конечно, не могли быть особенно часты, такъ что достаточно было имѣть въ немъ по одному или по два проксена для каждаго города; что въ роли проксеновъ въ нашемъ спискѣ три раза являются по два брата,—это прямое слѣдствіе наслѣдственности проксеніи. Званіе проксена, данное какимъ-

---

[1]) См. о нихъ Bull. de corr. hell. т. V (1881) стр. 1 сл. Документъ, о которомъ мы говоримъ, упомянутъ тамъ же, т. VI, стр. 213.

[2]) Быть можетъ, что въ массѣ документовъ о проксеніи, сохранившихся въ различныхъ мѣстностяхъ собственной Эллады, острововъ, Малой Азіи и пр., есть и документы съ именами того или другаго изъ названныхъ въ нашемъ спискѣ лицъ. Мои поиски въ важнѣйшихъ сборникахъ надписей не увѣнчались однако успѣхомъ.

нибудь городомъ извѣстному лицу, понятно, ни чуть не могло связывать его по отношенію къ другимъ городамъ; такимъ образомъ одно и то же лицо могло быть проксеномъ двухъ или нѣсколькихъ городовъ, чему два примѣра есть и въ нашемъ спискѣ [1]).

Мы не будемъ здѣсь говорить объ институтѣ проксеніи вообще, о правахъ, обязанностяхъ, преимуществахъ и почестяхъ проксеновъ, такъ какъ обо всемъ этомъ нарѳакійскій документъ не сообщаетъ ничего новаго [2]). Ограничимся лишь нѣсколькими словами относительно списковъ проксеновъ въ собственномъ смыслѣ, то-есть, простыхъ перечисленій ихъ, безъ особыхъ почетныхъ декретовъ въ честь каждаго изъ нихъ. Такого рода списки сохранились въ различныхъ мѣстностяхъ, которыя были заняты въ древнія времена Эллинами (хотя въ значительно меньшемъ количествѣ, нежели декреты о проксеніи); но нашъ нарѳакійскій списокъ существенно отличается отъ другихъ, извѣстныхъ по настоящее время, и представляетъ собою, если не ошибаюсь, первое въ своемъ родѣ явленіе. Отличіе это состоитъ въ томъ, что въ немъ перечислены нарѳакійскіе граждане, бывшіе проксенами другихъ городовъ Эллады и Малой Азіи, тогда какъ въ другихъ извѣстныхъ спискахъ записаны граждане разныхъ городовъ, бывшіе проксенами того города, въ которомъ былъ вырѣзанъ документъ. Перечни эти бываютъ расположены или въ хронологическомъ порядкѣ, по времени назначенія проксеновъ [3]), или въ географическомъ, по отдѣльнымъ странамъ и городамъ [4]), или наконецъ безъ всякаго ви-

---

[1]) Припомнимъ здѣсь одинъ интересный примѣръ, показывающій, что даже въ союзахъ проксенія, данная извѣстному лицу однимъ союзнымъ городомъ, не имѣла значенія относительно другихъ: Сосибій сынъ Діоскурида Александріецъ въ концѣ III в. до Р. Хр. былъ проксеномъ Орхомена беотійскаго и Танагръ. Декреты обоихъ городовъ о дарованіи ему проксеніи сохранились до насъ (см. о нихъ замѣтку Фукара въ Bull. de corr. hell. IV (1880), стр. 98). И въ нашемъ спискѣ одно лицо было проксеномъ [Ἀχαιῶν τῶν ἐ]ν Αἰγίῳ, а не вообще Ἀχαιῶν.

[2]) Послѣднимъ по времени изслѣдованіемъ о проксеніи была, если не ошибаюсь, докторская диссертація г. Тиссо: *Ch. Tissot*, Des proxénies grecques etc. Dijon, 1863.

[3]) Такъ составленъ, напримѣръ, извѣстный огромный (315 строкъ) списокъ дельфійскихъ проксеновъ, изданный въ сборникѣ *Wescher-Foucart*, Inscr. rec. à Delphes, № 18, вѣроятно также анафейскій списокъ C. I. Gr. № 2477 (=Rang. Ant. Hell. № 958).

[4]) Таковъ, напримѣръ, списокъ изъ города Клитора въ Аркадіи, недавно изданный *Мильхгёферомъ* въ Mitth. d. D. Instit., VI Jahrg., Beil. zu S. 303. Такого

димаго порядка [1]). Въ нѣкоторыхъ городахъ, быть можетъ, не было въ обычаѣ вырѣзывать на камнѣ каждый отдѣльный декретъ о дарованіи проксеніи, а вмѣсто этого составляемы были общіе списки, причемъ имѣлось въ виду оказать честь каждому лицу, пожалованному званіемъ проксена, внесеніемъ его въ списокъ; но главная цѣль составленія такихъ списковъ, безъ сомнѣнія, была практическая, именно дать возможность лицамъ, которыхъ тѣ или другія дѣла заставляли предпринимать путешествія на чужбину, узнать имена гражданъ того или другаго города, къ которымъ они, по пріѣздѣ въ этотъ городъ, могли обратиться за помощью и покровительствомъ. Иностранцамъ, предпринимавшимъ поѣздки въ Нарѳакій, не было надобности заранѣе, еще у себя на родинѣ, запоминать или записывать имя своего тамошняго проксена,—они могли узнать его уже по пріѣздѣ туда изъ сохранившагося до насъ списка, который съ этой цѣлью навѣрное былъ выставленъ гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ въ городѣ, вѣроятно на площади (ἀγορά).

Очень жаль, что во времена оны строителямъ церкви понадобилось обрѣзать камень какъ разъ съ той стороны, на которой находились названія городовъ: вслѣдствіе этого мы лишены возможности судить о степени развитія коммерческихъ и прочихъ сношеній Нарѳакія съ другими городами и о томъ, съ какими преимущественно частями эллинскаго міра поддерживалъ онъ эти сношенія; однако и теперь еще можно замѣтить, что количество городовъ, считавшихъ нужнымъ имѣть въ Нарѳакіи своихъ проксеновъ, было довольно велико для такого захолустнаго городка Ѳѳіотиды (сохранившаяся нижняя часть списка нѣкогда заключала въ себѣ около 27 названій городовъ) и что это были не только города собственной Эллады, но и малоазіатскіе. Можно думать, что въ ту эпоху, отъ которой ведетъ свое происхожденіе найденный списокъ, Нарѳакій былъ довольно значительнымъ городкомъ и поддерживалъ живыя сношенія съ другими странами эл-

---

же характера и вышеупомянутый новый дельфійскій списокъ. Въ большомъ аѳинскомъ спискѣ, изданномъ *Рангависомъ* въ Ant. Hell. № 1298, расположеніе по странамъ и по городамъ не выдержано,—нѣкоторые города названы по нѣскольку разъ.

[1]) Напримѣръ, траллійскій списокъ C. I. Gr. № 2919 b, p. 1122 (=*Le Bas-Waddington*, Asie Mineure № 599). Обломокъ подобнаго аѳинскаго списка, въ которомъ записаны въ безпорядкѣ лица изъ разныхъ мѣстностей Эллады, Малой Азіи и островов, изданъ недавно *г. Оветомъ-Бено* въ Bull. de. corr. hell., III (1879) стр. 73. Вѣроятно это также списокъ проксеновъ.

линскаго міра. (Съ другой стороны нашъ документъ представляетъ собою весьма наглядный примѣръ чрезвычайно широкаго развитія института проксеніи у древнихъ Грековъ).

Къ какому же времени можетъ быть отнесенъ нашъ списокъ? Выше было уже замѣчено, что въ небольшомъ обломкѣ, который мы дадимъ ниже, записаны два лица, одноименныя съ нарѳакійскими архонтами, сдѣлавшимися извѣстными изъ сенатусконсульта (одно имя читается en toutes lettres, другое возстановляется съ вѣроятностью), и что по характеру письма этотъ обломокъ навѣрное принадлежитъ одному времени съ s. c. (вѣроятно даже, что оба документа вырѣзаны на камнѣ однимъ и тѣмъ же рѣзчикомъ); замѣтили мы также, что въ числѣ записанныхъ на немъ именъ есть три совершенно одинаковыя съ именами проксеновъ нашего списка и три—такія же, но въ обратномъ порядкѣ. Такое значительное количество совпаденій едва ли можетъ быть признано случайнымъ; гораздо вѣрнѣе думать, что три лица тожественны въ обоихъ документахъ, а остальныя три въ спискѣ проксеновъ—отцы или сыновья лицъ, записанныхъ на обломкѣ № 3, тѣмъ болѣе, что списокъ проксеновъ и по начертаніямъ мало разнится отъ двухъ другихъ документовъ. Стало быть, онъ долженъ быть поставленъ нѣсколькими годами ниже или выше сенатусконсульта; но въ такомъ случаѣ возстановленное въ стр. 18-й названіе [Ἀχαιῶν τῶν ἐ]ν Αἰγίῳ даетъ намъ прочную границу, за которую документъ нашъ не можетъ быть передвинутъ, — именно 146 г. до Р. Хр., годъ временнаго уничтоженія Ахэйскаго союза, послѣ котораго жители этого города были бы названы просто Αἰγιεῖς. На основаніи этого terminus ante quem необходимо принять, что въ спискѣ проксеновъ записаны именно отцы лицъ, внесенныхъ въ списокъ № 3, и отчасти тѣ же самыя лица. Съ другой стороны, вѣроятный terminus post quem дается упомянутымъ дельфійскимъ спискомъ проксеновъ 70-хъ годовъ II вѣка, конечно—только въ такомъ случаѣ, если принять вѣрное данное возстановленіе 6-й строки нашего списка: въ названномъ тамъ Аполлонидѣ сынѣ Ал[аѳея] гораздо вѣрнѣе признать сына того лица, которое записано въ дельфійскомъ спискѣ, нежели отца его, потому что въ этомъ послѣднемъ случаѣ нашъ нарѳакійскій списокъ пришлось бы слишкомъ отдалить по времени отъ сенатусконсульта и обломка № 3.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, въ которыхъ, правда, многое основано лишь на теоріи вѣроятностей, списокъ проксеновъ скорѣе всего

можетъ быть отнесенъ приблизительно къ 60-мъ годамъ II вѣка до нашей эры.

3. Списокъ собственныхъ именъ.

Небольшой обломокъ, эпиграфическій текстъ котораго данъ въ приложеніи № 3, найденъ (тамъ же, гдѣ и предыдущіе документы) уже послѣ моего отъѣзда изъ Ламіи. Я сообщаю его по весьма удачному эстампажу, полученіемъ котораго обязанъ любезности г. Мигьяса. Камень обломанъ со всѣхъ сторонъ и имѣетъ теперь, судя по эстампажу, 0,22 м. выс. и 0,14 наиб. ширины. Сомнительныхъ буквъ нѣтъ.

. . . ιπ]πος,	Μεγαλοκ[λῆς,
. . . πα]τρος,	Δαμαίνετ[ος,
. . . . μος	Γλαυκέτα[ς
οἱ . . άν]δρου.	οἱ 'Αγελάου.
. . . ρ]ος,	Μνάσων,
. . . δ]αμος,	Φιλέταιρος,
. . . ρος,	Δικαίαρχ[ος
Πολυκ]λῆς	οἱ Φιλωνίδ[α.
οἱ Κυδί]ππου.	Πολέμων,
. . . β]ουλος,	'Αστίων,
Κλεόστ]ρατος	Κρατῖνος,
οἱ Εὐαι]νέτου.	Τιμόλ[αος
Μίκκ]ων,	οἱ Εὐξ[ένου.
. . . κ]ράτης	Μενεκ[ράτης,
οἱ 'Αντι]πάτρου.	Εὐφρά[νωρ
Νικόλα]ος	οἱ 'Αρχ. . . .
Δικαιά]ρχου.	Μνά[σ. . .
. . . . κος	Σω[τ. . .

О времени этого списка и названныхъ въ немъ лицъ была рѣчь выше. Остается замѣтить только, что предложенныя въ 1-мъ столбцѣ возстановленія не могутъ, конечно, претендовать на несомнѣнность; ихъ вѣроятность увеличивается, однако, нѣсколькими именами 2-го столбца, общими съ предыдущимъ спискомъ проксеновъ, и тѣмъ соображеніемъ, что въ небольшомъ городкѣ, какимъ былъ Нарѳакій, вовсе не мудрено встрѣтить однѣ и тѣ же личности въ разныхъ документахъ, приблизительно одновременныхъ между собою. Удивительна только та случайность, что всѣ три найденные документа принадлежатъ почти одному времени.

Что это былъ за списокъ, отъ котораго дошелъ до насъ разсматриваемый обломокъ,—объ этомъ трудно сказать что-нибудь положительное. Въ обоихъ столбцахъ названы по именамъ и отчествамъ нарѳакійскіе граждане, въ большинствѣ случаевъ по нѣскольку братьевъ рядомъ. Именно этотъ послѣдній признакъ не позволяетъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ спискомъ обыкновеннаго, такъ сказать, характера, напримѣръ, съ каталогомъ убитыхъ на войнѣ, или членовъ какой-нибудь жреческой, судебной или административной коллегіи, ефебовъ, молодыхъ людей, впервые поступившихъ въ военную службу, жертвователей или участниковъ складчины и т. п. Нашъ обломокъ происходитъ, на мой взглядъ, вѣроятнѣе всего, отъ какого-нибудь общаго каталога, въ которомъ были перечислены граждане, принадлежавшіе къ одному изъ существовавшихъ въ Нарѳакіи подраздѣленій народа, въ родѣ, напримѣръ, филы, фратріи и т. п.; въ каталогъ вносимы были только лица мужескаго пола, и притомъ, какъ кажется, уже по достиженіи совершеннолѣтія, подобно тому какъ въ Аѳинахъ въ ληξιαρχικὸν γραμματεῖον.

Таковы три первые эпиграфическіе документа, сдѣлавшіеся извѣстными изъ города Нарѳакія; будемъ надѣяться, что они не будутъ и послѣдними, и что въ новыхъ эпиграфическихъ пріобрѣтеніяхъ найдутся, быть можетъ, и новыя данныя для болѣе полнаго ихъ объясненія и возстановленія.

Вас. Латышевъ.

A.

\ΓΕΟΝΤΟΣΤΩΝΘΕΣΣΑΛΩΝΛΕΟΝΤΟ
ΗΣΙΠΠΟΥΛΑΡΙΣΑΙΟΥΕΝΔΕΝΑΡΘΑΚΙΣ
ΩΝΚΡΙΤΩΝΟΣΤΟΥΑΜΕΙΝΙΑΠΟΛΥΚΛΕΟΣ
ΔΙΠΠΟΥΓΛΑΥΚΕΤΑΤΟΥΑΓΕΛΑΟΥΑΝ
ΔΟΓΜΑΤΟΓΕΝΟΜΕΝΟΝΥΠΟΣΥΓΚΛ
ΤΡΑΤΗΓΟΥΤΩΝΘΕΣΣΑΛΩΝΘΕΣΣΑ
ΘΡΑΣΥΜΗΔΕΟΣΦΕΡΑΙΟΥ
ΤΙΛΙΟΣΑΥΛΟΥΥΙΟΣΜΑΝΚΙΝΟΣΣΤΡΑ
ΗΙΣΥΓΚΛΗΤΩΙΣΥΝΕΒΟΥΛΕΥΣΑΤΟΠΡΟ
ΝΩΝΚΟΙΝΤΙΛΙΩΝΕΓΚΟΜΕΤΙΩΙΓΡΑΦΟ
ΑΡΗΣΑΝΚΟΙΝΤΟΣΤΑΤΙΛΙΗΝΟΣΚΟΙΝΤΟ
ΝΗΛΙΑΓΝΑΙΟΣΛΟΤΑΤΙΟΣΓΝΑΙΟΥΥΙ
ΣΗΑΥΛΟΣΣΕΜΠΡΩΝΙΟΣΑΥΛΟΥΥΙΟΣΦΑ
ΠΕΡΙΩΝΘΕΣΣΑΛΟΙΜΕΛΙΤΑΙΕΙΣΑΡΜΟ
ΣΑΝΔΡΟΥΛΑΜΠΡΟΜΑΧΟΣΠΟΛΙΤΑ
ΤΑΙΛΟΓΟΥΣΕΠΟΙΗΣΑΝΤΟΑΝΔΡΕΣΚΑ
\ΘΟΙΚΑΙΦΙΛΟΙΠΑΡΑΔΗΜΟΥΚΑΛΟΥ
ΥΚΑΙΦΙΛΟΥΣΥΜΜΑΧΟΥΧΑΡΙΤΑ
ΥΜΜΑΧΙΑΝΤΕΑΝΕΝΕΩΣΑΝΤΟΠΕ
ΔΗΜΟΣΙΑΣΚΑΙΠΕΡΙΧΩΡΙΟΥΕΡΗΜΟΥ
ΙΜΕΘΗΣΧΩΡΑΣΕΙΣΤΗΜΦΙΛΙΑΝΤΟΥ
ΟΥΡΩΜΑΙ ΩΝΠΑΡΕΓΕΝΟΝΤΟΗΓΧΩ *sic*
ΚΙΕΙΣΜΕΤΑΤΑΥΤΑΕΑΥΤΩΝΑΔΙΚΩΣ
ΟΠΕΡΙΤΟΥΤΟΥΤΟΥΠΡΑΓΜΑΤΟΣΟΠΩΣ
ΑΝΠΡΟΣΧΩΣΙΝΟΠΩΣΤΟΥΤΟΤΟΠΡΑ
ΩΝΑΥΤΟΙΣΑΠΟΚΑΤΑΣΤΑΘΗΟΥΤΩ
ΝΕΠΙΜΗΔΕΙΩΙΚΑΙΕΠΙΘΕΣΣΑΛΩΝ
ΩΝΚΑΙΕΠΙΤΩΝΠΕΡΙΠΥΛΛΟΝΜΑΚ
ΜΕΝΟΝΑΥΤΟΙΣΗΝΤΑΥΤΑΤΕΤΑΚΙ
ΣΗΠΕΡΙΤΟΥΤΟΥΤΟΥΠΡΑΓΜΑ
ΙΗΣΕΝΗΜΙΝΚΑΙΝΑΡΘΑΚΙΕΥΣΙΝ
ΑΤΟΝΠΑΡΟΝΤΑΚΡΙΝΗΕΜ
ΝΤΑΥΤΗΙΤΗΙΧΩΡΑ
ΤΩΝΔΗΜΩΝ
ΞΣΤΙΝΩΙΡΑ

Б.

. . . .
.ΙΗΙΙΙΝΗ . . . .
ΙΚΑΤΑΣΤΑ . . . .
. . ΥΤΑΙΛΟΓΟ . . ΕΙΙ . . . . .
. . ΣΥΓΚΛΗΤ . . . .
ΙΘΟΙΚΑΙΦΙΛΟΙΠΑΡΑΔΗΜΟ . . .
. ΙΦΙΛ . . . .
ΙΙΑΝΣΥ . . . .
. . . . . ΜΑΤΩ . . . .
. ΗΣΑΙΙΠΕΡΙΧΩΡΑΣ . . . . Τ . .
ΑΦ.ΡΗ . . . . . Τ . . . . Α.ΓΛΣΑΡΧΗΣΙΙΑΡ
ΘΑΚΙΕ . . . ΕΝ.Η . . . . . ΤΑ . . . . ΜΕΤΑΤΑ . . . .
Τ . ΣΧΩΡΑΣΕΙΣΤΗ . . ΙΛΙΑ.Τ . . . . ΜΟΥ . . . . .
ΙΑΙΩΝΑΡΘΑΚΙΕΙΣΠΑΡΑΓ . . . . . ΑΙΙ ΛΙΙΕΡΙ
ΤΗΣΧΩΡΑΣΚΑΙ . . ΙΙΙΕΡΩΝΚ . . ΤΙΙ . . . . . . ΙΚΙΙΙ
ΝΑΙΚΑΤΑΝΟΜΟΥΣΤΟΥΣΘΕΣ.Λ . . ΝΟΙΣΙΙ . .
ΜΟΙΣΡΩΣΤ/ . . ΙΧΡΩΝΙΑΙΟ.ΣΝ . . ΟΥΣΤΙΤΟΣ
ΚΟΙΓΚΤΙΟΣΥ.ΛΤΟΣΑΠΟΤΗΣΤ . . . ΔΕΚΑΠΡΕΣ
. ΕΥΤΩΝΓΝΩΜΗΣΕΔΩΚ . . . ΑΙΚΑΤΑΔΟΓΜΑ
ΣΥΓΚΛΗΤΟΥΠΕΡΙΤΕΤΟΥ . . Τ . . ΠΙΑΙΜΑ
ΝΕΤΕΙΑΝΩΤΕΡΟΝΤΡΙ . . . ΠΙΤΡΙΘΝΔ . ΚΑΣ
ΡΙΩΝΝΕΝΙΚΗΚΕΝΛΙΕΠΙΣΑΜΙΩΝΚΟΛΟ.ΩΝ
ΜΑΓΝΗΤΩΝΚΕΚ . . . ΜΕΝΑΕΙΝΑΙΚΑΤ.ΝΟΜΟΥ
ΟΠΩΣΤΑΥΤΑΚΥΡΙΑΗΟΥΤΩΣΚΑΘΩΣΚΑΙ.ΛΛΟΙΣ
ΓΕΓΟΝΟΣΕΣΤΙΝΠΕΡΙΤΟΥΤΟΥΤΟΥΠΡΑΓΜΑΤΟΣ
ΟΥΤΩΣΕΔΟΞΕΝΧΑΡΙΤΑΦΙΛΙΑΝΣΥΜΜΑΧΙΑΝ
ΝΑΝΕΩΣΑΣΘΑΙΤΟΥΤΟΙΣΤΕΦΙΛΑΝΘΡΩΠΩΣΑ
ΤΟΚΡΙΘΗΝΑΙΑΝΔΡΑΣΚΑΛΟΥΣΚΑΓΑΘΟΥΣΠΡΟΣ
ΑΓΟΡΕΥΣΑΙΟΣΑΚΕΚΡΙΜΕΝΑΕΣΤΙΝΚΑΤΑΝΟΜΟΥΣ
ΟΥΣΤΙΤΟΣΚΟΙΓΚΤΙΟΣΥΠΑΤΟΣΕΔΩΚΕΝΤΑΥΤΑΚΑ
ΘΩΣΚΕΚΡΙΜΕΝΑΕΣΤΙΝΟΥΤΩΔΟΚΕΙΚΥΡΙΑΕΙΝΑΙΔΕΙΝ
ΤΟΥΤΟΤΕΜΗΕΥΧΕΡΕΣΕΙΝΑΙΟΣΑΚΑΤΑΝΟΜΟΥΣΚΕ
ΚΡΙΜΕΝΑΕΣΤΙΝΑΚ . ΡΑΠΟΙΕΙΝΞΕΝΙΑΤΕΕΚΑΤΕΡΟΙΣΓΑΙ
ΟΣΟΣΤΙΛΙΟΣΣΤΡΑΤΗΓΟΣΤΟΝΤΑΜΙΑΝΔΟΥΝΑΙΚΕ
ΕΥΣΗΑΠΟΣΗΣΤΕΡΤΙΩΝΝΟΜΩΝΕΚΑΤΟΝΕΙΚΟΣΙ
ΤΕΕΙΣΕΚΑΣΤΗΝΠΡΕΣΒΕΙΑΝΟΥΤΩΚΑΘΩΣΑΝ
ΤΩΝΔΗΜΟΣΙΩΝΠΡΑΓΜΑΤΩΝΠΙΣΤΕ
ΙΔΙΑΣΦΑΙΝΗΤΑΙΕΔΟ . . Ν

Карт. Зав. А. Ильина б. Мастерск. у. д. №1/3.

№ 2.

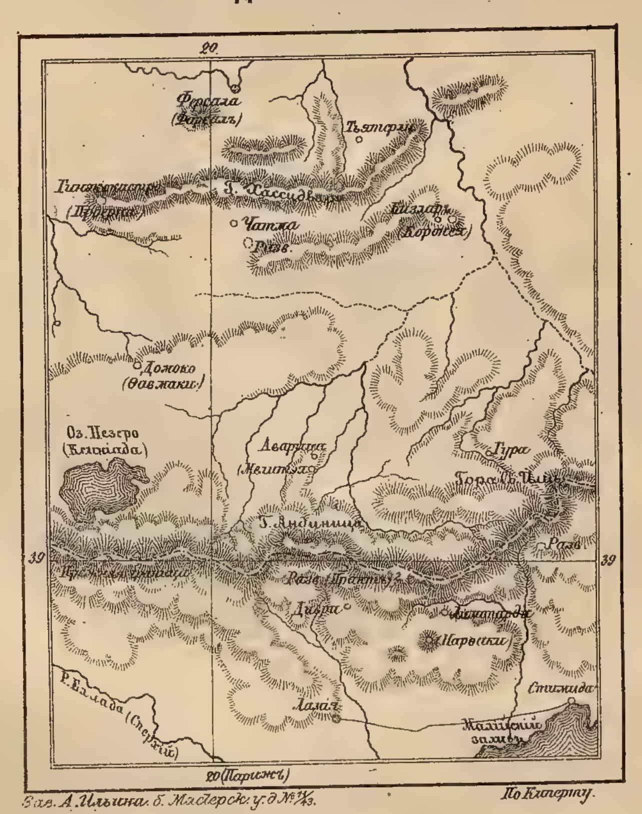
Θ
ΝΠΙ
ΙΩΝΑΠ
ΟΥ
ΡΙΣΤΙΩΝΚΛΕΙ
ΟΛΛΩΝΙΔΑΣΑΛ
ΕΥΝΙΚΟΣΕΥΝΙΚΟ
ΤΩΝΑΠΟΜΑΙΑΝΔΡΟ
ΡΟΥ
ΚΟΛΑΟΣΔΙΚΑΙΑΡΧΟ
ΓΕΛΑΟΣΓΛΑΥΚΕΤΑ
ΝΜΕΝΗΣΝΙΚΑΤΑΟΑΥΤ
ΩΝΟΑΥΤΟΣΑΘΗΝΑΙΩΝ
ΞΕΝΟΚΡΙΤΟΣΑΓΑΘΩΝΟΣ
ΩΝΘΡΑΣΥΜΑΧΟΣΤΗΛΕΑΣΟΙΑ
ΑΙΝΕΤΟΣΚΛΕΟΣΤΡΑΤΟΥ
ΣΑΛΑΘΕΑ
ΝΑΙΓΙΩΙΣΙΜΜΙΑΣΝΙΚΑΡΧΟΥ
ΝΣΤΡΑΤΩΝΝΙΚΟΣΤΡΑΤΟΥ
ΩΝΕΥΠΟΛΙΣΣΩΤΕΛΕΘΟ
ΤΑΝΜΙΚΚΩΝΑΝΤΙΠΑΤΡΟΥ
ΑΙΚΟΣΚΑΙΣΩΤΙΜΟΣ ΤΙΓΕΝΕΟ
ΑΝΦΙΛΕΤΑΙΡΟΣΦΙΛΩΝΙΔΑ
ΕΥΑΝΘΙΟΣΕΥΒΟΥΛΙΔΑ
ΡΙΣΤΟΜΕΝΗΣΘΕΣΣΙΑ
ΩΝΑΝΔΡΟΜΕΝΗΣΘΕΟΤΙΜΟΥ
ΩΝΥΜΟΣΑΝΤΙΠΑΤΡΟΥ
ΞΕΝΟΣΚΑΙΑΛΛΑΘΕΑΣΟΙΚΡΑΤΙΝΟΥ
ΕΩΝΚΑΙΜΙΛΗΣΙΩΝΑΙΣΧΙΝΑΣΤΑΥΡ
ΠΟΛΕΜΟΣΔΑΜΑΙΝΕΤΟΥ

№ 3.

ΙΙΙ∠
ΠΟΣ ΜΕΓΑΛΟΚ
ΤΡΟΣ ΔΑΜΑΙΝΕΤ
ΜΟΣ ΓΛΑΥΚΕΤ
ΔΡΟΥ ΟΙΑΓΕΛΑΟ
ΡΟΣ ΜΝΑΣΩΝ
ΑΜΟΥ ΦΙΛΕΤΑΙΡΟ
ΡΟΣ ΔΙΚΑΙΑΡΧ
ΛΗΣ ΟΙΦΙΛΩΝΙΔ
ΠΠΟΥΠΟΛΕΜΩΝ
ΟΥΛΟΣΑΣΤΙΩΝ
ΡΑΤΟΣΚΡΑΤΙΝΟΣ
ΝΕΤΟΥΤΙΜΟΛΑ
ΩΝ ΟΙΕΥΞΙΚ
ΡΑΤΗΣΜΕΝΕΓ
ΠΑΤΡΟΥΕΥΦΡΑΙ
ΛΟΣ ΟΙΑΡΧ
ΑΡΧΟΥ ΜΝΑ
ΚΟΣ ΣΩ

Карт. Зав. А. Ильина в Мастерск.

КАРТА
ЧАСТИ ДРЕВНЕЙ ФѲІОТИДЫ

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ: И. И. Глазунова, Я. А. Исакова, М. О. Вольфа, Н. Г. Мартынова, Н. Фену и К°, братьевъ Салаевыхъ (въ Москвѣ) и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ можно получить:

1. Начальныя основанія прямолинейной тригонометріи, по порученію начальства Морскаго училища сост. **А. Дмитріевъ.** Съ двумя таблицами чертежей и съ четырмя политипажами (Руководство это одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Сvнодѣ). Изданіе 5-е. С.Пб. 1876 г. Цѣна 75 к., вѣсовыхъ за 2 ф.

2. Начальныя основанія сферической геометріи и сферической тригонометріи, по порученію начальства Морскаго Училища состав. **А. Дмитріевъ.** Съ двумя таблицами чертежей и съ тремя политипажами. Принято за руководство въ учебныхъ заведеніяхъ морскаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщ. (циркул. 7-го августа 1872 г.). Изданіе 3-е, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб. 1879 г. Цѣна 75 коп., вѣсовыхъ за 1 ф.

3. Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вёкелю, Шпицу и друг., составл. **А. Дмитріевымъ.** Примѣнено къ курсу гимназій и реальныхъ училищъ:

Книга I — Планиметрія, заключающая въ себѣ 860 задачъ на построенія и 460 зад. на вычисленія. С.-Пб. 1875 г. Одобрено учебн. комит. при святѣйшемъ сvнодѣ, а также и учен. комит. мин. нар. просв. какъ весьма полезное учебное пособіе для гимназій и реальныхъ училищъ. Цѣна 75 к.

Учебное пособіе это предназначается для слѣдующихъ цѣлей:

1. *Какъ учебный матеріалъ для изученія курса теоретической геометріи:* a) даетъ учащимся возможность пытать свои силы въ примѣненіи общихъ геометрическихъ истинъ къ частнымъ случаямъ, а чрезъ то способствуетъ развитію и укрѣпленію въ учащихся геометрическаго соображенія. b) Даетъ возможность, въ многолюдныхъ классахъ, упражнять учащихся по мѣрѣ силъ и способностей каждаго, разнообразя эти упражненія, какъ приложеніемъ ариѳметики, такъ и обобщеніемъ геометрическихъ результатовъ при помощи начальныхъ свѣдѣній изъ курса элементарной алгебры.

2) *Учащіеся найдутъ въ этомъ собраніи задачъ обильные, систематически расположенные матеріалы для геометрическаго черченія, въ объемъ курсовъ VI и V классовъ реальныхъ училищъ. „Практическія упражненія въ геометріи“*

даютъ возможность учащимся основательно усвоить себѣ столь необходимое для реалистовъ употребленіе циркуля, линейки и другихъ чертежныхъ инструментовъ, употребляемыхъ при графическомъ рѣшеніи задачъ, и, такимъ образомъ, будетъ способствовать развитію *техники геометрическаго черченія* (см. Учебные планы реальныхъ училищъ, утвержденные г. министромъ народн. просв. 1872—1875 г.).

Книга II, заключающая въ себѣ: а) Задачи изъ стереометріи, b) задачи о наибольшихъ и наименьшихъ (maxima и minima) для реальныхъ училищъ, и с) группу задачъ для окончательныхъ испытаній въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. С.-Пб. 1879 г. Цѣна II книги, вмѣстѣ съ „Отвѣтами и рѣшеніями", —80 к.

Обѣ книги „Практическія упражненія въ геометріи" одобрены ученымъ комит. мин. нар. просв. какъ весьма полезныя учебныя пособія; одобрены и для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства.

Означенныя изданія можно получать: въ С.-Петербургѣ—у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ братьевъ Салаевыхъ.

Главные склады: 1) въ книжномъ магазинѣ г. Н. Фену и К°, противъ гостиннаго двора, домъ армянской церкви, и 2) у автора, на Вас. Остр. по 12 линіи, д. № 17, кв. № 13.

Книгопродавцамъ обычная уступка; на число экз. свыше 100—по взаимному соглашенію.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

(НА 1882 ГОДЪ).

Выходитъ два номера въ мѣсяцъ, кромѣ іюня и іюля. Подписка принимается: въ г. **Елисаветградѣ**, Херсонск. губ. — въ редакціи; въ С.-Пб.—въ магазинахъ „Фену" и „Новаго Времени".

Редакторъ-издатель **М. Завадскій**,
директ. реальнаго училища.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Редакторъ **Е. Ѳеоктистовъ.**

(Вышла 1-го іюля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и заграницей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку)**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала—по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.